СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ДонНУ

ISSN 2522-4824

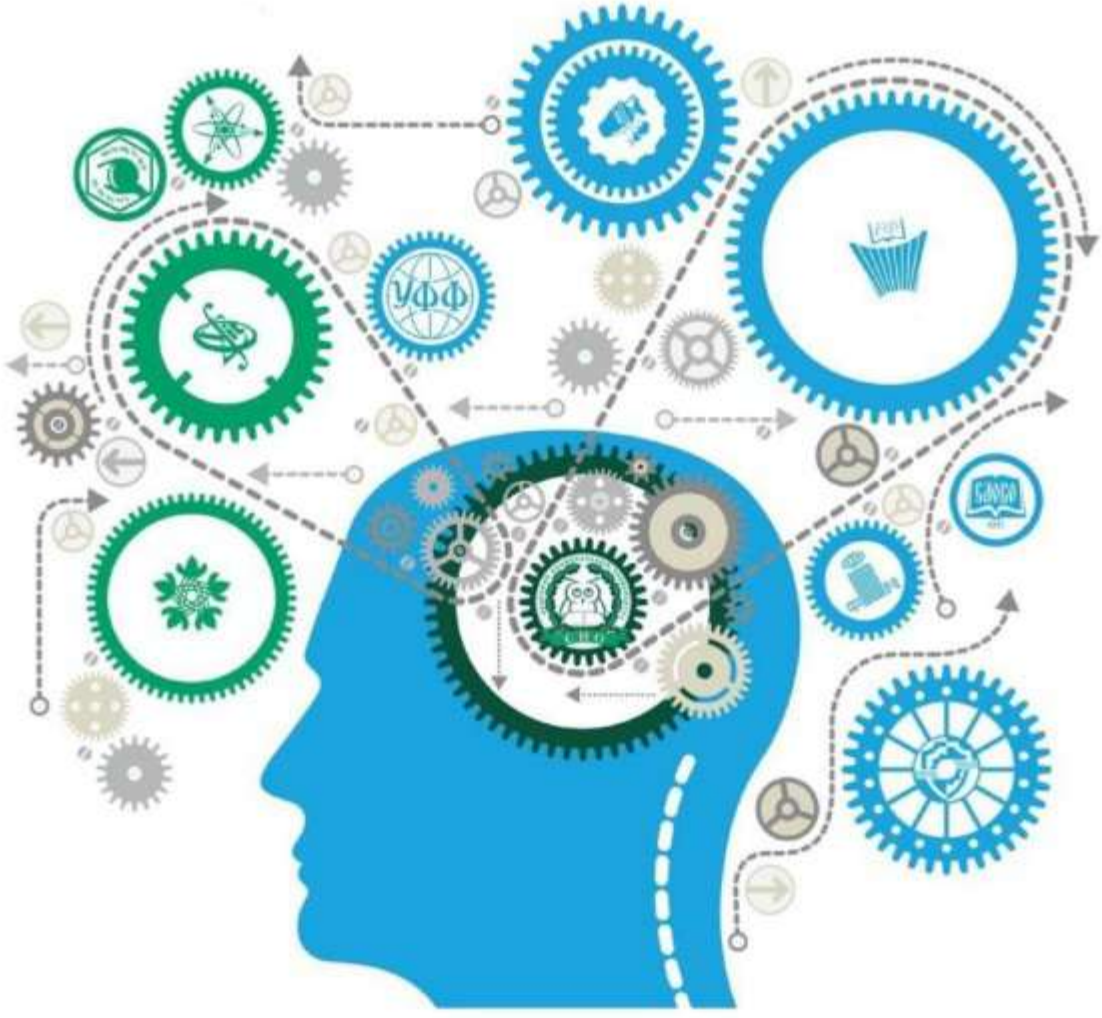
ВЕСТНИК СНО

ВЫПУСК 14

Том 4

Юриспруденция

Часть 1



Донецк 2022

ISSN 2522-4824

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО**

ВЕСТНИК

СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСК 14

ТОМ 4

Юриспруденция

Часть 1

Донецк – 2022

ББК У.я52
УДК 378:33(05)

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ». **–** Донецк: ДОННУ, 2022. – Вып. 14, том 4: *Юриспруденция, часть 1. – 250 с.*

Редакционная коллегия
Вестника студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Главный редактор – *Сторожев В.И.*, д-р техн. наук, профессор, проректор
Зам. главного редактора – *Дегтярев С.В.,* председатель Совета СНО
Ответственный секретарь – ***Самарёва Т.Н.***
Технический редактор – ***Ярошенко А.К.***

Члены редакционной коллегии:
Третьяков И.А., канд. тех. наук, доцент
Ветрова Е.С., докт. филол. наук, профессор
Бурляй А.С., ассистент
Разумный В.Н., к. ист. наук, доцент
Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент
Олейникова А.В., старший преподаватель
Воробьева Ю.С., старший преподаватель
Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент
Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент
Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В четырнадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ГОУ ВПО «ДОННУ» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 3-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4 в 2-х частях). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей*. Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те, или иные вопросы.

Вестник СНО включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договара № 452-11/2018.

Адрес редакции:
283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ГОУ ВПО «ДОННУ», к. 215;
Тел.: (062) 302-92-26;
E-mail: t.samareva@donnu.ru
URL: http://donnu.ru/science/sno

Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «ДОННУ»,
протокол № 3 от 31.03.2022 г.

© ГОУ ВПО «ДОННУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Айриянц Р. А. СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УГОЛОВНЫМ СУДОМ 6
Алтухова А.А. НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ 10
Базака В.В. ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 15
Байша А.А. ГАРАНТИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ НА СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 18
Белов М.Э. МИРНЫЕ СРЕДСТВА РАЗРЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ 23
Бояр В.А. ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ 28
Вавилов Н.А. ПОЛНОМОЧИЯ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В ГОСУДАРСТВАХ С РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ФОРМОЙ ПРАВЛЕНИЯ 32
Васильев В.А. ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 36
Гиунашвили Г. Г. ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ 48
Гиунашвили Г.Г. АНАЛИЗ И ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПО РАЗВИТИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ 52
Гнибеда А.А. УЧЕНИЕ О ГАРАНТИЯХ ЗАКОННОСТИ: КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ 57
Гокунь Ю.С. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ 61
Гокунь Ю.С. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФИСКАЦИИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ЗА ДОЛГИ ХОЗЯИНА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 66
Гокунь Ю.С. ЗНАЧЕНИЕ ИНСАЙДЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА 70
Грачев М.Л. ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 75
Грачев М.Л. ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 79
Грачева И.А. ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ 85
Гребенюк А.А. К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА КАК СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ 89
Гусейнов Т.А. ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ МАРС 93
Дарманьян В.А. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ PRODUCT PLACEMENT КАК СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОЛОГИИ РЕКЛАМЫ 96
Демкина С.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 100
Демкович Д.А. ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО РЕШЕНИЮ СУДА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 104

Донец А.С. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫМИ ГРАЖДАНСКИМИ ПРАВАМИ 108
Драгунова В. Н. К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ 112
Дьяконов Р.В. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 117
Дятлов В.К. ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ВСЛЕДСТВИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ 122
Евтюхова Ю.В. МЕДИЦИНСКАЯ ОШИБКА КАК ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 126
Елькина А.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ИНСТРУМЕНТОВ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 130
Задирина Р.И. К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СЕКУНДАРНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ 133
Задирина Р.И. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА 136
Затейщикова Е.Л. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ОБЩЕГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ 142
Затейщикова Е.Л. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ 148
Зиневич Д. Ю. ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 154
Змиевская В.И. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 159
Кавалерс С.А. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 165
Казакова А.А. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 169
Карпелянская Н.Н. ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА 172
Карпенко О.А. СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ 177
Квачева К.И. БРАЧНЫЙ ДОГОВОР: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 185
Квачева К.И. ВСТУПЛЕНИЕ В ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНУ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ 189
Клучникова С.В. КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА КАК МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОДУКТ 192
Ковальчук А.О. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 197
Колесникова А.В. ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 203
Кондратов В.В. ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ИСПОЛНЕНИЕМ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 207

Коротич Р.А. ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ 211
Кукояшная В.В. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 215
Кучерявых В.Э. «ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ» И «ЭКСТРАТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ» ДЕЙСТВИЕ ПРАВА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ МЕХАНИЗМА УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЕЛОВ ДЕЙСТВИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ 219
Лебединская А.С. ЗЕМЕЛЬНЫЕ СПОРЫ И ПОРЯДОК ИХ РАЗРЕШЕНИЯ 225
Левина Н.А. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭКСТРЕМИЗМА 231
Лепшина Е.А. ЗАЩИТА ПРАВ ПАЦИЕНТОВ С НАРУШЕНИЯМИ ПОЛОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА 235
Ломакина Ю.А. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ» 240
Макарова К. К ВОПРОСУ ДОКАЗЫВАНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 245

УДК 341.4

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УГОЛОВНЫМ СУДОМ

Айриянц Р. А.
Научный руководитель: Кулакова Е. В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье проанализировано сотрудничество государств с Международным уголовным судом в сфере уголовного судопроизводства в отношении следующих наказуемых деяний: преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии. Проанализированы нормы Римского Статута, закрепляющие обязанность государств сотрудничества и предоставления любых других видов помощи в сфере уголовного судопроизводства. Рассмотрены, существующие в научной литературе, подходы (горизонтальный, вертикальный, смешанный) по вопросу эффективного международного сотрудничества государств в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества. Выявлено, что учреждение и образование новых международных судебных органов является одной из фактических причин для возникновения новых эффективных процедур в сфере международного сотрудничества государств в рамках уголовного судопроизводства.
Ключевые слова: Международный уголовный суд, Римский Статут Международного уголовного суда, международные преступления, сотрудничество государств, юрисдикция.

Международный уголовный суд (далее – МУС, Суд) представляет собой независимый международный орган, учреждённый на основании Римского Статута, в соответствии с положениями которого «уполномочен осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества» [1]. В данном случае речь идёт о следующих международных преступлениях: преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии. Перечисленные категории преступлений очерчивают круг юрисдикции исследуемого международного органа. Важно отметить, что учреждение МУС как нового международного судебного органа, уполномоченного осуществлять процессуальные действия по преследованию лиц, виновных в совершении перечисленных международных преступлений, неразрывно взаимосвязано с процессом возникновения новых юридических процедур сотрудничества государств на международном уровне, которые несомненно имеют отличие от механизмов и процедур, которые использовались в практике оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам ранее.

В современной действительности сотрудничество государств является наиболее эффективной формой взаимодействия на международном уровне по актуальным вопросам в различных отраслях и сферах, которые имеют первостепенное значение для сохранения и поддержания международного мира и безопасности. Преступность в современном мире характеризуется транснациональным характером и активизацией миграции, что, в свою очередь, также актуализирует необходимость привлечения внимания и актуализации вопросов международного сотрудничества государств в рамках уголовного судопроизводства. Следует отметить, что международное сотрудничество государств представляет собой один из наиболее важных принципов, в соответствии с которым и осуществляется функционирование исследуемого международного органа.

Целью настоящего научного исследования является анализ международного сотрудничества с Международным уголовным судом в рамках его юрисдикции как государств-участников, так и неучаствующих государств.

Сотрудничество государств, как одна из форм взаимодействия на основании Римского Статута, соответствует общему принципу права международных договоров –

«pacta tertiis nec nocent nec prosunt», которое можно трактовать как «договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия», закреплённого в ст. 34 Венской Конвенции о праве международных договоров [2]. Так, Римский Статут (как международный договор) выступает в качестве юридического базиса международного сотрудничества государств, соответственно, само обязательство сотрудничества (как фундаментальный принцип функционирования Суда) распространяется только на государств-участников.

Следует отметить, что принцип сотрудничества государств представляется настолько важным, что в случае прекращения или приостановления данной формы взаимодействия государств-участников деятельность самого Суда будет в буквальном смысле остановлена и неэффективна. Международное сотрудничество государств-участников может осуществляться в различных формах, например, содействие государств в сборе доказательств и их сохранении; взаимодействие государств по вопросам защиты потерпевших и свидетелей; сотрудничество в материально-технической поддержке следственной деятельности на местах; согласованная политика действий ареста и передачи виновных лиц; приведение в исполнение приговоров [3, с. 41] и т.д.

Положения Римского Статута предполагают и иные формы сотрудничества и предоставление любых других видов помощи, не запрещенных законодательством запрашиваемого государства. Таким образом, принцип сотрудничества государств является наиболее важным и значимым элементом на пути достижения всех задач и целей в деятельности МУС, а также его эффективного функционирования на всех этапах процессуального производства: от начала расследования и до исполнения наказания.

В юридической научной литературе по вопросу сотрудничества государств существуют различные подходы. Так, С. В. Глотова (кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГУ им. М. В. Ломоносова) в своих научных трудах выделяет горизонтальный и вертикальный подходы. Сотрудничество государств в соответствии с горизонтальным подходом предполагает, что акцент такого взаимодействия ориентирован прежде всего на интересы государств, вовлеченных в данный процесс. В свою очередь, в процессе сотрудничества государств в соответствии с вертикальным подходом акцент такого взаимодействия ориентирован на обеспечение интересов международного сообщества в борьбе с преступлениями, на которые распространяется юрисдикция Суда [4, с. 49].

При этом, важно отметить, что сам факт учреждения МУС привёл к появлению новой модели международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства. Речь идёт о так называемой смешанной модели сотрудничества, включающей в себя некоторые элементы вертикального и горизонтального подходов. Так, одним из ярких элементов рассматриваемой модели сотрудничества является её договорной характер. Договорной характер такого взаимодействия государств, основу которого составляет Римский Статут, предполагает возложение обязательств по исполнению запросов только на государств-участников.

Таким образом, учреждение и образование новых международных судебных органов (которые компетентны в преследовании лиц, виновных в серьезных преступлениях, которые, в свою очередь, вызывают озабоченность всего международного сообщества) представляет собой фактическую причину для возникновения более современных и эффективных процедур в сфере международного сотрудничества государств в рамках уголовного судопроизводства.

Нормативному закреплению международного сотрудничества и судебной помощи посвящена часть 9 Статута, которая предполагает формы взаимодействия для государств-участников и для неучаствующих государств. При этом правовые основы

сотрудничества государств не ограничиваются формами, закреплёнными в данной части Статута. Например, статьи 70 и 109 Римского Статута закрепляют обязанность оказания международного содействия Суду в процессе разбирательств по преступлениям против отправления правосудия; а также закрепляют обязанность государств-участников обеспечивать исполнение решений Суда о штрафах и конфискационных мерах. В данном случае важным будет обратить внимание, что рассматриваемые нормы предполагают регулирование исполнения требований суда в соответствии с внутренним законодательством запрашиваемого государства.

В отношении сотрудничества государств-неучастников с МУС важно отметить, что предоставление необходимой помощи в расследовании преступлений, подпадающих под компетенцию Суда, не является обязательным. При этом сам факт такого возможного сотрудничества затрагивает вопросы национального суверенитета. Важно акцентировать внимание на том, что одной из причин нератификации Статута со стороны таких государств-неучастников является вопрос национального суверенитета и его возможного ограничения в рамках обязательств по сотрудничеству. Так, ввиду отсутствия обязательств по сотрудничеству неучаствующих государств с Судом по вопросам уголовного судопроизводства, можно отметить следующее: во-первых, такое сотрудничество будет осуществляться по индивидуальному усмотрению неучаствующего государства; во-вторых, в случае подобного сотрудничества для государства-неучастника важным будет вопрос соблюдения национального суверенитета.

В контексте рассмотрения вопросов международного сотрудничества государств-неучастников с МУС можно также отметить, что встречаются случаи возникновения обязательств в отношении таких государств на договорной основе. В качестве примера можно перечислить: договоры о нейтральных территориях или договоры об установлении границ. Подобного рода международные акты не распространяют каких-либо обязательств на третьи государства, при этом, исходя из общих принципов международного права, государства обязаны уважать правомерные договоры и результат, достигнутый действием таковых. Так, следует констатировать, что нормы Статута устанавливают режим коллективного уголовного правосудия, который, в свою очередь, дополняет систему коллективной безопасности Организации Объединённых Наций в целях поддержания международного мира и безопасности.

Однако можно отметить, что если ситуация передана Суду Советом Безопасности ООН, то в таком случае МУС будет иметь юрисдикцию в отношении преступлений, даже если они были совершены в государствах, которые не являются участниками Статута, а также не являются гражданами этих государств, а также в отсутствие согласия государства, которому принадлежит территория, на которой было совершено деяние, или гражданство лица, обвиняемого в совершении данного преступления. Так, проявляется тесная взаимосвязь с Организацией Объединенных Наций [5, с. 97].

Результатом ратификации Римского Статута является признание юрисдикции Суда на территории государств-участников. Предметная юрисдикция Суда ограничивается следующими составами: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия. Однако данный перечень международных преступлений не является исчерпывающим, при этом, безусловно, включает самые тяжкие преступления, совершение которых может угрожать международному миру и безопасности.

Так, в отношении преступлений, подпадающих под предметную юрисдикцию анализируемого международного органа, можно выделить следующие особенности:

1. Геноцид – специальное намерение уничтожить частично или полностью конкретную группу.

2. Преступления против человечности – наличие широкомасштабной или систематической атаки.

3. Военные преступления – наличие вооруженного конфликта, как международного, так и немеждународного характера.

4. Агрессия – привлечение к ответственности исключительно высших должностных лиц, руководивших актом [6, с. 210].

Перечисленные особенности характеризуют серьёзность преступлений, входящих в предметную юрисдикцию МУС как самых тяжких международных преступлений, которые угрожают международному миру и безопасности. При этом сам Суд выступает в данном случае в роли гаранта в вопросах привлечения к ответственности за самые жестокие преступления.

Подводя итог, важно отметить, что Международный уголовный суд представляет собой независимый и постояннодействующий орган международного уголовного правосудия, в предметную юрисдикцию которого входят самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества. К таким преступлениям относят: преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии. Суд учреждён и действует на основании Римского Статута, при этом тесно взаимосвязан с Организацией Объединенных Наций.

Важным представляется то, что международное сотрудничество государств в сфере уголовного судопроизводства может осуществляться в различных формах, перечень которых в Статуте не является исчерпывающим, что подтверждает факт серьёзности деяний предметной юрисдикции Суда, а также подтверждает серьёзные намерения и действия в поддержании международного мира и безопасности. В свою очередь, сотрудничество, с присущим ему многообразием форм, представляется наиболее значимым и необходимым условием для качественного функционирования Суда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Римский Статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/901750575 (дата обращения: 25.01.2022 г.)
2. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 25.01.2022 г.)
3. Айриянц Р. А. Международный уголовный суд: обоснование юридического базиса сотрудничества государств // Актуальные вопросы права и государственного строительства: Материалы студенческой научно-практической конференции. Выпуск XXV. – Донецк: ДонНУ. – 2021. – С. 41-43.
4. Глотова С. В. Сотрудничество государств с международным уголовным судом // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – С. 48-66.
5. Квициани Л. Я. Международный уголовный суд как орган международной уголовной юстиции // Современные инновации: достижения и перспективы III тысячелетия. – 2017. – С. 96-97.
6. Кулжабаева Ж. О., Салыкова Д. О. Органы международного уголовного правосудия: генезис, предметная юрисдикция Международного уголовного суда, проблемы ратификации Римского Статута // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2021. – С. 200-212.

COOPERATION OF STATES WITH INTERNATIONAL CRIMINAL COURT

Annotation. The article analyzes the cooperation of states with the International Criminal Court in the field of criminal proceedings in relation to the following punishable acts: the crime of genocide, crimes against humanity, war crimes, the crime of aggression. The norms of the Rome Statute, which fix the obligation of states to cooperate and provide any other types of assistance in the field of criminal justice, are analyzed. The approaches existing in the scientific literature (horizontal, vertical, mixed) on the issue of effective international cooperation of states in relation to persons responsible for the most serious crimes that are of concern to the international community are considered. It has been revealed that the establishment and formation of new

international judicial bodies is one of the actual reasons for the emergence of new effective procedures in the field of international cooperation of states in the framework of criminal proceedings.
Keywords: International Criminal Court, Rome Statute of the International Criminal Court, international crimes, cooperation between states, jurisdiction.

Ayriyanc R.
Scientific adviser: Kulakova E. V., candidate of law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: ajriyancz@gmail.com

УДК 347.121.2

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Алтухова А.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и значимость права на неприкосновенность личной жизни физического лица в сети Интернет. В частности, уделяется внимание способам охраны и защиты личной информации, а также возможности правомерного пользования ею.
Ключевые слова: частная жизнь, личные неимущественные права, сеть интернет, неприкосновенность личности, защита частной жизни.

В контексте наблюдаемого сегодня стремительного расширения информационного пространства необходимость защиты частной жизни человека занимает важнейшее место среди правовых дискуссий. Пользование сетью Интернет достигло невиданных масштабов, а следовательно, в данной сети находится большое количество данных, связанных с личностью человека и непосредственно с его частной жизнью. Государство гарантирует правовую охрану и способы защиты важнейших нематериальных благ, включая неприкосновенность частной жизни. Необходимость правовой охраны частной жизни лица уже долгое время признается и осуществляется.

Настоящая работа посвящена рассмотрению правовых аспектов неприкосновенности частной жизни человека в сети Интернет, а также возможности ее защиты. Актуальность исследования обусловлена развитием информационного пространства и накоплением в нем сведений о гражданах, что значительно осложняет всестороннюю защиту от противоправного использования личных данных человека.

Сегодняшнее информационное общество стирает разграничения между действиями, совершенными в реальной жизни и онлайн, а также их правовые последствия и ответственность. Практически любое действие в сети Интернет оставляет цифровой след, который можно отследить, поэтому появляются личные границы, права и обязанности в виртуальном пространстве.

Рассматривая неприкосновенность частной жизни человека в сети Интернет следует отметить, что, исходя из принципов Конституции, право человека на неприкосновенность личной жизни состоит из следующих элементов: запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия; право контролировать информацию о себе; право на защиту чести и доброго имени; право на защиту персональных данных; право на тайну связи; право на неприкосновенность жилища; врачебную тайну, тайну усыновления, тайну исповеди и другие виды профессиональной тайны [1]. Следовательно, в информационном пространстве частная жизнь обладает такими же составляющими и обладает таким же правовым статусом. На примере защиты частной жизни в Интернете можно сказать, что

достижения технического прогресса не всегда положительно влияют на права человека: давая возможность развития одним правам, они иногда могут ставить под угрозу другие, не менее важные права [2, с. 107].

В постсоветском пространстве рассматриваемое право называют право на неприкосновенность личной жизни, а западные правоведы используют термин «частная жизнь». Понятие «личная жизнь» на законодательном уровне не закреплено. Какие именно сведения о гражданине относятся к личной жизни, законодатель также не установил, однако из смысла правовых норм следует, что их составляют аспекты жизнедеятельности конкретного человека, которые он не желает разглашать, которые при этом не являются противоправными и не подлежат какому-либо контролю. К ним могут относиться любые стороны жизни человека: семейная, бытовая, сфера общения, внеслужебные занятия, увлечения, отдых и другие.

Существует доктрина, согласно которой к личной информации можно отнести какие-либо данные об определенном человеке, дающие возможность третьим лицам создать знания о личностных качествах, внешности, состоянии здоровья, доходов, семейном положении, образе жизни, или единичном факте из биографии и т. д., которые не затрагивают публичные и трудовые сферы деятельности. Интернет сохраняет данную доктрину и дополняет ее правом лица самостоятельно решать, когда, как и в каком объеме информация о нем может передаваться третьим лицам [3, с. 30].

Частная жизнь – это сфера, непосредственно связанная с личностью человека и имеет в каком-то смысле субъективный характер. Ее сущность проявляется в двух аспектах: сам человек, то есть его внутренний мир, и его взаимодействие с окружающей средой. Неприкосновенность можно определить как сохранение в нетронутом состоянии, свобода от каких-либо внешних посягательств, воздействий несанкционированных правообладателем [4, с. 73].

Право на неприкосновенность частной жизни принято относить к категории естественных прав человека. Считается, что оно вытекает из самого существования человека, вне зависимости от социальных условий и не требует текстуального закрепления [5, с. 34]. Исходя из этого, с появлением информационных технологий и их общедоступности, данный тезис относится и к пользователям сети Интернет, т.к. сеть Интернет – один из способов передачи и распространения информации. Соответственно, правила конфиденциальности здесь очень важны.

Ученые, рассматривая правовую сторону развития информационных технологий, пришли к выводу о том, что цифровые инновации в значительной мере опережают свое правовое обеспечение.

По общему правилу не допускаются сбор, хранение, распространение и использование любой информации, касающейся частной жизни человека без его согласия. В сети Интернет совершить такие действия может каждый, что доказывает уязвимость вопроса о частной жизни в информационном пространстве и сложность ее защиты, поскольку, попадая в сеть, управление информацией становится практически невозможным. Поскольку сеть Интернет предоставляет возможность беспрепятственно распространять информацию, то отслеживание и пресечение правонарушения в данной сфере сопровождаются определенными трудностями [6, с. 30].

Активное пользование различными интернет-ресурсами опасно тем, что даже после удаления находящейся в них информации пользователем, она продолжает храниться на серверах. И даже если определенный человек нигде не регистрируется, это не гарантирует безопасности его частной жизни. Некоторые сведения о нем можно получить со страниц его родственников, друзей и знакомых.

При этом существует исключение, согласно которому не являются неправомерными такие действия, осуществляемые в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, когда эта информация ранее уже

была общедоступной или же была раскрыта самим человеком или по его воле. В основном, это относится к СМИ, публикующим материалы об известных личностях. При этом такие источники должны иметь доказательства, что сведения о частной жизни других лиц были сделаны не для удовлетворения любопытства аудитории СМИ и повышении своих тиражей, а в интересах всего общества.

Неправомерным является также распространение и использование сведений о частной жизни гражданина при создании произведений науки, литературы и искусства, если такое использование нарушает интересы гражданина.

Неприкосновенность частной жизни лица является одним из компонентов его индивидуальной свободы и представляет собой предоставленную человеку возможность и обеспеченное государством его право контролировать распространение и доступность сведений о себе [7, с. 81]. Следует отметить, что человек самостоятельно обнародовав материалы о себе, не может обвинять других лиц в распространении такой информации. Поэтому важно обращать внимание на условия конкретных сайтов. Например, Facebook является публичной компанией и вся размещенная там информация, включая о частной жизни лица, может быть использована всеми пользователями.

Также внимания заслуживает правовая проблема, высказанная Е. А. Миндровой. По ее мнению, существует определенная коллизия между правом граждан на доступ к информации и правом на неприкосновенность частной жизни, которая обусловлена естественными причинами. Во-первых, возрастанием значимости интернет-ресурсов на всю жизнедеятельность личности и государства, и, во-вторых, отсутствием должного законодательного регулирования разрешения конфликтов между интересами отдельной личности и всего общества в обеспечении информационной безопасности [8, с. 158].

В основном, формально данный вопрос решается в пользу частных интересов, однако, как показывает практика, право на неприкосновенность в сети Интернет зачастую сложно защитить, поскольку справедливый баланс между правомерной заинтересованностью пользователей Интернета в получении доступа к информации и основными правами субъекта данных трудно четко установить. Такая неопределенность порождает проблемы, среди которых важно выделить такие:

1. Утечка информации в сети Интернет, которая означает, что данные пользователей могут быть использованы без их согласия или не по назначению, хотя персональные данные подлежат правовой охране. К таким нарушениям относятся обработка персональных данных без ведома пользователей, передача информации третьим лицам, размещение в Интернете персональных данных без согласия их правообладателя.

2. Возможность определения личных предпочтений и настроек пользователя (таргетированная реклама), которая в некоторых серверах активно реализуется. Применяется функция, которая анализирует действия, запросы, переходы по ссылкам, посещения сайтов пользователя в Интернете, и на основе этих данных подбирает под конкретного пользователя нужную информацию, в основном, рекламные объявления. Это создает угрозу слежения за человеком и нарушение его тайны личной жизни.

3. Право пользователя удалить информацию, ранее размещенную им в сети Интернет. Именно проблема регламентация так называемого права быть забытым актуальна в социальных сетях, т.к. человек должен иметь возможность отозвать свое согласие на размещение информации о себе.

Вмешательство в частную жизнь влечет ответственность, включая уголовную и гражданско-правовую. Защищается частная жизнь в сети Интернет аналогично защите других нематериальных благ. Поскольку способы защиты неприкосновенности частной жизни в Интернете прямо не предусмотрены, то стоит обратиться в статье 195 Гражданского Кодекса ДНР (далее – ГК ДНР), в которой

механизм реализации защиты нематериальных прав предусматривает компенсацию морального вреда, как основной способ защиты, а также другие способы, установленные в статье 13 ГК ДНР. Данное нематериальное благо можно защитить, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования судебного решения о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо [9].

Например, защита чести и доброго имени гражданина осуществляется путем требования опровержения несоответствующих действительности и порочащих его честь и достоинство сведений. Так же, как и для защиты других личных неимущественных прав, эффективно применяется компенсация морального вреда

Если информация о личной жизни человека, полученная незаконно, находится в Интернете, то лицо, чьи права нарушаются, вправе обратиться в суд с требованием об удалении соответствующей информации, а также о пресечении или запрещении дальнейшего ее распространения путем изъятия и уничтожения. Также источник, разместивший такую информацию, обязан опубликовать решение суда о своем нарушении.

Обратимся к российской судебной практике. В одном из дел врач требовала удалить свой профиль с сайта, на котором собираются комментарии пациентов о медиках. Также интернет-ресурс предоставил читателям возможность оставить отзывы о посещении каждого врача. За незаконную, по мнению врача, обработку персональных данных она требовала компенсацию морального вреда [10]. Верховных Суд РФ признал негативные отзывы в интернете нарушением частной жизни. Он рекомендует судам при рассмотрении дел о разграничении права на свободу слова и защитой личной жизни определять, насколько распространяемая информация имеет ценность для общества, а также может ли критикуемый ответить на замечания.

Известен также судебный спор, когда некий гражданин обнаружил, что предлагаемая ему в Интернете реклама основана на содержании его электронных писем. Суд в ходе разбирательства установил, что правообладатель сервиса электронных сообщений имеет обязательства перед третьими лицами по договору размещения рекламы, поэтому анализирует сообщения пользователей интернет-площадки, на основании чего размещает рекламу, которая может заинтересовать конкретного пользователя. Гражданин получил компенсацию морального вреда, а правообладателю сервиса было запрещено чтение личных сообщений пользователя [11].

Современные способы защиты информации о частной жизни, предусмотренные законодательно, имеют некоторые недостатки. Например, долгие судебные процессы, ухудшение отношений между частными и государственными структурами, необходимость доказывания [12, с. 158].

Также в правовых дискуссиях остается нерешенным вопрос об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни с сети Интернет. Кто будет надлежащим ответчиком по искам о защите частной жизни – лицо, разместившее информацию, или администратор (владелец) сайта, поскольку он должен отслеживать, какая информация публикуется на его ресурсе, и своевременно удалять ту, которая может нарушить чьи-либо права. Однако эффективный механизм привлечения к ответственности владельцев сайтов отсутствует. В связи с данным положением появляются сомнения в реальности привлечения к ответственности на основе действующего законодательства владельцев интернет-ресурсов за распространение информации, нарушающей неприкосновенность частной жизни гражданина [13, с. 208-212].

Рассмотрев проблемы, возникающие по поводу защиты частной жизни в сети Интернет, можно предложить рекомендации для повышения конфиденциальности личной информации в глобальной сети:

1. Создание приложений, позволяющих отслеживать операции, проводимые с личными данными человека, и контролировать объем информации о себе.

2. Возможность специализации адвокатской деятельности в сфере защиты прав человека в сети Интернет.

3. Законодательное введение правовых норм, касающихся неприкосновенности частной жизни в сети Интернет, и конкретизация существующих.

Таким образом, свобода пользования интернет-пространством и информацией, хранящейся в нем, не должна причинять вред правам и основным свободам человека. Для этого необходимо создать механизм, позволяющий эффективно контролировать соблюдение интересов всех субъектов в сети Интернет. Вопрос о неприкосновенности частной жизни человека в сети Интернет и ее защита является важнейшим в наше время, поскольку его решение позволит создать социальное благополучие человека, а также гарантировать его духовную свободу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики. Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr (дата обращения: 03.02.2022)
2. Эдилова, Х.В. Неприкосновенность частной жизни в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / Х.В. Эдилова // Право и практика. – 2017. – С.107-111.
3. Ritchie D. Is it possible to define “privacies” within the law? Reflections on the “securitization” debate and the interception of communication / D. Ritchie// International Review of Law, Computers and Technology. 2009. V. 23. N 1-2.
4. Майшева, К.В. Содержание права на неприкосновенность частной жизни в сети «Интернет» / К. В. Майшева // Плехановский барометр. – 2017. – №3. – С.73-78.
5. Майоров, А.В. Формирование и развитие права на неприкосновенность частной жизни / А.В.Майоров, Е.Н.Поперина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – №3 (21). – С.34-38.
6. Дремлюга, Р.И. Интернет как способ и средство совершения преступления / Р.И.Дремлюга // Информационное право. – 2008. – №4. – С.27-31.
7. Поперина, Е.Н. Информатизация общества и частная жизнь / Е.Н.Поперина // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – №.2 – С.79-83.
8. Миндрова Е.А. Коллизия права граждан на доступ к информации и права на неприкосновенность частной жизни в условиях информационного общества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: ИГП РАН, 2007. – 37 с.
9. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 03.02.2022). – Загл. с экрана.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2019 N 14-КГ19-15, 2-2794/18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-12112019-n-14-kg19-15-2-279418/(дата обращения: 03.02.2022) – Загл. с экрана.
11. Как простой гражданин с Google судился [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://habr.com/ru/company/zarlaw/blog/296476/ (дата обращения: 03.02.2022).
12. Иванова, А.П. Неприкосновенность частной жизни и информационные технологии / А.П. Иванова // Государство и право в новой информационной реальности. – 2018. – С.158-166.
13. Фоменко А.И., Флюстунова А.А. Понятие и виды преступлений в сфере высоких технологий в зарубежном уголовном законодательстве // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2015. – №5. – С. 208-212.

PRIVACY ON THE INTERNET

Annotation. The article discusses the features and significance of the right to privacy of an individual on the Internet. In particular, attention is paid to ways to protect personal information, as well as the possibility of lawful use of it.

Keywords: private life, personal non-property rights, the Internet, personal inviolability, protection of private life.

Altuhova A.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer.
Donetsk National University
E-mail: annaaltuhova20@gmail.com

УДК 316.443

ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Базака В.В.
Научный руководитель: Герасименко Ю.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена проблеме справедливости как базисному принципу устройства общества. Исследуются различные точки зрения модели справедливости, а также проекты реализации ее в обществе, подчеркивается, что именно социальная философия должна обеспечить методологическое единство теории справедливости.
Ключевые слова: справедливость, принципы справедливости, правда и справедливость, истина и справедливость, нравственная правда.

Жизнь общества не представляется возможной без справедливости. Стремление к справедливости всегда было для человечества одним из главнейших ориентиров социального прогресса.

В греческой мифологии богиней справедливости была Астрея. Издавна справедливостью считается понятие о должном; суть которого – отражение соответствия действий и последствий. Идеи справедливости и равенства в обществе берут свое начало с древнейших времен. Любая деятельность государства, основанная на несправедливости, обречена на неудачу. Справедливость является динамичным явлением, поскольку с развитием общества меняется и представлении о справедливости. Само понятие «справедливости» представляет собой аналог русского слова «правда». Согласно философии Фомы Аквинского, справедливость (*iustitia*) – это явление, которое противостоит греху алчности (*avaritia*) и жадности.

Древнегреческий философ Гераклит Эфесский (создатель первоначальной формы диалектики) предлагает в своих работах рассматривать явление «справедливость», как всеобщую борьбу добра против зла. Из его работа следует, что справедливость – это гармония (единство или согласованность, которая основана на равенстве сторон) борющихся противоположностей [1, с. 348].

По мнению Конфуция (древний мыслитель и философ) предполагал, что справедливость необходимо рассматривать в двух аспектах: в политическом и этическом. С политической точки зрения: справедливость обязана соответствовать истине, «уравнивания» людей, но Конфуций в своей теории допускал отсутствия равноправия между ними, по социальной лестнице и гендерным различиям. В этическом плане: справедливость является основой нравственного совершенствования, которая присуща лишь «благородным мужам» [2, с. 230].

Софисты, в свою очередь, расходились в своих мнениях, касающихся справедливости. По мнению В. А. Канке Протагор ссылался на общее мнение граждан, выраженное законом, Фразимах определял справедливое как выгодное сильнейшему, а Антифонт видел критерий истины в естественных, природных началах человека.

Платон в своих философских изысканиях пришёл к выводу, что справедливость есть ни что иное как требование, чтобы каждый свободный гражданин занимался тем, что определено ему природой. В идеальном государстве по мнению Платона справедливость является «главной доблестью».

Древнегреческий философ Платон считал справедливым то общество, в котором каждый человек занимается тем, что ему дано от природы. В своём знаменитом диалоге «Государство» он детально описывает идеальный, по его мнению, государственный строй, в том числе уделяя большое внимание понятию справедливости и в конце концов приходит к вышеизложенной концепции.

Профессор античности Эдуард Фролов видит истоки платоновской концепции справедливости в архаическом «представлении о норме (metron) как основании порядка, личного и общественного благополучия, причём блюстителями или гарантами этой нормы выступали сами строители мира – боги».

Начиная с Аристотеля, принято выделять два вида справедливости:

Уравнительная – относится к отношениям равноправных людей по поводу предметов («равным – за равное»). Она относится не непосредственно к людям, а к их действиям, и требует равенства (эквивалентности) труда и оплаты, ценности вещи и её цены, вреда и его возмещения. Отношения уравнительной справедливости требуют участия, по меньшей мере, двух лиц.

Распределительная – требует пропорциональности в отношении к людям согласно тому или иному критерию («равное – равным, неравное – неравным», «каждому своё»). Отношения распределительной справедливости требуют участия по меньшей мере, трех людей, каждый из которых действует для достижения одной цели в рамках организованного сообщества. Один из этих людей, распределяющий, является «начальником» [3, с.449].

Уравнительная справедливость является специфическим принципом частного права, тогда как распределительная – принципом публичного права, являющегося совокупностью правил государства как организации.

Требования уравнительной и распределительной справедливости являются формальными, не определяя, кого следует считать равным или отличающимся, и не указывая на то, какие правила к кому применять. Различные ответы на эти вопросы дают различные концепции справедливости, которые дополняют формальное понятие справедливости содержательными требованиями и ценностями.

В обыденном понимании справедливость осознается как естественное, простое и понятное явление. Трудности возникают тогда, когда мы пытаемся дать конкретное определение этому понятию, т.е. определить границы справедливого и несправедливого. Многие учёные называют проблему трактовки термина справедливость неразрешимой [4, с. 159].

Философия и юриспруденция уделяют значительное внимание изучению этого явления. В современной юридической литературе в большинстве случаев справедливость рассматривается в качестве меры, масштаба, критерия для соотношения, соразмерности деяний и последствий.

Каждый раз, когда менялся человек и общество, менялись общественно-экономические отношения, а вместе с ними и взгляды на противоправные деяния и систему уголовных наказаний, то есть социальные изменения непосредственно влияли на характер, виды и систему наказаний [5, с. 32].

Одним из самых важных условий построения эффективной правовой системы и укрепления режима законности в государстве является наличие справедливых законов. Дело в том, что понимание того факта, что закон справедлив, способствует формированию позитивного правосознания и высокой правовой культуры. Данное обстоятельство является важным фактором, способствующим предупреждению

правонарушений, поскольку нарушение закона, который воспринимается большинством как справедливый, повлечет за собой не только предусмотренные законодательством санкции, но и общественное осуждение.

В юридической литературе и юридическом обществе неоднократно поднималась тема о практической невозможности объективного определения и закрепления справедливости. Нельзя не отметить в данном случае теорию американского философа Дж. Ролза, который предложил подход к определению справедливости через «всеобщий консенсус» [6, с.877].

Концепция заключалась в том, чтобы выявить моральные нормы, с которыми согласились бы все дееспособные члены общества. Общее понятие и представление о справедливости исключает дальнейшие политические дискуссии, и создают текущее содержание «всеобщего консенсуса» [7, с. 50].

В работе Дж. Ролза «Теория справедливости» были изложены два принципа, на которых основывается справедливость: 1) каждая личность имеет равные права и обязанности в отношении другого, независимо от пола, вероисповедания и т.д.; 2) экономическое и политические неравенство должно удовлетворять двум условиям (что нам представляется невозможным априори): во-первых, оно должно быть связано с должностями и положениями, которые открыты для всех при условии честного равенства шансов; во-вторых, экономическое и социальное положение менее удачливых членов общества не должно становиться хуже [8, с. 540].

Именно первый пункт нам представляется невозможным, для реализации, поскольку даже в 21 веке существуют классовые, религиозные, гендерные неравенства.

Полагаем, что справедливость как один из основополагающих принципов права в ряде отраслей права присутствует как идея (по умолчанию), не имея своего прямого закрепления в качестве собственного принципа права в целом [9, с. 250].

В главном нормативно-правовом акте Российской Федерации – действующей Конституции Российской Федерации термин «справедливость» почти не используется, но стоит отметить, что в преамбуле Конституции выражена вера в добро и справедливость. Нам представляется логичным, что принцип справедливости должен быть основой всех норм права.

В 21 веке справедливость является критерием духовного развития человека, по которому оценивают все общественные отношения и человеческую деятельность. Справедливость не может быть досконально определена, поскольку она часто имеет индивидуальный характер.

Представители естественно-правового направления юриспруденции считают справедливость стоящей над позитивным правом. Так, В.С. Нерсесянц полагает, что справедливость имеет правовое значение. Основу ее составляет либо божественный порядок, либо законы разума и природа вещей. Полагаем, можно согласиться с этой точкой зрения, так как справедливость действительно является правовой категорией, область применения которой не исчерпывается правом.

В ходе изучения соотношения справедливости и права мы пришли к выводу о необходимости всестороннего рассмотрения этого правового явления. С методологической точки зрения будет верным рассматривать справедливость как один из общеправовых принципов.

Соблюдение принципа справедливости в обществе – важное условие единства народа, политической устойчивости общества, его развития. К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что понятие справедливости не есть нечто, раз и навсегда данное, незыблемое. В каждую из эпох оно наполнялось классово-экономическим, социальным, политическим содержанием, было тесно связано с уровнем развития производительных сил и производственных отношений с развитием человека и общества в целом. Лишь умный и духовно развитый человек «способен на справедливость» [10, с.300].

Проанализировав такое явление, как справедливость, мы пришли к выводу, что оно является базовым принципом всей правовой системы. Справедливость неразрывно связана с различными общественными отношениями (экономическими, политическими, моральными, правовыми и т.д.). Справедливость меняет свое содержание не только в разные исторические эпохи, а и в рамках одного исторического периода.

В системе правовых ценностей справедливость занимает главенствующее место и отражает практическую сторону реализации правовых норм, способствуя воплощению в жизнь идей равенства и свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власов, В. И., Власова Г. Б., Денисенко С. В. Теория государства и права. Учебное пособие. М: Феникс, 2017. – С.416.
2. Корнев А. В., Липень С. В., Радько Т. Н. и др. Общая теория права и государства. Учебник / под ред. Лазарев В.В. М: Инфра-М, Норма, 2016.С.- 592.
3. Актуальные проблемы теории государства и права. Учебное пособие / под ред. Шагиева, Р. В. – М: Норма, Инфра-М, 2015. – С.576.
4. Зарецкий А. М., Долгих Ф. Г. Теория государства и права. Учебник. М: Издательский дом Университета "Синергия". 2018. – С.240.
5. Радько Т. Н. Теория государства и права в схемах и определениях. М: Проспект, 2021. – С.176.
6. Черногорцева, Г. В. Правовые идеи в философии нового времени // Молодой ученый. – 2019. – №12. – С. 877-880.
7. Бакарджиев, Я.В., Ромашов, Р.А., Рыбаков В.А. Теория государства и права. Учебник для прикладного бакалавриата. В 2 частях. Часть 1. – М: Юрайт, 2016. – С.195.
8. Венгеров, А. Б. Теория государства и права. Учебник. 14-е изд., стер. – М: Дашков и К, 2021. – С.607.
9. Старков, О. В. Теория государства и права: Учебник / О. В. Старков, И. В. Упоров; под общ. ред. О. В. Старкова. – 4-е изд. – М.: Издательско – торговая корпорация «Дашков и К°», 2018. – С.372
10. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М: Омега-Л, 2019. – С.324 с.

UNDERSTANDING THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN MODERN SOCIETY

Annotation. The article is devoted to the problem of justice as a basic principle of the structure of society. Various points of view of the model of justice are investigated, as well as projects for its implementation in society, it is emphasized that it is social philosophy that should ensure the methodological unity of the theory of justice.
Key words: justice, principles of justice, truth and justice, truth and justice, moral truth.

Bazaka V.
Scientific adviser: Gerasimenko Yu.V., senior teacher Department of TiIGiP
Donetsk National University
E-mail: viktoriabazaka@yandex.com

УДК 615.84

ГАРАНТИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ НА СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Байша А.А.
Научный руководитель: Гулина С.Н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Правосудие – это важнейшая юридическая категория, которая существует в любом правовом, демократическом и социальном государстве. Законодательно закрепить гарантии справедливого правосудия обязанность государства, так как без постоянного реформирования норм

права невозможно обеспечить качественное осуществление правосудия. В данной статье делается анализ законодательства, также анализируется судебная практика Европейского суда по правам человека, в связи с чем выявляются проблемы и пробелы в законодательстве в данной сфере.
Ключевые слова: правосудие, уголовный процесс, справедливость, принципы уголовного процесса, права и свободы человека, судопроизводство.

Донецкая Народная Республика взяла на себя главную роль вершителя правосудия, и обязана твердо стоять на исторически сложившихся устоях морали, правды и справедливости.

Культура правосудия и добросовестное отношение судьи к своим функциональным обязанностям являются необходимыми условиями для обеспечения справедливости судебного разбирательства.

Культура правосудия как составная часть справедливости включает в себя несколько элементов: профессиональную и личную культуру судьи, культуру ведения судебного процесса. Добросовестность судьи находит свое отражение в честном выполнении своих функциональных обязанностей, в справедливости отправления правосудия.

Ведущие исследователи и ученые в области права, а так же практические работники все чаще используют термин «кризис системы правосудия». Данный термин можно применить как к ситуации, которая сложилась и на территории Донецкой Народной Республики, так и Российской Федерации. Для полной оценки ситуации необходимо проанализировать мнения ведущих специалистов в области права, а так же изучить правоприменительную практику на международном и национальных уровнях.

На современном этапе существуют множество актуальных проблем, которые связаны с правосудием. Излишняя загруженность судов, волокита, преобладание обвинительных судебных решений, зависимость судей от руководителей судебных органов. Все вышеперечисленное препятствует нормальному функционированию судебной системы в Донецкой Народной Республике.

Важнейшей гарантией права на справедливое осуществление правосудия является право на рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Данное положение предполагает создание суда на основании закона, наделение полномочий суда принимать решения по представленным ему делам, наделение суда независимостью от других государственных органов. Ученые определяют, что исходным пунктом для надлежащего формирования суда должно быть создание законодательной базы судебной системы.

Актуальность исследования определяется тем, что для Донецкой Народной Республики как для молодого государства крайне важно как в теории, так и в практике обеспечить населению осуществление доступного, справедливого правосудия.

Суд выступает в качестве основного гаранта законности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, как участник объективность и непредвзятость которого определена самой структурой уголовного процесса, определяющей его статус арбитра в спорных ситуациях применения уголовно-процессуального законодательства. Содержание судебного контроля до настоящего времени вызывает споры ученых-процессуалистов. Среди прочего споры касаются природы существования судебного контроля и его соотношения с правосудием как основной функцией суда.

На международном уровне существует ряд нормативно-правовых актов, в которых закреплен принцип справедливого правосудия, так например, Женевская Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 12 августа 1949 г. [1, с. 86], Африканская Хартия прав человека и народов 1981 г. [2, с. 77], Американская конвенция о защите прав человека 1969 г. [3, с. 13]. Отдельно следует отметить Европейскую конвенцию о правах человека, в части статье 6, которая

содержит норму права о том, что каждый человек имеет право на публичное и справедливое разбирательство дела в суде. В данной норме права перечисляется права, которыми может пользоваться обвиняемый в совершении преступления.

Также необходимо выделить Международный 155 пакт о гражданских и политических правах (далее МПГПП), который вступил в силу с 23 марта 1976 г. На национальном уровне закреплено данное право в Конституции Донецкой Народной Республики в статье 40 правило, согласно которому никто не может быть лишен права судебного разбирательства в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. В статье 41 Конституции закреплено право на получение квалифицированной юридической помощи, а для лиц находящихся в трудной жизненной ситуации законодательством предусмотрена данная помощь бесплатно, которая может осуществляться как с момента задержания, так и с момента предъявления обвинения [4, с. 11]. Согласно ч. 2 статьи 6 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление [5, с. 3].

Согласно статье 15 Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства граждан перед законом и судом независимо от социального и имущественного положения [6, с. 8]. Необходимо отметить существенный недостаток права на справедливое осуществление правосудия, который заключается в том, что данное право гарантирует соблюдение предусмотренного законодательством порядка, соблюдения процессуальных прав и обязанностей участников судопроизводства, однако не обеспечивает раскрытия истины по уголовному делу.

В дополнение можно добавить, что в некоторых случаях возникает необходимость в ограничении гарантий справедливого судебного разбирательства, когда они входят в противоречие с другими правами. В качестве примера можно привести ситуацию, когда ограничивается доступ публики в судебный процесс ввиду необходимости защиты тайны частной жизни одной или более сторон процесса.

Ученые определяют, что исходным пунктом для надлежащего формирования суда должно быть создание законодательной базы судебной системы. Проанализировав судебную практику Европейского суда по правам человека можно выделить по принципу основания суда на основе закона следующие примеры. Во-первых в деле «Посохов против России» [Posokhov v Russia] в связи с тем, что народные заседатели не были назначены посредством жеребьевки и выполняли свои обязанности в течение более длительного периода, чем предусмотрено Законом о 156 народных заседателях, Суд признал, что дело Посохова не рассматривал суд, созданный на основании закона. В деле «Моисеев против России» [Moiseyev v Russia] Европейский суд по правам человека установил, что государство не смогло объяснить, как замена 11 судей в составе суда в ходе данного процесса может согласовываться с принципом неизменности состава суда.

Конституционные нормы и принципы закрепляют концепцию развития государства как государства демократического, правового и социального; государства, которое ориентируется на признание, соблюдение и защиту конституционных ценностей и в первую очередь прав и свобод человека и гражданина. В нем признается и обеспечивается верховенство Конституции, ее высшая юридическая сила и прямое действие, не допускается принятие нормативно-правовых актов с антиконституционной направленностью, функционируют независимые органы судебной власти.

В рамках судебного разбирательства под справедливостью следует понимать процессуальные действия (бездействие) суда и лиц, участвующих в деле, направленные на защиту нарушенных и/или оспариваемых прав, свобод и законных интересов добросовестных субъектов материальных правоотношений.

На различных этапах существования государства складывались разнообразные концепции понимания права и справедливости. С момента появления первых представлений о справедливости и законности в Петровской России и до настоящего времени произошли существенные изменения в трактовке указанного политико-правового феномена. Достаточно подробную разработку законность получила в советской юридической литературе.

Справедливость как требование, предъявляемое к судебному решению, является результатом исторического развития менталитета общества и отражением международных стандартов правосудия по гражданским делам в рамках отечественного судопроизводства. Будучи элементом субъективного восприятия судьей потенциального отношения общества к вынесенному решению, справедливость должна предъявляться в качестве дополнительного требования (наряду с законностью и обоснованностью) к решению, допускающему возможность «судейского усмотрения».

Личные качества судьи, уровень его подготовки, отлаженная работа кадрового состава суда имеют большое значение для вынесения справедливого и объективного судебного решения.

Отвод судьи является процессуальной гарантией справедливости и объективности суда в судебном разбирательстве. Психологические и мировоззренческие особенности судьи (указанные в личном деле) должны при определенных обстоятельствах выступать поводом для отвода или самоотвода судьи.

Справедливость, представляя собой универсальное явление, связанное со многими основополагающими принципами и отраслевыми институтами, имеет первостепенное отношение к конституционному принципу независимости судей и подчинению только Конституции Донецкой Народной Республики и законодательством.

На основании всех вышеизложенных норм права, которые изложены в нормативно правовых актах можно сделать вывод о том, что судья выступает в роли центральной фигуры в осуществлении правосудия. Для того, чтобы судебное решение, которое было вынесено, было справедливым судья имеет особый статус, который законодательно закреплен.

Рассматривая независимость судьи можно сделать вывод о том, что несмотря на наличие законодательного акта, который бы регулировал статус судьи, определяя гарантии независимости судьи и целого массива подзаконных актов регламентирующих права и обязанности судей существует целый комплекс проблем в данной сфере. В первую очередь независимость судей гарантируется как определенными преимуществами по сравнению с общим конституционным статусом личности (несменяемость, неприкосновенность), так и требованиями и ограничениями, устанавливаемыми для судей, нарушение которых влечет утрату статуса судьи.

Считаем, что для обеспечения гарантий справедливого правосудия необходимо реформировать законодательство о процессуальном статусе судей и других участников уголовного судопроизводства.

В Донецкой Народной Республике специально создан особый орган, регулирующий невмешательство в осуществление правосудия. Судебный департамент, учреждения Судебного департамента призваны способствовать укреплению самостоятельности судов, независимости судей и не вправе вмешиваться в осуществление правосудия

В результате анализа литературы автором было выведено понятие, что справедливость – это морально-этическая категория, которая должна рассматриваться в рамках уголовно-процессуальных отношений в двух аспектах: как принцип уголовного судопроизводства, а также как требование, предъявляемое к судебному решению. Являясь принципом уголовного судопроизводства, имея смысловое закрепление в

нормах уголовно-процессуального законодательства, справедливость находит свое отражение на каждой стадии уголовного судопроизводства.

Проанализировав нормативно-правовые акты, которые приняты на международном уровне и на территории Донецкой Народной Республики можно сделать вывод о том, что дефиниции правосудия в законодательстве нет. В действующем законодательстве существует целый ряд обеспечительных мер, которые гарантируют законность правосудия, но они не являются точным способом, с помощью которого выносятся объективно справедливые решения. Проведенный анализ показал, что существует целый ряд обеспечительных мер, которые устанавливают правила осуществления правосудия, однако, следует закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики право на особое мнение судьи, которое будет гарантировать возможность конкретного судьи высказать, в частности, своё видение справедливости данного судебного разбирательства и приговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Женевская Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 12 августа 1949г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. – М.,1957. 71-100с.
2. Африканская Хартия прав человека и народов 1981г. // Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов / Сост. Л.Н.Шестаков. – М., 1990.
3. Американская конвенция о защите прав человека 1969г.// Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов / Сост. Л.Н.Шестаков. – М., 1990.
4. Конституция Донецкой Народной Республики № 106-IIНС от 06.03.2020 [Электронный ресурс] – URL: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/ (дата обращения:29.11.2021).
5. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики № 28-1 от19.08.2014[Электронный ресурс] URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnojrespubliki/ (дата обращения: 01.12.2021).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 310 от 06.08.2021 [Электронный ресурс] URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/prinyatye/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnojrespubliki/(дата обращения: 01.12.2021).

GUARANTEES OF THE IMPLEMENTATION OF A FAIR JUSTICE AT THE STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. Justice is the most important legal category that exists in any legal, democratic and social state. It is the duty of the State to legislate guarantees of fair justice, since it is impossible to ensure high-quality administration of justice without constant reform of the norms of law. This article analyzes the legislation, also analyzes the judicial practice of the European Court of Human Rights, in connection with which problems and gaps in legislation in this area are identified.
Keywords: justice, criminal procedure, justice, principles of criminal procedure, human rights and freedoms, judicial proceedings.

Baisha A.
Scientific adviser: Gulina S.N.., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: alina.nauka@list.ru

УДК 331.5-053.6

МИРНЫЕ СРЕДСТВА РАЗРЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ

Белов М.Э.
Научный руководитель: Соловьева Ю. А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе рассмотрены примеры разрешения международных территориальных споров путем использования мирных средств; выделены основные причины неэффективности последних. Проанализировано ситуацию передачи территории государства (Косово) во временную внешнюю администрацию, установлено возможность применения этого опыта для разрешения указанного вида международных споров.
Ключевые слова: территория, суверенитет, государственная власть, международный территориальный спор, временная администрация

Устойчивое развитие мирового сообщества в значительной степени зависит от эффективного урегулирования международных споров, значительное количество которых относится к категории территориальных. Значимость территории определяется, в первую очередь, тем, что она является основным признаком государства. В связи с отрицательным влиянием территориальных споров на взаимоотношения государств, что зачастую перерастают в конфликты, способные создать угрозу международному миру и безопасности, возникает необходимость их оперативного разрешения.

Научным разработкам в вопросах разрешения международных споров посвящены труды А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцева, Т. Э. Самвелян, Ю. С. Безбородова и других ученых. Однако, несмотря на значительное число научных наработок в данной сфере правоотношений, многие вопросы в настоящий момент остаются дискуссионными и требуют разрешения.

В связи с этим целью данной работы является рассмотрение конкретных примеров разрешения международных территориальных, что даст возможность оценить действенность существующих мирных средств их урегулирования.

Так, существующие средства мирного разрешения международных споров закреплены в ряде международно-правовых актов, основными из которых являются Гаагские конвенции о мирном решении международных споров 1899 г. и 1907 г. [1], Устав ООН [2], Манильская декларация о мирном решении международных споров 1982 г. [3].

Согласно ст. 33 VI Глава Устава ООН стороны, участвующие в споре, должны стараться разрешить спор с помощью дипломатических переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращению к разрешению споров в международных организациях [2].

Также как эффективное средство мирного разрешения споров выступает согласительная процедура, введенная через резолюцию 50/50 Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1995 года [4].

Указанные выше мирные средства являются универсальными для всех международных споров, однако их эффективность в территориальных спорах зачастую зависит от самих сторон спора, так как для разрешение спора необходимо изначальное его признание сторонами и установление консенсуса в направлении его разрешения, что в существующих территориальных спорах встречается редко.

Эффективность существующих мирных средств разрешения международных споров, а также их недостатки можно проследить лишь через конкретные примеры их осуществления, а именно:

1. Дипломатические переговоры расцениваются как наиболее гибкое средство мирного разрешения спора [4, с. 31]. Они должны осуществляться с учетом таких принципов как суверенитет сторон, взаимная выгода, равноправие государств и стремление к разрешению спора.

В качестве примера действенности международных дипломатических переговоров можно привести территориальный пограничный спор между Китаем и Россией 1969 г. Данный спор перерос в вооруженное столкновение государств на острове Даманский. Дипломатические переговоры привели к подписанию в 1991 г. соглашения о советско-китайской государственной границе [5, с. 52]. В результате плодотворных переговоров, стороны договорились о равном распределении островов и территории, и в 1997 г. практически на всем участке границы были завершены демаркационные работы.

2. Сущность согласительной процедуры раскрывается через деятельность по установлению предмета спора, сбору необходимой информации, подготовке рекомендаций для соглашения сторон. Согласительная комиссия представляет собой помощь третьей стороны, к которой прибегают стороны спора. Ее целью является поиск приемлемого решения для обеих сторон.

Примером действенности согласительной комиссии может служить спор о разграничении морских пространств между Норвегией и Исландией. Спор состоял в совместных притязаниях государств по поводу принадлежности острова Ян-Майена, воды которого, по мнению экспертов, богаты морскими ресурсами, а континентальный шельф подходит для добычи полезных ископаемых (нефти и газа).

Изначально Ян-Майен являлся территорией, не прикрепленной ни к одному государству (terra nullis). А 1963 г. Норвегия отнесла остров и примыкающий к ее территории континентальный шлейф к своей территории и в 1976 г. парламент Норвегии принял закон о 200 мильной исключительной экономической зоны.

Исландия в 1979 г. поступила аналогично и отнесла территорию, между Исландией и Ян-Майеном, к своему континентальному шельфу и установила свою 200 мильную экономическую зону, в которую входил и Ян-Майен.

В итоге Исландия и Норвегия признали существующий спор и обоюдные претензии, что и привело к подписанию Соглашения по вопросам рыболовства и континентального шельфа. Соглашением было закреплено следующее:

– Ян-Майен по статусу является островом;

– установлена граница экономических зон Исландии и Норвегии, в пределах которой государствами будет осуществляться рыбная ловля;

– учреждена Комиссия по рыболовству, распределяющая улов;

– установлена обязанность сторон учредить Согласительную комиссию.

Докладом от 1981 г. Согласительная Комиссия предложила установить линию разграничения так, чтобы зоны континентального шельфа совпадали с исключительными рыболовными и экономическими зонами. При обнаружении запасов углеводородов государства будут иметь право на процент от добычи ресурсов. Следовательно государства могут свободно осуществлять свою юрисдикцию на разграниченной территории.

Стороны полностью приняли все рекомендации Согласительной комиссии и в 1981 г. между государствами было заключено Соглашение по вопросам континентального шельфа между Исландией и Ян-Майеном. Соглашение вступило в силу 2 июня 1982 года [6].

3. Добрые услуги представляют собой механизм по установлению контакта между спорящими сторонами, созданию условия для проведения переговоров в будущем.

«Добрые услуги» были использованы как мирное средство разрешения спора, возникшего в результате франко-алжирской войны 1954-1962 года. В данном

конфликте добрые услуги были предложены Швейцарией в 1960 году. Швейцария создала условия для проведения встречи сторон конфликта, выполняла функции по обеспечению безопасности алжирской делегации, участвовала в организации и транспортировке сторон на встречу на территории Франции. Помимо этого, Швейцарией были предоставлены средства связи и информации.

Важно заметить, что функции третьей стороны могут быть расширены специальными соглашениями. В результате чего, добрые услуги могут перерасти в посредничество, как было во время оказания добрых услуг СССР при мирном разрешении индийско-пакистанского пограничного вооруженного конфликта из-за Кашмира (1965 – 1966 гг.).

4. Международный арбитраж – это особая процедура урегулирования международных споров, состоящая в создании по взаимному согласию государств международного органа, наделенного полномочиями по разрешению споров определенной категории или любого другого спора между договаривающимися сторонами.

В качестве успешного примера решенного спора посредством арбитражной процедуры необходимо привести египетско-израильский спор в отношении территории Таба 1988 г.

Основанием спора было неточность в разделении территории по соглашению 1906 г. между Великобританией и Османской империей, владевших, соответственно, Египтом и Палестиной. Линия разграничения на мелкомасштабной карте была прочерчена карандашом, что фактически соответствовало линии в 10 километров по ширине. На основании существующего спора был учрежден арбитраж ad hoc для разрешения вопроса. Длительное арбитражное разбирательство привело к решению об отнесении территории Таба к Египту, однако, в качестве компенсации, вся собственность, состоящая из недвижимости в виде отелей, оставалась за Израильскими собственниками, которые могли получить за нее денежную компенсацию. Стороны были удовлетворены решением арбитражного суда.

По своей сущности, приеденные выше международные споры являются территориальными, так как их предмет – право, касающееся установления правового режима и принадлежности территории [7, с. 384]. Они обладают определенной особенностью: территории, являющиеся предметом спора, изначально не были четко закреплены в составе конкретного государства, с течением истории они находились во владении двух или более государств или являлись приграничными зонами.

В тоже время, к предмету территориальных споров относятся также вопросы самоопределения наций и народов, неприкосновенности государственной территории, разграничения экономической зоны и континентального шельфа [8, с. 25]. Споры по этим вопросам вызваны, в первую очередь, «конфликтом» таких принципов, как территориальная целостность государства и право наций и народов на самоопределение. Дело в том, что стремление государств сохранить территориальную целостность зачастую идет в разрез с желанием населяющего территорию народа (нации) к самоопределению, что приносит ущерб в первую очередь народу.

Хотелось бы также отметить, что переговоры, добрые услуги и посредничество в большинстве своем призваны содействовать установлению связи сторон, при отсутствии которой разрешение спора становится трудно осуществимым. Обследование и согласительные комиссии вправе давать эффективные рекомендации для разрешения спора, но это осуществляется только лишь с согласия сторон и не несет обязательного характера. Арбитражное и судебное решения носят обязательный характер для сторон, но длительность рассмотрения дела создает необходимость для обеспечения соблюдения мира и безопасности на спорной территории.

К недостаткам существующих мирных средств разрешения международных споров можно отнести затянутость их проведения, консенсуальный характер для

осуществления большинства процедур, рекомендательный характер решений компетентных учреждений, отсутствие контрольных органов обеспечения исполнения решений и пр.

Существенной проблемой также является неконтролируемое воздействие государств, находящихся в споре, на политическую, экономическую, социальную и идеологическую сферы деятельности, осуществляемые на спорной территории. Так, в случаях, когда территориальный спор уже существует и присутствует конфликт интересов государств – участников спора, на «спорной» территории происходят процессы, препятствующие нормальной экономической и социальной деятельности, что ведет к нарушению деятельности базовых социальных и правовых институтов и вызванный беспорядок затрудняет быстрое разрешение спора.

Хотелось бы отметить, что при нарушении функционирования основных социальных и правовых институтов, а также в целях создания правового государства в рамках ООН в прошлом проводились мероприятия по созданию международной системы опеки. Согласно ст. 76 Устава ООН к задачам системы опеки относятся способствование политическому, экономическому и социальному прогрессу территории под опекой, прогрессивное развитие в направление к самоуправлению и независимости. Помимо этого, на территории под опекой осуществляются меры по защите прав и основных свобод для всех, а также проводятся меры по обеспечению равенства для населения в отношении социальной, экономической и торговой деятельности. Следует отметить, что ст. 78 Устава ООН прямо ставится в приоритет принцип суверенного равенства, так как система опеки не может распространяться на страны, являющиеся членами организации [2, с. 16].

К системе международной опеки можно отнести передачу территории во временную внешнюю администрацию, установление режима совместного управления, сдачу территории в аренду. Общее в данных способах урегулирования территориального конфликта это снижение обострения ситуации, при которой смогут реально соблюдаться основные права и свободы человека и создаются основы для определения дальнейшего правового статуса спорной территории.

Так, например, целью передачи территории во временную внешнюю администрацию является миротворчество и государственное строительство. Сущность данной процедуры заключается в следующем: государственные полномочия, на определенный период, передаются международной организации, которая вправе через специальную комиссию осуществлять законодательную, исполнительную и судебную власть.

Наиболее успешно данная процедура была реализована в Косово в 1999 г. Основанием создания миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК) является Резолюций 1244 Совета Безопасности ООН [9]. Для эффективного осуществления функций контроля и управления МООНК составила четыре секции, а именно:

– полиция и правосудие (управление ООН);

– гражданское управление (управление ООН);

– демократизация и институциональное строительство (управление ОБСЕ);

– реконструкция и экономическое развитие (управление Европейским Союзом).

Резолюция 1244 [9] налагала на МООНК обязанности, среди которых можно выделить следующие: выполнение административных функций, способствование установлению автономии и самоуправления, поддержание восстановления ключевой инфраструктуры, поддержание «закона» и порядка, соблюдение прав и свобод человека.

В тоже время управление территорией временной администрацией, на примере МООНК, при своем осуществлении сопровождалась рядом проблем, которые впоследствии привели к конструктивной критике деятельности всей миссии.

Так, за семь лет работы, МООНК подверглось критике за неспособность достичь поставленных ООН целей, к примеру:

– инфраструктура не была эффективно реконструирована, что повлекло проблемы в распределении электроэнергии;

– зависимость государственных структур от финансирования Сербии;

– задержка передачи государственных полномочий органам самоуправления;

– несостоятельность реализации стратегии экономического развития;

– нарушение прав человека полицией ООН и пр.

При этом, даже существующие проблемы и критика по отношению к МООНК не стали препятствием для стабилизации государственного управления. При этом стало возможно принять к рассмотрению вопрос об окончательном статусе Косово, автономии данной территории и ее суверенитете. Многосторонние переговоры в рамках ООН вели к разработке резолюции о статусе Косово, однако к общему мнению члены Совета Безопасности прийти не смоги. 17 февраля 2008 г. произошло одностороннее провозглашение независимости Косово. После неоднозначной реакции международного сообщества, Международный суд ООН в своем решении постановил, что международное право не содержит положений, запрещающих провозглашение независимости [10, с. 114].

После провозглашения независимости и вступления в силу новой конституции, МООНК продолжила свою деятельность на данной территории, однако ее задачи и полномочия были скорректированы. Основное внимание с общего государственного управления было направлено на содействие безопасности, стабильности и соблюдению прав человека в Косово. Отдельные задачи миссии были переданы другим организациям – НАТО (безопасность), ОБСЕ (демократизация и создание институтов) и ЕС (законность, правопорядок, восстановление и экономическое развитие).

Таким образом, приведенный пример продемонстрировал реальную действенность процедуры передачи территории во временную внешнюю администрацию. С ее помощью были решены такие проблемы как эффективное административное управление территории во время международного конфликта, восстановления ключевой инфраструктуры, поддержание правопорядка и соблюдение прав и свобод гражданского населения, а также создание предпосылок для установления статуса территории.

Данная процедура осуществляется через принятие резолюции, как следствие создание новой миссии для нового территориального спора занимает определенное время. В связи с чем целесообразным было бы закрепление данного средства в качестве способа мирного разрешения международного территориального спора, что в «узаконит» возможность его использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о мирном разрешении международных столкновений от 18 октября 1907 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/2540203/paragraph/31:0 (дата обращения: 11.02.2022).

2. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 11.02.2022).

3. Манильская декларация о мирном разрешении международных споров: Резолюция 37/10 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 1982 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/MU82309.html (дата обращения: 11.02.2022).

4. Типовой согласительный регламент Организации Объединенных Наций для разрешения споров между государствами: Резолюция 50/50 Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1995 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/50/50 (дата обращения: 11.02.2022).

4. Фельдман, Д. М. Политология конфликта: учеб. пособие / Д. М. Фельдман. – М.: Изд. дом «Стратегия». – 1997. – 287 с.

5. Воскресенский, А. Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний / А. Д. Воскресенский. – М.: Муравей. – 2004. – 603 с.

6. Соглашение между Правительством Королевства Дания и Правительством Королевства Норвегия о делимитации континентального шельфа в районе между Фарерскими островами и Норвегией от 15 июля 1979 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wiki2wiki.ru/wiki/List_of_maritime_boundary_treaties#Europe (дата обращения: 02.02.2022).
7. Бацанов, С. Б. Словарь международного права / С. Б. Бацанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения. – 1986. – 432 с.
8. Безбородов, Ю. С. Истоки международного права / Ю. С. Безбородов. – М.: «Юрист». – 2011. – № 1. – С. 25-32.
9. Резолюция Совета Безопасности ООН от 10 июня 1999 года № S/RES/1244 (1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/S/RES/1244(1999) (дата обращения: 02.02.2022).
10. Языкова, А. А. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / А. А. Языкова. – М.: Изд. дом «Весь Мир». – 2007. – 352 с.

PEACEFUL MEANS OF RESOLVING TERRITORIAL DISPUTES

Annotation. The paper considers examples of the resolution of international territorial disputes through the use of peaceful means of their resolution; highlights the main reasons for their inefficiency. The situation of the transfer of the territory of the state (Kosovo) to a temporary external administration is analyzed, the possibility of applying this experience to resolve this type of international disputes is established.
Keywords: territory, sovereignty, state power, international territorial dispute, provisional administration.

Belov M.
Scientific adviser: Solovyova J.A. PhD in Law., associate professor
Donetsk National University
E-mail: mark_1998boss@mail.ru

УДК 343.35

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ОТ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Бояр В.А.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривались вопросы квалификации таких смежных составов как злоупотребление должностными полномочиями, предусмотренного ст. 334 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики и превышение должностных полномочий, предусмотренного ст. 338 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, признаки при разграничении, общие и отличительные черты составов преступлений, признаки субъективной стороны преступлений, значение разграничения составов преступлений при квалификации, должностное лицо как признак специального субъекта.
Ключевые слова: должностное преступление, должностное лицо, злоупотребление, превышение, должностные полномочия.

Борьба с должностными преступлениями является неотъемлемой задачей государства, так как данный вид преступных посягательств представляет значительную угрозу для безопасности государства и наносит значительный ущерб авторитету государственной службы.

Основные принципы, которых должно придерживаться государство в воспрепятствовании должностным преступлениям, – это принцип законности и неотвратимости наказания за преступления.

Если изучить историю, то становится видно, что борьба с должностной преступностью осуществлялась путём весьма жёстких наказаний, так, например, одними из наказаний были ссылка на каторгу или смертная казнь. Если посмотреть на

действующее законодательство, а в частности на Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), то можно заметить кардинальные различия в мерах наказания за должностные преступления, так как они стали значительно мягче, однако угроза, представляемая лицами, совершающими должностные преступления, остаётся ощутимой для всего общества. Определение состава преступления и соответствующего ему наказания должны быть чётко отражены в законе, исходя из диспозиции статьи, так как это создаёт границы поведения с предвидением уголовно-правовых последствий действий или бездействия, а также для разграничения смежных составов при квалификации совершенных деяний. Одним их таких примеров являются ст. 334 УК ДНР злоупотребление должностными полномочиями и ст. 338 УК ДНР превышение должностных полномочий, которые создают трудности при квалификации и юридической оценке преступлений.

Актуальность данной темы исследования состоит в том, что проблема разграничения таких смежных составов как злоупотребление должностными полномочиями, предусмотренного ст. 334 УК ДНР, и превышение должностных полномочий, предусмотренного ст. 338 УК ДНР на практике вызывает трудности, что в некоторых случаях может повлиять на правильность квалификации преступного деяния, а следовательно и на правильность назначения наказания для лица его совершившего. В свою очередь, определение специфики разграничения данных составов, на практике способствует правильной квалификации преступлений.

Выделив объект в исследуемых составах преступлений, в качестве опорной точки сравнения, можно сказать, что он является общим – общественные отношения и интересы, охраняемые уголовным законом, которым причиняется вред или создаётся угроза причинения вреда. Непосредственным объектом данных составов являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование аппарата управления органов государственной власти, иных государственных органов и органов местного самоуправления, а также авторитет государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Вышеуказанная точка зрения встречается в научных трудах Давитадзе М.Д., а именно в статье «Злоупотребление должностными полномочиями» [1, с. 115].

Для разграничения составов, предусмотренных ст. 334 и ст. 338 УК ДНР, следует выяснить, что законодатель подразумевает под данными уголовно наказуемыми деяниями.

Так, в Уголовном кодексе Донецкой Народной Республики, под злоупотреблением должностными полномочиями понимается использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства. В свою очередь, под превышением должностных полномочий понимается совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлёкших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства [2].

В диспозициях статей указаны субъекты преступлений. И в ст. 334 УК ДНР, и в ст. 338 УК ДНР законодатель прямо предусматривает субъект преступления как должностное лицо. Этого мнения придерживается Ломбаев Н.И. в своей работе «Злоупотребление должностными полномочиями. Субъект преступления» [3, с. 161].

Также, разъяснение признаков субъекта данных составов дано в п. 8 Информационного письма «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного

самоуправления»: субъектом преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 334 УК ДНР и частью 1 статьи 338 УК ДНР, является лицо, осуществляющее функции представителя власти, выполняющее организационно-распорядительные или (и) административно-хозяйственные функции в государственном органе, органе местного самоуправления, государственном и муниципальном учреждении, государственном предприятии, а также в Вооружённых Силах Донецкой Народной Республики, других войсках и воинских формированиях Донецкой Народной Республики и при этом не занимающее в указанных органах государственную должность Донецкой Народной Республики [4].

Анализируя составы исследуемых преступных деяний, можно выделить их субъективную сторону, которая выражается в форме вины как в виде прямого, так и в виде косвенного умысла. Следует выделить тот факт, что для злоупотребления должностными полномочиями обязательными признаками является как наличие вины, так и наличие мотива в виде корыстных побуждений или иной личной заинтересованность лица его совершившего. Что касается превышения должностных полномочий, то обязательным признаком является только вина, в форме прямого или косвенного умысла. Наличие мотива в последнем не является обязательным признаком, так как может совершаться как при наличии вышеуказанного мотива, так и при его отсутствии. На основании вышесказанного, можно сделать вывод, что выделение мотива как критерия разграничения обозначенных преступных деяний нецелесообразно.

По признакам объективной стороны прослеживается разграничение анализируемых составов преступления. Так как данные составы подразумевают обязательное наступление общественно опасных последствий, то делаем вывод, что составы преступных деяний являются материальными, то есть к обязательным признакам относятся общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, причинно-следственная связь между ними. Об этом указывала Утина М.И. в своей научной работе «Объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями» [5, с. 80].

Общественно опасное деяние в составе злоупотребления должностными полномочиями, предусмотренного ч. 1 ст. 334 УК ДНР, выражается в использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, которое может быть выражено как действием, так и бездействием. Следует отметить, что бездействие тоже может быть признано использованием полномочий в случаях, когда в полномочия лица входит обязанность выполнить определенное деяние, а лицо умышленно уклоняется от такого выполнения. В пункте 15 Информационного письма «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» также акцентированно внимание на том, что использование лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы может осуществляться как в форме действия, если совершаемые деяния связаны с осуществлением должностных прав и обязанностей, однако не были вызваны необходимостью по службе и противоречат задачам, требования, целям и интересам службы, для выполнения которых лицо было наделено должностными полномочиями, или если совершаемые действия входят в круг полномочий должностного лица и выполняются из корыстной или иной личной заинтересованности при отсутствии условий или оснований являющимися обязательными для их совершения, так и в форме бездействия, когда выполнение определенного действия является обязанностью, входящей в полномочия должностного лица, однако лицо уклоняется от его выполнения.

В свою очередь, общественно опасное деяние в составе превышения должностных полномочий, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК ДНР, выражается ни в

чем ином, как в совершении должностным лицом активных действий, явно выходящих пределы его полномочий. Из этого делаем вывод, что деяние может быть совершено только в форме действия.

Проанализировав выбранные для исследования составы преступления, прослеживается единство общественно опасных последствий данных преступных деяний, что на практике усложняет судам вынесения правильного решения, так как судам необходимо устанавливать не только сам факт нарушения, а и определять существенность нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, охраняемых законом интересов общества или государства. Такой подход к оценке последствий вызывает некоторые противоречия в доктрине уголовного права, поскольку от оценки зависит вся квалификация деяния. Следует выделить, что гибкость анализированной нормы предоставляет возможность регулировать динамично изменяющиеся общественные отношения. Однако, законодатель мог создать возможность ухода лиц от ответственности, обозначив пределы столь неосязаемых деяний, поскольку превысить полномочия или злоупотребить ими можно вариативно.

На основе проведённой сравнительной характеристики уголовно-правовых признаков злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий было установлено, что объект, признаки субъекта и субъективной стороны являются общими. Основной критерий разграничения указанных смежных составов должностных преступлений является объективная сторона в части совершаемого общественно опасного деяния и наступления общественно опасных последствий. Как было установлено в процессе анализа данных составов, злоупотребление должностными полномочиями может быть совершено как в форме действия, в таком случае должностное лицо своими действиями противоречит интересам службы, используя при этом свои служебные полномочия, так и бездействия, в случаях, когда выполнение определенного действия является обязанностью, входящей в полномочия должностного лица, однако лицо уклоняется от его выполнения, а превышение должностных полномочий выражается исключительно в действиях виновного, явно выходящими за пределы полномочий должностного лица. Изучение сформулированных выводов в процессе исследования и сравнительного анализа обозначенных составов преступления, способствует правильной и точной квалификации совершенных противоправных деяний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давитадзе М.Д. Злоупотребление должностными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – №5. – С. 114-121.
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/
3. Ломбаев Н.И. Злоупотребление должностными полномочиями. Субъект преступления // Наука и современность. – 2015. – №37-2. – С. 161-165.
4. О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО Верховного суда ДНР. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/infm/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-zakonodatelstva-po
5. Утина М.И. Объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – №4 (45). – С. 78-84.

DELINEATION OF ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY FROM ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY

Annotation. In this work, the issues of qualification of such related structures as abuse of official powers provided for in Article 334 of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic and abuse of official powers

provided for in Article 338 of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic, signs in the differentiation, common and distinctive features of the elements of crimes, signs of the subjective side of crimes, the significance of the differentiation of the elements of crimes in the qualification, an official as a sign of a special subject were considered.
Keywords: official crime, official, abuse, excess, official authority.

Boyar V.
Scientific adviser: Semykina L.A., PhD, associate professor
Donetsk National University
E-mail: vlad.boyar.01@mail.ru

УДК 342.515

ПОЛНОМОЧИЯ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В ГОСУДАРСТВАХ С РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ФОРМОЙ ПРАВЛЕНИЯ

Вавилов Н.А.
Научный руководитель: Дорошева Е.Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной публикации рассмотрены полномочия главы государства в законотворческом процессе на примере государств с республиканской формой правления. Проанализированы примеры реализации нормотворческих полномочий Президента.
Ключевые слова: законотворческий процесс, полномочия Президента, нормотворческие полномочия.

Глава государства в рамках системы сдержек и противовесов играет важную роль в законодательном процессе, а потому обладает нормотворческими полномочиями в законотворческом процессе, которые имеют свою специфику в каждом конкретном государстве в зависимости от вида формы правления.

В рамках исследования будут рассмотрены полномочия главы государства в законотворческом процессе на примере государств с республиканской формой правления, т.е. полномочия президента.

Цель исследования – рассмотреть полномочия главы государства в законотворческом процессе на основе государств с республиканской формой правления; проанализировать примеры реализации нормотворческих полномочий Президента.

Е.Н. Селютина подчеркивает, что в президентских республиках Президент является участником законодательного процесса и обладает правом вето при подписании законов, однако орган законодательной власти имеет возможность преодолеть его квалифицированным большинством голосов своих депутатов [1].

Конституция Французской Республики предусматривает, что Президент обнародует законы в установленный Основным Законом срок после передачи правительству окончательно принятого закона. Он может до истечения этого срока обратиться к парламенту с требованием о повторном обсуждении закона или некоторых его статей. Парламент не может отказать ему в этом обсуждении [2]. Считаем, что такое повторное обсуждение является одной из форм вето главы государства – отлагательным вето, которое даже не требует преодоления квалифицированным большинством. Стоит отметить, что Франция относится к президентско-парламентским республикам.

Согласно ст. 11 Конституции Французской Республики Президент Республики по предложению Правительства во время парламентских сессий или по совместному

предложению Сената Франции и Национального Собрания Франции, опубликованному в «Journal officiel», может передать на референдум любой законопроект, касающийся организации государственной власти, реформ, касающихся экономической, социальной или экологической политики страны и сопутствующих ей публичных служб, или санкционирующий ратификацию договора, который, не противореча Конституции, повлияет на функционирование институтов.

Когда референдум завершится принятием законопроекта, Президент Республики обнародует закон в установленный срок после объявления результатов голосования на референдуме [2].

Следовательно, Президент Франции обладает правом передачи законопроектов по особо важным вопросам на референдум, однако законодательная инициатива об их принятии исходит не от главы государства, а от Правительства или двух палат парламента.

В свою очередь, в соответствии со ст. 74 Конституции Республики Беларусь для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни Президент Республики Беларусь может назначить республиканский референдум по собственной инициативе [3]. Республика Беларусь является президентской республикой, где глава государства обладает широким спектром полномочий в законотворческом процессе.

В соответствии со ст. 99 Конституции Республики Беларусь Президенту принадлежит право законодательной инициативы [3].

Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2021 г. № 508 «Об утверждении плана подготовки проектов законодательных актов на 2022 год» утвержден план подготовки проектов законодательных актов на 2022 год [4]. В данном нормативно-правовом акте Президент Республики Беларусь указан в качестве субъекта законодательной инициативы по следующим проектам законов на 2022 год:

– Закон Республики Беларусь «Об изменении Избирательного кодекса Республики Беларусь» в рамках совершенствования Кодекса с учетом практики его применения, приведение в соответствие с законодательными актами;

– Закон Республики Беларусь «Об утверждении отчета об исполнении республиканского бюджета за 2021 год»;

– Закон Республики Беларусь «Об утверждении отчета об исполнении бюджета государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь за 2021 год»;

– Закон Республики Беларусь «О республиканском бюджете на 2023 год»;

– Закон Республики Беларусь «О бюджете государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь на 2023 год»;

– Закон Республики Беларусь «Об изменении Налогового кодекса Республики Беларусь», который вносится одновременно с проектом Закона Республики Беларусь «О республиканском бюджете на 2023 год»;

– законы, подготовленные в связи с заключением, исполнением, приостановлением действия и прекращением международных договоров Республики Беларусь;

– законы, подготовленные в целях реализации международных обязательств Республики Беларусь, принятых в соответствии с международными договорами Республики Беларусь и иными международно-правовыми актами, содержащими обязательства Республики Беларусь [4].

Как видим, сферы общественных отношений, которые охватываются правом законодательной инициативы Президента Республики Беларусь, довольно обширны: от избирательного процесса до международно-правовых отношений.

Статья 100 Конституции Республики Беларусь определяет порядок разрешения разногласий при принятии законопроекта. Если проект закона отклонен Советом

Республики, то палаты могут создать согласительную комиссию, которая формируется на паритетной основе, для преодоления возникших разногласий. Если и в этом случае согласительной комиссией не был принят согласованный текст законопроекта, Президент Республики Беларусь либо по его поручению Правительство могут потребовать, чтобы Палата представителей приняла окончательное решение.

«Закон, принятый Палатой представителей и одобренный Советом Республики, либо принятый Палатой представителей в порядке, предусмотренном настоящей статьей, представляется в десятидневный срок Президенту Республики Беларусь на подпись. Если Президент Республики Беларусь согласен с текстом закона, он его подписывает. Если Президент не возвращает какой-либо закон на протяжении двух недель после того, как он был ему представлен, закон считается подписанным. Закон не может считаться подписанным и не вступит в силу, если он не мог быть возвращен в Парламент в связи с окончанием сессии» (ч. 6 ст. 100 Конституции Республики Беларусь).

Если Президент Республики Беларусь не согласен с текстом закона, ему предоставлены полномочия по возврату закона со своими возражениями в Палату представителей, которая обязана рассмотреть закон с возражениями Президента Республики Беларусь в срок не более 30 дней. В соответствии с ч. 7 ст. 100 Конституции Республики Беларусь «если закон будет принят Палатой представителей большинством не менее двух третей голосов от полного состава, он вместе с возражениями Президента в пятидневный срок направляется в Совет Республики, который также должен рассмотреть его повторно не позднее 20 дней. Закон считается принятым, если он одобрен большинством не менее двух третей голосов от полного состава Совета Республики. Закон после преодоления возражений Президента подписывается главой государства в пятидневный срок. Закон вступает в силу и в том случае, если он не будет подписан Президентом Республики Беларусь в этот срок» [3].

В таком же порядке палатами парламента будут рассмотрены возражения Президента Республики Беларусь на отдельные положения закона, которые возвращены для повторного голосования. В этом случае согласно ч. 8 ст. 100 Конституции Республики Беларусь «до вынесения соответствующего решения Палатой представителей и Советом Республики закон подписывается главой государства и вступает в силу, за исключением тех положений, относительно которых имеются возражения Президента» [3]. Отлагательное вето Президента Республики Беларусь значительно труднее преодолеть, поскольку республика является президентской.

Кроме того, в соответствии со ст. 101 Конституции Республики Беларусь Палата представителей и Совет Республики уполномочены Конституцией на возможное делегирование законодательных полномочий на издание декретов, имеющих силу закона, Президенту Республики Беларусь. Делегирование происходит в рамках закона, принятого большинством голосов от полного состава палат, по предложению Президента Республики Беларусь. «Этот закон должен определять предмет регулирования и срок полномочий Президента Республики на издание декретов» [3]. Однако сфера делегирования полномочий главе государства ограничена, Президенту Республики Беларусь не могут быть делегированы полномочия на издание декретов, «предусматривающих изменение и дополнение Конституции, ее толкование; изменение и дополнение программных законов; утверждение республиканского бюджета и отчета о его исполнении; изменение порядка выборов Президента и Парламента; ограничение конституционных прав и свобод граждан. Закон о делегировании законодательных полномочий Президенту не может разрешать ему изменение этого закона, а также предоставлять право принимать нормы, имеющие обратную силу» [3].

Вышеуказанные декреты действительно издаются в Республике Беларусь главой государства. Например, Президентом Республики Беларусь был подписан Декрет от 9

мая 2021 года № 2 «О защите суверенитета и конституционного строя», которым предусматривается, что в случае гибели Главы государства вследствие покушения, совершения акта терроризма, внешней агрессии, иных насильственных действий все государственные органы и их должностные лица действуют в соответствии с решениями Совета Безопасности, на заседаниях которого председательствует Премьер-министр. При данных обстоятельствах немедленно вводится чрезвычайное или военное положение, а Советом Безопасности определяется перечень мер по обеспечению чрезвычайного или военного положения. Устанавливается обязательность решений Совета Безопасности. Также разрешается вопрос проведения выборов, принять решение об их проведении уполномочен Совет Безопасности с участием губернаторов. Данный Декрет направлен на сохранение независимости и суверенитета страны [5].

Также, в соответствии со ст. 101 Конституции Республики Беларусь Президент Республики Беларусь может издавать временные декреты по особой необходимости по своей инициативе либо по предложению Правительства, которые имеют силу закона. Они могут быть отменены не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат.

Согласно ст. 87 Конституции Итальянской Республики Президент Италии уполномочен:

– санкционировать внесение в парламент законопроектов, инициированных правительством;

– промульгировать законы и издавать декреты, имеющие силу закона;

– назначить народный референдум в случаях, предусмотренных Конституцией [6].

Также Конституция Итальянской Республики дополнительно регламентирует проведение законодательного процесса в государстве. Непосредственно Президент Италии не обладает правом законодательной инициативы. В соответствии со ст. 73 Конституции Итальянской Республики законы обнародуются Президентом Республики в течение месяца после их утверждения, если Палаты абсолютным большинством не объявили закон срочным [6].

Согласно ст. 74 Конституции Итальянской Республики Президент Республики может направить парламенту мотивированное заключение с требованием о повторном рассмотрении закона до его обнародования. Если такой закон будет принят повторно, он должен быть обнародован. Следовательно, такое отлагательное вето Президента Италии достаточно легко преодолеть, поскольку Италия относится к парламентарным республикам.

Таким образом, проанализировано, что Президент в государствах с республиканской формой правления в рамках законотворческого процесса обладает различным объемом нормотворческих полномочий в рамках законотворческого процесса: глава государства может быть инициатором проведения республиканского референдума как по собственной инициативе, так и по инициативе иных уполномоченных субъектов; обладать правом законодательной инициативы либо только санкционировать внесение законопроектов иных субъектов законодательной инициативы; обладать правом вето; принимать нормативные акты, имеющие силу закона; принимать участие в разрешении разногласий, возникающих в законотворческом процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селютина Е.Н. Правовое положение главы государства в монархических и республиканских странах // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-glavy-gosudarstva-v-monarhicheskih-i-respublikanskih-stranah-1 (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.

2. Конституция Французской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
3. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
4. Об утверждении плана подготовки проектов законодательных актов на 2022 год: Указ Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2021 г. № 508 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100508 (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
5. Декрет Президента Республики Беларусь от 9 мая 2021 года № 2 «О защите суверенитета и конституционного строя» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/documents/
6. dekret-no-2-ot-9-maya-2021-g (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.
7. Constitution of the Italian Republic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf (дата обращения: 30.01.2022). – Загл. с экрана.

POWERS OF THE HEAD OF STATE IN THE LEGISLATIVE PROCESS IN STATES WITH A REPUBLICAN FORM OF GOVERNMENT

Annotation. This publication examines the powers of the head of state in the legislative process on the basis of states with a republican form of government. Examples of the implementation of the normative powers of the President have also been studied.
Keywords: legislative process, powers of the President, normative powers.

Vavilov N.
Scientific adviser: Dorosheva E.N., Ph. D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: specialist357@rambler.ru

УДК 347:349.41

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Васильев В.А.
Научный руководитель: Барбашова Н.В., д.ю.н., профессор
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с правовым регулированием, осуществлением и защитой права собственности на земли, владением, пользованием и распоряжением земельными участками. На основе изучения и анализа материалов научной и учебной литературы, действующего законодательства Донецкой Народной Республики и Российской Федерации по теме исследования, сделаны выводы и сформированы предложения по совершенствованию норм законодательства.
Ключевые слова: право собственности, природные ресурсы, земли, земельный участок, строения.

В настоящее время, вопросы, связанные с правовым регулированием, осуществлением и защитой права собственности и иных прав на природные ресурсы (в т.ч. земли), владением, пользованием и распоряжением такими ресурсами, являются весьма актуальными. В современных условиях развития (в т.ч. политических, экономических, технических, социальных и др.) сложно переоценить важность рационального использования и охраны природных ресурсов, защиты прав и законных интересов субъектов земельных правоотношений, а также – укрепления законности и предупреждения правонарушений в указанной сфере.

Противоречие норм, регулирующих вопросы, связанные с правом собственности и иными правами на земельные участки, способствуют возникновению проблем при их

реализации (в т.ч. и в форме правоприменения), а также – нарушению прав собственников и пользователей земельных участков.

Кроме того, дискуссионным является вопрос относительно целесообразности предоставления иностранным гражданам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам возможности приобретения права собственности на земельные участки на территории государства (как в пределах населенных пунктов, так и за их пределами).

В данном контексте представляется актуальным совершенствование законодательства, действующего на территории ДНР, в части улучшения правового регулирования объективно существующих отношений в данной сфере, более эффективного формирования правомерного поведения их субъектов, предупреждения возникновения проблем, связанных с различным пониманием участниками правоотношений вопросов, связанных с осуществлением права собственности и иных прав на природные ресурсы (в т.ч. земли), владением, пользованием и распоряжением такими ресурсами, а также – на предупреждение возникновения угроз государственной безопасности, нарушения прав и законных интересов граждан в сфере земельных правоотношений.

Вопросы, связанные с правовым регулированием, осуществлением и защитой права собственности и иных прав на природные ресурсы, владением, пользованием и распоряжением ими, рассматривали в своих работах: Беланова Г.С., Беленькая А.Я., Бобкова А.Г., Бобряшова М.А., Будникова Ю.Е., Виноградов П.Н., Власенко Т.В., Гончаров И.А., Гринь Е.А., Гришин Н.П., Дзагоев С.В., Ельникова Е.В., Калиниченко К.С., Ковалева И.С., Кондратюк Д.Л., Лукьянов Д.А., Маленко В.С., Мартынов А.С., Олейник Л.В., Пономарева Е.В., Сарьян Е.Р., Турицын Д.А., Хохлова О.В., Черкасская Н.В., Шилова А.Д., Щенникова Л.В. и др.

Целью настоящей статьи является исследование вопросов, связанных с владением, пользованием и распоряжением землями, осуществлением и защитой права собственности и иных прав на них, выявление недостатков законодательства, регулирующего отношения в данной сфере, и обоснование необходимости совершенствования правового регулирования указанных вопросов, поиск путей решения соответствующих проблем.

Указанной целью определяются задачи исследования:

– анализ материалов научной и учебной литературы;

– изучение и анализ действующего законодательства по теме исследования;

– формирование выводов и предложений по совершенствованию норм законодательства, действующего на территории ДНР и РФ, относительно регулирования вопросов, связанных с осуществлением и защитой права собственности и иных прав на земли, владением, пользованием и распоряжением ими.

Согласно ст. 5 Конституции ДНР, в ДНР признаются и равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народа. При этом, использование и охрана находящихся на территории ДНР природных ресурсов (в т.ч. земли) осуществляются в соответствии с законодательством ДНР [1].

Также, Конституцией ДНР (ст.ст. 28, 29) закреплены нормы, исходя из которых:

– право частной собственности охраняется законом;

– иметь в собственности имущество, владеть, пользоваться и распоряжаться им (как единолично, так и совместно с другими лицами) вправе каждый;

– никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено лишь при условии предварительного и равноценного возмещения);

– гарантируется право наследования;

– право иметь в частной собственности землю имеют граждане и их объединения;

– владение, пользование и распоряжение природными ресурсами (в т.ч. землей) на территории ДНР осуществляется их собственниками в соответствии с законодательством ДНР;

– владение, пользование и распоряжение собственниками природными ресурсами (в т.ч. землей) не должно наносить ущерба окружающей среде и/или нарушать права и законные интересы иных лиц [1].

Нормы, регулирующие вопросы, связанные с осуществлением и защитой права собственности и иных прав на имущество, содержит ГК ДНР [2].

Кроме того, в настоящее время, согласно Постановлению Совета Министров ДНР «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» от 02.06.2014 г. № 9-1 (с учетом изменений) [3], на территории ДНР действует ЗК Украины, в редакции на 14.05.2014 г. [4].

Земля (земли) – это поверхность суши с грунтами, полезными ископаемыми и другими природными элементами, органично связанными и функционирующими вместе с нею [5, с. 72]. Право собственности на землю гарантируется (согласно ч. 2 ст. 1 ЗК Украины, действующего на территории ДНР) [4].

Земельный же участок представляет собой часть земной поверхности с установленными границами, определенным местом расположения, с обозначенными в отношении нее правами [5, с. 68].

Земли (и, соответственно, земельные участки) могут, в частности:

– относиться к различным категориям, в соответствии со своим целевым назначением (ст. 19, 38, 51 ЗК Украины и др.) [4; 5, с. 7-8];

– находиться в собственности (государственной, муниципальной, частной), пользовании, запасе (земельные участки любой категории земель, не переданные в собственность или пользование физических или юридических лиц [5, с. 8]);

– быть застроенными (на земельных участках могут находиться здания, сооружения или иная недвижимость).

При этом, согласно ст. 331 ГК ДНР:

– собственник недвижимости (в т.ч. здания, сооружения и др.), находящейся на земельном участке, принадлежащем другому лицу, имеет право пользования предоставленным таким лицом под эту недвижимость земельным участком;

– при переходе права собственности на недвижимость, находящуюся на чужом земельном участке, к другому лицу, оно приобретает право пользования соответствующим земельным участком (на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний собственник недвижимости);

– переход права собственности на земельный участок не является основанием прекращения или изменения права пользования этим участком, принадлежащего собственнику недвижимости [2].

Однако, в соответствии со ст. 333 ГК ДНР, «при переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю здания или сооружения переходит право собственности на земельный участок, занятый зданием или сооружением и необходимый для его использования, если иное не предусмотрено законом» [2]. Аналогичную норму закрепляет и ст. 273 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [6]. Т.е., в данном случае, право собственности на земельный участок переходит к другому лицу без отдельного соглашения, «автоматически». Это в определенной мере противоречит нормам действующего на территории ДНР ЗК Украины (в частности, его Разделу III), исходя из которых земельный участок является отдельным объектом правоотношений, а также – способствует нарушению прав собственников и

пользователей земельных участков. Также, стоит отметить, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, а владение, пользование и распоряжение природными ресурсами (в т.ч. землей) на территории ДНР осуществляется их собственниками (согласно ст.ст. 28, 29 Конституции ДНР [1]).

В настоящее время отсутствует единая точка зрения относительно сущности объекта недвижимости в случае возникновения каких-либо правоотношений относительно земельного участка и расположенных на нем зданий, строений, сооружений.

Некоторые ученые рекомендуют «использовать опыт германского права по объединению земельных участков и зданий в единый объект, ввести норму о составных частях вещи, где здания, строения, сооружения не являются самостоятельными объектами недвижимости, а считаются составной частью недвижимой вещи – земельного участка» [7, с. 9].

Так, Калиниченко К.С. предлагает «изменить концептуальную законодательную модель понимания недвижимости», «отказаться от понимания зданий и сооружений, а также помещений как объектов права», отмечая, что «земельный участок и расположенные на нем здания, сооружения следует понимать как единый объект, характеризующийся единым правовым режимом. При этом здания, сооружения должны рассматриваться как составные части земельного участка, на котором они расположены» [8, с. 5-6].

Ельникова Е.В. считает, что совокупность «земельный участок – строение» следует рассматривать как «совокупность вещей», отличающуюся от традиционной сложной вещи императивным характером правового режима (особенность которого «проявляется в законодательном закреплении принципа «единой судьбы» земельного участка и расположенного на нём строения, а также, в ряде случаев, исключений из этого принципа, что не позволяет участникам гражданского оборота по своему усмотрению определять судьбу земельного участка и строения как самостоятельных элементов этой совокупности»). При этом она отмечает, что «наличие у земельных участков присущих им естественных, природных свойств позволяет включить земельные участки в группу «недвижимостей по природе» независимо от прямого отнесения их законом к недвижимости и, следовательно, распространить на них общие особенности правового режима недвижимости», и справедливо предлагает «распространить преимущественное право покупки и на иные случаи возмездного отчуждения в целях обеспечения устойчивости прав собственников строений» [9, с. 9-10].

Ковалева И.С. подчеркивает, что «наряду с оборотоспособностью дополнительным условием ограничения права распоряжения земельным участком является наличие здания, строения или сооружения на нем» [10, с. 11]. При этом, сложно не согласиться с тем, что:

– «параллельное регулирование гражданским и земельным законодательством правоотношений по поводу земельного участка и его частей неправильно было бы считать положительным опытом»;

– «коллизия законодательных норм тормозит использование земельных участков как объектов хозяйственного оборота и существенно ограничивает права субъектов, в ведении которых они находятся» [10, с. 10-11];

– земельный участок и расположенные на нем здания, строения, сооружения, как «два самостоятельных (хотя и прочно взаимосвязанных) объекта имеют различную оборотоспособность и права на них регламентируются разными отраслями права, поэтому для квалификации земельных участков и зданий, строений или сооружений, на них расположенных, как «единого объекта» правовые основания отсутствуют» [10, с. 14].

Кроме того, буквальное толкование нормы, закрепленной ст. 273 ГК РФ (и ст. 333 ГК ДНР), «позволяет сделать вывод, что возможно уменьшение границ участка, передаваемого новому собственнику» [10, с. 12].

Будникова Ю.Е. справедливо отмечает, что «в данном случае отсутствует один объект недвижимости не только физически, но и юридически. В реальности это разные по правовому статусу объекты … по-разному оформляются права на них. Фактически критерием образования единого объекта может служить право собственности как на объект недвижимого имущества, так и на земельный участок под ним» [7, с. 9-10].

Беленькая А.Я. считает, что необходимо восстановление «в праве традиционного подхода, согласно которому земля является главной вещью, а здание – принадлежностью», и ГК «нуждается в дополнении императивной нормой о том, что принадлежность, связанная с главной вещью физически, следует судьбе главной вещи» [11, с. 6]. Следовательно, в данном случае, при переходе права собственности на земельный участок будет иметь место переход к его новому собственнику и права собственности на расположенные на нем здания, строения и сооружения, а не наоборот.

Виноградов П.Н. также считает, что в рамках концепции «единого объекта» следует признать земельный участок главным объектом недвижимости. Причем, реализация такой концепции «возможна только с одновременным признанием и введением в гражданский оборот недвижимого имущества нового объекта – ограниченного права на недвижимое имущество», т.к. «огромное количество зданий и сооружений находятся в собственности частных лиц, не являющихся собственниками земельных участков». Кроме того, «предлагается рассматривать земельный участок и все объекты, расположенные над и под ним и обладающие признаком прочной связи с данным земельным участком, в качестве трехмерной конструкции», на разных уровнях которой различный субъектный состав и объем прав субъектов не совпадает [12, с. 10-11].

Сарьян Е.Р. обосновывает «необходимость сокращения количества видов прав (правовых титулов) на землю», отмечая, что их многочисленность (множественность) не усиливает гарантии прав субъектов, но способствует возникновению дополнительных сложностей, связанных с оформлением соответствующих прав, учетом земельных участков, ведением земельного кадастра, государственной регистрацией прав на землю, вовлечением земельных участков в гражданский оборот [13, с. 8]. При этом, она предлагает, в частности, при регулировании имущественного оборота земельных участков, сохранить такие два вещных права на землю, как «право собственности» и «сервитут», а также – такое обязательственное право, как «аренда» [13, с. 8].

Олейник Л.В. предлагает законодательно закрепить термин «единица недвижимости», понимая под ним «единый объект недвижимости, включающий в себя земельный участок, здания и сооружения, находящиеся на нем, используемые как единое целое и принадлежащие одному собственнику» (отмечается, что «новая система введения «единицы недвижимости» значительно упростит и стабилизирует земельный оборот, упростит процедуру регистрации недвижимости, налогообложения и сделает наиболее прозрачным распоряжение земельными участками с расположенным на них имуществом»). При этом, она справедливо обращает внимание на то, что «в имущественном обороте довольно часто возникают правовые ситуации коллизионности норм, применимых к распоряжению земельным участком и непосредственно недвижимым имуществом, расположенным на нем (в случае принадлежности на одном земельном участке зданий, строений, сооружений, принадлежащих на праве собственности разным лицам)» [14, с. 10]. Однако, стоит отметить, что обязательное объединение в единый объект недвижимости (единицу недвижимости) участка и расположенных на нем зданий, сооружений, а также – закрепление права собственности на такой объект лишь за одним субъектом, неизбежно

повлечет за собой нарушение прав других лиц (учитывая, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, а владение, пользование и распоряжение природными ресурсами (в т.ч. землей) должно осуществляться их собственниками).

Гришин Н.П., подчеркивая, что «свободное обращение земельного участка, а также его изъятие из гражданского оборота служат исключениями из общего правила», обосновывает позицию, «согласно которой часть земельного участка не является объектом гражданских прав и не может быть предметом договора купли-продажи. В случае раздела земельного участка (например, при прекращении отношений общей собственности, при наследовании, при продаже расположенного на участке здания, сооружения и т.д.) происходит формирование нового земельного участка (определение его границ на местности, присвоение кадастрового номера)». «В результате данный участок становится самостоятельным объектом гражданского оборота, с которым возможно совершение различных сделок. Гражданско-правовые отношения не возникают по поводу земли как природного объекта или ресурса. Объектом таких отношений выступает индивидуализированная часть земли, т.е. конкретный земельный участок» [15, с. 8].

В целях же «наиболее полной реализации принципа единой судьбы земельного участка и расположенных на нем иных объектов недвижимости» Гришин Н.П. предлагает «ввести в действующее законодательство норму о преимущественном праве собственника здания, сооружения или иного объекта недвижимости, расположенного на земельном участке, принадлежащем другому лицу, на приобретение земельного участка в случае его продажи собственником» [15, с. 11]. Закрепление такого права представляется целесообразным (если это не противоречит существу заключаемой сделки или аренды земельного участка), т.к. не влечет нарушение прав и законных интересов собственника земельного участка (продавца, отчуждателя) и способствует улучшению правового положения собственника объекта недвижимости (здания, сооружения и др.), расположенного на земельном участке.

Дзагоев С.В. отмечает, что земельный участок может выступать в качестве объекта гражданских правоотношений в трех различных качествах – как:

– простая недвижимая вещь (например, участок сельскохозяйственного назначения с принадлежностями – почвенным слоем и растениями);

– сложная недвижимая вещь (если на нем расположены объекты недвижимости – здания, строения, сооружения, объекты незавершенного строительства; при этом, в гражданском праве формируется новая категория – «единый объект» недвижимости, элементы которого связаны «единой судьбой», означающей взаимное следование объектов недвижимости и земельного участка судьбе друг друга);

– составная часть отдельного объекта гражданских прав (имущественного комплекса, не являющегося ни сложной, ни недвижимой вещью, но «включающего в т.ч. и земельные участки, которые в данном случае не играют самостоятельной роли и подчиняются общему гражданско-правовому режиму имущественного комплекса как объекта гражданских прав») [16, с. 6].

Т.е., в данном случае, при наличии на земельном участке какого-либо объекта недвижимости, такой участок предлагается считать сложной недвижимой вещью, а, в свою очередь, расположенные на нем здания, строения, сооружения, объекты незавершенного строительства – частями (элементами) «единого объекта» недвижимости, как и сам такой участок. С таким утверждением сложно согласиться, т.к. в таком случае сложной недвижимой вещью является не сам земельный участок, а «единый объект» недвижимости, в состав которого он входит вместе с расположенными на нем зданиями, строениями, сооружениями, объектами незавершенного строительства.

Кондратюк Д.Л. считает, что право на земельный участок собственника здания, строения, сооружения может быть отнесено к вещным правам и определено как разновидность сервитута, а для защиты такого права (в случае его нарушения) целесообразно применение «иска о признании отсутствующим зарегистрированного в ЕГРН права иного лица» [17, с. 112, 116].

Беланова Г.С. подчеркивает, что:

– «с широкой точки зрения, строительство также является переработкой, т.е. изготовлением недвижимых вещей (зданий, строений) из движимых (строительных материалов)»;

– здание или сооружение до государственной регистрации прав на него находится в имущественной сфере собственника земельного участка, на котором оно расположено;

– передать право собственности на недвижимую вещь, которая находится в процессе переработки (строительства) невозможно [18, с. 44-45].

При этом, стоит отметить, что ч. 1 ст. 166 ГК ДНР относит, земельные участки, здания, сооружения и объекты незавершенного строительства к недвижимым вещам (недвижимому имуществу, недвижимости).

Власенко Т.В. и Хохлова О.В. рассматривая особенности возникновения прав на земельный участок, на котором расположены объекты недвижимого имущества, отмечают, что «приобретение прав на земельный участок под разрушенным или практически разрушенным зданием, строением, сооружением возможно только после его восстановления, сам процесс которого до конца не урегулирован законодательно (так, не урегулированы вопросы, что делать, если лицо за отведенный срок не полностью восстановило объект недвижимости или в течение длительного времени не производило ремонтных работ и не восстанавливало объект недвижимости, а также случаи, когда восстановление объекта недвижимости невозможно)» [19, с. 44]. С такой точкой зрения сложно согласиться, т.к. наличие права собственности на здание, строение, сооружение не зависит от состояния такого объекта недвижимости, а за его собственником сохраняется и право на земельный участок, который занимает такой объект (в частности, право собственности или пользования).

Таким образом, учитывая вышеизложенное, при переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, представляется целесообразным переход к приобретателю здания или сооружения не права собственности на земельный участок, занятый зданием или сооружением и необходимый для его использования, а лишь права пользования им (если иное не предусмотрено законом или договором между отчуждателем и приобретателем здания или сооружения).

Также, можно считать целесообразным распространение преимущественного права покупки и на иные случаи возмездного отчуждения здания, сооружения или земельного участка (занятого зданием, сооружением, и/или необходимого для его использования).

Соответственно, имеет место необходимость совершенствования законодательства, действующего на территории ДНР и РФ.

Немаловажное значение в современных условиях приобретают и вопросы, связанные с правами иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на земли, расположенные на территории ДНР.

Согласно ст. 81 ЗК Украины, иностранцы и лица без гражданства могут приобретать право собственности на земельные участки несельскохозяйственного назначения в пределах населенных пунктов (а также за их пределами), на которых расположены объекты недвижимого имущества, принадлежащие им на праве частной собственности, в случае:

– приобретения по договору купли-продажи, ренты, дарения, мены, другим гражданско-правовым соглашениям;

– выкупа земельных участков, на которых расположены объекты недвижимого имущества, принадлежащие им на праве собственности;

– принятия наследства [4].

Земли же сельскохозяйственного назначения, принятые в наследство иностранцами и/или лицами без гражданства, подлежат отчуждению в течение года (ч. 4 ст. 81 ЗК Украины) [4].

Однако, в современных условиях (политических, социальных, экономических и др.) реализация на территории ДНР норм ЗК Украины, допускающих приобретение иностранцами и лицами без гражданства права собственности на земельные участки (в т.ч. и несельскохозяйственного назначения), может повлечь существенный вред как государственной безопасности, так и отдельным гражданам. При этом, стоит отметить отсутствие единой точки зрения относительно целесообразности предоставления иностранным гражданам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам возможности приобретения права собственности на земельные участки на территории государства (как в пределах населенных пунктов, так и за их пределами).

Так, Маленко В.С., рассматривая вопросы, связанные с гражданско-правовым регулированием земельного оборота с иностранным элементом в РФ, предлагает законодательно закрепить право иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц «обладать на праве собственности земельными участками, за исключением находящихся на приграничных территориях, перечень которых устанавливается Президентом … в соответствии с … законодательством о Государственной границе …, и на иных установленных особо территориях … в соответствии с … законами». При этом, отмечается, что наиболее востребованной формой участия иностранных лиц на отечественном рынке является аренда земельных участков [20, с. 10-11]. Также Маленко В.С. предлагает установить в отношении бипатридов (т.е. физических лиц, имеющих помимо гражданства РФ гражданство другого государства, других государств) «в рамках земельных отношений те же ограничения что и в отношении иностранных лиц», «исходя из необходимости защиты интересов отечественных субъектов и государства в целом» [20, с. 12-13].

Бобряшова М.А. справедливо подчеркивает важность сбалансированного правового регулирования в сфере земельных отношений «таким образом, чтобы, с одной стороны, использовать весь потенциал (знания, опыт, ресурсы) иностранных физических и юридических лиц с максимальной выгодой для развития … экономики (сельского хозяйства, промышленности). С другой стороны, – ограничить участие указанных лиц в земельных отношениях … исходя из соображений безопасности государства, с учетом значения земли как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». При этом, отмечается, что «следует распространить установленные для иностранных юридических лиц ограничения в правах на земельные участки, относящиеся к любым категориям земель» [21, с. 10]. Относительно же бипатридов Бобряшова М.А. считает, что они «должны обладать правами на земельные участки в полном объеме, без учета ограничений, установленных для иностранных граждан», а их участие в земельных отношениях специальной регламентации не требует [21, с. 11].

Также, стоит отметить, что относительно ограничения в правах на земельные участки для граждан отдельных государств могут быть предусмотрены определенные исключения. Так, в РФ такие ограничения «не распространяются на граждан Республики Беларусь, … Республики Казахстан, Туркменистана, Киргизской Республики и Республики Армения, постоянно проживающих на территории РФ» (в силу международных договоров между РФ и указанными государствами) [21, с. 13-14].

Пономарева Е.В. и Шилова А.Д. отмечают наличие в РФ ряда ограничений для реализации иностранными гражданами и лицами без гражданства прав в сфере земельных правоотношений (так, установлен запрет на предоставление им в собственность земельных участков, расположенных на приграничных территориях; предоставление им земельных участков осуществляется лишь возмездно; участков сельскохозяйственного назначения не могут находиться в собственности у таких лиц, соответственно использование земельных участков данной категории может осуществляться ими только на правах аренды). При этом, «когда иностранное лицо, либо лицо без гражданства является собственником сооружения, здания или строения, которое находятся на чужом участке, данные лица наделяются правом преимущественной покупки и (или) аренды земельного участка» [22, с. 215]. Также, сложно не согласиться с тем, что ограничения для иностранных граждан и лиц без гражданства в сфере реализации прав на земельный участок оправданы, т.к.:

– государство стремится в соблюдении интересов своих граждан;

– они необходимы для сохранения государственного суверенитета;

– они необходимы для обеспечения государственной, экономической безопасности (которое, в свою очередь, должно способствовать развитию внутреннего рынка);

– они способствуют реализации контроля за соблюдением основ конституционного строя [22, с. 215-216].

Турицын Д.А. также обращает внимание на то, что «существующие ограничения приобретения в собственность земельных участков апатридами и иностранными субъектами направлены на защиту Государственных границ …, целостности государства, его суверенитета и независимости», а «приобретение на праве аренды не ограничивается» [23, с. 338].

Лукьянов Д.А. и Гринь Е.А. рассматривая ограничения прав иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на земельные участки в РФ, отмечают дискуссионность вопроса о понятии приграничных территорий (т.к. закон не содержит этого определения), а также – возможность приобретения юридическими лицами с иностранными инвестициями земельных участков сельскохозяйственного назначения не только на основании права аренды, но и в собственность (если в их уставном (складочном) капитале менее 50% иностранного капитала) [24, с. 114]. Также, справедливо отмечается, что в РФ «права иностранных граждан и организаций на земельные участки хотя и предоставляются с определенными ограничениями, но нельзя говорить об их дискриминационном характере, а вызваны они лишь стремлением обеспечить прежде всего интересы российских граждан и юридических лиц» [24, с. 115].

Мартынов А.С., анализируя положения зарубежного законодательства (Монголии и Казахстана), относительно участия иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц в земельных правоотношениях, отмечает, что «при незначительных отличиях, зарубежное законодательство, тем не менее, обнаруживает схожий с российским законодательством подход к определению статуса» таких лиц [25, с. 107].

Гончаров И.А. считает целесообразным урегулирование права собственности на землю с множеством законодательно допускаемых титулов (с закрепленными обременениями и возможностью определения титула в судебном порядке) и созданием специализированных земельных судов. При этом, справедливо отмечается, что для разных государств характерны различные концептуальные модели регулирования права собственности на землю: 1) земля может находиться в собственности любого участника гражданско-правовых отношений; 2) могут быть установлены изъятия в отношении определенных групп субъектов права собственности (например, исключены

иностранцы); 3) единственный собственник земли – государство (т.е. имеет место крайний вариант реализации идеи исключения) [26, с. 11]. В современных условиях, для ДНР представляется наиболее подходящей вторая модель (с исключением иностранцев из числа возможных собственников земельных участков).

Также, сложно не согласиться с Щенниковой Л.В., относительно того, что законодатели различных стран «видят необходимость … в признании защиты только такого права собственности, которое имеет законное основание своего возникновения» [27, с. 335].

В настоящее время, учитывая современные условия (политические, социальные, экономические и др.), наличие законодательно закрепленного права иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на приобретение в собственность земельных участков на территории ДНР и РФ (как в пределах населенных пунктов, так и за их пределами), разных категорий и различного целевого назначения (помимо земель сельскохозяйственного назначения), может создать угрозу государственной безопасности, а также – правам и законным интересам отдельных граждан.

Таким образом, необходимо совершенствование законодательства, действующего на территории ДНР и РФ, направленное на предупреждение возникновения угроз государственной безопасности, а также – нарушения прав и законных интересов граждан в сфере земельных правоотношений (в т.ч. возникающих по поводу владения, пользования и распоряжения землями населенных пунктов на территории ДНР). При этом, стоит учитывать важность инвестиций (в т.ч. иностранных) для развития экономики государства.

Учитывая вышеизложенное, можно считать целесообразным:

1) внесение изменений в ГК ДНР:

а) путем изложения его ст. 333 в следующей редакции: «Статья 333. Переход права на земельный участок при отчуждении находящихся на нем зданий или сооружений

1. При переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю здания или сооружения переходит право пользования земельным участком, занятым зданием или сооружением и необходимым для его использования, если иное не предусмотрено законом или договором между отчуждателем и приобретателем здания или сооружения.

2. При переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю здания или сооружения, по соглашению сторон соответствующего договора об отчуждении, может перейти право собственности и на земельный участок, занятый зданием или сооружением и необходимый для его использования, если иное не предусмотрено законом.

3. Договор об отчуждении здания или сооружения должен содержать условия относительно земельного участка, занятого таким зданием или сооружением и необходимого для его использования (в том числе о его размерах, границах, стоимости, порядке владения, пользования и распоряжения им).»;

б) путем дополнения его ст. 325 частью 4 следующего содержания:

«4. Собственник здания, строения, сооружения, находящихся на чужом земельном участке, имеет преимущественное право приобретения такого участка при его возмездном отчуждении (если это не противоречит существу заключаемой сделки или аренды земельного участка и иное не предусмотрено законом). Собственник земельного участка имеет преимущественное право приобретения расположенных на нем зданий, строений, сооружений при их возмездном отчуждении (если это не

противоречит существу заключаемой сделки и иное не предусмотрено законом). Преимущественное право приобретения осуществляется в порядке, установленном гражданским законодательством для случаев продажи доли в праве общей собственности третьему лицу (статья 311).»;

2) внесение изменений в ГК РФ:

а) в его ст. 273 (аналогичные изменениям в ст. 333 ГК ДНР);

б) в его ст. 264 (аналогичные изменениям в ст. 325 ГК ДНР);

3) внесение изменений в ЗК Украины, действующий на территории ДНР, путем:

а) исключения ч.ч. 2-4 из его ст. 81;

б) исключения ч.ч. 2-4 из его ст. 82;

в) дополнения его статьей 82^1 следующего содержания: «Статья 82^1. Права иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на землю

1. Иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут приобретать право собственности на земельные участки на территории Донецкой Народной Республики (как в пределах населенных пунктов, так и за их пределами), независимо от их категории и целевого назначения.

2. Иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица могут приобретать право пользования земельными участками на территории Донецкой Народной Республики по основаниям и в порядке, предусмотренном законодательством Донецкой Народной Республики.

3. Земли, полученные в наследство иностранными гражданами, лицами без гражданства и иностранными юридическими лицами, подлежат отчуждению в течение шести месяцев».

Такое совершенствование действующего на территории ДНР и РФ законодательства, регулирующего земельные правоотношения, позволит улучшить правовое регулирование объективно существующих отношений в данной сфере, будет способствовать более эффективному формированию правомерного поведения их субъектов, предупреждению возникновения проблем, связанных с различным пониманием участниками правоотношений вопросов, связанных с осуществлением права собственности и иных прав на земли, пользованием и распоряжением такими землями, а также – предупреждению возникновения угроз государственной безопасности, нарушения прав и законных интересов граждан в сфере земельных правоотношений (в т.ч. возникающих по поводу владения, пользования и распоряжения землями на территории ДНР).

Такие факторы, как: актуальность вопросов, связанных с правовым регулированием, осуществлением и защитой права собственности и иных прав на природные ресурсы (в т.ч. земли), владением, пользованием и распоряжением ими; важность рационального использования и охраны природных ресурсов (в т.ч. земли), защиты прав и законных интересов субъектов земельных правоотношений, а также – укрепления законности и предупреждения правонарушений в указанной сфере; наличие существенных недостатков правового регулирования определяют перспективность дальнейших исследований в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Верховным Советом ДНР 14.05.2014, с учетом изменений) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/ (Дата обращения 05.12.2021 г.). – Загл. с экрана.

2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13.12.2019 г. № 81-IIНС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (Дата обращения 05.12.2021 г.). – Загл. с экрана.

3. О применении Законов на территории Донецкой Народной Республики в переходный период: Постановление Совета Министров ДНР от 02.06.2014 г. № 9-1 (с учетом изменений) [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-ministrov-doneckoy-narodnoy-respubliki-o-primenenii-zakonov-na (Дата обращения 05.12.2021 г.). – Загл. с экрана.
4. Земельный кодекс Украины от 25.10.2001 г. № 2768-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2768-14/ed20131205#Text (Дата обращения 05.12.2021 г.). – Загл. с экрана.
5. Бобкова А.Г., Черкаська Н.В. Земельне право: конспект лекцій (в схемах і таблицях) / А.Г. Бобкова, Н. В. Черкаська. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – 91 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c894470d6214c4ba5bb88ddb7f80de907672918c (Дата обращения 05.12.2021 г.). – Загл. с экрана.
7. Будникова Ю.Е. Правовое регулирование выкупа земельных участков приватизированными предприятиями: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.06 – Аграрное право, природоресурсное право, экологическое право / Ю.Е. Будникова; Институт государства и права Российской академии наук. – М., 2008. – 31 с.
8. Калиниченко К.С. Правовой режим земельного участка и расположенных на нем зданий, сооружений в России и Германии: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / К.С. Калиниченко; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2016. – 22 с.
9. Ельникова Е.В. Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Е.В. Ельникова; Волгоградская академия государственной службы. – Волгоград, 2006. – 26 с.
10. Ковалева И.С. Особенности возникновения и реализации прав на землю: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / И.С. Ковалева; Российский государственный институт интеллектуальной собственности. – М., 2008. – 26 с.
11. Беленькая А.Я. Проблемы квалификации права на объект строительства: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / А.Я. Беленькая; Кубанский государственный аграрный университет. – М., 2004. – 22 с.
12. Виноградов П.Н. Правовое регулирование природной и рукотворной недвижимости: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / П.Н. Виноградов; Академия труда и социальных отношений. – М., 2008. – 27 с.
13. Сарьян Е.Р. Вещные права на землю и их государственная регистрация (на примере Московской области): автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Е.Р. Сарьян; Московский институт экономики, политики и права. – М., 2005. – 29 с.
14. Олейник Л.В. Реализация права собственности физических и юридических лиц на земельные участки в городе Москве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Л.В. Олейник; Московский городской университет управления Правительства Москвы. – М., 2013. – 25 с.
15. Гришин Н.П. Купля-продажа земельных участков: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Н.П. Гришин; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2011. – 22 с.
16. Дзагоев С.В. Гражданско-правовое регулирование приобретения прав на земельные участки, находящиеся в публичной собственности: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / С.В. Дзагоев; Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – 21 с.
17. Кондратюк Д.Л. К проблеме выбора способа защиты права на земельный участок со стороны собственника здания, строения, сооружения / Д.Л. Кондратюк // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 112-117.
18. Беланова Г.С. Некоторые проблемы оборота и переработки недвижимого имущества / Г.С. Беланова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 44-47.
19. Власенко Т.В., Хохлова О.В. Особенности возникновения прав на земельный участок, на котором расположены объекты недвижимого имущества / Т.В. Власенко, О.В. Хохлова // Экономика и экология территориальных образований. – 2016. – № 2. – С. 40-45.
20. Маленко В.С. Гражданско-правовое регулирование земельного оборота с иностранным элементом: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / В.С. Маленко; Российский государственный социальный университет. – М., 2007. – 29 с.
21. Бобряшова М.А. Права на земельные участки иностранных физических и юридических лиц в России: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.06 – Аграрное право, природоресурсное право, экологическое право / М.А. Бобряшова; Институт государства и права Российской академии наук. – М., 2012. – 32 с.

22. Пономарева Е.В., Шилова А.Д. К вопросу об ограничении прав на земельный участок иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации / Е.В. Пономарева, А.Д. Шилова // Символ науки. – 2016. – № 10-1. – С. 214-216.
23. Турицын Д.А. Способы приобретения прав на земельные участки иностранными гражданами, апатридами и организациями, а также ограничения такого права по современному законодательству Российской Федерации / Д.А. Турицын // Современная научная мысль. – 2017. – № 6. – С. 324-330.
24. Лукьянов Д.А., Гринь Е.А. Права иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на земельные участки / Д.А. Лукьянов, Е.А. Гринь // Инновационная наука. – 2015. – № 5-3. – С. 113-115.
25. Мартынов А.С. Правовое положение иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных организаций в отношениях по использованию и охране земель: сравнительно-правовой анализ / А. С. Мартынов // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3. – С. 101-108.
26. Гончаров И.А. Правовое регулирование собственности на землю в Российской Федерации / И. А. Гончаров // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 1. – С. 11-17.
27. Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности / Л.В. Щенникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 44. – С. 329-351.

PECULIARITIES OF REGULATION OF THE RIGHT OF OWNERSHIP OF LANDS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The article considers the issues, that related to the legal regulation, implementation and protection of the right of ownership of lands, to the possession, use and disposal of land plots. On the basis of the study and analysis of materials of scientific and educational literature, of current legislation of the Donetsk People's Republic and the Russian Federation on the research topic, were made conclusions and were formed the proposals for improvement of legislation.
Keywords: the right of ownership, natural resources, lands, land plot, buildings.

Vasiliev V.
Scientific adviser: Barbashova N.V. doctor of jurisprudence, professor
Donetsk National University
E-mail: vasiliev2017ur@mail.ru

УДК 347.135.224.2

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Гиунашвили Г. Г.
Научный руководитель: Горбатенко Е. В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной научной работе раскрываются существующие в правовой науке Российской Федерации подходы, связанные с внедрением в действующее российское законодательство обязательного нотариального удостоверения сделок, касающихся недвижимого имущества. Вместе с тем, в статье происходит переоценка роли нотариата в сфере оборота недвижимости. Отдельное внимание уделяется комплексному подходу регулирования оборота недвижимого имущества. Кроме того, рассматриваются мнения различных авторов, являющихся как сторонниками, так и противниками обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом. Также, автором даются некоторые рекомендации по улучшению действующего гражданского законодательства.
Ключевые слова: нотариальное удостоверение сделок, недвижимое имущество, нотариальная деятельность, государственная регистрация, нотариат.

Несмотря на довольно важный аспект гражданского законодательства, касающийся отношений, связанных с недвижимым имуществом, до сих пор существуют моменты, которые могут послужить дискуссионной основой для ученых-

теоретиков и юристов-практиков в сфере юриспруденции. В связи с этим, гражданско-правовые отношения по обороту недвижимого имущества актуальны на сегодняшний день по двум причинам.

Во-первых, недвижимое имущество, являясь важным объектом гражданских прав, обладает бесспорным значением в области экономического развития государства и граждан в частности. Отсюда, проблемы, связанные с регулированием такого объекта, непосредственно влияют на благосостояние государства и требуют законодательного разрешения.

Во-вторых, в процессах по реализации правоотношений, связанных с недвижимым имуществом, наиболее часто происходят нарушения гражданских прав лиц, участвующих в сделках с недвижимостью.

Таким образом, как справедливо указали А. О. Иншакова и Ю. А. Тымчук, одним из важных условий поддержания стабильности, соблюдения имущественных прав и функционирования оборота недвижимого имущества является существование в государстве эффективного механизма законодательства в области гражданских правоотношений в сфере недвижимости [1, с. 126].

Тем самым, обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимым имуществом – одна из составных частей гражданского законодательства, требующая детального рассмотрения и анализа в рамках современного подхода к пониманию «недвижимости». Более того, разрешение существующих проблем и противоречий позволит с большей эффективностью реализовывать уже созданные механизмы по регулированию отношений с недвижимостью.

Согласно действующему гражданскому законодательству, а именно подп. 2 п. 2 ст. 163 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 г. №51-ФЗ, при нотариальном удостоверении сделок существует принцип добровольности, когда стороны таких сделок вправе самостоятельно выбрать подходящую для них нотариальную форму. Так, стороны имеют право избрать следующие нотариальные формы:

1) простую письменную;

2) нотариальную, даже если для сделки такая форма не предусмотрена законом в качестве обязательной.

Вместе с тем, на сегодняшний день, в соответствии с п. 3 ст. 8.1 Гражданского кодекса сделки, которые влекут возникновение, изменение или прекращение прав на имущество, и подлежат государственной регистрации, нотариально удостоверяются лишь в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон [2]. Другими словами, указанная статья действующего гражданского закона прямо не предусматривает обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом.

Данное решение законодателя вызывает соответствующие дискуссии между учеными, среди которых можно выделить как сторонников обязательного нотариального удостоверения рассматриваемого вида сделок, так и противников такого подхода в существующем гражданском законодательстве.

Ряд ученых полагают, что статья 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации требует серьезной реформы, которая закрепляла бы обязательность нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом. В частности, А. И. Гудков, аргументируя необходимость реформирования указанной ранее статьи, отмечал, что нотариальные процедуры, которые удостоверяют имущественные права, представляют собой одно из наиболее эффективных средств защиты и охраны обязательственных и вещных прав. Вместе с тем, как замечал А. И. Гудков, к числу преимуществ, которые вызовет предложенное изменение в статье 8.1 Гражданского кодекса, можно отнести следующие:

1) произойдет значительное снижение уровня риска мошенничества;

2) снижение вероятности возможного аннулирования судом договора, связанного с недвижимым имуществом.

Более того, по мнению данного автора «…наличие в законодательстве обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом будет сопровождаться также закреплением доверия к профессиональной нотариальной деятельности, как со стороны участников таких сделок, так и со стороны государства как такового» [3, с. 146].

Тем самым, по мнению автора данной научной работы, такой подход имеет свое существенное преимущество, которое способно значительно улучшить практику по делам с недвижимостью и законодательную базу в целом. Оно заключается в предполагаемой судебной защите лицом своих прав по договору, связанному с недвижимым имуществом. Так, суду будет легче рассматривать дела, где присутствует удостоверение сделки компетентным нотариусом. Как известно, нотариат – это орган бесспорной гражданской юрисдикции. Он призван вершить превентивное правосудие, что чаще всего выражается в удостоверении бесспорных прав граждан. Таким образом, у потерпевшего лица с большей вероятностью будет положительный исход судебного разбирательства.

Стоит отметить, что Е. И. Черникова также придерживается мнения, что обязательное нотариальное удостоверение сделок приведет к улучшению гражданского законодательства. В частности, она указывает, что такая процедура сама по себе подтверждает ряд особо важных моментов, необходимых для заключения любой сделки, а именно: дееспособность лиц, участвующих в сделке; их подлинную волю; предупреждение ошибок и т.д. [4, с. 72]. Перечисленное может послужить основанием для того, чтобы суд признал сделку недействительной. Поэтому, удостоверение нотариусом сделки будет исключать вероятность признания ее недействительной.

Интересным также является мнение А. В. Малько и Н. В. Богатырева, которые утверждают, что латинская модель, по которой действует современный российский нотариат, предполагает под собой бесспорность сделок, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению. В связи с этим «…закрепление в законе обязательной нотариальной формы для сделок с недвижимым имуществом, несомненно, повысит эффективность осуществления охранительной функции права» [5, с. 14].

Важно отметить, что охранительная функция права выражается в таком правовом воздействии, при котором, с одной стороны, происходит охрана положительных отношений, а с другой, проводится вытеснение отношений, вредных для общества. Поэтому, улучшение охранительной функции в сделках с недвижимым имуществом – обязательная задача для государства.

Исходя из всех вышеуказанных аргументов, которые, на взгляд автора данной научной работы, являются верными и обоснованными, можно сделать промежуточный вывод, что закрепление обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом является верным решением. Однако, будет ошибкой не рассмотреть позицию тех ученых, которые являются противниками закрепления в законе обязательной нотариальной формы для рассматриваемых сделок.

Одним из аргументов, который приводят ученые-юристы, является нецелесообразность данной практики. Так, в случае закрепления обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом в гражданском законодательстве, увеличится расходная часть на оформление таких сделок. Кроме того, увеличится также объем работы для нотариусов и, соответственно, появится дополнительная нагрузка на них.

Стоит также отметить, что в связи с увеличением спроса на недвижимость и постоянно увеличивающегося количества недвижимого имущества, его оборот постоянно

нарастает. По этой причине, вполне возможно снижение эффективности нотариата как такового, ведь срок иных нотариальных действий, вероятнее всего, будет увеличен.

Вместе с тем, некоторые ученые полагают, что закрепление в законодательстве обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом должно происходить в комплексе с другими законодательными изменениями. К примеру, по мнению М. Ф. Дзуцева, реализация указанного механизма регулирования отношений, связанных с недвижимым имуществом, должна проходить в совокупности с решением следующих моментов:

1) должны быть установлены сниженные тарифы за обязательное нотариальное удостоверение сделок;

2) должен быть реализован «активный» нотариат, задачи которого будут заключаться в оказании услуг в полном объеме, начиная от сбора документов с их проверкой и заканчивая правовым сопровождением самой сделки;

3) должна быть проведена конкретизация оснований, по которым возможно привлечение нотариуса к ответственности [6, с. 152].

Таким образом, исходя из всего вышеуказанного, можно составить следующие выводы.

Закрепление в законодательстве обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом, несомненно, положительно повлияет на гражданские правоотношения в области недвижимости.

Так, указанные нотариальные действия будут играть непосредственную роль в возможных судебных разбирательствах, касающихся сделок с недвижимым имуществом. В частности, наличие в судебном процессе материалов, заверенных нотариусом, не только облегчит сам ход разбирательства, но и положительно скажется на окончательном решении, которое с большей вероятностью будет принято в пользу потерпевшего лица.

Также, немаловажным является тот факт, что нотариальное удостоверение рассматриваемых сделок на этапе проверки документов будет подтверждать наличие у сторон таких важных условий, как: дееспособность, волеизъявление и другое. Кроме того, будет происходить предупреждение возможных ошибок.

Вместе с тем, стоит учитывать и обратные моменты, связанные с введением в законодательство обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом. Так, закрепление обязательной нотариальной формы должно проводиться в совокупности с другими законодательными изменениями, в число которых входит: установление пониженных тарифов, «активный нотариат», конкретизация оснований ответственности нотариусов.

Логичным также представляется введение обязательного нотариального удостоверения сделок на субъектном уровне, прежде чем закреплять такую практику на уровне общегосударственном.

По мнению автора данного исследования, в качестве практического эксперимента требуется установить обязательную нотариальную форму для сделок с недвижимостью на определенный срок на уровне какого-либо субъекта государства, тем самым выявив целесообразность такого новшества. Кроме того, в период проведения эксперимента следует провести необходимые исследования по изучению экономической составляющей, составив конкретные критерии и размеры тарифов, которые в дальнейшем будут закреплены в законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иншакова А. О., Тымчук Ю. А. Обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью как гарант стабильности ее гражданского оборота // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – № 2 (31). – С. 125-133.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гудков А. И. Введение обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 10. – С. 145-148.
4. Черникова Е. И. Сделки с недвижимым имуществом и проблема установления для них обязательной нотариальной формы // Экономика, социология и право. – 2016. – № 9. – С. 69-72.
5. Малько А. В., Богатырев Н. В. Реформирование института нотариата в контексте усиления охранительного воздействия права // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 3 (29). – С. 7-16.
6. Дзуцева М. Ф. Соотношение нотариальной формы удостоверения сделок с недвижимостью и государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2014. – № 2. – С. 149-154.

MANDATORY NOTARY CERTIFICATE OF TRANSACTIONS WITH REAL ESTATE PROPERTY

Annotation. This scientific work reveals the approaches existing in the legal science of the Russian Federation related to the introduction into the current Russian legislation of the obligatory notarization of transactions related to real estate. At the same time, the article re-evaluates the role of the notary in the field of real estate turnover. Special attention is paid to an integrated approach to regulating the turnover of real estate. In addition, the opinions of various authors, who are both supporters and opponents of the mandatory notarization of real estate transactions, are considered. Also, the author gives some recommendations for improving the current civil legislation.
Keywords: notarization of transactions, real estate, notarial activities, state registration, notary.

Giunashvili G.
Scientific adviser: Gorbatenko E.V., Candidate of Law Sciences, associate professor
Donetsk National University
E-mail: georgiygiunashvili@mail.ru

УДК 340

АНАЛИЗ И ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПО РАЗВИТИЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ

Гиунашвили Г.Г.
Научный руководитель: Савельева В.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процедуры регистрации физических лиц-предпринимателей в Грузии. Кроме того, исследуются результаты проведенных реформ и соответствующее законодательство Грузии. Обращается внимание на грузинский опыт внедрения зарубежных моделей регулирования отношений в данной сфере, а также достигнутые на протяжении десятилетия высокие результаты, подтвержденные высокими позициями Грузии в мировых рейтингах относительно простоты ведения бизнеса.
Ключевые слова: регистрация физического лица-предпринимателя, предпринимательская деятельность, реформы, зарубежный опыт, Грузия.

При изучении зарубежного опыта в том или ином правовом институте акцент отечественного исследования делается на такие развитые в экономическом плане страны, как, например, Соединенные Штаты Америки, Германия, Великобритания и другие.

Однако, представляется весьма интересным опыт развития института регистрации физических лиц-предпринимателей такого государства, как Грузия. Политический строй в указанном государстве претерпел коренные изменения в 2003 году, когда произошла т. н. «Революция роз». Первоначальной задачей нового правительства было

искоренение организованной преступности, а также подавление обширной коррупции в стране. Любопытными представляются данные издания Baltijas Balss, в соответствии с которыми 9 из 10 «воров в законе» на территории бывшего Советского Союза являются грузинами [1]. По итогу, новая власть не стала обновлять существовавшую систему правопорядка, которая показала себя неэффективным институтом, а приняла решение полностью заново создать систему правоохранительных органов, тем самым, фактически поборов уровень организованной преступности [2].

После восстановления правопорядка, власти начали проводить похожие радикальные реформы и в других областях государства, среди которых была система экономики и фиксальной политики. Так, была упрощена процедура регистрации физических лиц-предпринимателей, и, в целом, ведение предпринимательства в стране стало легче. В результате данных реформ, руководству Грузии удалось за короткий срок увеличить ВВП государства в несколько раз. В частности, по данным Doing Business в 2017 году Грузия впервые вошла в топ-20 общего рейтинга стран по благоприятности условий ведения бизнеса, а на данный момент занимает уже 7 место, уступая лишь Новой Зеландии, Сингапуру, Гонконгу, Дании, Республике Корея и Соединенным Штатам Америки [3]. К слову, в то время, как Грузия занимает лидирующие позиции в указанном рейтинге, большинство соседствующих с ней стран располагаются за «сотым номером» по легкости ведения бизнеса. Часто эксперты, рассуждая об предпринимательской жизни Грузии, называют новое положение дел «Грузинским чудом». Его можно объяснить тем, что в Грузии имеют место такие факторы, как: удобство и простота регистрации субъектов предпринимательства, понятные и низкие налоги, минимальное вмешательство в экономику со стороны государства и незначительный уровень коррупции.

Важно отметить, что ежегодное исследование Doing Business строится из результатов анализа группой Всемирного банка простоты осуществления предпринимательской деятельности на основе десяти показателей (индикаторов) в 190 странах, публикуемых в открытом доступе с 2003 года. Прежде всего, исследуется национальное законодательство, которое регулирует правоотношения по созданию и ведению хозяйственной деятельности предприятий. Более того, помимо внутреннего законодательства государства анализируется также и соответствующая правоприменительная практика, касающаяся предпринимательства.

Интересным также является то, что за 17 лет публикации данного рейтинга в 178 государствах были проведены 722 реформы, цель которых состояла в упрощении регистрации предприятий путем устранения или уменьшения барьеров для выхода на рынок. Кроме того, по данным группы Всемирного банка государства с высокими показателями в указанном ранее рейтинге имеют, как правило, более высокий уровень предпринимательской активности и достаточно низкий уровень коррупции.

Главным объектом анализа исследовательской группы Всемирного банка является то национальное законодательство, которое регулирует следующие области «жизненного цикла» субъекта предпринимательской деятельности:

− заключение госконтрактов;
− международная торговля;
− обеспечение исполнения контрактов;
− налогообложение предпринимателей;
− процедуры банкротства;
− процедура регистрации собственности предприятия;
− особенности защиты миноритарных инвесторов;
− регулирование трудовых отношений;
− получение разрешений на строительство;
− получение кредитов;

− подключение к электроснабжению.

Другими словами, исследовательской группой Всемирного банка проводится оценка непосредственного и прямого влияния правотворческой деятельности законодателя на хозяйственную деятельность предпринимателей своего государства.

Интересно при этом обратиться к распределению государств по отдельно взятому показателю «Регистрация предприятий». Так, можно обнаружить следующие данные: из 190 государств по данным 150-страничного доклада исследовательской группы Всемирного банка за 2020 год Грузия занимает 2-е место. В то же время, Великобритания занимает 18-е место, Франция – 37-е, Россия – 40-е, Соединенные Штаты Америки – 55-е, а Германия – 125-е. Это еще раз подтверждает экономический успех грузинского опыта в реформировании института регистрации физических лиц-предпринимателей. При этом, стоит сделать оговорку, что на данный момент Всемирный банк временно приостановил публикацию рейтинга государств по условиям ведения бизнеса, приступив к аудиту процесса сбора и оценки данных для его составления [4].

Теперь же, определив международный уровень благоприятствования ведения бизнеса в Грузии, следует перейти к анализу самого законодательства, которое регулирует регистрацию предпринимателей, определив при этом его характерные особенности. Главным нормативным правовым актом в данной сфере является Закон Грузии от 28 октября 1994 года № 557 «О предпринимателях» [5], существенные изменения в который были внесены в 2008 году. Помимо этого, вопросы регистрации предпринимателей регулируются также Законом Грузии «О публичном реестре» [6] и Инструкцией «О регистрации предпринимателей и непредпринимательских (некоммерческих) юридических лиц», утвержденной приказом Министра юстиции Грузии 24 июня 2011 года № 4946.

Важно отметить, что п. 5 ст. 24 Гражданского кодекса Грузии устанавливает, что юридическое лицо, целью которого является предпринимательская (коммерческая) деятельность, а также его филиал должны создаваться в соответствии с Законом о предпринимателях [7]. Интересным является тот момент, что порядок регистрации юридического лица, целью которого является непредпринимательская деятельность, устанавливается в самом Гражданском кодексе Грузии (а именно в п. 6 ст. 24).

В свою очередь, определение предпринимательской деятельности закреплено не в Гражданском кодексе Грузии, как это сделано в Донецкой Народной Республике, а в Законе «О предпринимателях». Так, в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона Грузии «О предпринимателях» предпринимательской деятельностью считается правомерная и неоднократная деятельность, осуществляемая с целью извлечения прибыли самостоятельно и организованно. Кроме того, указанным Законом в ст. 2 также устанавливается перечень субъектов предпринимательской деятельности. К ним относятся: общество с солидарной ответственностью (ОСО), индивидуальный предприниматель, коммандитное общество (КО), общество с ограниченной ответственностью (ООО), акционерное общество (АО, корпорация) и кооператив.

Что касается полномочий по регистрации субъектов предпринимательства в Грузии, то ими наделено юридическое лицо публичного права, именуемое Национальным агентством публичного реестра, действующего в сфере управления Министерства юстиции Грузии и ведущее соответствующий Реестр предпринимателей страны. Примечательно, что с 1 января 2010 года, т. е. с момента наделения агентства функцией регистрации предпринимателей, существование субъекта предпринимательской деятельности подтверждается выпиской из такого Реестра. Такое новшество было введено вместо прежнего свидетельства о налоговой регистрации.

Стоит отметить, что в Грузии государственная регистрация субъекта предпринимательства разделена на налоговую и государственную регистрацию как

таковую. Данные из Реестра о регистрации (либо их изменении или отмене) передаются регистрирующим органом в Службу доходов Грузии, являющееся юридическим лицом публичного права и находящееся в ведении Министерства финансов Грузии. К слову, указанные данные передаются в электронной форме. Служба доходов Грузии, в течение десяти рабочих дней с момента регистрации решения о ликвидации предприятия, предоставляет регистрирующему органу сведения о рисках наличия налогового обязательства у данного предприятия.

Важным также является то, что решение регистрирующего органа о регистрации субъекта предпринимательства считается вступившим в законную силу только после официального ознакомления с ним соискателя или его опубликования на сайте самого регистрирующего органа [8]. При этом, уведомления от регистрирующего органа могут отправляться не только на юридический адрес, но и на номер телефона и/или адрес электронной почты, если они будут зарегистрированы предпринимателем для таких целей (п. 4.1 ст. 4 Закона Грузии «О предпринимателях»). Указанные нововведения стали возможны благодаря переходу Грузии в «эру электронного документооборота» еще в 2008 году.

Самое интересное содержится в возможностях и данных, к которым предоставляет открытый доступ Национальное агентство публичного реестра Грузии. В частности, в Реестре содержатся не только основные (главные) сведения о субъектах предпринимательства, но и также предоставляется доступ к самим данным и документам о предпринимателе. Например, у любого лица есть возможность ознакомиться с копиями заявления предпринимателя о регистрации, его подписью и фотографией, удостоверением его личности, квитанцией об уплате пошлины и учредительными документами, уставом (если имеется) и тому прочим.

Необычным является также то, что в соответствии с п. 5, 8 ст. 20.1 Закона Грузии «О публичном реестре» выписка из Реестра предпринимателей и информация о деятельности субъекта предпринимательства может быть получена не только на национальном грузинском, но и на английском языке.

Отдельно можно выделить сроки государственной регистрации субъектов предпринимательства в Грузии. Так, процедура такой регистрации занимает всего один рабочий день после подачи предпринимателем предусмотренного пакета документов. Кроме того, у предпринимателя имеется возможность зарегистрироваться и в день подачи документов, в случае, если он уплатит пошлину за ускоренную (срочную) регистрацию, в два раза превышающую обычную (на момент января 2022 года эта сумма составляет 200 лари, что ровняется 5050 российским рублям).

Касаемо пакета документов, которые необходимы для регистрации физического лица-предпринимателя, он мало чем отличается от пакета документов в Донецкой Народной Республике и состоит всего лишь из двух документов: удостоверения личности и заявления о регистрации. Заявление же должно содержать следующие данные: имя и фамилию заявителя, информацию о местонахождении (юридическом адресе), дату заполнения заявления, личном номере заявителя, его подпись, адрес электронной почты и/или телефона (опционально), квитанцию об уплате госпошлины.

Любопытным является то, что Особенная часть Закона Грузии «О предпринимателях» содержит в себе специальные нормы о правовом статусе коммандитного общества, общества с солидарной ответственностью, общества с ограниченной ответственностью, кооператива и акционерного общества. При этом, в Особенной части указанного Закона специальные нормы о правовом статусе индивидуальных предпринимателей отсутствуют.

Интересно также отметить, что законодатель Донецкой Народной Республики приравнивает правовой статус физических лиц-предпринимателей со статусом юридического лица. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 26 Гражданского кодекса Донецкой

Народной Республики к предпринимательской деятельности физических лиц, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила настоящего Кодекса, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения. Грузинский же законодатель избрал другую правовую модель – согласно п. 3 ст. 2 Закона Грузии «О предпринимателях» индивидуальный предприниматель в деловых отношениях осуществляет свои права и обязанности, напротив, как физическое лицо.

Будет верным обозначить, что в настоящее время Министерством юстиции Грузии подготовлен законопроект нового закона «О предпринимателях». В частности, бывший Глава Министерства юстиции Грузии Тея Цулукиани аргументировала такое решение тем, что принятый в 1994 и обновленный в 2008 году закон уже не отвечает современным потребностям общества [9].

Невзирая на то, что на сегодняшний день Грузия и так располагается на высоких позициях в мировом рейтинге государств по простоте ведения бизнеса, главной и основной целью нового закона «О предпринимателях» является повышение инвестиционной привлекательности Грузии. Данной цели, как считают авторы нового закона, можно достигнуть лишь благодаря введению в национальное законодательство Грузии повышенных европейских стандартов.

Немаловажным будет отметить, что в ходе рецепции немецкого вещного права грузинский законодатель, как отмечают Т. Зарандия и Е. Курзински-Сингер, заметно упростил исходные нормы, в результате чего оставил вне рамок детали, которые кажутся, на первый взгляд, второстепенными, однако при более внимательном анализе – обеспечивающими баланс интересов, заложенный в исходной модели. Кроме того, авторы замечают некоторое смешение заимствованных институтов и действующих до реформы норм, уходящих своими корнями в советское прошлое [10].

Анализируя новую модель регистрации субъектов предпринимательства в Грузии, можно прийти к несколько иному заключению. В данном случае можно констатировать политико-правовой эксперимент, проводимый на территории целого государства, путем заимствования и внедрения иностранных моделей построения и последующего регулирования общественных отношений, касающихся той или иной области жизнедеятельности. В частности, радикальное реформирование системы правоохранительных органов Грузии после «Революции роз» во многом отражает американскую модель, а опыт борьбы с организованной преступностью – итальянскую и американскую модели. В свою очередь, реформирование системы образования – синтез советской, американской и европейской моделей.

Таким образом, передовой опыт Грузии, отражающий открытость (публичность), простоту, оперативность и современность процедуры регистрации предпринимателей, несомненно, может послужить эффективным примером, как один из путей реформирования отечественной системы государственной регистрации предпринимателей. Ведь стоит понимать, что от привлекательности режима того или иного законодательства в будущем зависит инвестиционная привлекательность целого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. СМИ рассказали, почему среди воров в законе много грузин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bb.lv/statja/lifenews/2019/10/09/smi-rasskazali-pochemu-sredi-vorov-v-zakone-mnogo-gruzin (дата обращения: 22.01.2022).

2. Подробнее о реформе Министерства госбезопасности в Грузии см.: Коварский Н. Порядок по-грузински // Forbes. 06.07.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.forbes.ru/ekonomikacolumn/vlast/52396-poryadok-po-gruzinski (дата обращения: 22.01.2022).

3. Doing Business, проект Всемирного банка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings (дата обращения: 22.01.2022).
4. Всемирный банк прервал публикацию рейтинга Doing Business из-за ошибок. [Электронный режим]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/business/27/08/2020/5f47f3c89a79471cfa8a3277 (дата обращения: 22.01.2022).
5. Закон Грузии «О предпринимателях» №557 от 28 октября 1994 года / Официальный сайт Парламента Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://matsne.gov.ge/en/document/download/28408/49/ru/pdf (дата обращения: 22.01.2022).
6. Закон Грузии «О публичном реестре» №820-Пс от 19 декабря 2008 года / Официальный сайт Парламента Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://matsne.gov.ge/ru/document/download/20560/15/ru/pdf (дата обращения: 22.01.2022).
7. Гражданский кодекс Грузии №786-Пс от 26 июня 1997 года / Официальный сайт Парламента Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://matsne.gov.ge/ru/document/download/31702/75/ru/pdf (дата обращения: 22.01.2022).
8. Официальный сайт Национального агентства публичного реестра. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://napr.gov.ge (дата обращения: 22.01.2022).
9. Глава минюста Грузии предложила заменить закон «О предпринимателях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/3036022.html (дата обращения: 22.01.2022).
10. Курзински-Сингер Е., Зарандия Т. Рецепция немецкого вещного права в Грузии // Вестник гражданского права. – 2012. – № 1. – С. 221–257.

ANALYSIS AND STUDY OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF BUSINESS ACTIVITIES ON THE EXAMPLE OF GEORGIA

Annotation. The article discusses the features of the procedure for registering individual entrepreneurs in Georgia. In addition, the results of the reforms carried out and the relevant legislation of Georgia are examined. Attention is drawn to the Georgian experience in the implementation of foreign models of regulation of relations in this area, as well as the high results achieved over a decade, confirmed by the high positions of Georgia in world rankings regarding the ease of doing business.
Keywords: registration of an individual entrepreneur, entrepreneurial activity, reforms, foreign experience, Georgia.

Giunashvili G.
Scientific adviser: Savelyeva V. V., senior lecturer Department of Civil Law and Procedure
Donetsk National University
E-mail: georgiygiunashvili@mail.ru

УДК 316.483:341.231.12

УЧЕНИЕ О ГАРАНТИЯХ ЗАКОННОСТИ: КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ

Гнибеда А.А.
Научный руководитель: Красноносов Е. Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассмотрены основные факторы оказывающие положительное влияние на состояние законности, определяющие предпосылки и условия ее существования, а также проанализирована специфика контроля и надзора за законностью в системе гарантий.
Ключевые слова: законность, гарантия, ответственность, контроль, надзор.

На современном этапе признание верховенства права и законодательства придает проблеме гарантии законности особую остроту. Отсутствие полной реализации закона и нарушение законодательных актов, законодательный нигилизм людей понижают уровень правопорядка в государстве [1, с. 43].

В учениях о гарантиях и в соответствии с этимологией этого слова, рассматриваются только те факторы, которые оказывают положительное влияние на состояние законности, определяют его предпосылки, условия устойчивого существования [2, с. 254].

Под гарантиями принято понимать – совокупность условий и способов, обеспечивающих возможность беспрепятственно реализовать правовые нормы, пользоваться субъективными правами и исполнять юридические обязанности. Невзирая на свою значимость, требования законности не претворяются в жизнь автоматически и не несут стихийный характер. Чтоб законодательные предписания не остались на бумаге и не нарушались, необходимы надлежащие условия и определенный комплекс организационных, идеологических, политических, а также правовых мер, которые бы обеспечили их реализацию, то есть гарантии законности. Гарантировать законность – обозначает закрепить ее незыблемо.

Нерсесянц В.С. понимает гарантии законности как определенные объективные условия, целенаправленные организационные мероприятия, надлежащие нормативно-правовые и институциональные формы, средства и прочее, которые в своей совокупности являются гарантией обеспечения правовой законности и реального правогопорядка.

По мнению автора, гарантиями законности являются определенные условия и специальные средства, обеспечивающие точное и неуклонное соблюдение правовых предписаний, установленных правящей властью.

Для того чтоб гарантии законности стали реальностью, требуется действенный механизм обеспечения правогопорядка. Специфичное место в данном механизме занимают гарантии законности, также контроль и надзор, что практически и является предметом исследования настоящей статьи. При всем этом очевидно, что разработка дпнной проблематики актуализирует необходимость исследования рассматриеваемой проблеммы, с целью формирования авторского определения понятия законности, и выработку единого подхода к пониманию гарантий законности.

Применяя категорию «гарантии» к гарантиям законности в современных государствах, вероятно, необходимо исходить из того, что в данном случае под гарантиями следует понимать только те дополнительные средства, которые устанавливаются в системе законодательного обеспечения с целью недопущения и устранения возможности пробелов механизме правового регулирования. В данном сучае, они несут комплексный характер, связаный со значительными явлениями и процессами общественной жизни и могут быть эффективными лишь в своей совокупности, а также в тесном сочетании объективных и субъективных условий и предпосылок общественной жизни со частно-юридическими и организационно-правовыми средствами, которые направлены на конечное обеспечение и реализацию режима законности. В данном случае, гарантии законности принято делить на общие и специальные (частно-юридические).

В юридической науке, используют классификацию гарантий законности по следующим группам: регулятивные и охранительные. Регулятивные гарантии включают: все правоотношения в обществе и государстве оказывающие непосредственное влияние на соблюдении режима законности (социальные, экономические, политические). Охранительные гарантии законности включают деятельность граждан, общественных объединений и государственных органов, направленных на точное исполнение и соблюдение закона в государстве.

Помимо вышесказанного деления в юридической литературе гарантии законности также подразделяют на две группы: общие и специальные. Экономические, политико-идеологические, нравственно-духовные гарантии относятся к общему виду гарантий. К ним относятся социальные, политические, экономические, идеологические и

общественные условия. Социальные условия обусловливают высокий жизненный уровень населения, заботу о слабо защищенных слоях общества, обеспечение и охрану прав и свобод личности. Экономические условия представляют собой устойчивую денежную систему, обеспечение равноправного наличия различных форм собственности, полную и своевременную оплату труда, утверждение и охрану частной собственности, стабильную налоговую политику, свободу частного предпринимательства, положительную работу всего хозяйственного механизма и т.д. К политическим условиям относятся разделение властей и их срогласованность между собой, гласность, развитие и совершенствование демократических принципов общества, формирование правового государства, идеологическое многообразие и плюрализм мнений, обеспечение многопартийности и свободного развития общественных организаций, внедрение идей парламентаризма, равентсва и прочее Под идеологическими условиями понимается формирование в обществе значительного уровня правовой культуры, базирующейся на соблюдении закона, внутреннем взаимосогласии граждан с нормативно-правовыми предписаниями. В том числе, можно отнести расширение правосознания, путем широкой пропаганды и распространении среди граждан правовых знаний, формирование внутренней потребности соблюдать и чтить закон, навыков и умений реализовывать правовые нормы в общественной жизни. Общественные условия – это, прежде всего, активное привлечение граждан к борьбе с нарушениями закона, профилактике правонарушений, формирование атмосферы морального подавления лиц, переступающих или способных переступить закон. Общие гарантии законности составляют основу ее реальности. Тем не менее, они не действуют автоматически и не являются всемогущими. Во многих случаях, влияние этих факторов должно обеспечиваться специальными средствами, к которым относятся, зачастую, гарантии юридические (государственно-правовые) [3, с. 86].

Сунцов А.Е связывает государственно-правовые гарантии с их назначением и целью. По его мнению, этот вид гарантий может существовать только в государстве, основанном на правовых началах, исходящих из принципов верховенства правового закона, разделения функций государственной власти, обеспечения взаимной ответственности государства и личности.

Вопрос о понятии и о составе юридических гарантий законности в юридической литературе освещается неоднозначно. В научной литературе довольно подробно охарактеризован количественный и качественный состав юридических гарантий законности. В качестве наиболее значимых можно назвать: полноту и эффективность юридических норм; эффективность мер юридической ответственности и защиты, способствующая восстановлению нарушенных прав; высокий уровень надзора за реализацией требований законности; высококачественная и профессиональная работа органов государственной власти по обеспечению законности и правопорядка; постоянное совершенствование юридической деятельности; развитое правовое сознание и высокая правовая культура населения в государстве [4, с. 95].

По мнению одних авторов, к данным гарантиям принадлежат только определенные разновидности нормативно-правовые средств и способов обеспечения законности. Остальные юристы относят к ним еще и деятельность государственных органов (а в ряде всевозможных случаев и общественных организаций), которая протекает в соответствии с этими нормами. В соответствии с третьей точкой зрения, к рассматриваемым гарантиям относится именно деятельность институтов гражанского общества, государственных и общественных организаций. В конечном счете, существует мнение, что под юридическими гарантиями следует понимать только систему нормативных и индивидуальных правовых предписаний и соответствующую им юридическую деятельность, органов специально предназначенных для обеспечения законности.

Правовые гарантии непосредственно отражаются в самих правовых нормах в качестве таковых можно рассматривать требования к нормам права, основным из которых, автор считает, степень соответствия правовых норм общественным отношениям. Организационные гарантии реализуются в определенных формах правовой деятельности, направленной на обеспечение законности, к которым относят: деятельность Конституционного Суда по обеспечению конституционной законности; обеспечение правосудия независимым судом и подчинение его только закону; действие других правоохранительных органов по обеспечению неотвратимости ответственности и соблюдение презумпции невиновности, обеспечение справедливости и законности наказания; деятельность государственных органов и общественных объединений по обеспечению законности в сфере деятельности; деятельность граждан по защите своих прав законными средствами и выполнение своих юридических обязанностей [5, с. 279].

Для уяснения вопроса о сути так именуемых социально-экономических гарантий определенную пользу может принести системный подход. Например, чтоб найти логику системного подхода в максимально облегченном виде, следует выделить в окружающем мире некоторую целостность, то есть систему. В этом случае это будет законность. В системном подходе разграничение системы и среды имеет главное значение. Разумеется, что среда бывает не лишь наружной, но и внутренней (охваченной самой системой), потому экономические, политические и идеологические явления по отношению к законности будут являться конкретно внешней средой, но не элементом системы.

Неоспоримые доводы свидетельствуют о том, что сводить правовые гарантии лишь к предписаниям закона было бы ошибочно. С чем можно согласиться, так это с формулой, что закон, а если быть точнее – право, во всех его источниках является законодательной основой законности. В определенных же общественных отношениях доля права и факта может быть разной. Однако утверждение про то, что право есть гарантия законности несколько нелогично. Отсюда, к слову, и те претензии к понятию законности, в согласовании с которым почти все авторы думают, что недочетом советского понимания является представление о законности как об общеобязательности закона, что соответствует свойству общеобязательности права. Естественно, при таковых обстоятельствах нужда в понятии законности будет мала, потому развитое законодательство можно отнести к правовым условиям или правовой основе законности.

Практически все исследователи называют в числе гарантий законности контроль и надзор за функционированием систем обеспечения жизнедеятельности общества. Конкретно контрольно-надзорная система призвана гарантировать планомерное течение процесса реализации требований законности. И если эта система зафиксирует определенные нарушения общей системы, ее первой задачей является – дать «сигнал» органам государственной власти о необходимости принятия соответственных мер. В некоторых обычных вариантах сама контрольно-надзорная система может исправить положение своими силами. Однако, в более трудных ситуациях необходимы действия законодательных органов по улучшению законодательства, органов исполнительной власти – по привлечению дополнительных сил и ресурсов, судебной власти – по принятию актов контроля и правосудия.

Меры правовой ответственности будут являться гарантиями законности, но лишь в той степени, в которой они являются органической частью контрольно-надзорной деятельности за состоянием правопорядка. К примеру, глава Уголовного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает ответственность за должностные злодеяния, будет составной частью гарантий законности, в отличие от главы, которая предусматривает ответственность за посягательство на собственность.

Таким образом, в последнии десятилетия, проблема правового мониторинга появилась и стала реальной в государственно-правовой жизни. Правовой мониторинг,

который имеет черты контрольно-надзорной деятельности и связанный с ней органически, вполне, может быть отнесен к гарантиям законности. Данная интеллектуальная технология, позволяющая повысить эфективность государственной политики в законодательной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновьева М.Ю. Понятие гарантий законности и их виды // Вопросы теории государства и права. М. 1998. № 1. — 96 с.
2. Катаев Н.А. Курс лекций по теории права и государства. Уфа, 2004. – 399 с.
3. Ефремов А.Ф. Принципы и гарантии законности. Учебник. Самара 2011. – 152 с.
4. Витрук Н.В. Законность: понятие, защита, обеспечение // Общая теория права: Курс лекций / Под ред. проф. В.К. Бабаева. М. 2013. – 95 с.
5. Катаев Н.А., Лазарев В.В. Курс лекций по теории права и государства; Уфимская высшая школа. – Уфа, 1994. — 401 с.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND FUNCTIONING OF THE SUPREME REPRESENTATIVE BODIES OF THE SOVIET STATE

Annotation. the article discusses the main factors that have a positive impact on the state of legality, determining the prerequisites and conditions for its existence, and also analyzes the specifics of control and supervision of legality in the system of guarantees.
Keywords: legality, guarantee, responsibility, control, supervision.

Gnibeda A.
Scientific supervisor: Krasnonosov E.Yu., Candidate of Law
Donetsk National University

УДК 342.951

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Гокунь Ю.С.
Научный руководитель: Барбашова Н.В., д.ю.н., профессор
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения законодательного регулирования механизма защиты экологических интересов. Установлено, что отечественное законодательство, регулирующее экологические правоотношения, не содержит определение понятия «экологические интересы». Предложено создать механизм защиты экологических интересов, в рамках которого должна быть разработана единая государственная политика в сфере обеспечения и защиты интересов участников экологических правоотношений. Определено, что механизм защиты экологических интересов базируется на принципах, отражающих его сущность и гарантирующих его исполнение, а именно на общих принципах права в сфере защиты экологических интересов и на принципах правовой защиты интересов субъектов экологических правоотношений. Сделан вывод о необходимости создания в Донецкой Народной Республике общественной организации, целью которой будет являться обеспечение реализации и защита экологических интересов, прав и обязанностей физических и юридических лиц, общества и государства.
Ключевые слова: экологические интересы, механизм защиты, принципы, общественная организация.

Права, законные интересы и обязанности граждан Донецкой Народной Республики закреплены во многих отечественных нормативных правовых актах, которые позволяют их реализовать и обеспечивают их защиту. Однако, из трех указанных правовых категорий законные интересы являются наименее изученными, в

частности, это касается экологических интересов, которые в настоящий момент имеют особое значение не только для Донецкой Народной Республики, но и для всего мирового сообщества.

Значение законных интересов обусловлено тем, что они, одновременно с субъективными правами, свободами и юридическими обязанностями, формируют правовой статус личности. Помимо этого, законные интересы личности положены в основу демократического общества и правового государства, неразрывно связаны с функциями права, обуславливают его социальную сущность и указывают на его ценность как регулятора общественных отношений. Таким образом, важность данной категории в юриспруденции переоценить невозможно.

В Законе Донецкой Народной Республики «Об охране окружающей среды» термин «интересы» упоминается четыре раза:

1) в статье 1, при детерминировании понятия «экологическая безопасность», указывая на ее сущность в виде обеспечения защиты природной среды и жизненно важных интересов физических лиц от отрицательного влияния хозяйственной и какой-либо иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также их последствий;

2) в статье 3, где перечислены основные принципы охраны окружающей среды, в качестве одного из которых назван принцип научно обоснованного сочетания экологических и иных интересов человека, общества и государства, направленный на обеспечение стабильного развития и благоприятной окружающей среды;

3) в статье 12, указывая на право общественных организаций и объединений, функционирующих в сфере охраны окружающей среды, принимать участие в разработке и реализации государственных программ по охране окружающей среды, а также предпринимать меры по защите прав и законных интересов населения Республики в сфере охраны окружающей среды и т.д.;

4) в статье 18, при определении цели экологического страхования, направленной на защиту имущественных интересов субъектов хозяйствования и населения ДНР при наступлении экологических рисков [1].

Отметим, что отечественное законодательство, регулирующее экологические правоотношения, не содержит определение понятия «экологические интересы». Кроме того, без внимания в контексте правового регулирования были оставлены и способы защиты экологических интересов. В связи с этим, считаем целесообразным закрепить на законодательном уровне дефиницию экологических интересов, а также обозначить способы их защиты.

Обратим внимание на то, что законные и экологические интересы соотносятся как общее и частное, поскольку законные интересы можно классифицировать по различным основаниям: в зависимости от отраслевой принадлежности, от степени важности, по субъектам, по характеру, по сферам своего проявления, в зависимости от причин, обусловливающих их существование и т.д. [2, с.362-380]. По сфере своего проявления они подразделяются на политические, социально-экономические, культурные, а значит и на экологические. Полагаем, для того, чтобы раскрыть сущность экологических интересов и сформулировать их определение, в первую очередь следует уяснить, что понимается под законными интересами.

Моторова И.В. и Виссаров А.В. предлагают рассматривать законные интересы как категорию, включающую в себя все без исключения интересы физического лица, не нашедшие свое отражение в субъективных правах, однако имеющие определенное значение не только для их обладателя, но и для всего общества [3, с.17-20].

Цветкова Е.А., проанализировав историческое развитие понятия законных интересов, приходит к выводу о существовании двух толкований указанного явления. Широкое толкование предполагает рассмотрение законных интересов в качестве

правовой цели, достигаемой с помощью реализации имеющихся у лица субъективных прав и самого законного интереса. Узкое толкование рассматриваемого определения схоже с данным Моторовой И.В. и Виссаровым А.В. и заключается в детерминировании законных интересов как интересов, которые не были закреплены в обязанностях и правах лица. Одновременно с этим Цветкова Е.А. приводит собственное определение. Понимая под законным интересом правомерное желание субъекта, имеющее направленность на достижение цели при помощи осуществления своих субъективных прав, а также ряда иных правовых средств [4, с.37-46].

По мнению Малько А.В. и Субочева В.В., законные интересы предполагают под собой не детализированные правовой нормой интересы, нарушение которых также причиняет определенные лишения участникам правоотношений, равно как и игнорирование их субъективных прав [5, с.84-98].

Камилова Д.В и Дибирова Г.Р. описывают законный интерес, с одной стороны, как интерес, нашедший свое закрепление в законе, а другой, как интерес, прямо не прописанный в законе, однако вытекающий из его смысла [6, с.53-54].

Пономаренко И.Е. считает, что законные интересы представляют собой простое юридическое дозволение, отраженное в объективном праве либо исходящее из его общих положений, гарантированное в некоторой степени государством, имеющее вид намерения лица пользоваться конкретным благом, обращаться в специально уполномоченные органы за защитой. Также Пономаренко И.Е. указывает на элементы законного интереса, формирующие его структуру, т.е. на намерение лица пользоваться конкретным благом и на возможность обращения в специально уполномоченные органы за защитой [7, с.107-112].

Принимая во внимание все вышеперечисленные определения законных интересов, считаем необходимым вывести свое собственное. Так, под законными интересами понимаются объективно существующие интересы не только физических и юридических лиц, но и коллективных субъектов права, т.е. общества и государства, формально имеющиеся у них, однако не нашедшие своего закрепления в нормативно-правовых актах. Исходя из этого, экологические интересы представляют собой интересы субъектов экологических правоотношений, имеющиеся у каждого из них и составляющие основу их правового статуса. На наш взгляд, данное определение следует закрепить в ст.1 Закона Донецкой Народной Республики «Об охране окружающей среды», где содержится понятийный аппарат, изложив его в написанной нами редакции.

Говоря о защите экологических интересов, обратим внимание на то, что зачастую на них распространяется механизм защиты, соответствующий механизму защиты субъективных прав. Рассматриваемый механизм предполагает разработку единой государственной политики не только в сфере охраны окружающей среды, но и в сфере обеспечения и защиты интересов участников экологических правоотношений. В первую очередь в рамках ее осуществления должно быть закреплено определение понятия экологических интересов, обозначен перечень основных из них, создана нормативная правовая база, регламентирующая вопросы реализации и защиты экологических интересов, а также закреплены непосредственные способы их защиты.

Ключевыми элементами механизма защиты экологических интересов должны быть признаны:

1) повышение правосознания граждан в сфере экологического права как в целом, так и в части защиты своих интересов в данной отрасли;

2) ликвидация правового нигилизма как главного фактора, угрожающего надлежащему обеспечению охраны окружающей среды, влекущего неуважительное отношение к экологическим интересам, правам и обязанностям, ведущему к их обесцениванию и минимизации роли здоровой окружающей среды, необходимой для

нормальной жизнедеятельности человека, функционирования юридических лиц, развития и процветания государства.

Необходимо отметить, что механизм защиты экологических интересов должен базироваться на определенных принципах, отражающих его сущность и гарантирующих его исполнение. Такие принципы возможно подразделить на общие принципы права в сфере защиты экологических интересов (законность, справедливость, демократизм, гуманизм и др.) и на принципы непосредственно правовой защиты интересов индивидуальных и коллективных субъектов экологических правоотношений.

Принципы, лежащие в основе механизма защиты экологических интересов, имеют свои особенности. Так, им свойственно:

1) отражать самые важные и требующие особого внимания аспекты защиты интересов участников экологических отношений;
2) иметь непосредственное законодательное закрепление либо вытекать из положений того либо иного нормативного акта;
3) быть санкционированными государством;
4) обладать устойчивым характером;
5) формировать собственную специфическую систему;
6) стабилизировать общественные отношения в рассматриваемой сфере.

На наш взгляд, при исследовании принципов, обеспечивающих реализацию механизма защиты экологических интересов, особое внимание следует уделить второй группе принципов, т.к. общие принципы права в сфере защиты экологических интересов аналогичны существующим во всех остальных отраслях права, а значит имеют идентичную сущность. В качестве первого из принципов правовой защиты интересов индивидуальных и коллективных субъектов экологических правоотношений обозначим принцип равной защиты экологических интересов, подразумевающий под собой создание одинакового механизма защиты экологических интересов и обеспечение равного доступа к нему для: всех граждан Донецкой Народной Республики независимо от пола, расы, национальности, возраста, принадлежности к той либо иной социальной группе, а также отсутствие дискриминации по различным признакам; всех юридических лиц независимо от формы хозяйствования, вида и рода деятельности; всего общества и государства. Кроме того, должно существовать обязательное законодательное закрепление гарантий защиты экологических интересов.

Принцип установления единой государственной политики в сфере защиты экологических интересов как второй из принципов механизма правовой защиты интересов индивидуальных и коллективных субъектов экологических правоотношений включает в себя создание единой для всего государства политики, состоящей из комплекса мероприятий, формирующих рассмотренный ранее механизм защиты экологических интересов.

Согласно принципу государственного регулирования обеспечения и защиты интересов участников экологических правоотношений, на государство в лице его органов и их должностных лиц возлагается обязанность обеспечивать соблюдение интересов участников экологических правоотношений. Указанный принцип будет дополнять принцип формирования нормативно-правовой базы, способной содействовать реализации экологических интересов и осуществлять их комплексную защиту на высоком уровне. Он предполагает принятие соответствующих законов и подзаконных нормативных правовых актов, устанавливающих общие положения, касающиеся экологических интересов, механизм их защиты, его принципы, полномочия правоохранительных, а в частности, контрольно-надзорных органов, отвечающих за соблюдение и обеспечение экологических интересов, порядок создания и функционирования общественных организаций и движений, содействующих

воплощению имеющихся у субъектов их экологических интересов, а также ряд других положений. В неразрывной связи с двумя названными выше принципами должен находиться принцип установления законодательством Донецкой Народной Республики обязательных требований по защите экологических интересов физических и юридических лиц, общества и государства, заключающийся в разработке специальных стандартов в рассматриваемой области.

В соответствии с принципом открытости и доступности правовых актов в сфере защиты экологических интересов, нормативные правовые акты, регламентирующие ее механизм, должны находиться в свободном и открытом доступе, чтобы каждый имел возможность ознакомления с ними. В данном случае исключение будут составлять акты, содержащие государственную, служебную и иную охраняемую законом тайну.

Проведение мероприятий по контролю и надзору уполномоченными должностными лицами органов государственного контроля (надзора) как один из принципов защиты экологических интересов уполномачивает специальные структуры следить за соблюдением надлежащего функционирования механизма защиты указанных интересов.

Последний принцип механизма защиты экологических интересов выражен в форме участие общественных организаций, объединений и движений, представляющих экологические интересы граждан, юридических лиц, общества и государства, в разработке, принятии и осуществлении решений по вопросам защиты рассматриваемых интересов. Обратим внимание на факт отсутствия в Донецкой Народной Республике таких организаций, объединений и движений. В связи этим, считаем целесообразным выдвинуть идею о необходимости их создания.

Полагаем, вполне обоснованным является создание в Донецкой Народной Республике общественной организации, целью существования которой будет являться обеспечение реализации и защита экологических интересов, прав и обязанностей физических и юридических лиц, общества и нашего государства. Данная общественная организация должна будет: консультировать по вопросам обеспечения их законных интересов и прав; вовлекать желающих лиц к решению проблем, возникающих при реализации экологических интересов, прав и обязанностей; взаимодействовать с органами государственной власти Донецкой Народной Республики и органами местного самоуправления; осуществлять поддержку и представительство лиц, экологические интересы и права которых были нарушены; содействовать их восстановлению в судебном порядке и привлечению виновных к ответственности; проводить мероприятия, направленные на повышение экологической осведомленности граждан начиная с дошкольных организаций и т.д.

Проведя всестороннее исследование по выбранной теме, отметим что экологические интересы должны быть урегулированы законодательно и найти свое нормативно-правовое закрепление, т.к. без этого они могут быть рассмотрены лишь как идея, не имеющая практического выражения, содержанием которой дозволено пренебрегать, а ее значение недооценивать, не опасаясь при этом ответной реакции государства в виде применения мер принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Донецкой Народной Республики «Об охране окружающей среды» № 38-IHC от 30.04.2015, действующая редакция по состоянию на 30.04.2021 URL: https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-ohrane-okr-sredy/ (дата обращения:17.09.2021)
2. Субочев В.В. Законные интересы // Проблемы теории государства и права. Учебник / Под ред. А. В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 362-380.
3. Моторова И.В., Виссаров А.В. Законный интерес как элемент гарантии правового статуса личности // Марийский юридический вестник. – 2016. – Т.1. –№1 (16). – С.17-20.
4. Цветкова Елена Алексеевна. Категория законного интереса в юридической науке // Журнал российского права. – 2016. – №3 (231). – С.37-46.

5. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы в правовой жизни общества: Актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. – 2014. – №2 (313). – 2014. – С.84-98.
6. Камилова Д.В. Дибирова Г.Р. О понятии законных интересов в правовой системе Российской Федерации // Государственная служба и кадры. – 2019. – №2. – С.53-54.
7. Пономаренко И.Е. Структура правового интереса: теоретико-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право,. – 2017. – Т.17. – №4. –С.107-112.

LEGISLATIVE REGULATION OF THE ENVIRONMENTAL PROTECTION MECHANISM

Annotation. The article is devoted to the issue of studying the legislative regulation of the mechanism for protecting environmental interests. It has been established that the domestic legislation regulating environmental legal relations does not contain a definition of the concept of “environmental interests”. It is proposed to create a mechanism for protecting environmental interests, within the framework of which a unified state policy should be developed in the field of ensuring and protecting the interests of participants in environmental legal relations. It has been determined that the mechanism for protecting environmental interests is based on principles that reflect its essence and guarantee its implementation, namely, on the general principles of law in the field of protecting environmental interests and on the principles of legal protection of the interests of subjects of environmental legal relations. It is concluded that it is necessary to create a public organization in the Donetsk People's Republic, the purpose of which will be to ensure the implementation and protection of environmental interests, rights and obligations of individuals and legal entities, society and the state.
Keywords: environmental interests, protection mechanism, principles, public organization.

Gokun J.
Scientific adviser: Barbashova N.V., Ph.D., professor
Donetsk National University
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 347.2/.3

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФИСКАЦИИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ЗА ДОЛГИ ХОЗЯИНА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гокунь Ю.С.
Научный руководитель: Савельева В.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса правомерности конфискации домашних животных за долги владельца. Определено, что налагать арест на домашних животных, не используемых в целях осуществления предпринимательской деятельности, неправильно, т.к. это будет означать их приравнивание к вещам, т.е. к бездушным и лишённым всяких чувств предметам, что недопустимо по причине наличия у животных души, возможности понимать, чувствовать и скучать за хозяевами. Автором сделан вывод о необходимости установления запрета на наложение взыскания на всех животных должника, не используемых в предпринимательских целях.
Ключевые слова: конфискация имущества, животные, долги, запрет.

В Российской Федерации взыскание по исполнительным документам может быть обращено практически на всё имущество, которое является собственностью должника. Исключение составляет лишь имущество, предусмотренное ч.1 ст.446 ГПК РФ, к которому относится молочный, племенной и рабочий скот, кролики, олени, птица, пчелы, корма, необходимые для их содержания до выгона на пастбища либо же выезда на пасеку, а также хозяйственные строения и сооружения, необходимые для их содержания, при условии, что вышеназванные животные и предметы используются для личных нужд, а не в предпринимательских целях [1]. Однако ни в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, ни в каком-либо другом нормативно-

правовом акте не установлен запрет на наложение взыскания на домашних животных, не используемых для осуществления предпринимательской деятельности. Так, зачастую, взыскание налагается на кошек, собак и попугаев, причиняя неудобства не только хозяевам-должникам, но и самим животным, нарушая их права. Это обуславливает необходимость во внесении в ч.1 ст.446 ГПК РФ изменений, запрещающих обращать взыскание на вышеназванных и на других домашних животных, которые не используются в предпринимательских целях. Отметим, что ранее предпринимались попытки внесения изменений в указанную статью. Так, в 2015 году на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации депутатом Михеевым О.Л. был внесён Законопроект № № 707835-6 «О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», в котором предлагалось установить запрет на конфискацию домашних животных за долги владельцев [2].

Как известно, в первую очередь взыскание по исполнительным документам обращается на принадлежащие должнику денежные средства [3, с.333-339], а затем, если имеющихся денег недостаточно для погашения долга, на всё остальное имущество, включая домашних животных. С одной стороны, данные действия являются правильными, т.к. домашние животные принадлежат должнику на праве собственности, как и другое имущество, а значит на них может быть наложен арест, и они в последующем могут быть проданы на торгах. Это подтверждает ст.137 ГК РФ, в соответствии с которой на животных в гражданском праве распространяются общие правила об имуществе [4]. На практике наложение взыскания на животное оценивается сотрудниками Федеральной службы судебных приставов (ФССП) как невероятно действенное средство, позволяющее ускорить процесс поиска должником денег для уплаты долга, т.к. для него как для владельца, утрата любимого питомца означает нечто большее, чем просто потерю имущества. За время, проведённое с животным, человек привыкает к нему и считает его членом своей семьи, чем и пользуются судебные приставы. В некоторых случаях, видя, как сотрудники ФССП налаживают арест на животное, должники сразу же идут на уступки, находят деньги и возвращают долг, что свидетельствует об эффективности рассматриваемого метода.

С другой стороны, налагать арест на домашних животных, не используемых в целях осуществления предпринимательской деятельности, неправильно, т.к. это будет означать их приравнивание к вещам, т.е. к бездушным и лишённым всяких чувств предметам, что недопустимо по причине наличия у животных души, возможности понимать, чувствовать и скучать за хозяевами. Данный метод причиняет массу неудобств не только хозяевам, но и животным, а также самим судебным приставам. Большая часть домашних питомцев сильно привязывается к людям, которые их кормят, обеспечивают жильём, создают безопасные и комфортные условия для проживания, уделяют внимание, проводят с ними время, ходят на прогулку, любят и заботятся о них. Во время совместной жизни домашние животные настолько привыкают к своим владельцам, что между ними складываются особые отношения. Питомцы начинают руководствоваться эмоциональными посылами, которые передаются позой, тембром и тоном голоса, мимикой, жестами либо чувствами, витающими в воздухе [5, с.308-312], понимают, когда у человека происходит смена настроения. Они запоминают привычки своих хозяев, вносят разнообразие в их жизнь и улучшают настроение. Владельцы учат животное различным командам и общаясь с ними могут использовать слова, понятные только данному животному, что подтверждает наличие особых отношений, сложившихся между животным и его владельцем.

В том случае, если конфискация имущества будет иметь место не из-за нежелания должника погасить долг, а из-за нахождения в действительно сложной ситуации, вызванной его тяжёлым материальном положением, домашние животные

поспособствуют улучшению его душевного состояния, снизив эмоциональную нагрузку, тем самым выполнив функцию поддержания и регуляции семейного гомеостаза [6, с.5-18]. Если же животное конфискуют, человек лишиться специфической эмоциональной поддержки, которую ему могло бы оказать животное.

Как указывалось ранее, между хозяином-должником и конфискованным животным за время их совместного проживания и заботы, оказываемой человеком, на эмоциональном уровне возникает устойчивая связь, разрушение которой ведёт к негативным последствиям как для владельца, так и для питомца. Конфискованное животные способно переживать тяжесть разлуки с хозяином и страдать из-за этого, что вполне может привести к стрессу, сделать животное излишне боязливым либо наоборот раздражительным и агрессивным. Это существенно затруднит продажу питомца после конфискации, т.к. потенциальные покупатели не проявят интерес к вялому животному, которое выглядит больным из-за тоски по старому владельцу, либо они в целях своей безопасности, боясь агрессивного поведения животного, не пожелают его покупать. В дополнение к этому отметим, что зачастую по исполнительным документам взыскание обращается именно на взрослых животных, т.к. котята, щенки, птенцы попугаев и т.д. встречаются у должников довольно редко. Так, если дело будет касаться реализации взрослой особи, к примеру, попугая, кошки либо шиншиллы, лица, желающие их приобрести, найдутся быстрее чем, те, которые намерены стать новыми владельцами взрослой собаки, непревыкшей к третьим лицам. Взрослые домашние питомцы обладают уже сформировавшимся характером, привычками, и им будет крайне неудобно приспособиться к новым хозяевам. Кроме того, невозможно игнорировать тот факт, что у взрослой собаки более чем возможно при виде незнакомых, чужих людей, ставших её новыми хозяевами, сработает инстинкт самозащиты и она начнёт лаять либо даже попытается их укусить. Еще больше сложившуюся ситуацию усугубит наличие у новых владельцев маленького ребёнка, который, видя нового питомца, захочет его погладить, поиграть и сблизиться с ним, не понимая, что животное может резко отреагировать и начать защищаться, увидев незнакомого человека. В лучшем случае, ребёнок просто испугается лая собаки, а в худшем он сильно пострадает он полученных укусов, у него начнёт развиваться эмоциональная травма. Также, взрослый кот либо собака могут убежать от новоиспечённых хозяев, причинив им неудобства и навредив себе. Так, кот может выпрыгнуть в открытое окно дома, а собака оторваться с поводка и убежать. Следовательно, вероятность покупки взрослого животного довольно низкая. В связи с этим возникает вопрос, что будет с животными, которых конфискуют за долги у их владельца, однако по каким-либо причинам не смогут продать.

В Российской Федерации законодательно не урегулирован вопрос о судьбе конфискованных животных, которых не удалось продать для покрытия долгов их бывших хозяев. Полагаем, что в том случае, если конфискованное животное не будет продано на торгах, его должны будут поместить в приют. Жизнь в приюте, в тесной клетке, значительно отличается от привычной жизни конфискованного питомца. Как известно, условия содержания во всех приютах различны, в некоторых из них из-за недостатка средств на содержание и недобросовестного персонала они довольно плачевны. Так, животное, находясь в неблагоприятных для проживания условиях, может испытывать недостаток еды и воды, размещаться в грязной клетке на грязном коврике, нуждаться в дополнительном питании, уходе и внимании, болеть, и, вследствие этого, погибнуть. Конечно, существуют и хорошие, благоустроенные приюты, однако не все животные попадают в них.

Помещение животных в приют осуществляется безвозмездно, а значит сотрудники исполнительной службы не получат никаких денежных средств, необходимых для погашения долга бывшего владельца питомцев. В дополнение к

этому будет иметь место ещё одна неприятная ситуация – животное будет забрано у любящего хозяина просто так. Следовательно, устройство в приют не решит проблему погашения долга.

Создание специального учреждения, куда могли бы направлять конфискованных животных, нецелесообразно и затруднительно с экономической точки зрения. Если бы такое учреждение и было создано, оно бы финансировалось за счёт средств государственного бюджета, что довольно проблематично представить из-за уже существующего недостатка финансирования приютов. Большая часть приютов существует за счёт пожертвований третьих лиц, неравнодушных к судьбе животных. Некоторые такие пожертвования оказываются весьма значительными, тем не менее, многие приюты нуждаются в дополнительном финансировании. В связи с этим, создание учреждения для размещения не проданных домашних животных должников видится довольно смутно. Отметим, что не в каждом регионе Российской Федерации имеют место случаи конфискации домашних животных, а значит количество конфискованных животных значительно ниже по сравнению с конфискованным имуществом, т.е. мебелью, одеждой, предметами роскоши, квартирами, транспортными средствами и т.д., что ещё раз отрицает необходимость создания указанного учреждения.

Конфискация домашних животных неудобна и для самих сотрудников Федеральной службы судебных приставов по следующим причинам. После наложения взыскания на домашних животных их либо передают под охрану под роспись в акте о наложении ареста должнику или членам его семьи, назначенным судебным приставом-исполнителем, либо лицу, с которым Федеральной службой судебных приставов (ее территориальным органом) заключен договор. Лицу, которое подписало указанный договор, при хранении животного могут быть доставлены определённые неудобства, т.к. некоторые виды и породы животных нуждаются в особом уходе и специальном питании. Так, кошек породы сфинкс необходимо периодически купать, а пернатым и грызунам – чистить клетку, рыбкам – чистить аквариум. Для тех, кто ранее не являлся владельцем таких животных, уход за конфискованным питомцем вызовет определённые затруднения, что, в свою очередь, неудобно и для сотрудников ФССП по причине возможной смены не справляющегося хранителя.

В некоторых случаях после наложения взыскания на имущество имеет место оставление животного одного в опечатанной квартире должника с недостаточным количеством еды и воды, либо вообще без такового. Это является недопустимым и нарушает права животных.

Все вышеизложенные аргументы подтверждают необходимость внесения изменений в ч.1 ст.446 ГПК РФ о запрете наложения взыскания на всех животных должника, не используемых в предпринимательских целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 17.01.2022).
2. О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Законопроект № № 707835-6. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/707835-6?sortEventsByNum=num_down&sortEventsByDate=datend_up (дата обращения: 17.01.2022).
3. Бусыгина О.С. Некоторые проблемы практики применения обращения взыскания на имущество должника // Бюллетень науки и практики. – Т4. – № 6. – 2018. – С. 333-339.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Закон Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.01.2022).
5. Марасина К.В. Психологическое влияние домашних животных на людей // Педагогика, психология, общество: актуальные вопросы. – 2020. – С.308-312.

6. Федорович Е.Ю. Три стороны одной и той же привязанности: люди и их домашние питомцы // Психология и психотерапия семьи. – 2019. – №3. – С.5-18.

PROBLEM ASPECTS OF CONFISCATION OF PETS FOR DEBTS OF THE OWNER UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article is devoted to the study of the issue of the legality of the confiscation of pets for the debts of the owner. It has been determined that it is wrong to seize pets that are not used for business purposes, because this would mean equating them with things, i.e. to soulless and devoid of any feelings objects, which is unacceptable because animals have a soul, the ability to understand, feel and miss their owners. The author concluded that it is necessary to establish a ban on imposing a penalty on all animals of the debtor that are not used for business purposes.
Keywords: confiscation of property, animals, debts, prohibition.

Gokun J.
Scientific adviser: Savelyeva V.V., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 343.3/.7

ЗНАЧЕНИЕ ИНСАЙДЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА

Гокунь Ю.С.
Научный руководитель: Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена вопросу определения значения инсайдерской информации для экономических отношений в Донецкой Народной Республике и изучению ее уголовно-правовой охраны. Установлено, что инсайдерская информация для общественных отношений, складывающихся в экономической сфере Донецкой Народной Республики, имеет огромное значение. Определено, что в Донецкой Народной Республике уголовно-правовая охрана инсайдерской информации обеспечивается двумя статьями Уголовного кодекса Донецкой Народной Республике, а именно ст.204 и ст.207 УК ДНР.
Ключевые слова: инсайдерская информация, значение, уголовно-правовая охрана, состав преступления, уголовная ответственность.

Экономические отношения в Донецкой Народной Республике, как и в любом в развивающемся государстве, в настоящий момент переживают этап тяжелого, но в то же время бурного развития. Несмотря на то, что на отношения, складывающиеся в экономической сфере общества, значительное влияние оказала пандемия Covid-19, они смогли восстановиться и продолжают развиваться стремительными темпами.

Для каждого современного государства преступления в сфере экономической деятельности являются серьезной угрозой по отношению к его экономической безопасности, т.к. они в значительной мере влияют на развитие производственной сферы. Экономическая безопасность как феномен жизнедеятельности общества имеет комплексный характер и может рассматриваться как система, включает, помимо непосредственно производственной сферы общества, и другие подсистемы, которые взаимодействуют с производственной подсистемой. В соответствии с этим, основу экономической системы составляет производственная подсистема [1, с.53-57]. В данном случае считаем целесообразным обратить внимание на то, что инсайдерской информацией обладают не только юридические лица, осуществляющие деятельность в производственной сфере. Наличие особой информации, недоступной для третьих лиц,

свойственно и субъектам хозяйствования, не связанным с производством каких-либо благ. Так, например, инсайдерской информацией могут обладать и юридические лица, оказывающие услуги и выполняющие работы.

Преступления в сфере экономики, а, в частности их более узкая группа, т.е. преступления в сфере экономической деятельности, сдерживают поток инвестиций, что, в свою очередь, активно способствует тому, что бюджет недополучает значительную часть доходов [2, с.50-53]. Одновременно с этим происходит и рост инфляция, не позволяющий управленческим, банковским и предпринимательским структурам нормально функционировать. В силу этого особое внимание должно уделяться обеспечению экономической безопасности и совершенствованию отечественного законодательства, в частности, уголовно-правового, устанавливающего ответственность за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, а именно за те, предметом преступного посягательства в которых выступает инсайдерская информация.

Инсайдерская деятельность, выражающаяся в умелом манипулировании инсайдерской информацией либо ее неправомерным использованием с корыстной целью, направленной на получение прибыли, подрывает информационную прозрачность экономических отношений, являющуюся одним из важнейших принципов их нормального функционирования, и приводит к информационному дисбалансу среди участников указанных отношений. С позиции экономики, информационная прозрачность должна иметь направленность на снижение непредсказуемости при принятии управленческих решений, укрепление доверия на всех уровнях экономической системы. Информационная прозрачность, являясь связующим звеном между различными экономическими субъектами, выступая некоторым пределом доверия между ними, призвана способствовать становлению и развитию инновационной экономики [3, с.368-374], ключевая роль в которых отведена инсайдерской информации.

В свою очередь, такой негативный фактор как информационный дисбаланс, препятствует справедливому ценообразованию на товары, услуги либо работы [4, с.3], нанося ущерб как конкретным субъектам хозяйствования, которые являются участниками экономических правоотношений, так и экономической системе государства в целом. В экономической деятельности инсайдерская информация играет определяющую роль для юридических лиц и служит основой для принятия их сотрудниками организационно-управленческих, экономических, юридических технических, технологических и решений иного характера. Это позволило некоторым исследователям выдвинуть предположение о необходимости привлечения виновных лиц не только к уголовной, но и к гражданско-правовой ответственности за неправомерное использование инсайдерской информации [5, с.5].

На функционирование и развитие предприятий влияют многочисленные внешние и внутренние факторы [6, с.69-79]. К таким факторам следует относить и посягательства на инсайдерскую информацию, которые могут исходить как извне, так и изнутри субъекта хозяйствования. Множественные угрозы экономической безопасности с позиции противоправных посягательств на инсайдерскую информацию могут привести к негативным последствиям в виде утечки данных, нарушения платежеспособности и финансовой устойчивости, снижения рентабельности и другого ухудшения состояния предприятия. В связи с этим возрастает актуальность и необходимость обеспечения экономической безопасности предприятий и всего государства, рассматриваемая через призму обеспечения уголовно-правовой охраны инсайдерской информации, т.к. обеспечение экономической безопасности юридических лиц служит основой устойчивого развития как бизнеса, и экономики в целом.

Из этого следует, что инсайдерская информация для общественных отношений, складывающихся в экономической сфере Донецкой Народной Республики, имеет огромное значение, а проблемы, складывающие в экономической сфере общества, вызванные ее использованием, обретают значимость не только для экономической, но также и для общественной, правовой и политической систем Донецкой Народной Республики.

Манипулирование рынком и неправомерное использование инсайдерской информации следует квалифицировать как серьезные преступления, подрывающие целостность финансовых рынков и доверие к ним инвесторов [7, с.14-30]. В соответствии с этим, как необходимый инструмент формирования здоровой конкурентной среды и как залог устойчивого состояния и развития экономической системы должны рассматриваться меры по предотвращению злоупотреблений на финансовых рынках. В качестве таких мер должны выступать уголовно-правовые меры в виде соответствующих статей Уголовного кодекса Донецкой Народно Республики.

В Донецкой Народной Республике уголовно-правовая охрана инсайдерской информации обеспечивается двумя статьями Уголовного кодекса Донецкой Народной Республике (далее – УК ДНР). В соответствии с этим, ст. 204 УК ДНР предусматривает уголовную ответственность за манипулирование рынком, а ст.207 – за неправомерное использование инсайдерской информации [8].

Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 204 УК ДНР, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере экономики. Видовым объектом указанного преступления следует считать общественные отношения в сфере экономической деятельности, а непосредственным – отношения, возникающие по поводу предоставления информации о финансовых инструментах, иностранной валюте и товарах, которая определяет их спрос и предложение. Предметом манипулирования рынком является инсайдерская информация.

Объективная сторона рассматриваемого преступления существует в виде общественно-опасного деяния, причинно-следственной связи и общественно-опасных последствий. Наличие трех указанных элементов, а не только самого общественно-опасного деяния, позволяет прийти к выводу о том, что рассматриваемое преступление имеет материальный состав. Общественно-опасное деяние выражается в форме совершения активных действий и включает в себя следующие альтернативные умышленные действия:

1) распространение заведомо ложных сведений через средства массовой информации, включая электронные, информационно-телекоммуникационные сети, среди которых и «Интернет»;

2) совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (либо) товарами;

3) совершение иных действий, запрещенных законодательством Донецкой Народной Республики о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком.

Общественно-опасные последствия применительно к ч.1 ст. 204 УК ДНР заключаются в том, что произошло отклонение цены, спроса, предложения, а равно и объема торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (либо) товарами от уровня, существенно отличающегося от того уровня, который мог бы сформироваться без учета вышеуказанных противоправных действий. Состав преступления будет иметь место и в том случае, если отклонения цены, спроса, предложения либо объема не произошло, однако, существовало их продолжительное нахождение на уровне, на котором они могли бы находиться без воздействия на него со стороны субъекта преступления. Полагаем, следует обратить внимание на то, что указанные общественно-опасные последствия должны быть обязательно сопряжены с

причинением крупного ущерба физическим и юридическим лицам, Донецкой Народной Республике либо же совмещены с извлечением излишнего дохода, либо же они должны позволить субъекту преступления избежать убытков в крупном размере, а иначе состав преступления, предусмотренный ст.204 УК ДНР, будет отсутствовать.

В контексте рассмотрения вопроса об общественно-опасных последствиях манипулирования рынком как уголовно-наказуемого деяния особое внимание следует уделить определению того, что необходимо понимать под крупным ущербом, излишним доходом, убытками в крупном размере. Так, применительно к манипуляции рынком, крупным ущербом, излишним доходом, убытками в крупном размере является ущерб, излишний доход, а также убытки в сумме, которая превышает два с половиной миллиона российских рублей, а в особо крупном размере – в сумме, превышающей десять миллионов российских рублей. Под излишним же доходом понимается доход, составляющий разницу между доходом, который был получен в результате незаконных действий, и доходом, который мог бы сформироваться без учета незаконных действий со стороны субъекта рассматриваемого преступления. Избежание убытков представляет собой те убытки, которых субъект избежал в результате совершения им преступления.

Причинно-следственная связь в составе преступления, предусмотренного ст. 204 УК ДНР, должна указывать на то, что общественно-опасные последствия наступили исключительно в результате совершения лицом общественно-опасного деяния, а не по каким-либо иным причинам, объективно не связанным с последним.

В качестве субъекта преступления будет выступать вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, в том числе инсайдер. Следовательно, субъект манипулирования рынком в отечественной уголовно-правовой доктрине квалифицируется как специальный. Так, им может быть любой участник рынка ценных бумаг, включая уполномоченное лицо профессиональных участников, т.е. юридических лиц, которые осуществляют профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, а именно, брокеры, дилеры и т.д. [9].

Основным элементом субъективной стороны рассматриваемого преступления является вина в форме умысла. При этом, не имеет значения мотивация и цель совершения общественно-опасного деяния.

Часть 2 статьи 204 УК ДНР устанавливает квалифицирующий признак, касающийся субъекта преступления, т.е. его совершение организованной группой. Кроме того, ч.2 ст.204 УК ДНР содержит и квалифицирующие признаки, которые касаются объективной стороны противоправного деяния, а именно указание на то, что в качестве общественно-опасного последствия будет выступать либо причинение ущерба в особо крупном размере физическим и юридическим лицам, Донецкой Народной Республике либо связанные с извлечением излишнего дохода или позволяющие избежать причинения субъекту преступления убытков в особо крупном размере.

Вторым преступлением, посягающим на инсайдерскую информацию, является неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 207 УК ДНР). Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 204 УК ДНР, признаются общественные отношения, складывающиеся в сфере экономики. Видовым объектом указанного преступления считаются общественные отношения в сфере экономической деятельности, а непосредственным – общественные отношения в сфере защиты инсайдерской информации. Предметом неправомерного использования инсайдерской информации является инсайдерская информация.

Объективная сторона неправомерного использования инсайдерской информации (ч. 1 ст. 207 УК ДНР) заключается в совершении общественно-опасного деяния, причинно-следственной связи и наступлении общественно-опасных последствий. Отсюда следует, что преступление имеет материальный состав. Общественно-опасное деяние заключается в:

1) умышленном использовании инсайдерской информации в целях осуществления операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, к которым относится указанная информация, за свой счет либо же за счет третьего лица;

2) умышленном использовании инсайдерской информации посредством предоставления рекомендаций третьим лицам о операциях по приобретения либо продаже финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров;

3) умышленном обязывания либо побуждении третьих лиц каким-либо иным образом приобрести или продать финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров, если такое использование причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода или избежанием убытков в крупном размере.

Общественно-опасные последствия заключаются либо в причинении физическим и юридическим лицам, Донецкой Народной Республике крупного ущерба либо они должны быть связаны с извлечением дохода или избежанием несения субъектом преступления убытков в крупном размере. Примечание к ст.207 УК ДНР указывает на то, что под крупным ущербом, доходом, убытками в крупном размере в настоящей статье понимается такой ущерб, доход, убытки, который в сумме превышает два с половиной миллиона рублей.

Причинно-следственная связь между общественно-опасным деянием и общественно-опасными последствиями в таком преступлении как неправомерное использование инсайдерской информации, должна указывать на то, что общественно-опасные последствия наступили исключительно в результате совершения лицом одного из альтернативных действий, составляющих общественно-опасное деяние, а не по каким-либо иным не связанным с ним причинам.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст.207 УК ДНР, характеризуется исключительно умышленной формой вины и наличием специальной цели, заключающейся в осуществления операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами. Обратим внимание на то, что при отсутствии специальной цели будет отсутствовать и состав преступления.

Субъектом неправомерного использования инсайдерской информации является инсайдер. В соответствии с этим, можно прийти к выводу, что субъект в данном составе специальный.

Общественно-опасное деяние в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 207 УК ДНР, заключается в умышленном использовании инсайдерской информации посредством ее неправомерной передачи какому-либо другому лицу. Привлечение лица к уголовной ответственности по данной статье будет возможно в случае наступления общественно-опасных последствий, а именно в том случае, если возникнут последствия, описанные в ч.1 ст.207 УК ДНР.

В заключение отметим, что привлечение к уголовной ответственности по ст.ст. 204 и 207 УК ДНР имеет определенные трудности, связанные как с квалификацией, так и с расследованием и раскрытием преступлений, посягающих на инсайдерскую информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козак Е.Б. Понятие экономической безопасности как одного из аспектов национальной безопасности государства // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2014. – №1 (6). – С.53-57.

2. Терехова Т.А. Преступления в сфере экономики: виды и их характеристика // Отечественная юриспруденция. – 2018. – №4 (29). – С.50-53

3. Орлова Л.Н. Информационная прозрачность как парадигма устойчивого развития экономических систем // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – Т.6. – № 4-2 (24). – С.368-374.

4. Емельянова Е.А. Правовые последствия манипулирования информацией на рынках: автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Емельянова Елена Александровна. – СпБ., 2014. – 25 с.
5. Татлыбаев Б.В. Гражданско-правовая ответственность за неправомерное использование инсайдерской информации на фондовом рынке в российском праве и праве Соединенных Штатов Америки: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Татлыбаев Будат Вилевич. – М., 2015. – 314 с.
6. Ianioglo, A. Comprehensive system of ensuring the economic security of enterprise. Agricultural and Resource Economics // International Scientific E-Journal. – 2015. – №1(1). – Pp.69-79.
7. Емельянова, Е.А. Понятия инсайдерской информации и манипулирования рынком в российском и зарубежном законодательствах: сравнительно-правовой аспект / Е.А. Емельянова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – №3. – С.14-30.
8. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики: закон Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по состоянию на 22.09.2021. URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 20.12.2021)
9. О применении судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: Информационное письмо Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 28.01.2016 г. №02.1-12/356/16у. URL: https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/infm/o-primenenii-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-zakonodatelstva-po-delam-o-0 (дата обращения: 25.12.2021).

THE VALUE OF INSIDER INFORMATION FOR ECONOMIC RELATIONS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND ITS CRIMINAL LAW PROTECTION

Annotation. The article is devoted to the issue of determining the value of insider information for economic relations in the Donetsk People's Republic and the study of its criminal law protection. It has been established that insider information for public relations developing in the economic sphere of the Donetsk People's Republic is of great importance. It was determined that in the Donetsk People's Republic, criminal protection of insider information is provided by two articles of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic, namely, Article 204 and Article 207 of the Criminal Code of the DPR.
Keywords: insider information, meaning, criminal law protection, corpus delicti, criminal liability.

Gokun J.
Scientific adviser: Timoshenko N.A., Ph.D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 347.918

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Грачев М.Л.
Научный руководитель: Савельева В.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются положения Арбитражно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, регулирующие институт доказывания и доказательств в арбитражном процессе, а также наиболее интересные доктринальные позиции по этой проблеме. Процесс доказывания, а также доказательства в арбитражном праве имеют свои особенности, связанные, с его правовой природой. В рамках проведенного анализа выявлены особенности и проблемы доказывания, а также распределения бремени доказывания.
Ключевые слова: доказывание, доказательства, арбитражный процесс, бремя доказывания.

Институт доказательств и доказывания занимает роль одного из центральных, основополагающих институтов во всех процессуальных отраслях права и арбитражно-

процессуальное право не стало исключением. Защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также результаты рассмотрения дела в рамках арбитражного процесса, во многом зависят от правильного применения норм регулирующих институт доказывания и доказательств, содержащихся в главе 7 Арбитражно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – АПК ДНР).

Понятия «доказывание» и «доказательства» являются одними из наиболее важных в теории арбитражного процессуального права. Так часть 1 статьи 60 АПК ДНР содержит следующую дефиницию термина «доказательства»: «Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела»[1]. На основании данного термина можно определить характерные признаки доказательств:

1. Доказательствами являются только такие сведения, которые получены в установленном законом порядке. В части 3 статьи 60 АПК ДНР это дополнительно закрепляется следующим положением: «Не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона»[1];
2. Доказательства представляют собой сведения о фактах, а не сами факты. Стоит упомянуть, что в этом заключается отличие доказательств, которые являются сведениями о фактах и предметом доказывания, которым выступают юридические факты, подлежащие доказыванию;
3. Такие сведения должны помогать установлению обстоятельств, имеющие значение для дела, то есть должны быть относимыми к данному делу, что закрепляется частью 1 статьи 63 АПК ДНР, которая гласит: «Арбитражный суд принимает только те доказательства, которые имеют отношение к рассматриваемому делу»[1];
4. В определении прямо не указывается, однако из него вытекает, что служить доказательствами по делу могут только достоверные сведения.
5. Источники сведений, которые могут использоваться в качестве доказательств, то есть, источники доказательств предусмотрены законом. Часть 2 статьи 60 АПК гласит, что: «В качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, полученные в соответствии с законом, иные документы и материалы. В качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, полученные путем использования систем видео-конференц-связи» [1].

Одной из важнейших, предпосылок законного и обоснованного разрешения дела является определенного круга фактов, подлежащих доказыванию – предмета доказывания. Правильное определение предмета доказывания позволяет судить об обоснованности требований и возражений по делу и об обоснованности судебного решения. Предмет доказывания выступают юридические факты, установление которых необходимо для установления истины по делу. Существует два источника определения предмета доказывания: нормы материального права и основания требований и возражений лиц, участвующих в деле.

Стоит заметить, что действующий АПК ДНР не содержит термина «предмет доказывания», однако данное понятие широко используется в процессуальной науке и судебной практике [2, с. 202].

Что касается определения доказывания, то ситуация здесь не столь однозначная, оно не закреплено ни в АПК ДНР, ни в иных нормативно-правовых актах, что порождает споры среди ученых об определении доказывания в арбитражном процессе. Одна из основных концепций процессуальной науки, в силу общности процесса

доказывания в различных видах судопроизводства, рассматривает институт доказывания как межотраслевой и комплексный институт. Эта концепция является наиболее распространенной и в соответствии с ней доказывание в арбитражном процессе понимается в целом идентично доказыванию в гражданском судопроизводстве, как наиболее близкой отрасли права, и представляет собой деятельность суда и лиц, участвующих в деле, по представлению, собиранию, исследованию и оценке доказательств, на основе которых суд устанавливает наличие либо отсутствие фактов, имеющих значение для дела.

Существенным признаками процесса доказывания в судопроизводстве является его процессуальная форма, для которой характерны следующие черты:

- законодательная урегулированность. Вопросы доказывания в арбитражном процессе регламентируются АПК ДНР. Важно заметить, что одной из характеристик законодательного урегулирования доказывания является сочетание процессуальных и материально-правовых источников;
- детальность правовой регламентации. Как порядок действий по доказыванию, так и их содержание детально урегулированы нормами арбитражно-процессуального права;
- универсальность процессуальной формы доказывания. Доказывание относится ко всему арбитражному процессу, всем его видам, стадиям и институтам. При этом универсальность не исключает ее специфики исходя из особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, например, упрощенное, и приказное производство;
- императивность, то есть обязательность нормативных предписаний для всех субъектов доказывания без исключения;
- подчиненность доказывания принципам арбитражного процесса [3, с.112].

Стоит понимать, что несмотря на то, что в процессе доказывания суд должен устанавить наличие либо отсутствие фактов, имеющих значение для дела, закон предусматривает исчерпывающий список оснований освобождения от доказывания, в соответствии с которыми не нуждаются в доказывании:

1) обстоятельства дела, признанные арбитражным судом общеизвестными;

2) обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица;

3) вступившее в законную силу решение суда по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных таким решением суда и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле;

4) вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по данному делу обязательны для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом;

5) обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном АПК ДНР, или если нотариальный акт не отменен в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством для рассмотрения заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении ;

6) признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства [1].

С понятием доказывания, тесно связана обязанность доказывания, также называемая бременем доказывания, которое подразумевает распределение между участниками процесса обязанности обосновывать наличие тех или иных обстоятельств,

существенных для разрешения дела при производстве по уголовным или гражданским делам. В каждом деле объем подлежащих доказыванию фактов определяется нормами, регулирующими то или иное правоотношение. [4, с. 348] В арбитражном процессе обязанность доказывания между участниками дела распределена следующим образом: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия государственными органами, органами местного самоуправления, иными органами, должностными лицами оспариваемых актов, решений, совершения действий (бездействия), возлагается на соответствующие орган или должностное лицо» [1]. Из анализа данной нормы-дефиниции следует, следующее:

1) обязанность доказывания распространяется на всех участников дела;
2) обязанности по доказыванию распределяются исходя из предмета доказывания;
3) каждое участвующее в деле лицо доказывает определенную группу обстоятельств входящую в предмет доказывания.

Однако научная позиция по этому вопросу не совпадает с позицией законодателя: так существует правовая позиция, согласно которой термин «бремя доказывания» не тождественен термину «обязанность доказывания», согласно данной позиции такой обязанности не существует, обоснованием этому служит то, что у сторон нет процессуальных обязанностей и они вольны не совершать никаких процессуальных действий, но так как сторона, должна доказать обстоятельства, на которых она основывает свои требования или возражения, то на ней лежит бремя доказывания этих обстоятельств.

Обобщая проведенный в статье анализ, сформулируем основные выводы.

1. Доказывание – это один из основных видов деятельности без которого невозможно добиться основных целей арбитражного процесса: разрешения дела, восстановления нарушенных прав и интересов. Однако, несмотря на важность института доказывания, он не имеет законодательного закрепления его определения, что порождает споры в научной среде.

2. Действующий АПК ДНР не содержит определения «предмета доказывания», однако данное понятие используется в науке и судебной практике.

3. Аналогичная проблема присуща обязанности доказывания, дефиниция которой также не закреплена в нормативно-правовых актах, несмотря на то, что в отношении данного термина в правовой среде существует устоявшееся мнение, согласно которому имеет место распределение между участниками процесса обязанности обосновывать наличие тех или иных обстоятельств, существенных для разрешения дела при производстве по делу.

4. Существует некоторое несоответствие между научными исследованиями в арбитражном процессе и законодательством в сфере арбитражного судопроизводства, связанное с тождественностью терминов «бремя доказывания» и «обязанность доказывания». Согласно позиции законодателя, данные термины идентичны, в то время как в науке существует обоснованное мнение, опровергающее их тождественность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбитражно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 277-IIНС от 30.04.2021, действующая редакция по состоянию на 01.07.2021 // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/arbitrazhnyj-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 26.01.2022).
2. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / Под ред. В.Ф. Яковлева и М.К. Юкова. М., 2003. 848 с.
3. Ланг П.П. Сущность и обоснованность доказывания в арбитражном судопроизводстве / П.П. Ланг// Юридическая наука. 2018. №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-printsipy-dokazyvaniya-v-arbitrazhnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 26.01.2022).
4. Большой юридический словарь [Текст] / [Авт.-сост. Додонов В. Н. и др.]. – Москва : Изд. дом "ИНФРА-М", 1997. – VI,789 с.
5. Арбитражный процесс: учебник [Текст] / Н.В. Алексеева, А.В. Аргунов, А.А. Арифулин и др.; под ред. С.В. Никитина. М.: РГУП, 2017. 328 с.
6. Юзефович, В. Б. Доказательства и доказывание в арбитражном процессе : анализ правоприменительной практики. Выводы судебного юриста [Текст] / В. Б. Юзефович. – Москва : Инфотропик Медиа, 2012. – 240 с.
7. Сысоева, Т. В. Проблемы доказательств и доказывания, возникающие в арбитражном процессе [Текст] / Т. В. Сысоева, Л. В. Мацак // Вестник научных конференций. – 2018. – № 4-4(32). – С. 138-140.
8. Шихова, М. В. Особенности доказательств и доказывания по делам об установлении юридических фактов в гражданском и арбитражном процессах [Текст] / М. В. Шихова // Modern Science. – 2021. – № 12-3. – С. 336-338.
9. Силина, Е. В. Понятие, признаки и классификация судебных доказательств в гражданском процессе [Текст] / Е. В. Силина, М. М. Колесникова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 1(38). – С. 52-57.
10. Еременко, С. А. Доказательства и доказывание по корпоративным спорам в арбитражном процессе [Текст] / С. А. Еременко // Юридический факт. – 2018. – № 37. – С. 18-20.
11. Бондаренко, В. Г. Проблемы доказывания в арбитражном процессе [Текст] / В. Г. Бондаренко // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 69-4. – С. 18-21.
12. Лемехов, С. В. Общеизвестные обстоятельства как основание освобождения от доказывания в арбитражном процессе [Текст] / С. В. Лемехов // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 15. – С. 740-748.
13. Батурина, О. В. Этапы доказывания по делам, возникающим из налоговых правоотношений, в арбитражном процессе [Текст] / О. В. Батурина // Новый юридический вестник. – 2020. – № 3(17). – С. 16-21.
14. Бостанджиев, К. Г. Проблема доказывания в арбитражном процессе [Текст] / К. Г. Бостанджиев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 12-3(51). – С. 47-51.
15. Зимнякова, М. С. Особенности доказывания в арбитражном процессе [Текст] / М. С. Зимнякова, Ю. В. Орлова // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако : материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 т., Тамбов, 24–25 мая 2019 года. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 244-247.

FEATURES OF THE INSTITUTE OF PROOF AND EVIDENCE IN THE ARBITRATION PROCESS

Annotation. The article discusses the provisions of the Arbitration Procedure Code of the Donetsk People's Republic, which regulate the institution of proof and evidence in the arbitration process, as well as the most interesting doctrinal positions on this issue. The process of proof, as well as evidence in arbitration law, has its own characteristics associated with its legal nature. As part of the analysis, the features and problems of proof, as well as the distribution of the burden of proof, were identified.
Keywords: proof, evidence, arbitration process, burden of proof.

Grachev M.
Scientific adviser: Savelyeva V. V., senior lecturer Department of Civil Law and Procedure
Donetsk National University
E-mail: mr.grachev2000@gmail.com

УДК 34.01

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Грачев М.Л.
Научный руководитель: Мельниченко Ю.С., к.ю.н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматривается понятие правового эксперимента, его характерные признаки и элементы: правовое основание, объект, субъект и результаты. На основании данных компонентов проведена классификация юридических экспериментов по группам. Анализируются существующие в научной литературе взгляды относительно вопроса классификации правовых экспериментов.

Ключевые слова: правовой эксперимент, классификация, элементы правового эксперимента.

Правовой эксперимент является одним из наиболее результативных и показательных способов оценки эффективности и целесообразности новшеств, предлагаемых для развития права. Данный подход является универсальным так как имеет место и может быть полезен при различных правовых ситуациях: при отсутствии регулирования по предмету эксперимента, при наличии регулирования, которое не препятствует правовому эксперименту, а также в ситуациях, когда предлагается новый подход к регулированию того или иного вопроса.

На наш взгляд наиболее точно суть правового эксперимента передает следующее определение: правовой эксперимент – это метод научного познания и метод преобразования правовой действительности, проводимый компетентными органами с целью практической проверки эффективности законодательной новации. Для юридического эксперимента характерны следующие признаки:

1. конкретно сформулированный предмет эксперимента, представляющий собой новые методы и подходы к правовому регулированию конкретной сферы общественных отношений;
2. целью проведения эксперимента выступает проверка или подтверждение гипотезы об эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм, а также выявления отрицательных сторон их действия;
3. определённые задачи эксперимента, решаемые последовательно и поэтапно;
4. наличие правовых актов, временно изменяющих, дополняющих или приостанавливающих соответствующие законы и другие нормативно-правовые акты, регулирующие правоотношения в исследуемой сфере;
5. определённый круг должностных лиц, органов и организаций, принимающих участие в эксперименте;
6. система контроля за ходом, промежуточными и конечными результатами эксперимента;
7. система критериев положительной и отрицательной оценки результатов.

Классификация – одна из основ любого исследования, позволяющая лучше понять роль и место объекта исследования, подчеркнуть его специфические черты и особенности каждого вида и изучить как объект исследования, так и его отдельные виды не обособленно, а в системе. Подчеркивая это, немецкий философ Эрнст Кассирер в своей работе «Опыт о человеке» утверждает, что классификация является фундаментальным признаком мыслительной деятельности, что, присвоив объекту или действию имя вы уже относите его к определенному классу понятий [1].

Правовые эксперименты можно разделить по группам исходя из его элементного состава: на основе субъекта юридического эксперимента, его объекта, по правовому основанию и по результатам, полученным в ходе юридического эксперимента.

Рассмотрим первый элемент – субъект и связанные с ним классификации. Субъектами правового эксперимента являются лица, выступающие инициаторами проведения эксперимента. Ими могут выступать государство, в лице уполномоченных органов, и муниципальные образования, так как социально-правовой эксперимент носит в том числе законодательный характер, в этом качестве не могут выступать индивидуальные субъекты и организации. Стоит отметить, что органы местного самоуправления также не участвуют в законотворческой деятельности, однако в их компетенцию входит принятие муниципальных правовых акты по вопросам местного значения, действие которых может быть апробировано с помощью экспериментов.

Классифицируя юридические эксперименты исходя из субъекта следует выделить две основные группы. Первая делит все эксперименты по критерию органа,

принявшего решение о проведении эксперимента, в соответствии с которой все правовые эксперименты можно разделить на:

1. эксперименты, решение о проведении которых принимается на муниципальном уровне;

2. эксперименты, решение о проведении которых принято на региональном уровне, в случае если такой предусмотрен законодательством государства, (например, в Российской Федерации этот уровень именуется уровнем субъекта Федерации);

3. эксперименты, решение о проведении которых принято на государственном уровне, к которым относятся эксперименты, инициированные высшими органами государственной власти или главой государства (примером таких экспериментов, может выступать эксперимент по введению единого государственного экзамена, который был инициирован Правительством Российской Федерации);

4. и наиболее редкие – эксперименты, решение о проведении которых принято международными организациями.

Некоторые исследователи, занимающиеся изучением правового эксперимента, такие как Владимир Николаевич Ельцов, выделают в рамках данной классификации также эксперименты, решение о проведении которых принимается на локальном уровне, однако мы не согласны с этим, ведь как говорилось выше цель проведение юридического эксперимента – проверка гипотезы об эффективности нового подхода к регулированию конкретной сферы правоотношений и такого рода решение не может быть принято на локальном уровне.

Следует отметить, что субъект правового эксперимента, принявший решение о проведении эксперимента, и непосредственный организатор и исполнитель не всегда совпадают. Отсюда вытекает следующая классификация, в которой основанием для классификации является характер участия инициатора эксперимента, и субъекта, непосредственно осуществляющего проведение эксперимента, в соответствии с которой можно выделить следующие виды правовых экспериментов:

1. юридические эксперименты с косвенным или же опосредованным характером участия субъекта, принявшего решение о проведении юридического эксперимента, для которого характерно возложение функций исполнения на иной субъект;

2. юридические эксперименты с прямым или же непосредственным характером участия субъекта, принявшего решение о проведении эксперимента [3].

Второй элемент юридического эксперимента – это правовая основа эксперимента, то есть нормативно-правовой акт, на основании которого и в соответствии с которым проводится эксперимент. Первая и основная классификация, основанная на этом элементе – это классификация в зависимости от юридической силы правовых норм, на основании которых проводится юридический эксперимент. В первую группу относятся эксперименты, правовой основой которых выступают законодательные акты. Во вторую группу следует отнести подзаконные акты, содержащие в себе нормы об экспериментальной деятельности. В связи с более простым порядком внесения изменений и, следовательно, большей пригодности для проведения экспериментов усматривается преобладание экспериментов, правовой основой которых служат подзаконные акты.

Далее следует выделить группы экспериментов в зависимости от того, какие правовые нормы действуют как экспериментальный фактор:

1) эксперименты, правовой основой которых являются акты органов местного самоуправления;

2) эксперименты, правовой основой которых является региональное законодательство;

3) эксперименты, правовой основой которых являются международно-правовые нормы. Эксперименты этой группы встречаются реже всего, что связано с тем, что

проводить легальный эксперимент на данном уровне не так распространено, однако их проведение не исключено. Так ст. 3 п. 1 пп. b Конвенции о дорожных знаках и сигналах 1968 года гласит: «Для улучшения контроля за движением и в связи с необходимостью проведения опытов, прежде чем предлагать поправки к настоящей Конвенции, Договаривающиеся стороны могут в виде эксперимента и во временном порядке допускать на некоторых участках дорог отступления от положений настоящей Конвенции» [4].

Третий элемент, который может быть положен в основу классификации экспериментов – это объект эксперимента. Этот элемент является основой для выделения наибольшего количества классификаций по сравнению с другими элементами юридического эксперимента. Простейшие классификации, исходящие из объекта эксперимента, делят все юридические эксперименты исходя из характера экспериментальных правовых норм на материальные и процессуальные, а в соответствии с их функциями – на охранительные и регулятивные. В зависимости от того выступают ли в рамках конкретного правового эксперимента в качестве объекта правовые нормы одной или нескольких отраслей, можно выделить отраслевые и межотраслевые правовые эксперименты.

Следующая классификация исходит из сферы общественной жизни, которая является предметом правового регулирования экспериментальных норм, проверяемых в процессе проведения правового эксперимента. Поскольку юридический эксперимент может быть осуществлен практически в любой сфере, эта классификация включает большое количество групп и их полное перечисление нецелесообразно. Поэтому мы лишь упомянем сферы, которые наиболее часто подвергаются экспериментированию: промышленность, труд, транспорт, коммуникации, строительство, социальное обеспечение, экономика, образование, судоустройство, здравоохранение, сельское хозяйство и т.д.

В зависимости от того проверяются ли в ходе юридического эксперимента, нормы, имеющие инновационный характер, или правовые нормы, которые испытываются в целях корректировки формулировок и проработки механизма реализации, правовые эксперименты можно классифицировать на решающие, а также уточняющие.

Как мы и говорили, классификаций, связанных с объектом эксперимента крайне много, так, например российский правовед Валентина Викторовна Лапаева предлагает выделять эксперименты, направленные на совершенствование правотворчества, и эксперименты, имеющие целью совершенствование процесса реализации уже действующих правовых норм [5], а кандидат юридических наук Сергей Витальевич Мотин выделяет эксперименты однофакторные, где проверяется воздействие одной независимой переменной, и многофакторные, где проверяется целый комплекс переменных и многие другие классификации [6], но на наш взгляд они являются менее значимыми чем вышеуказанные. При этом, в науке нет единого мнения на счет целесообразности многих классификаций, так Фатьянов Илья Валерьевич сомневается в целесообразности изложенной выше классификации, предложенной С.В. Мотиным, аргументируя свою позицию тем, что общество представляет собой сложную структуру в которой различные элементы общества взаимодействуют и соединяются друг с другом, потому изменение одного элемента общества повлечет за собой различной степени изменения в других элементах, следовательно выделение однофакторных экспериментов представляется лишь теоретическим, а потому можно различать только большее или меньшее количество факторов оказывающих влияние на проведение эксперимента [7].

Четвертый и последний элемент эксперимента – результат эксперимента, также допускает разделение, например, деление экспериментов в зависимости от того, подтвердилась ли научно-правовая гипотеза, по которой можно выделить две группы:

1) отрицательные, в которых научно-правовая гипотеза не нашла подтверждения;

2) положительные, или эксперименты, в которых научно-правовая гипотеза нашла подтверждение.

При этом данная классификация не несет в себе оценочную характеристику успешности эксперимента, так как в ходе одного эксперимента могут проверяться одновременно две и более гипотезы или в ходе эксперимента первоначальная гипотеза может быть скорректирована. Тем не менее, классификация, которая делит правовые эксперименты исходя из критерия успешности на удачные и неудачные имеет место. В рамках этой классификации эксперимент считается удачным если при его проведении удалось достичь поставленных целей, а неудачным, соответственно, эксперимент при котором поставленных целей достичь не удалось. Исходя из того, что целью любого правового эксперимента является проверка или подтверждение гипотезы об их эффективности, полезности и экономичности, а также выявление отрицательных сторон действия экспериментальных правовых норм или социально-правовых институтов, можно сказать, что неудачный правовой эксперимент – это такой правовой эксперимент в ходе которого не удалось проверить выдвинутые гипотезы, а не тот в ходе которого они были опровергнуты. Отличие данной группы экспериментов от предыдущей заключается в том, что неудачные эксперименты не представляют значимой информационной ценности для экспериментаторов в отличие от экспериментов, в которых научно-правовая гипотеза не нашла подтверждения.

На этом с классификациями, связанными с компонентной структурой юридических экспериментов, можно закончить, но стоит упомянуть, что не все классификации связанны с элементами правового эксперимента, а также упомянуть наиболее значимые из них. Так, кандидат исторических наук Суслов Алексей Юрьевич, делит эксперименты в зависимости от логической структуры доказательств научно-правовых гипотез на параллельные эксперименты, в которых эффективность проверяемых нововведений выводится на основе сравнения ситуации в экспериментальных и контрольных группах, и последовательных экспериментов, которые анализируют состояние объектов исследования до вступления в силу экспериментальных правовых норм и сравнивают их с состоянием объектов исследования после вступления в силу экспериментальных норм [8]. А доктор юридических наук Валентина Викторовна Лапаева предлагает классификацию экспериментов в соответствии с хронологическим критерием в рамках которой выделяет:

1. проективные эксперименты, направленные от настоящего к будущему, данная группа является преобладающей в настоящий момент;

2. ретроспективные эксперименты, направленные от определенного момента в прошлом к настоящему;

3. эксперименты, оценивающие состояние процесса на данный момент времени [9].

Также представляется возможным делить правовые эксперименты в зависимости от материальных затрат, связанных с их проведением, на низкозатратные, среднезатратные и высокозатратные, в данном случае учитывается финансовое обеспечение проведения эксперимента в пределах бюджетных ассигнований, предоставленных на его проведение. А в зависимости от временного промежутка, необходимого для достижения поставленных целей возможно разделить правовые эксперименты на краткосрочные, длительность которых не превышает одного года, среднесрочные – от года до трех лет и долгосрочные эксперименты, срок которых от трех лет и выше. Стоит упомянуть, что некоторые исследователи определяют среднесрочные эксперименты как эксперименты период проведения которых, от года до пяти лет, однако анализ проведенных юридических экспериментов, показывает, что

эксперименты продолжительность которых превышает пять лет – крайне малочисленны и такое их деление представляется неуместным.

Подводя итоги следует отметить, что классификация юридических экспериментов может быть проведена посредством выделения различных групп юридических экспериментов, путем анализа их элементного состава. Взгляды исследователей, изучающих данный вопрос, таких как Ельцов, Мотин и Суслов относительно классификации юридических экспериментов представляют высокий научный, а также практический интерес. Классифицирование позволяет определить место и роль юридического эксперимента в правотворческой деятельности, подчеркнуть специфические и качественные особенности каждого вида, узнать их природу и социальные цели. Также использование правовых классификаций позволяет более полно изучить роль экспериментального метода в юридической науке и избежать ошибок при планировании, проведении и получении результатов юридических экспериментов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кассирер Эрнст. Избранное. Опыт о человеке / Кассирер Эрнст // Москва : Гардарика, 1998. – 784 с.
2. Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ельцов Владимир Николаевич. – Тамбов, 2009. – 23 с.
3. Фатьянов И.В. Классификации правотворческих экспериментов и их место в правовой системе // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. №3 (9). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsii-pravotvorcheskih-eksperimentov-i-ih-mesto-v-pravovoy-sisteme (дата обращения: 03.02.2022).
4. Конвенция о дорожных знаках и сигналах (Вена, 8 ноября 1968 г.)/СССР ратифицировал Конвенцию Указом Президиума ВС СССР от 29 апреля 1974 г. № 5939– VIII//Ведомости Верховного Совета СССР. 1974. 15 мая. № 20. Ст. 306.
5. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. Москва : Юрид. лит., – 1987.
6. Мотин С.В. Использование экспериментального метода в социально-правовой сфере (Историко-теоретические аспекты) : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : Москва, – 1999.
7. Фатьянов И.В. Правотворческий эксперимент в России как метод правового регулирования : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Фатьянов Илья Валерьевич; [Место защиты: Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского]. – Барнаул, 2015. – 283 с.
8. Суслов Ю.А. Конкретные исследования и развитие социологии права. Л.: Изд-во ЛГУ, – 1983.- С. 122– 123.
9. Лапаева В.В. Конкретно-соцологические исследования в праве / В. В. Лапаева; ВНИИ сов. законодательства. – Москва : Юрид. лит., 1987. – 142 с.
10. Кузнецова О.А. Правовой эксперимент как научно– исследовательский метод в цивилистике / О. А. Кузнецова // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2021. – №3. – С. 297– 318.
11. Чагин, И. Б. Сущностная характеристика правового эксперимента / И. Б. Чагин // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 1(92). – С. 14– 18.
12. Макаров В.О. Экспериментальные правовые режимы мобилизационного вида как способ правового регулирования в условиях распространения COVID-19 // Правоприменение. 2021. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnye-pravovye-rezhimy-mobilizatsionnogo-vida-kak-sposob-pravovogo-regulirovaniya-v-usloviyah-rasprostraneniya-covid-19 (дата обращения: 04.02.2022).
13. Дмитриева, С. С. Правовой эксперимент как отправной механизм совершенствования законодательства / С. С. Дмитриева, В. В. Карпунина // Техника и безопасность объектов уголовно–исполнительной системы : сборник материалов Международной научно– практической конференции: в 2 томах, Воронеж, 20–21 мая 2020 года. – Воронеж: Издательско– полиграфический центр "Научная книга", 2020. – С. 194– 197.
14. Модина, А. А. Правовой эксперимент в юридической науке и практике / А. А. Модина, А. Х. Маликова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10– 4(49). – С. 20– 22.
15. Фисун, А. В. О правовом эксперименте в России и за рубежом / А. В. Фисун // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10– 4(49). – С. 101– 103.
16. Чагин, И. Б. Правовой эксперимент: теоретические и практические аспекты / И. Б. Чагин // E– Scio. – 2020. – № 2(41). – С. 47– 54.
17. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / А. А. Ефремов, Е. И. Добролюбова, Э. В. Талапина, В. Н. Южаков//науч. ред. В. Н. Южаков. // – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, – 2020. – 126 с.

CONCEPT AND CLASSIFICATION OF LEGAL EXPERIMENT

Annotation. The article deals with the legal experiment, its concept, characteristic features, and also highlights the elements of the law-making experiment: legal basis, object, subject and results, and on the basis of these components, the classification of experiments into groups is carried out. The existing opinions in the scientific literature regarding the issue of classification of law experiments are analyzed.
Keywords: legal experiment, classification, elements of legal experiment.

Grachev M.
Scientific adviser: PhD in Law Melnichenko J.S., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: mr.grachev2000@gmail.com

УДК 343.3/.7

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Грачева И.А.
Научный руководитель: Семыкин Н.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе отражаются основные факторы, которые влияют на совершение преступлений в сфере компьютерной информации, а также проводится анализ причин, по которым определенные лица (группы людей) становятся жертвами подобного рода преступлений. Уделяется внимание поведению лиц, которые совершают действия в информационном пространстве посредством компьютерных систем.
Ключевые слова: виктимология, компьютерная информация, киберпреступление, платежные карты, информационные технологии

В существующем мире, где инфраструктура развивается огромными темпами, а использование электронных средств достигло своего максимума, компьютерные сети являются мощным инструментом совершения ряда преступлений, которые исторически называются «киберпреступлениями» либо преступлениями в сфере компьютерной информации. Информационные технологии на современном этапе развития общественной жизни представляют собой связующее звено в межличностном общении, ведении финансовых дел, осуществлении предпринимательской деятельности и оплаты тех или иных государственных услуг, а потому – несут в себе и дестабилизирующие моменты. Мировое сообщество выступает основным двигателем увеличения использования, накопления и передачи определенной информации посредством электронных ресурсов, вместе с тем, нельзя не обращать внимание на параллельный рост количества совершаемых в сфере информационных технологий преступлений не только на территории Донецкой Народной Республики, Российской Федерации, но и повсеместно. Мировыми статистическими данными зафиксировано, что по сравнению с 2020 годом, количество совершенных преступлений в сфере компьютерной информации в 2021 году увеличилось на 36,3 %, при этом около 135 000 преступлений совершены с использованием мобильной связи, 109 000 – с применением карт. Основным и наиболее важным фактором, способствующим совершению преступлений в сфере компьютерной информации, становилось халатное отношение пользователя к своим личным данным в сети, указанное свидетельствует о необходимости рассмотрения вопроса, затрагивающего выявление поведенческих характеристик лиц, являющихся жертвами совершения киберпреступлений, в параллельном изучении

анализа поведения лица, которое совершает действия в информационном пространстве посредством компьютерных систем.

Так, как известно, виктимология как наука способствует выявлению поведенческих характеристик жертвы того или иного преступления во взаимном изучении с аналогичными характеристиками преступника, с целью предотвращения преступлений, совершаемых в определенной сфере, либо их предупреждением. Однако, вопрос о соотношении виктимологии с другими науками является дискуссионным, поскольку некоторые авторы относят виктимологию к отраслям криминологии, другие – частной криминалистической теории [1, с. 14], остальные считают ее связующим звеном между наукой уголовного и уголовно-процессуального права. Но существуют и те ученые, для которых виктимология характеризуется отдельной самостоятельной юридической наукой, затрагивающей сферу безопасности жизнедеятельности человека [2, с. 8]. Последняя точка зрения является более обоснованной, поскольку изучение в качестве науки виктимологией тех либо иных поведенческих факторов значительно отошло от границ изучения криминологии, а также имеет мало общего с криминалистикой. При этом отнесение виктимологии к уголовному или уголовно-процессуальному праву представляется возможным условно ввиду того, что виктимологией изучается не только поведение лиц, потерпевших от совершения преступлений, но и тех, кто не обращался в правоохранительные органы с соответствующим заявлением.

Следует понимать, что виктимное поведение означает поведение, при котором социальная роль и ряд физических, духовных качеств при определенных обстоятельствах представляют для человека повышенную опасность стать жертвой преступления. Как известно, виктимность подразделяется на несколько видов: индивидуальная (представляет собой изучение свойств отдельного индивида и является наиболее сложной в изучении ввиду значительного количества объектов такого изучения); видовая (изучает индивидов в зависимости от видов преступлений, совершенных в отношении них); групповая (отражает поведение определенных категорий людей, обладающих сходными социальными, демографическими, психологическими, биофизическими и иными качествами); массовая (определяет поведение части людей, не связанных друг с другом какими-либо признаками) [3, с. 10].

Определившись с характерными признаками виктимологии, следует понимать, что означает термин «киберпреступления». Так, в Конвенции Совета Европы предусмотренные типы компьютерных преступлений связаны с нарушением конфиденциальности, а также целостности и доступности компьютерных данных и систем. Анализ научной литературы и законодательства показывает, что авторы и законодатель используют термины «компьютерные преступления», «электронные средства связи», «информационные технологии» или «преступления в сфере высоких технологий».

В Соглашении о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 года) термин «киберпреступность» не употребляется, а преступлением в сфере компьютерной информации является уголовно-наказуемое деяние, предметом посягательства которого является компьютерная информация. Данное определение присутствует исключительно в доктрине. По мнению Е.П. Ищенко, к киберпреступлениям относятся такие деяния, которые совершаются в виртуальной реальности с помощью или посредством компьютерных систем или сетей, а также иных средств удаленного доступа [4, с. 16].

Киберпреступления состоят из следующих составов преступлений: мошенничество с использованием электронных платежных карт (статья 168 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 317 УК ДНР), создание,

использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 318 УК ДНР), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 319 УК ДНР), а в Российской Федерации – неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Однако большой интерес с точки зрения виктимологии представляют только статьи 168 и 317 УК ДНР, потому что при создании вредоносных программ возможны случаи, когда жертв нет. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей является практически «мертвым» составом, за 2015 год в Российской Федерации было зарегистрировано 12 преступлений, и это максимум с 2011 года. В свою очередь, следует отметить, что при неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации жертвой становится государство, в рассматриваемом случае – Российская Федерация, которое не поддается виктимологическому изучению.

Наиболее распространенным составом в сфере компьютерных преступлений остается мошенничество с использованием электронных платежных карт (далее – мошенничество), на втором месте находится неправомерный доступ к компьютерной информации (далее – неправомерный доступ). Неправомерный доступ обладает средним уровнем латентности, поскольку о факте неправомерного доступа к компьютерной информации жертва преступления узнает лишь тогда, когда третьим лицам преступник передает данные потерпевшего.

Так, в разрезе существующих причин виктимности, в преступлениях указанной сферы основополагающую роль занимает неграмотность пользователя, выраженная, в частности, в повсеместном предоставлении своих паролей третьим лицам. К примеру, жертва предоставляет свои данные в ходе телефонного разговора с малознакомыми людьми, которые представились сотрудниками банка или администраторами, не имея подтверждений действительности занимаемой ими должности. Указанное является наиболее распространенным возникновением мошенничества. К такой же причине следует отнести и указанную «доверчивость», существующую в рамках созданных и непроверенных сайтов. Следующим определяющим является страх жертв, поскольку преступник, желая достичь преступного результата, может использовать разнообразные методы морального воздействия на жертв, в том числе выражающиеся в угрозах списания денежных средств, находящихся на платежных картах первых, и последующего перечисления таких средств третьим лицам. Наконец крайней причиной является нигилизм в сфере защиты подобного рода информации, выражающийся в нежелании устанавливать защитные программы на свои персональные устройства, так как пользователи либо не верят в их эффективность, либо не желают нести затраты на защиту указанных программ.

Следует отметить, что согласно статистическим данным, среди жертв киберпреступлений преобладают мужчины (около 55 %). При этом, в 78,6 % случаев пострадавшие от незаконного доступа посредством сети «Интернет» не защищали свои данные, и преступники беспрепятственно с помощью общераспространенных программ получили доступ к вычислительным машинам жертв. По состоянию на 2022 год мировая статистика выглядит следующим образом: 95% нарушений кибербезопасности вызвано человеческим фактором; 94% всех вредоносных программ доставляется по электронной почте; атаки программ-вымогателей происходят каждые 10 секунд; 71% всех кибератак имеют финансовую мотивацию (за ними следует кража интеллектуальной собственности, а затем шпионаж).

Таким образом, как видно из приведенной статистики мужчины и женщины примерно в равном процентном соотношении становятся жертвами преступлений. Это является еще одной особенностью преступлений, так как цель преступника – это, как

правило, завладение чужими денежными средствами, поэтому здесь не важны личность и физические особенности жертвы, поскольку он с ней не имеет прямого контакта. Во-вторых, из-за развития технологий преступники не используют способа прямой связи с жертвой, значительное количество последних узнают о совершенном в отношении их преступлении после его совершения. В-третьих, молодое население в значительно меньшем проценте становится жертвами преступлений в сфере компьютерной информации несмотря на то, что молодежь – относится к категории активных пользователей компьютерных технологий, а потому – должны понимать различные мошеннические интернет-схемы.

Именно благодаря указанному для киберпреступлений описать типичный портрет жертвы представляется крайне сложным, поскольку преступнику не важен пол жертвы и ее возраст, так как он с ней не имеет прямого контакта. Дети являются активными пользователями интернета, но они зачастую не имеют собственных денежных средств или какой-либо важной информации, в связи с чем указанная категория лиц не представляет для них интереса. Киберпреступления не связаны с социальным положением лица, преступники могут завладеть как 5 000 000 российских рублей, так и 5 000 российских рублей.

Типичная жертва должна иметь два признака: первый – использовать компьютерные технологии (это практически 100 %), второй – неграмотно распространять свои персональные данные и сведения о паролях и лицевых счетах.

С учетом изложенного, наиболее эффективным методом профилактики преступлений в сфере компьютерной информации является ежедневное уведомление населения посредством размещения в средствах массовой информации аналитических сведений о новых способах совершения киберпреступлений, ведь значительное влияние на снижение контакта с лицами стало непрерывное информирование о распространенных способах обмана в указанной сфере. На примере фишинга (кибератака, при которой в качестве предмета совершения преступления используется скрытая электронная почта) можно убедиться, что благодаря тому, что происходит информирование населения об определенных приемах мошенников, при поступлении в социальных сетях предложения о вложении инвестиций в какой-либо проект, большинством указанные предложения даже не рассматриваются. Еще одним способом будет являться разработка и последующее распространение в средствах массовой информации доступных для восприятия большинством схем о безопасном поведении в сети «Интернет» и защищенном использовании мобильных устройств. И к третьему, дополнительному способу следует отнести разработку специальных компьютерных программ и совершенствование уровня знаний лиц, их разрабатывающих, что положительным образом повлияло бы на уменьшение количества неправомерного доступа к данным пользователя и (или) его уведомления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виницкий Л.В. Криминалистическая виктимология: монография // Челябинск. – 2005. – С. 203.
2. Ривман Д.В. Криминальная виктимология: учебник // СПб. – 2002. – С. 304.
3. Полубинский В.И. Криминальная виктимология // М.: ВНИИ МВД России. – 2008. – С. 210.
4. Ищенко Е.П. К вопросу об экспертном и криминалистическом обеспечении расследования киберпреступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 3. – С. 15–17.

VICTIMOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

Annotation. This paper reflects the main factors that influence the commission of crimes in the field of computer information, as well as an analysis of the reasons why certain individuals (groups of people) become victims of this kind of crime. Attention is paid to the behavior of persons who perform actions in the information space through computer systems.

Keywords: victimology, computer information, cybercrime, payment cards, information technology

Grachova I.
Scientific adviser: Semikin N.V. Ph.D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: qr.irina@mail.ru

УДК 331.5-053.6

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА КАК СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Гребенюк А.А.
Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе раскрыто содержание уголовно-правового статуса медицинского работника как специального субъекта преступления в профессиональной сфере. Рассмотрены нормы законодательства, позволяющие определить содержание специальных признаков медицинского работника как субъекта преступления. Проведен анализ отдельных норм Особенной части Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, предусматривающих привлечение к уголовной ответственности медицинского работника в качестве специального субъекта преступления.
Ключевые слова: медицинский работник, специальный субъект преступления, квалифицирующие признаки.

Здоровье и жизнь каждого человека являются самыми важными ценностями, которые охраняются государством. Данная позиция находит свое отражение как в национальном законодательстве, так и на межгосударственном уровне. Так, ч. 1 ст. 34 Конституции Донецкой Народной Республики [1], так как и Устав Всемирной организации здравоохранения [2, с. 1-2], провозглашает право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Актуальность исследования обусловлено тем, что одним из основополагающих условий реализации конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь является предоставление медицинскими работниками качественной и квалифицированной медицинской помощи. Медицинская деятельность носит особый социальный характер, тем самым наделяя работников данной сферы человеческой деятельности специальным статусом, который требует характерной правовой регламентации. Таким образом, преступления, совершаемые медицинскими работниками в сфере их профессиональной деятельности, носят повышенную общественную опасность. Подобное обусловлено спецификой медицинской деятельности, которая заключается в том, что деятельность медицинских работников иногда в ряде случаев, как формально, так и фактически, может приходит в противоречие с положениями уголовного законодательства, нанося вред и угрожая тем охраняемым интересам.

Цель исследования данного вопроса заключается в изучении особенностей уголовно-правового статуса медицинского работника как специального субъекта преступления в профессиональной сфере.

Исходя из поставленной проблемы и цели исследования, рассмотрим уголовно-правовой статус медицинского работника как специального субъекта преступления.

Первоначально, для привлечения медицинского работника к уголовной ответственности, он должен обладать общими признаками субъекта преступления. Субъект преступления – это один из четырех обязательных элементов состава

преступления. Отсутствие субъекта преступления свидетельствует об отсутствии состава преступления.

Исходя из анализа ст. 18 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) можно выделить основные признаки субъекта преступления, а именно:

– физическое лицо;

– вменяемость лица;

– возраст уголовной ответственности.

Пристальное внимание при привлечении лица к уголовной ответственности уделяется наличию у него специальных признаков, которые характеризуют субъекта преступления. Можно отметить особенности уголовно-правового значения данного института, которые заключаются в следующем:

– возможность устанавливать и дифференцировать уголовную ответственность за профессиональные и другие преступления;

– создавать специальные нормы, устанавливающие уголовную ответственность за общественно-опасные деяния в узкой сфере деятельности;

– облегчить квалификацию деяния, так как по признакам специального субъекта можно определить родовую и видовую принадлежность состава преступления [3, с. 307].

В нормах Общей части УК ДНР до сих пор отсутствует закрепление понятия специального субъекта, а также отсутствуют унифицированные правила закрепления признаков специальных субъектов в нормах Особенной части УК ДНР. Вышеизложенное приводит к тому, что в одних случаях такие признаки прямо указываются в законе, в других дается ссылка на общее определение, в-третьих, делается отсылка к другим нормативным правовым актам. При этом, в целом ряде случаев наличие специального субъекта лишь подразумеваться и требует дополнительного разъяснения

В связи с этим возникает проблема с определением уголовно-правового статуса медицинского работника, как специального субъекта преступления.

Согласно п. 17 ст. 2 Закона Донецкой Народной Республики от 24.04.2015 № 42-IНС «О здравоохранении» (далее – Закон ДНР «О здравоохранении»), медицинский работник – это физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в учреждении здравоохранения и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо-предприниматель, непосредственно осуществляющее медицинскую деятельность [4].

Исходя из вышеуказанного определения можно отметить, что основным характерным признаком медицинского работника наличие у него медицинского образования.

Медицинское образование имеет свою специфику, что обусловливает дополнительное специальное регулирование вопросов получения медицинского образования, которое влечет приобретение права на осуществление медицинской (лечебной) деятельности. Такая специфика регламентирована ст. 79 Закона Донецкой Народной Республики от 19.06.2015 № 55-IНС «Об образовании» [5].

Под законодательное определение «медицинский работник» подпадают достаточно неоднородная группа субъектов: врачи, фельдшеры, фармацевты, акушерки, медицинские сестры и иные медицинские сотрудники, в том числе и не работающие в медицинских организациях (к примеру, врачи, работающие в медицинском издательстве либо журнале, врачи-пенсионеры и временно не работающие) – они рассматриваются в качестве специального субъекта преступления.

Профессиональные обязанности медицинских сотрудников неразрывно взаимосвязаны с предоставлением ими медицинской помощи. Медицинская помощь –

это комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

Нормативными правовыми актами Донецкой Народной Республики определен перечень субъектов, которые могут заниматься медицинской деятельностью. Исходя из содержания ст. 77 Закона ДНР «О здравоохранении», правом на занятие медицинской и фармацевтической деятельностью обладают лица, получившие высшее или среднее медицинское и фармацевтическое образование, имеющие диплом и специальные знания, а также сертификат специалиста (для лиц с высшим медицинским и фармацевтическим образованием).

Принципиальную роль в специальных признаках медицинского работника играет то, что он предоставляет профессиональную медицинскую помощь, то есть осуществление данного комплекса мероприятий выступает как главный род его деятельности. Следовательно, работники медицинской сферы могут выступают как специальные субъекты профессиональных преступлениях. При этом следует отметить, что профессиональные возможности начинающего врача, врача высшей квалификации и вспомогательного медицинского персонала различны [6, с. 153].

Так, основополагающим фактором при определении специальных признаков субъекта преступления в области оказания медицинских услуг является присутствие законодательно предусмотренной обязанности по оказанию медицинской помощи. Следовательно, если нормативный правовой акт закрепляет данную обязанность за лицом, которое не является медицинским работником, то такое лицо будет считаться субъектом соответствующего преступления.

В нормах Особенной части УК ДНР не используется понятие «медицинский работник». Так, законодатель использует такие конструкции, под которые подпадает медицинский работник, как:

– лица, обязанного предоставлять помощь больному на основании закона либо специального правила (ст. 125 УК ДНР);

– лица, ненадлежащим образом, реализующим свои профессиональные обязанности (ч. 2 ст. 110, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 123 УК ДНР).

При этом, в Особенной части УК ДНР закреплены составы преступления, в которых медицинский сотрудник как специальный субъект не обозначен, но исходя из социально-юридического смысла данных составов преступлений именно медицинский работник должен нести уголовно-правовую ответственность:

– в первую очередь, то есть медицинский работник несет уголовную ответственность первостепенно по сравнению с другими субъектами преступления. Так, к примеру, медицинский работник несет первостепенную уголовную ответственность по ст. 121 УК ДНР, при принуждении лица к изъятию органов и (либо) тканей для трансплантации;

– как лицо, совершившее профессиональное преступление, следовательно, медицинский работник должен подлежать повышенной уголовной ответственности. Так, к примеру, медицинский работник подлежать повышенной уголовной ответственности при убийстве либо умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, осуществленных с целью применения органов и тканей жертвы (п. «н» ч. 2 ст. 106, п. «ж» ч. 2 ст. 112 УК ДНР).

Таким образом можем обозначить две группы преступлений, совершаемых медицинскими работниками при осуществлении их профессиональной медицинской деятельности.

Первая группа – это профессиональные преступления, совершаемые лицом, которое для привлечения к уголовной ответственности должно обладать специальными признаками медицинского работника. К примеру, такими преступлениями являются: причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом

своих профессиональных обязанностей – ч. 2 ст. 110 УК ДНР; принуждение к изъятию органов и тканей человека для трансплантации – ст. 121 УК ДНР; заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей – ч. 4 ст. 123 УК ДНР; неоказание помощи больному – ст. 125 УК ДНР; незаконное занятие частной медицинской практикой и фармацевтической деятельностью – ч. 1 ст. 274 УК ДНР; и другие преступления.

Вторая группа – это профессиональные преступления, совершаемые медицинским работником как общим субъектом преступления. К примеру, такими преступлениями являются: убийство в целях использования органов и тканей потерпевшего – п. «н» ч. 2 ст. 106 УК ДНР; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – п. «ж» ч .2 ст. 112 УК ДНР; подмена ребенка – ст. 159 УК ДНР; и другие преступления.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что особенность специальных признаков медицинского работника, как субъекта преступления, взаимосвязана с тем, что от надлежащего поведения работников в сфере медицины при осуществлении профессиональной деятельности зависит соблюдение наиболее значимых конституционных прав человека и гражданина – права на жизнь и права на здоровье. Ненадлежащие осуществление или неосуществление медицинским работником возложенных на него профессиональных обязанностей способно нанести необратимый вред охраняемым уголовным законом интересам.

Медицинский работник как специальный субъект преступления должен обладать основным признаком – наличие у него медицинского образования, которое имеет свою специфику, что обусловливает дополнительное специальное регулирование вопросов получения медицинского образования. Неразрывной является связь основного признака медицинского работника с его вторичными признаками: право на осуществление медицинской (лечебной) деятельности и обязанность по оказанию медицинской помощи.

Таким образом, медицинский работник как специальный субъект преступления – это вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, которое имеет медицинское образование, а также наделенное правом на осуществление медицинской (лечебной) деятельности и в трудовые (должностные) обязанности которого входит оказание медицинской помощи.

При этом следует отметить, что наличие у медицинского работника специальных признаков могут не влиять на квалификацию совершенного деяния, а могут быть расценены как отягчающие обстоятельства. Тем самым, необходимо усовершенствовать уголовное законодательство об ответственности медицинских работников в целях дифференциации уголовной ответственности данной категории лиц и обеспечения особо значимого конституционного права на жизнь и здоровье.

Целесообразным является закрепить специальную норму, которая бы регламентировала уголовную ответственность медицинских работников за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, которое повлекло причинение среднего или тяжкого вреда здоровью пациента, а также повлекшее смерть пациента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 года (ред. по сост. на 06.03.2020 года) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/ (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.

2. Устав Всемирной организации здравоохранения: решение Международной конференцией здравоохранения от 22 июля 1946 года / Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9 (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.

3. Мухин Н. К. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики : материалы вузов. научн. конф. (Ростов-на-Дону, 24-26 апреля 2019 года). – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 307-309.

4. О здравоохранении: Закон Донецкой Народной Республики от 24.04.2015 № 42-IНС (ред. по сост. на 17.08.2021) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zdravohranenii/ (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.
5. Об образовании: Закон Донецкой Народной Республики от 19.06.2015 № 55-IНС (ред. по сост. на 28.12.2021) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-obrazovanii/ (дата обращения: 31.01.2022). – Загл. с экрана.
6. Сыбатова М. Ф., Городнова О. Н. Совершенствование уголовного закона за профессиональные преступления медицинских работников // Вестник Российского университета кооперации. – 2021. – № 3(45). – С. 152-155.

TO THE QUESTION OF THE STATUS OF A MEDICAL WORKER AS A SPECIAL SUBJECT OF CRIME

Annotation. The paper reveals the content of the criminal legal status of a medical worker as a special subject of crime in the professional sphere. The norms of the legislation are considered, which allow to determine the content of the special features of a medical worker as a subject of a crime. An analysis was made of certain norms of the Special Part of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic, which provide for the prosecution of a medical worker as a special subject of a crime.
Keywords: medical worker, special subject of crime, qualifying signs.

Grebenyuk A.
Scientific adviser: Karpenko L.K., associate professor
Donetsk National University

УДК 341.229

ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ПЛАНЕТЫ МАРС

Гусейнов Т.А.
Научный руководитель: Урываев А.В., к.ю.н., доцент
ФГБОУ ВО «ВИУ РАНХиГС»

Аннотация В настоящей статье рассматриваются перспективы нормативного (в первую очередь международного) регулирования жизнедеятельности колонизаторов Марса. Выделяется проблема не совершенности международных актов в сфере космического права, отмечается коллизия между регулированием международными соглашениями деятельности государств (публичных субъектов) и активизацией деятельности частных компаний в сфере освоения небесных тел. Ставится вопрос о применении норм ответственности к лицам, совершившим правонарушения на территории Марса. В заключении предлагается использовать опыт правового регулирования деятельности на МКС и Антарктики, которые будут применятся по аналогии.
Ключевые слова: колонизации Марса, космос, марсианское право, правовое регулирование частных компаний.

В 2012 году американский предприниматель и инженер Илон Маск впервые открыто заявил о возможности колонизации Марса [1]. В 2016 году глава SpaceX представил программу по колонизации Красной планеты. В соответствии с которой, при помощи ракеты собственного производства Big Falcon Rocket первые грузовые челноки со всем необходимым для создания базы будут отправлены в 2022 году, человек на Марс может полететь уже 2024 году. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос правового регулирования колонизации Марса и определение его правового статуса в международном космическом праве.

Отметим, что на данный момент международное космическое право в отношении небесных тел развито достаточно слабо и на данный момент регулирует их правовой

статус в общих чертах. По сути, на сегодняшний день существует лишь несколько правовых актов, которые регулируют вопросы международных отношений между государствами по поводу небесных тел, основным из которых является «Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах» [2], которое принято резолюцией 34/68 Генассамблеи ООН от 5 декабря 1979 года. Как видно из названия данных актов основным предметом регулирования в них выступает Луна, так как другие«небесные тела» упоминаются только в первых статьях данного акта и указывается, что данное Соглашение применяется и к другим небесным телам, в случае если в их отношении нет отдельных нормативно-правовых, т.о. указывается перспектива принятия отдельных актов, которые регулируют правовой статус конкретного небесного тела (планеты). Также с учетом того, что существующие акты международного космического права были приняты в 1960-1970-е годы, а также повышения уровня развития космической отрасли в период с 1990–2010-х годов вопрос принятия специальных актов по отдельным планетам становится все актуальнее.

Разумеется, при принятии таких актов будут учитываться особенности субъектов, начавшие колонизацию, следовательно нормы Соглашения о Луне, которые распространяются на только на государства, подписавшие и рацифицировавшие данный акт не будут распространяться на частные компании, учрежденные на территории государства. В случае нарушения норм права, установленных данным соглашением международно-правовую ответственность понесут государства, а компании будут отвечать за свои нарушения в соответствии с национальным законодательством.

Необходимо учитывать, что ни США, ни РФ не являются сторонами данного Соглашения, т.о. его действие на данные страны не распространяется. В то же время данные государства являются сторонами Договора о космосе 1966 года [3], в соответствии с которым они не должны нарушать и обязаны соблюдать основные принципы международного и международного космического права.

Сложность колонизации Марса состоит преимущественно в разграничении ведения и особенности взаимоотношений государств-колонизаторов на его территории. На наш взгляд, наиболее логичным является использование опыта, основанного на документах, регламентирующих взаимоотношения государств на территории Антарктики и МКС, то есть территориально разграничить сферы влияния государств, будет разрешена постройка модулей, необходимых для жизни и исследования поверхности Марса, однако не закреплять абсолютное право на территорию за какой-либо из стран, провозгласить принципы взаимопомощи и сотрудничества [4]. Данный способ сможет урегулировать ситуацию на какое-то время, но не навсегда. Это связано с тем, что со временем разработка Марса, а следовательно, его население будет увеличиваться, что поставит вопрос о более детальном регламентировании жизни переселенцев, так как земные законы не могут всецело и объективно регулировать отношения, возникшие на планете, условия существования на которой хоть и наиболее близки к земным из всех планет Солнечной системы, однако кардинально от них отличаются. Рано или поздно колонисты, находящиеся в тяжелых условиях, начнут совершать преступления и правонарушения и следовательно должны будут нести ответственность. Не совсем ясным остается вопрос о том, по какому праву понесут ответственность космонавт. В соответствии с Земным законодательством наиболее логичным является применения института экстрадиции, однако как уже говорилось выше, нельзя полностью признавать возможность регулирования отношений современным Земным правом на территории Марса, ввиду особенностей данной планеты. Так, например необходимо предусмотреть право на кислород (право на защитные средства за пределами модуля, на непригодной для жизни поверхности и т.д.) как на естественное и неотчуждаемое

право колониста. Также, при расследовании преступлении и правонарушений на неземной поверхности скорее всего будет невозможным в силу объективных причин, в связи с этим уполномоченные лица не смогут осуществить возложенные на них законом обязанности. Наиболее приемлемым является на наш взгляд принятие новых нормативных актов на международном и последующее их закрепление на внутригосударственном уровне, которые бы регламентировали все необходимые и возможные отношения, возникающие между колонистами и могут существенно отличаться от законов Земли.

Несмотря на то, что международное право закрепляет отсутствие частной собственности и запрещает её как государству так и гражданину, однако с развитием колонизации Марса, увеличением его населения и развития правоотношений (в том числе и экономических) между самими колонистами право собственности на какие-либо объекты на территории планеты будет передаваться в результате сделок. Весьма удобно на наш взгляд будет создание нормативной базы, которая бы регулировала какие сделки можно совершать непосредственно на Марсе и в соответствии с его законами, а какие будут требовать дополнительной регистрации на Земле.

Что касается положения коренных марсиан, то на данный момент международное право полностью ориентировано на человека, как своего субъекта и ни в науке ни на практике не затрагивается вопрос о правовом положении инопланетян, однако можно предположить, что в силу общих принципов и духа права инопланетянам гарантируется уважительное отношение с соблюдением их прав и свобод.

В заключении также хотелось бы отметить, что перспективным направлением для дальнейших исследований выступает частноправовой аспект таких, казалось бы, максимально публичных сфер как космическое право.

Бывший президент США Д. Трамп в начале 2020 года издавал указ о статусе космических ресурсов [5] и, пользуясь определенной «мягкостью» международного права в целом, а международного космического в частности, признал, что объекты космоса (т.е. Луна, Марс, а также иные космические тела) по своей сути не являются общечеловеческим достоянием вопреки нормам Договор «О принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» (1967) и Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979) [6], а следовательно, подлежат разработки силами отдельных лиц. Более того, в указанных выше международных документах ответственность за его неисполнение предусмотрена для государств-участников как субъектов публичного права, однако ничего не сказано о частных организациях. Очевидно, что в 1960х-1970х годах составители этих международных документов просто не могли представить, что в относительно ближайшем будущем на государственном уровне будет обсуждаться вопрос о возможности инициативной, без какого-либо участия государства, компании, которая способна самостоятельно проводить исследования ресурсов космического пространства, а главное – их добычу.

Очеповский А.И., являющийся атташе в Посольстве РФ в США отмечает в своей работе [7], что в основной проблемой в сфере освоения космоса в США является их не гарантированность. С одной стороны, даже примерные оценки полезных ископаемых в космосе сулят большую прибыль, однако их разработка, даже по исследованию, весьма дороги, не говоря уже о транспортировки грузов на Землю. В связи с этим, в высших политических кругах США лоббируется идея о признании Луны и Марса «продолжением Земли», следовательно, распространение на территорию космоса законов Земли, идет активный пересмотр положений Договор о космосе 1967.

Таким образом, полагаем, что регулирование правоотношений в сфере космоса, а тем более Марса должно быть тщательно пересмотрено. Необходимо разрешить вопросы и проблемы регулирования как публичного, так и частного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Илон Маск рассказал о трудностях колонизации Марса – Текст: электронный / Телеканал НТВ [сайт]. – URL: https://www.ntv.ru/novosti/2252720/ (дата обращения: 9.11.2021).
2. Гостев А.А. Международно-правовые проблемы колонизации Марса / А.А. Гостев. – Текст: непосредственный // Научный альманах. 2015. № 10-3. С 490-497.
3. ООН. Конвенции и соглашения. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Принят резолюцией 2222 (XXI) Ген. Ассамблеи ООН от 19 декабря 1966 года. – Текст: электронный. // КонсультантПлюс: официальный сайт. – 2021. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15356#zyr5zrSdk345knu (дата обращения: 9.11.2021).
4. Распространяются ли земные законы на колонистов Марса? – Текст: электронный / Сара Фехт. ИНОСМИ.РУ. [сайт]. – URL: https://inosmi.ru/science/20160930/237949645.html (дата обращения: 9.11.2021).
5. Exec. Order No. 1314, 85 FR 20381 (2020).
6. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 5.12.1979 г.) Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml
7. Очеповский А.И. Политика США в области освоения космических ресурсов // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2021. – № 2 (28). – С. 22-40.

ISSUES AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE PLANET MARS COLONIZATION

Annotation. The article examines the prospects for normative (primarily international) regulation of the life of the colonizers of Mars. The problem of the imperfection of international acts in the field of space law is highlighted, a conflict is noted between the regulation of international agreements of the activities of states (public entities) and the intensification of the activities of private companies in the field of the development of celestial bodies. The question is raised about the application of the norms of responsibility to persons who have committed offenses on the territory of Mars. In conclusion, it is proposed to use the experience of legal regulation of activities on the ISS and Antarctica, which will be applied by analogy.
Keywords: colonization of Mars, space, Martian law, legal regulation of private companies..

Huseynov T.
Scientific adviser: Uryvaev A.V., Ph.D. assistant professor
Volgograd Institute of Management – RANEPA
E-mail: ta_guseynov@mail.ru

УДК 347.7

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ PRODUCT PLACEMENT КАК СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОЛОГИИ РЕКЛАМЫ

Дарманьян В.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. На сегодняшний день рекламный рынок отличается высокой динамичностью в развитии и внедрении новых механизмов привлечения потенциальных потребителей. В статье рассмотрена современная технология рекламы – Product Placement в сети Интернет. Приведены различные мнения о размещении подобного вида рекламы в сети, найдена проблема законодательного регулирования скрытой рекламы, что может вызывать не осознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание.
Ключевые слова: реклама, сеть Интернет, product placement, скрытая реклама.

В современном мире Интернет выступает инициатором модернизации рекламной деятельности, оставляя традиционным медиа устаревшие способы распространения информации. В связи с этим, все новшества подпадают под критическую оценку

общества, включая как непосредственных потребителей, так и лиц, прямо не задействованных в данной группе правоотношений.

В связи с этим, представляется актуальным изучение такой технологии как Product Placement. Это обусловлено тем, что она носит неявный рекламный характер, но при этом воздействует на зрителя, рождая в нем мотивацию к приобретению продвигаемого продукта. Сегодня указанная технология традиционно используется в произведениях науки, литературы и искусства, тем самым создавая пробел в вопросе регулирования рекламной деятельности в сети Интернет.

Актуальность данной проблемы так же обусловлена сложной эпидемиологической ситуацией с распространением Covid-19, которая вынуждает людей начать активно пользоваться услугами с помощью сети Интернет. Удобство использования сети Интернет для удовлетворения потребностей современного человека в информационном обмене состоит в ее доступности для большинства граждан. Так, Интернет превратился в новый эффективный инструмент бизнеса, новый мощный канал распространения информации и рекламы в том числе.

Начать исследование нужно с этимологии понятия основополагающего термина выбранной нами темы. Дословно термин «product placement» с английского языка переводится как «размещение продукта», «размещение товара». Такой перевод указывает на то, что объектом коммуникации является определенный товар в среде его размещения. Е.В. Ромат отмечает, что Product Placement часто употребляется в ряду таких иноязычных понятий как embedded marketing (англ. «встроенный маркетинг»), branded entertainment (англ. «брендированные развлечения») и cinematic attraction (англ. «кинематографическое привлечение») [1, с. 110].

Исходя из анализа рассмотренных определений, product placement бесспорно можно считать частью маркетинговых коммуникаций, можно выделить следующие виды в сети Интернет, через которые реализуется данная технология:

– обзорные статьи (для подобного продвижения специалисты придумывают героя из целевой аудитории продукта и от его имени пишут текст обзора);

– рекомендательный маркетинг (это посты, видео блогеров и знаменитостей в соцсетях с предложением опробовать тот или иной товар);

– сплетни и дезинформация в статьях и комментариях с целью черного пиара;

– продвижение купленного блогера с целью раскрутки определенного бренда [2].

Популярность использования Product Placement в блогосфере и социальных сетях обуславливается тем, что, люди принимают поданную информацию как единственно достоверную. Многие понимают, что компании и организации действуют прежде всего в собственных интересах и настороженно относятся к распространяемой ими информации. Но почти никто не ждет подвоха от пользователей блогов или социальных сетей. К тому же, как известно, мнение других волнует людей гораздо больше, чем информация, получаемая из СМИ и большинство, подсознательно подражает поведению остальных участников той группы, к которой причисляет и себя.

По мнению Ивановой А.А. в данную категорию так же можно отнести Интернет-СМИ [3, с. 487]. Иногда в научных сообществах выделяют вопросы распространения product placement в онлайн компьютерных играх [4, с. 205]. Герои очередной серии игры Sims Online (http://www.thesims.ea.com) едят «Биг Маки» и общаются при помощи компьютеров с логотипом Intel. За такой product placement от сети закусочных McDonalds и производителя компьютерного оборудования Intel создатели игры из Electronics Arts получили два контракта на общую сумму 2 миллиона долларов.

В игру Pro Surfer компании Activision «прописались» телефоны Nokia, а в Street Hoops вошли рекламные щиты Sprite Universal Games, которая заключила договор с Bawls, напиток производства этой компании будут употреблять герои Run Like Hell. В офлайне же игра будет рекламироваться на упаковках с напитком.

По мнению Татьяны Матвеевой, генерального директора GPMD, отличительной особенностью интеграций является высокое внимание к продукту благодаря нативной подаче информации. Продукт органически вписан в контент, и эмоции при его потреблении усиливают внимание к бренду, который не отвлекает внимание пользователя. Такое естественное вплетение компании в историю сюжета, взаимодействие действующего лица с продуктом позволяет достичь большей эффективности.

Термин product placement предполагает неотделимость самого факта размещения от ресурса, в котором он размещается. Так, интернет-ресурс – он же сайт, в обычном понимании. Это определенная идея, снабжённая оформлением и работающая в рамках какого-то процесса. Соответственно, технология должна быть «завязана» либо на идею, либо на оформление, либо на процесс.

Все популярные сайты подвержены периодическому редизайну, это необходимо для того, чтобы соответствовать занимаемым позициям. А редизайн конечно же включает в себя смену оформления. В любом случае, вопрос «спонсорского» оформления для сайтов, зарабатывающих на рекламе – лишь вопрос денег.

Правовая регламентация вопроса остается недостаточной уже на протяжении многих лет. Как уже рассматривалось ранее, непосредственного регулирования рекламы в сети Интернет не существует, следовательно в рассматриваемой теме можно сделать ссылку лишь на традиционные медиа (статьи 14, 15, 16 Закона Донецкой Народной Республики «О рекламе»).

Имеет смысл для удобства выделить определение product placement из положения действующего законодательства о рекламе. Принимая во внимание требования закона, можно предположить, что с законодательной точки зрения product placement – это упоминания о товаре, средствах его индивидуализации, об изготовителе или о продавце товара в произведениях науки, литературы или искусства.

В статье 6 указанного закона приведен общий перечень требований к рекламе. Частью 9 установлен запрет на использование в радио-, теле-, видео-, аудио- и кинопродукции или в другой продукции распространение скрытой рекламы, в том числе рекламы, которая оказывает не осознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание, в том числе такое воздействие путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и иными способами.

Следовательно, данное определение напрямую запрещает использование product placement. Однако решение данной проблемы заключается в использовании предварительных сообщений о последующей трансляции рекламы. В случае несоблюдения требований об идентификации рекламы, последняя может быть расценена как скрытая реклама, то есть реклама, которая оказывает не осознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание, что в последующем станет основанием для привлечения к ответственности.

На практике получили широкое распространение договоры на product placement (оказание рекламных услуг за плату), который будет являться еще одним подтверждением того, что это реклама, а не интегрированные в произведения сведения не рекламного характера. С учетом того, что по условиям вопроса при размещении такой рекламы пометки «реклама» или «на правах рекламы» указываться не будут, существует риск того, что данный вид рекламы может быть расценен как «скрытая реклама».

Анализ не очень обширной на сегодняшний день судебной практики позволяет сделать вывод о том, что суды не пришли к единому мнению по вопросу разграничения понятий. В каждом конкретном случае суды подходят субъективно к решению вопроса о том, было ли нарушено законодательство о рекламе или нет.

Так, в рамках рассмотрения дела А65-7742/2010 Арбитражным судом Республики Татарстан был опрошен эксперт, выразивший мнение, что product placement является

мягкой рекламой – подвидом скрытой рекламы, а в том случае если она оплачена, то такая реклама перестает быть скрытой.

По нашему мнению, ключевым преимуществом внедрений посредством product placement в сфере онлайн по сравнению с традиционными видами рекламы является избежание попадания в так называемую зону «баннерной слепоты» благодаря органичному размещению непосредственно в рамках основного контента, в отличие от классических баннеров, когда до потенциальных потребителей в принципе чаще всего не доходят обращения рекламодателей в силу механического барьера восприятия.

Интеграция воспринимается как часть контента сайта, не идентифицируется аудиторией как реклама и, соответственно, не вызывает отторжения, а зачастую, напротив, обеспечивает высокий уровень потребительской вовлеченности. При этом важно понимать, что подобный эффект возможен лишь в случае профессиональной реализации интеграции, которая подразумевает органичное внедрение продукции в контент, размещенный в сети Интернет. В таком случае аудитория не воспринимает внедрение как часть рекламной стратегии по продвижению какого-либо бренда.

Product placement в Интернете весьма сложное и многогранное явление в сети, что представляет проблему для ее регламентации, так как проявляется в отличном от радио-, теле-, видео-, аудио- или кинопродукции проявлении. Размещение подобного вида рекламы в большинстве случаев происходит на основании гражданского договора на оказание рекламных услуг с последующим указанием на рекламу.

Думается, будет целесообразным обязать рекламораспространителей внедрять рекламу как в традиционные, так и в сети Интернет с пометкой «реклама».

Таким образом, Интернет обладает очень большим потенциалом для использования product placement для продвижения любых товаров, однако в полной мере не часто используется из-за сложностей его размещения и внедрения.

1. Отсутствие потенциальной аудитории. Большинство пользователей просто не заинтересованы в рекламируемом товаре, в то время, когда заказчики делают огромные вложения для показа рекламы.

2. Приведенный перечень площадок является малоэффективным для рекламораспространителей.

3. Технические возможности являются строго ограниченными.

Подводя итоги, следует отметить, что современная жизнь человека уже неразрывно связана с Интернетом. Стремительное развитие Интернет-рекламы нуждается в детальном изучении и законодательном регулировании, так как действующее законодательство регулирует лишь общие положения о рекламе, которые хоть и совпадают с исследуемым видом рекламы, но не являются достаточными для ее регламентации в силу её особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ромат Е. Реклама [Текст]: Практическая теория / Е. Ромат, Д. Сендеров. – СПб: Питер, 2016. –544 с.
2. Онуфриева З. «Никто не понял, что это подстава»: как устроен рынок скрытой рекламы в интернете [Электронный ресурс] / З. Онуфриева // secretmag.ru. – 2016. – Режим доступа: https://secretmag.ru/trends/whatsup/kak-ustroen-rynok-skrytoj-reklamy-v-internete.htm (Дата обращения: 14.01.2022).
3. Иванова Алина Алексеевна Применение технологии продакт плейсмент в рамках интернет-СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. №3. – С. 486-493.
4. Березкина О.П. Product Placement. Технологии скрытой рекламы. – СПб.: Питер, 2009. – 208 с.

CIVIL LEGAL REGULATION OF PRODUCT PLACEMENT AS A MODERN ADVERTISING TECHNOLOGY

Annotation. Today, the advertising market is highly dynamic in the development and implementation of new mechanisms to attract potential consumers. The article considers the modern technology of advertising – Product

Placement on the Internet. Various opinions on the placement of this type of advertising on the network are given, the problem of legislative regulation of hidden advertising is found, which can cause an effect on their consciousness that is not realized by consumers of advertising.
Keywords: advertising, Internet, product placement, hidden advertising.

Darmanyan V.
Scientific supervisor: Finkina A.P., Senior Lecturer.
Donetsk National University
E-mail: veronika.darmanyan2000@mail.ru

УДК 340

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Демкина С.А.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе раскрыты понятия и основные свойства правового регулирования исковой давности в гражданских правоотношениях; общественные отношения, возникающие между высшими органами государственной власти и населением; дана краткая характеристика понятий, видов и значение исковой давности в гражданском праве.
Ключевые слова: форма правового регулирования в исчислении сроков в гражданско-правовых отношениях, гражданские правоотношения, правовое регулирование, исковая давность, формы правового регулирования: виды, различия.

Исковая давность может быть признана одним из основополагающих институтов гражданского процессуального права. Известно, что определяются временные рамки защиты субъективных прав в судебном процессе. В связи с тем, что право на получение судебной защиты справедливо признано одним из основных прав человека, механизм его осуществления несет помимо теоретической ценности, еще и практическую значимость. С другой стороны, в целях стабильности гражданского оборота и гражданских отношений, осуществление судебной защиты прав должно быть ограничено временным пределом. Это обуславливает особую роль института исковой давности. Проблематике применения срока исковой давности издавна уделялось большое внимание со стороны правоведов. Рассматриваемый институт, был объектом исследования таких авторов как М. М. Агарков, М. И. Брагинский, Д. А. Грибков, М. Я. Кириллова, Е. А. Крашенинников, Е. А. Суханов, Т. А. Терещенко, А. М. Эрделевский и многих других. В то же время, следует отметить, что имеющиеся теоретические исследования в сфере исковой давности проведены были без учета актуальных изменений, внесенных в гражданское процессуальное законодательство нашей страны.

В настоящее время Е. А. Суханов уточнил высказанную ранее точку зрения, указав, что гражданско-правовые сроки можно подразделять на 3 вида:

1. сроки, определяемые указанием на событие, которое неизбежно должно наступить, – относятся к юридическим фактам-событиям:

2. сроки, связанные с совершением определенных действий, – относятся к юридическим фактам-действиям:

3. сроки, установленные в виде определенных отрезков (периодов) времени, или привязанные к календарной дате, – невозможно считать ни событиями, ни действиями [1].

Точка зрения Е.А. Суханова вызывает сомнения по следующим основаниям. Разумеется, гражданско-правовые сроки неоднородны, одни из них определяются путем указания на события, другие – путем указания на действия, третьи – на календарный период времени[2]. Однако при определении правовой природы гражданско-правового срока следует различать конкретное жизненное обстоятельство (юридический факт-событие), к которому приурочивается момент окончания течения срока, и сам срок как произвольно выбранную часть временного потока, истечение (наступление) которого также представляет собой юридический факт. Все без исключения сроки имеют объективно-субъективный характер (обладают характеристиками времени и устанавливаются по воле человека), поэтому не различаются по правовой природе. В сущности сроков не усматриваются основания для отнесения одних сроков к юридическим событиям, других – к действиям, а третьих – к самостоятельной группе юридических фактов; отсутствуют и иные причины для различной квалификации указанных групп сроков. На основании изложенного можно сделать вывод, что наступление (истечение) срока следует признать разновидностью юридических фактов - относительным юридическим событием. Основной целью установления сроков в процессе правового регулирования гражданско-правовых отношений является повышение его эффективности. Механизм достижения этой цели основывается, во-первых, на стимулировании субъектов гражданско-правовых отношений к реализации принадлежащих им регулятивных и охранительных субъективных гражданских прав и обязанностей в установленные сроки, и во-вторых, на упорядочении сложившихся (или складывающихся) гражданско-правовых отношений, внесении в них определенности.

По характеру определения сроки делятся на:

– императивные и диспозитивные;

– определенные и неопределенные;

– общие и частные [3].

Изучив научные статьи, посвященные проблеме правового регулирования сроков в правоприменительной практике, а также текущую судебную практику, можно сделать вывод о том, что многие проблемы остаются не разрешенными в течение длительного времени. Многие вопросы и аспекты остаются актуальными и по сей день. Так к примеру, обратившись к научной Статье Суханова Е.А. [4], была выявлена проблема применения правил гражданского законодательства о сроке исполнения обязательств. Это относится в частности к понятию срока исполнения обязательств по востребованию и обязательств с неопределенным сроком, а также понятием «разумного срока». Общие положения, регулирующие сроки исполнения обязательств, закреплены в ст. 379 Гражданского Кодекса Донецкой Народной Республики (далее ГК ДНР). Данный пункт Гражданского кодекса не пересматривался. Разъяснений понятия «разумный срок» в ГК ДНР не дается. ГК ДНР исходит из того, что обязательство с неопределенным сроком исполнения должно быть исполнено в разумный срок после его возникновения.

Под разумным сроком исполнения понимается период времени, обычно необходимый для совершения действия, предусмотренного обязательством. Определение разумного срока может осуществляться исключительно к каждому конкретному обязательству. На разумность срока при этом влияет много факторов: и характер обязательства, и взаимоотношения сторон, и внешние обстоятельства. Если же обязательство с неопределенным сроком исполнения не исполняется в разумный срок, то оно должно быть исполнено в течение семи дней со дня предъявления кредитором требования о его исполнении. Таким образом, для исполнения таких обязательств ГК ДНР предоставляет два срока: разумный и льготный. Разумный срок установлен в интересах кредитора и начинает течь с момента возникновения

обязательства, льготный – в интересах должника и начинается с момента предъявления требования кредитора. Причем одни виды гражданско-правовых обязательств предусматривают наличие двух этих сроков, отсылая к ст. 379 ГК ДНР, другие без отсылки к ст. 379 ГК ДНР предусматривают только разумный срок для их исполнения. Таким образом, проблема оценки категории разумности срока стоит довольно остро и вызывает затруднения в правоприменительной практике. В частности, такая проблема стоит для договоров подряда и поставки. Так, к примеру, использование категории «разумный срок» в предпринимательских отношениях, при которых права и обязанности сторон в интересах их хозяйственной деятельности должны быть четко определены самими контрагентами, чревато вынесением несправедливых судебных решений. Предпринимательский характер отношений по поставке требует более конкретного определения срока передачи товара. Итак, само содержание понятия «разумный срок» не несет в себе указание на конкретный срок исполнения обязательств. Исследовав судебную практику, можно сделать вывод, что судебные инстанции также пытаются подвести понимание данной категории к какому-то нормативному установлению (например, 7 дней по общему правилу исполнения к моменту востребования). Стоит внести изменения в данную статью, путем внесения допо

лнений [5]. В частности, определение сроков для субъектов предпринимательской деятельности, как конкретной даты или периода времени, в течение которого могут быть исполнены обязательства между сторонами, либо же срок исполнения обязательств должен быть определен моментом востребования. Для исполняющей стороны в договоре должен быть указание на срок или порядок определения срока исполнения обязательства. Помимо описанной выше проблемы, обращаемся к немаловажной и вытекающей из первой проблеме об исчислении сроков исковой давности по обязательствам с неопределенным сроком исполнения. Здесь встает вопрос: следует ли применять положения пункта 2 статьи 200 ГК ДНР в части исчисления исковой давности по обязательствам с неопределенным сроком исполнения в совокупном толковании с положениями статьи 379 ГК ДНР [6].

Таким образом, сложившаяся практика определения момента начала течения срока исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен, не позволяет однозначно определить момент начала течения данного срока. Данная проблема влечет за собой неопределенность правового регулирования. Для разрешения возникшего вопроса необходимы разъяснения законодательными органами порядка применения положений пункта 2 статьи 259 ГК ДНР применительно к обязательствам с неопределенным сроком исполнения в части того, следует ли исчислять исковую давность по истечении разумного срока. В итоге проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, все сроки возможно подразделить на три больших группы – регулятивные, охранительные и технико-правовые. Данная классификация позволила бы выявить специфику отдельных категорий сроков и внутренние взаимосвязи между ними.

Во-вторых, в ходе исследования, сделан вывод о том, что многие проблемы правоприменительной практики относительно исчисления сроков не нашли разрешения в действующем законодательстве и по сей день. В частности, понятие «разумный срок» не подведено к какому-либо конкретному понимаю конкретного срока исполнения обязательств. Исследовав судебную практику видим, что судебные инстанции также пытаются подвести понимание данной категории к какому-то нормативному установлению.

В-третьих, сложившаяся практика определения момента начала течения срока исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен, не

позволяет однозначно определить момент начала течения данного срока. Данная проблема влечет за собой неопределенность правового регулирования в виде отсутствия возможности судебной защиты.

В-четвертых, автором предлагается усовершенствования законодательства:

необходимо конкретизировать понятие «срок обращения в суд, разумный срок исполнения», устранив его материально-правовое значение и придав процессуальный смысл, представляется, что материально-правовые сроки на обращения в суд, согласно закону, споры по которым должны рассматриваться в пределах искового производства, целесообразно специальные сроки давности. Это поспособствует объединению сроков в пределах единого института исковой давности, а это, в конечном итоге, значительно упростит правоприменение и поспособствует осуществлению справедливого правосудия. Возможно целесообразно еще более упростить правила исчисления сроков: единообразно определить начало исчисления любых сроков со дня (момента) фактического начала их течения, чтобы и последний день сроков, исчисляемых неделями, месяцами и годами, приходился на такой же день по своему названию или числу, что и первый день. Следует унифицировать правила исчисления сроков для всех отраслей права: гражданского, арбитражного, процессуального, уголовного и т.д. Такое исчисление сроков позволить исключить двоякое их толкование в правоприменительной практике. Лишь при исчислении возраста, наказаний и других сроков, ограничивающих права и свободы граждан, последний день должен приходиться на день, который по своему названию дня недели или числу месяца соответствует кануну первого дня срока. Внесение предлагаемых изменений и дополнений в действующее законодательство позволит обеспечить правильное применений различных видов гражданско-правовых сроков на практике и исключить необоснованное ущемление субъективных гражданских прав граждан и организаций правоприменительными органами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019, действующая редакция по состоянию на 05.10.2020
2. Гражданское право: в 2 Т. Том I: учебник [Текст] / Под ред. Суханова Е.А. – М.: Волтерс Клувер. 2007. – с.462-463.
3. Суханов Е.А. Основные положения права собственности. [Текст] – М.: Волтерс Клувер. 2004. – С.76.
4. Михайленко Е.М. Гражданское право. Общая часть. Учебник и практикум для СПО. М: изд.Юрайт, 2016.с.48
5. Петрухина Т.Г. Сроки в гражданском праве. // Право и экономика. 2006. № 5.59-66 с.
6. Суханов Е.А. Российское Гражданское право. М.: изд.Статут, 2014. С.478

THE CONCEPT AND DISTINCTIVE FEATURES OF CIVIL LIABILITY

Annotation. In this work, the concepts and basic properties of the legal regulation of the limitation period in civil law relations are disclosed; social relations arising between the highest state authorities and the population; a brief description of the concepts, types and meaning of the limitation period in civil law is given.
Keywords: The concept of the form of legal regulation in the calculation of terms in civil relations and its structure, civil relations, legal regulation, limitation period, forms of legal regulation: types, differences.

Demkina S.
Scientific supervisor: Efremova A.V., candidate of law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: cofiademkina@gmail.com

УДК 347.191.6

ПОНЯТИЕ И ОСНОВАНИЯ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО РЕШЕНИЮ СУДА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Демкович Д.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе исследован институт принудительной ликвидации организаций. Были рассмотрено понятие ликвидации, основные черты, основания и правовая природа принудительной ликвидации. Автором сделан вывод о том, что, хотя принудительная ликвидация является единственным реальным способом прекратить юридическое лицо по решению, принятому из вне, сегодня в Донецкой Народной Республике наблюдается неразвитость данного института как с точки зрения норм права, так и со стороны их применения.
Ключевые слова: принудительная ликвидация, основания для принудительной ликвидации, исключение из ЕГРЮЛ.

Когда учредители подают документы на государственную регистрацию юридического лица, никто не задумывается, о том, что фирма когда-то закроется и что именно им придется ее закрывать. В такой момент люди думают о будущем успешном проекте, прибыльном бизнесе, доходах и контрактах, а никак не о долгах, судах и спорах.

На практике же многие фирмы не могут даже начать работать или вынуждены сворачивать свою деятельность уже через несколько лет после регистрации. Нередко это происходит из-за рисков, разногласий и нарушений законодательства. В таких случаях прекращение юридического лица происходит путем ликвидации.

Под ликвидацией понимается прекращение юридического лица в установленном Законом порядке без образования новых юридических лиц и без перехода в порядке универсального правопреемства прав и обязанностей к другим лицам. Ликвидация может быть, как добровольной (по решению уполномоченного органа юридического лица), так и принудительной (по решению суда).

Начиная с «01» апреля 2021 года в соответствии с частью 1 статьи 71 ГК ДНР [1], статьями 8 и 38 Закона № 220-IIНС от «18» декабря 2020 года «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей», а также в силу сложившейся практики на официальном сайте Министерства доходов и сборов Донецкой Народной Республики публикуются сведения о том, что юридические лица находятся в состоянии ликвидации [2]. За период с «01» апреля 2021 года подобные сообщения были опубликованы в отношении всего 19 юридических лиц [3]. Для сравнения только в декабре 2021 года в Ростовской области Российской Федерации были ликвидированы (не считая иных способов прекращения) 110 юридических лиц [4].

Данные показатели свидетельствуют об определенной неразвитости института ликвидации юридических лиц и подчеркивают необходимость его исследования. Добавляет актуальность и то обстоятельство, что иные процедуры прекращения юридических лиц без правопреемства (банкротство, исключение из единого государственного реестра по решению регистрирующего органа) в Донецкой Народной Республики не применяются по причине отсутствия нормативно-правового регулирования и практики применения.

Ликвидация по решению суда сегодня – это единственный способ прекратить существование юридического лица в Донецкой Народной Республике при необходимости защиты прав и законных интересов граждан, прав организаций, а также интересов государства по инициативе, исходящей не от его органов управления.

Перечень основания для проведения принудительной ликвидации определяет правовую природу и границы данной процедуры и закреплен в статье 69 ГК ДНР. Судом может быть принято решение о ликвидации юридического лица:

1) При недействительности государственной регистрации юридического лица признана недействительной, в том числе в связи с допущенными при его создании грубыми нарушениями закона. Такие нарушения в обязательном порядке должны носить носят неустранимый характер, а иначе не могут быть сочтены достаточными основаниями для принудительной ликвидации (часть 6 статьи 55 ГК ДНР).

Так юридическое лицо может быть ликвидировано, если признано недействительным решение о его создании, если учредительный документ юридического лица противоречит законодательству и такое юридическое лицо не вносит в него соответствующие изменения. Для обращения в суд с требованием о ликвидации по данному основанию не требуется предварительное вынесение судом решения, подтверждающего факт недействительности регистрации юридического лица [5].

2) В случае осуществления юридическим лицом без надлежащего разрешения или лицензии (в отношении видов деятельности указанных в статье 10 Закона № 18-IНС от «27» февраля 2015 года «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» [6]) либо при отсутствии обязательного членства в предусмотренной Законом организации или необходимого свидетельства о допуске к определенному виду работ.

3) В случае осуществления запрещенных видов деятельности либо деятельности с нарушением Конституции Донецкой Народной Республики, неоднократными или грубыми нарушениями законодательства Донецкой Народной Республики.

Перечень запрещенных видов деятельности закреплен в статье 239 Закона № 99-IНС от «25» декабря 2015 года «О налоговой системе» и включает:

– осуществление деятельности в сфере игорного бизнеса, за исключением бильярда и боулинга;

– выпуск (эмиссия) всех видов ценных бумаг, кроме выпуска (эмиссии) векселей и облигаций государственного займа;

– осуществление валютно-обменных операций, при отсутствии статуса финансового учреждения и патента на осуществление валютно-обменных операций;

– производство подакцизных товаров из давальческого сырья [7].

Суд рассматривая заявления о ликвидации юридических лиц по причине осуществления ими деятельности с неоднократными нарушениями действующего законодательства должен руководствоваться не только лишь формальным основанием, но и всецело исследовать характер нарушений, в том числе их продолжительность и последовавшую за нарушением деятельность юридического лица. Факт совершения правонарушения должен быть подтвержден соответствующим актом, решением, предписаниями, предупреждениями и т.п., выданными юридическому лицу органами государственной власти и местного самоуправления Организация не может быть ликвидирована, если допущенные им нарушения носят малозначительный характер или если вредные последствия таких нарушений устранены. Такой вывод был сформулирован Конституционным судом Российской Федерации при толковании аналогичной нормы ГК РФ [8].

В свою очередь невыполнение решения учредителей (участников) юридического лица либо органа юридического лица о добровольной ликвидации не является основанием для принудительной ликвидации, если в деятельности юридического лица не установлены неоднократные или грубые нарушения законодательства [9]. В данном случае действенным способом сдвинуть ликвидацию с мертвой точки будет не обращение в суд, а назначение нового ликвидатора.

4) Если общественная организация, общественное движение, благотворительный или иной фонд, религиозная организация систематически осуществляет деятельность, противоречащую учредительным документам и уставным целям.

В данном случае систематическая деятельность – это противоречащее уставным целям и повторяющееся более двух (минимум три) раз действие организации, совершенное вопреки указанным в уставе целям и выявленное в результате осуществления контрольно-надзорных полномочий. Данные нарушения могут быть учтены судом за период не более трех лет, предшествующих обращению уполномоченного органа с требованием о ликвидации юридического лица [10].

5) По иску учредителя (участника) юридического лица в случае невозможности достижения целей, ради которых оно создано, в том числе в случае, если осуществление деятельности юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется.

Верховный суд Российской Федерации, раскрывая содержание правоотношений, при которых деятельность юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется, и которые могут считаться основанием для ликвидации организации в судебном порядке указывает на следующее:

– деятельность юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется, если учредители (участники) юридического лица уклоняются от участия в нем, делая невозможным принятие решений в связи с отсутствием кворума. Так, например, если директор общества с ограниченной ответственностью умер, а участники с долей в уставном капитале более 50% не являются для участия в общем собрании и не направляют своих уполномоченных представителей, Общество не может назначить нового директора в силу того, что деятельность юридическим лицом осуществляется через его органы управления, не может осуществлять хозяйственную деятельность.

– в случае длительного корпоративного конфликта, в ходе которого существенные злоупотребления допускались всеми участниками хозяйственного товарищества или общества, вследствие чего существенно затрудняется его деятельность. При этом ликвидация юридического лица по данному основанию всегда является исключительным способом разрешения корпоративного конфликта и возможна только при условии, что все иные меры для разрешения корпоративного конфликта и устранения препятствий для продолжения деятельности юридического лица (избрание нового лица, осуществляющего полномочия единоличного исполнительного органа, добровольный выход участника из состава участников юридического лица, исключение участника юридического лица и т.д.) исчерпаны или их применение невозможно [11].

6) В иных случаях, предусмотренных законом. Среди таких иных случаев стоит выделить:

– в силу части 5 статьи 1642 ГК ДНР принудительная ликвидация возможна в случае не проведения в срок до «01» июля 2022 года реорганизации в форме преобразования юридическим лицом, организационно-правовая форма которого не предусмотрена ГК ДНР;

– в силу части 2 статьи 63 Закона № 239-IIНС от «28» декабря 2020 года «Об обществах с ограниченной ответственностью» принудительная ликвидация возможна в случае не приведения учредительных документов обществ с ограниченной ответственностью в соответствие с требованиями действующего законодательства [12].

Стоит учитывать, что при рассмотрении Арбитражным судом соответствующих заявлений в приоритете всегда находится применение процедуры исключения из Единого государственного реестра недействующего юридического лица, а не его принудительная ликвидация через суд и не применение процедуры банкротства [13].

Таким образом, когда речь заходит о прекращении правосубъектности фактически несуществующих компаний, которые не осуществляют хозяйственную деятельность и не имеют активов, достаточных для проведения процедуры ликвидации, их ликвидация является нецелесообразной. И если исключение юридических лиц из Единого государственного реестра является мерой по обеспечению достоверности содержащихся в нем сведений и чистке реестра от недействующих юридических лиц, то принудительная ликвидация – санкцией, которая применятся к юридическому лицу в случае нарушений требований законодательства и оказывает негативное воздействие как на его учредителей, так и органы управления в виде обязанности по совершению всех действий, направленных на завершение ликвидации. Угроза применения такой санкции понуждает юридические лица осуществлять деятельность в рамках существующего правопорядка, не нарушая соответствующие предписания законодательства, и тем самым призвана обеспечить защиту прав и законных интересов других лиц.

С учетом вышеизложенного, институт принудительной ликвидации юридических лиц в Донецкой Народной Республике стоит считать находящимся в процессе становления. С формированием законодательства и практики применения иных способов прекращения юридических лиц данный институт займет свое законное место в общественных отношениях, связанных с деятельностью субъектов хозяйствования и будет применяться по мере необходимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики от «13» декабря 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-81-iihc-20191213/ (дата обращения: 29.01.2022).
2. Закон Донецкой Народной Республики № 220-IIНС от «18» декабря 2020 года «О государственной регистрации юридически лиц и физических лиц-предпринимателей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-220-iihc-20201218/#0002-220-iihc-20201218-5-1-12 (дата обращения: 29.01.2022).
3. Официальный сайт Министерства доходов и сборов Донецкой Народной Республики: Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mdsdnr.ru/index.php/novosti (дата обращения: 29.01.2022).
4. Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на «01» января 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77//related_activities/statistics_and_analytics/forms/10553558/ (дата обращения: 29.01.2022).
5. Информационное письмо Президиума Верховного арбитражного суда Российской Федерации от «13» августа 2004 года № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
6. Закон Донецкой Народной Республики «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» № 18-IНС от «12» февраля 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-18-ihc-20150227/ (дата обращения: 29.01.2022).
7. Закон Донецкой Народной Республики «О налоговой системе» № 99-IНС от «25» декабря 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-99-ihc-20151225/ (дата обращения: 29.01.2022).
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от «18» июля 2003 года № 14-П // СПС КонсультантПлюс.
9. Информационное письмо Президиума Верховного арбитражного суда Российской Федерации от «13» января 2000 года № 50 «Обзор практики разрешения споров, связанных с ликвидацией юридических лиц (коммерческих организаций)» // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от «27» декабря 2016 года № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» // СПС КонсультантПлюс.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от «23» июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

12. Закон Донецкой Народной Республики «Об обществах с ограниченной ответственностью» № 229-IIНС от «28» декабря 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-239-iihc-20201228/ (дата обращения: 29.01.2022).
13. Постановление Пленума Верховного арбитражного Суда Российской Федерации № 67 от «20» декабря 2006 года «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о банкротстве отсутствующих должников и прекращении недействующих юридических лиц» // СПС КонсультантПлюс.

THE CONCEPT AND GROUNDS FOR THE LIQUIDATION OF LEGAL ENTITIES BY A COURT DECISION IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. In the work the institute of forced liquidation of organizations is investigated. The concept of liquidation, the main features, grounds and the legal nature of compulsory liquidation were considered. The author concludes that, although compulsory liquidation is the only real way to terminate a legal entity by a decision taken from outside, today in the Donetsk People's Republic there is an underdevelopment of this institution both from the point of view of legal norms and from the side of their application.
Keywords: compulsory liquidation, grounds for compulsory liquidation, exclusion from the Unified State Register of Legal Entities and Individual Entrepreneurs.

Demkovich D.
Scientific adviser: Finkina A.P. senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: ddemkovich2001x@mail.ru

УДК 347.124

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫМИ ГРАЖДАНСКИМИ ПРАВАМИ

Донец А.С.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассмотрены различные подходы к пониманию понятия и сущности злоупотребления субъективными гражданскими правами. Предложен собственный подход к пониманию понятия и сущности злоупотребления субъективными гражданскими правами.
Ключевые слова: злоупотребление правом, субъективное гражданское право, понятие, сущность.

Осуществление права должно происходить таким образом, чтобы не нанести вред другим, тем самым следует не допустить злоупотребления субъективными гражданскими правами. Кроме того, среди исследователей отсутствует единство в отношении установления содержания понятия и сущности злоупотребления субъективными гражданскими правами, единство отсутствует и в законодательном определении среди гражданского законодательства различных государств.

Лица, вовлеченные в гражданско-правовые отношения, обязаны добросовестно осуществлять свои права и выполнять свои обязательства. Данный принцип оказывает воспитательное воздействие на стороны гражданско-правовых отношений. В случае злоупотребления субъективными гражданскими правами, представляется важным установление критериев злоупотребления на основе единообразия в рассмотрении данного вопроса.

Цель исследования – проанализировать вопрос понятия и сущности злоупотребления субъективными гражданскими правами.

Статья 11 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) относит к злоупотреблению правом осуществление гражданских прав

исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [1]. Аналогичные положения содержит и статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2].

С.В. Мусарский подчеркивает сложность определения сущности самого злоупотребления правом и его признаков. Автор обобщает, что в российской судебной практике злоупотребление правом имеет место при наступлении негативных последствий, наступивший для третьих лиц в результате осуществления права, поскольку данные последствия налицо, то и при осуществлении права было злоупотребление правом, независимо от того, каким было само действие, способ его совершения и отношение к нему действовавшего лица: «под злоупотреблением правом понимаются любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права»; «под злоупотреблением правом понимается осуществление права, причиняющее вред другим лицам или создающее условия для наступления вреда», либо «нарушающее интересы»; осуществление права «без учета того, что интересам других лиц причиняется вред» [3, с. 23].

Жюльен Бурдуазо отмечает, что злоупотребление этимологически соответствует «чрезмерному использованию», а затем результату такого использования, то есть плохому отношению, это неправильное использование чего-либо (в буквальном смысле). В частности, это чрезмерное использование юридической прерогативы. Право, осуществляемое с единственной целью причинить вред другим, похоже, перерастает в злоупотребление. С точки зрения объективных обстоятельств субъект полностью соответствует своему праву; с субъективной стороны он, напротив, кажется в значительной степени осуждаемым [4].

Определение критериев (критериев) злоупотребления правом равносильно рассмотрению вопроса о том, в каких случаях правообладатель злоупотребляет индивидуальными прерогативами, предоставленными законом (в материальном смысле этого слова). Определение прерогатив, которыми закон наделяет обладателя субъективного права, осуществляется в двух направлениях. Существуют внешние границы права и внутренние границы права. Как утверждает Жульен Бурдуазо, только последние связаны с теорией злоупотребления правами. Некоторые полномочия, объективно описанные в зависимости от их характера или цели, предоставляются, однако с ограничениями. Например, владелец может строить на своей земле, но не может посягать на землю своего соседа, рабочие могут объявлять забастовки, но не имеют права арестовывать своего работодателя. Теория злоупотребления правами не нужна для наказания за незаконные действия.

Внутренние ограничения заключаются в том, что прерогативы, предоставляемые человеку законом, не являются абсолютными. В их осуществлении есть мера, которой следует придерживаться. Сказать, что домовладелец имеет право строить на своей собственной земле, не обязательно означает, что он может строить что угодно любым способом. Утверждение, что экономический агент имеет право нанести вред конкуренту, не означает, что он может действовать путем недобросовестной конкуренции. Если домовладелец возводит объект с единственной целью – помешать своему соседу, он выходит за рамки своего права, хотя и не выходит за его внешние пределы. Право может предоставлять определенные полномочия и ограничивать их осуществление. Только эти внутренние ограничения редко формализуются законом, когда в нем излагаются предоставленные им прерогативы. По мнению Жульен Бурдуазо, такие ограничения следует искать в общих принципах или даже в духе правовой системы [4]. Считаем, что в законодательстве Донецкой Народной Республики и Российской Федерации субъективные критерии злоупотребления правом, так называемые внутренние ограничения, прописаны довольно ясно: 1) намерение

причинить вред другому лицу, 2) противоправная цель, 3) заведомая недобросовестность осуществления гражданских прав.

Интересно в сравнительно-правовом отношении законодательство Кубы при изучении злоупотребления субъективными гражданскими правами. В Гражданском кодексе Кубы (далее – ГК Кубы) доктрина злоупотребления правом признается в статье 4, которая определяет, что права, которые признаются в этом кодексе, осуществляются в соответствии с их социальным содержанием и целью, и их осуществление не является законным, если преследуемая цель заключается в причинении вреда другому лицу.

Данная норма включает две линии интерпретации: 1) объективную: когда законодательно определено, что права должны осуществляться в соответствии с их социальным содержанием и целью, в то время как если это не имеет негативного значения, если имело действие или бездействие, противоречащие этому социальному содержанию, затрагивающие коллективные интересы, социальные интересы общественного порядка или далекие от их цели, происходило антиобщественное осуществление прав, даже без намерения причинить вред, но не злоупотребление правом. Данная законодательная формулировка была намерением законодателя наметить ограничение социального содержания субъективных прав; 2) субъективную: в том смысле, что должно существовать виновное намерение причинить вред третьей стороне при осуществлении права, намерение, которое должно быть доказано, учитывая в этом случае отсутствие собственной выгоды или полезности для лица, причиняющего ущерб.

С другой стороны, в статье упоминается не только обстоятельство, при котором ущерб уже имел место, но даже возможность того, что без причинения вреда, но будучи доказанным, что причинение вреда существовало, оно также рассматривается как оскорбительное и гораздо более незаконное поведение. Также статья 4 ГК Кубы содержит требование о том, что для того, чтобы считать деяние злоупотреблением правом, необходимо объединить превышение в пользовании правом с вредным намерением [5]. Полагаем, что упоминание о социальной цели и содержании права в ГК Кубы связано с тем, что Куба является социалистическим государством, к которым нельзя отнести Донецкую Народную Республику и Российскую Федерацию, следовательно, использование формулировок в цивилистическом законодательстве не представляется актуальным. Но, как видим, важно установление направленности на причинение вреда в комплексе с объективной составляющей.

С.В. Мусарский отмечает, что признак причинения вреда сам по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом. Помимо указанного признака, российский суд или суд ДНР должен установить иной (ключевой) фактор – тот, который, по его мнению, позволяет отграничивать правовое злоупотребление от прочих правомерных и неправомерных явлений. «Например, если суд при определении сути рассматриваемого явления придерживается концепции нарушения цели субъективного права (точка зрения, наиболее распространенная в отечественном гражданском праве), то он должен будет, помимо факта причинения вреда при осуществлении субъективного права, установить цель этого права и выявить, в чем заключалось ее нарушение. Если же суд опирается на концепцию недобросовестности …, то ему, наравне с установлением вреда, придется определить, какие факторы свидетельствуют о недобросовестности поведения правообладателя. А если суду наиболее близка, допустим, концепция нарушения нравственности (этики, морали), то он вместе с установлением факта вредоносного осуществления права должен будет определить содержание нравственного правила, а также факт его нарушения. Сказанное верно и в отношении всех прочих распространенных в науке и применяемых на практике концепций правового злоупотребления. Поэтому судебное решение о квалификации деяния по осуществлению права в качестве акта злоупотребления правом, опирающееся только на факт причинения вреда, является необоснованным» [3, с. 23]. Считаем, что речь идет не о том, близка ли суду, какая либо из

концепций, суду следует рассматривать объективные обстоятельства с учетом субъективной направленности действий лица, злоупотребившего правами, и на их основании выносить решение. При этом содержание злоупотребления правом, исходя из положений статьи 11 ГК ДНР и статьи 10 ГК РФ, составляют три группы формально законных действий: 1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, 2) действия в обход закона с противоправной целью, 3) другое заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Исследователи И.Д. Кочанжи и Т.С. Рагимов подчеркивают, что злоупотребление гражданским правом представляет собой совокупность юридических действий, формально законных, но при их осуществлении становящихся вредоносными и противоправными, приводящих к нарушениям прав и законных интересов других лиц, из-за их скрытости, то есть факт злоупотребления правом, как мы видим, происходит в неравных условиях, и чаще всего оно завуалировано. Одна сторона (причинитель вреда) является подготовленной стороной (сильной) в силу исходящей от нее инициативы, а другая – добросовестная сторона (потерпевшая) предполагается слабой стороной, вовсе не подразумевающей о возможном нарушении ее прав, становясь таким образом уязвимой, незащищенной для злостной стороны, что, безусловно, требует особой защиты добросовестной стороны при указанных скрытных противоправных действиях противоположной стороны [6, с. 117].

Т.В. Кация отмечает, что злоупотребление правом представляет собой часть объективной действительности, когда управомоченное лицо выходит за рамки возможного и дозволенного поведения, не придерживаясь правовой модели, очерченной законом [7]. Автором не учитываются субъективные критерии.

Исследователи Камышанский В.П., Ветер Н.Ю. указывают, что злоупотребление правом необходимо рассматривать как комплексное правовое явление, включающее две составляющие: 1) правовое ограничение как элемент правового регулирования, сформулированное в виде запрета злоупотреблять субъективным гражданским правом; 2) как ограничение субъективного гражданского права соразмерно с субъективным пониманием социальных и правовых ограничений [1]. Однако не берется во внимание объективная составляющая.

Таким образом, определено, что законодательное определение злоупотребление правом в виде осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действий в обход закона с противоправной целью либо иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав отражает различные возможные объективные варианты действий и субъективные мотивы злоупотребившего правами субъекта гражданских правоотношений.

Субъективные критерии злоупотребления правом заключаются в следующем: 1) намерение причинить вред другому лицу, 2) противоправная цель, 3) заведомая недобросовестность осуществления гражданских прав. В злоупотреблении правом может присутствовать лишь один субъективный критерий для его констатации.

Однако недостаточно только субъективной направленности, одно лишь намерение не наказуемо, право должно осуществляться и предприниматься какие-либо формально законные действия из перечисленных в сочетании с субъективной направленностью: 1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, 2) действия в обход закона с противоправной целью, 3) другое заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 18.01.2022). – Загл. с экрана.

2. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Мусарский С.В. Причины, по которым причинение вреда не является достаточным признаком злоупотребления правом // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 12 (181). – С. 22-31.
4. L'abus de droit: fonctions et critères / By Julien Bourdoiseau [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aurelienbamde.com/2018/12/13/labus-de-droit-fonctions-et-criteres/ (дата обращения: 18.01.2022). – Загл. с экрана.
5. El abuso del derecho y la tutela del medio ambiente [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.monografias.com/trabajos15/abuso-derecho/abuso-derecho (дата обращения: 18.01.2022). – Загл. с экрана.
6. Кочанжи И.Д., Рагимов Т.С. Некоторые вопросы злоупотребления правом // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 3 (25). – С. 113-117.
7. Кация Т. В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: теоретический анализ и предстоящие изменения в статью 10 Гражданского кодекса Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2010. – №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-subektivnym-grazhdanskim-pravom-teoreticheskiy-analiz-i-predstoyaschie-izmeneniya-v-statyu-10-grazhdanskogo-kodeksa (дата обращения: 24.01.2022). – Загл. с экрана.
8. Камышанский В.П., Ветер Н.Ю. Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – №112. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-ponyatie-priznaki-obschaya-harakteristika (дата обращения: 25.01.2022). – Загл. с экрана.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE ABUSE OF SUBJECTIVE CIVIL RIGHTS

Annotation. In this paper, various approaches to understanding the concept and essence of the abuse of subjective civil rights are considered. A proprietary approach to understanding the concept and essence of the abuse of subjective civil rights is proposed.
Keywords: abuse of law, subjective civil law, concept, essence.

Donets A.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: albinavi35@gmail.com

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Драгунова В. Н.
Научный руководитель: Герасименко Ю. В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается история становления и развития парламентаризма в европейских государствах. Выделена хронология развития парламентаризма в целом, изучена специфика парламентаризма в различные исторические эпохи. Указаны особенности развития парламентаризма в Германии, Франции, Великобритании и других европейских странах.
Ключевые слова: парламент, парламентаризм, протопарламентаризм, законодательная власть, теория разделения властей.

Развитие парламентаризма как масштабного политико-правового явления стало возможным благодаря появлению в истории государств особого представительного и законодательного органа – парламента. Поэтому история развития парламентаризма неразрывно связана с историей возникновения самого парламента.

В целом, эволюция парламентаризма началась с образования прообразов представительных органов и осмысления их сути, наиболее выгодной и эффективной

формы, необходимости в системе государства. Следует отметить, что парламент – это древний институт государственности, поэтому история парламента и соответственно парламентаризма уходит в глубину веков. Парламентаризм прошел долгий путь развития, переживая этапы своего формирования, расцвета, угасания и возрождения, поэтому в юридической литературе выделяются разные хронологические вариации.

Д. И. Плешакова отмечает четыре этапа развития. Первый этап приходится на период с древнейших времен до XII века и характеризуется наличием первых проявлений парламентаризма. Второй этап включает в себя период с XIII века до середины XVII века и связан с тем, что парламенты становятся государственными форумами. Это было вызвано различными социальными и экономическими изменениями, которые принесли становление капитализма, а также политической нестабильностью абсолютистских режимов и желанием определенной прослойки общества принимать участие в процессе управления государством. На третьем этапе (конец XVII-XIX век) возрастает роль парламентаризма как системы государственного устройства. Четвертый этап включает период с XX в. по настоящее время. На этом этапе происходит усиление исполнительной власти, падение роли парламентов и оттеснение их на задний план политического процесса [1, с.334-336].

Шабров О.Ф. также выделяет четыре этапа формирования парламентаризма. Первый период начался во время расцвета античных государств и подошел к концу в XII веке. Этап характеризуется как эпоха «протопарламентаризма», в которой можно обнаружить первичные проявления парламентаризма, которые в ходе развития приобретают черты прообраза средневекового парламента. Второй этап – с начала XIII века по середину XVII века. Третий этап продолжался с конца XVII века по XIX века. Данный этап характеризуется становлением буржуазного парламентаризма в условиях развития капиталистических отношений. Четвертый период охватывает XX век и продолжается сегодня и характеризуется дальнейшим развитием и внедрением в политическую систему общества ведущих элементов парламентаризма [2, с. 95].

При этом следует отметить, что в течение XX века развитие парламентаризма не было однозначным: усиливалась исполнительная власть, которая подчиняла его своему влиянию или ставила под сомнение перспективы развития парламентаризма.

История европейского парламентаризма является составной частью истории парламентаризма в мире, которая является ключевым элементом, поскольку именно в Европе зародились и нашли свое дальнейшее продолжение основные идеи и принципы функционирования парламентаризма.

Необходимо отметить, что развитие парламентаризма – это в первую очередь становление и развитие парламента как государственного представительного органа. Первые идеи о представительной структуре возникли в эпоху Древней Греции и Древнего Рима. Именно труды и идеи в античных государствах стали культурным и правовым наследием европейских государств, первичным материалом, на котором основывалась дальнейшая работа в сфере государственного строительства и права.

Так, прообразами современных представительных учреждений были народные собрания, активизировавшиеся в период расцвета афинской демократии (V в. до н.э.). За ними закреплялись законодательные полномочия, они осуществляли контроль над финансами страны и использованием казны. В целом, в античном мире появление подобных органов власти было продиктовано экономическим развитием общества. Товарное сельское хозяйство способствовало развитию ремесел, развитию судостроения и торговли.

В период Средневековья возникает первый парламент. Он появился в Англии в конце XIII века. Данный орган существовал почти без перерывов на протяжении веков (кроме годов гражданской войны XVII в.). В целом, в эпоху феодализма и расцвета абсолютных монархий парламент играл ограниченную роль в жизни страны. Созыв

парламента полностью зависел от усмотрения короля. Пример – Генеральные штаты во Франции впервые были созваны королем в самом начале XIV в. С 1614 г. он перестал созывать их [3, с. 87-88].

Столетием парламентаризма можно назвать эпоху Нового времени. Именно в данное время институт парламента преобразовывался в организационную и функциональную форму парламента, существующую сегодня.

Безусловно, решающую роль в становлении парламента как представительного органа имели буржуазные революции, которые охватили всю Западную Европу. Буржуазная революция, повлекшая смену феодального строя буржуазным, ассоциируется с эпохой Нового времени. Данные революции открыли путь для развития капитализма, провозгласили господствующим новый класс – буржуазию, которая получила превосходство в экономической, политической, социальной сферах. Результатом подобных трансформаций стало преобразование государственной системы, согласно с новыми условиями времени.

Новое время и следующую за ним эпоху Просвещения называют первым этапом развития парламентаризма. Это связано с тем, что в данный период наибольшего уровня развития достигают идеи прав и свобод человека, впервые высказываются мнения о том, что власть монарха может быть ограничена и у народа есть право менять представителей власти. Парламентаризм рассматривается как право человека и народа управлять собой. Также это обусловлено активизацией деятельности известных ученых и философов – Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо, Ш. Монтескье. На этом этапе была сформулирована теория разделения властей – фундамент парламентаризма.

Дж. Локк впервые предложил теоретическую модель разделения властей в государстве, выделив две ветви власти: законодательную и исполнительную. Он отводил основную роль законодательной власти, а исполнительная власть является подчиненной и подотчетной законодательной власти. По его мнению, парламент служит противовесом монархической власти.

Однако теория Д. Локка – это не теория разделения властей в современном ее понимании, так как он приходит к выводу, что законодательная власть является верховной и все другие ветви власти истекают из нее и подчинены ей.

Основоположником современной теории разделения властей считается выдающийся французский мыслитель Ш. Л. Монтескье, которые изложил основные мысли в работе «О духе законов» [4, с. 117]. Монтескье дополнил принцип разделения властей идеей сдержек и противовесов.

Ж. Ж. Руссо в развитии идей парламентаризма как социального явления разработал идею национального (народного) суверенитета. Немецкий мыслитель Г. Гегель также отстаивает идею парламента как социального института [5, с. 346-347].

То есть, в указанный период происходит формирование важнейших правовых принципов и формулирование правовых идей известными философами, мыслителями, учеными-правоведами, которое внесли большой вклад в теорию права и науку о построении государственно власти, а также повлияли на развитие парламентаризма.

Кроме этого, огромное влияние на развитие парламентаризма оказало формирование конституционализма. Так, например, в Англии были впервые установлены конституционные принципы во всемирно известном акте – Билле о правах. Этот акт установил новые принципы во взаимоотношениях парламента с королем: закрепил правило, согласно которому ни один закон не мог быть принят без согласия парламента [6, с. 173]. То есть, Билль о правах поставил преграды на пути притязаний главы государства на осуществление неограниченной власти.

Золотым веком парламентаризма называют XIX век, который характеризовался развитием демократических установок и закреплением парламентаризма как основы общественной жизни. В данный период формирование парламентаризма было вызвано

становлением новых государств или изменением в политическом строе уже существующих стран.

Существенными достижениями в истории развития парламентаризма являются появление институтов, дополняющих парламентаризм. Так, например, в середине века в практике английского парламента возник один из ключевых институтов – институт парламентской ответственности правительства.

Помимо этого, в XIX веке складываются другие институты – законодательный процесс, статус депутатов, определяются отношения с исполнительной властью. В ряде стран парламенты приобретают право на законодательную инициативу, право контроля над правительством; вводятся вознаграждения для депутатов [7, с. 51].

Развитие парламентаризма XX века характеризуется неоднозначно. С одной стороны, в первой половине XX века наблюдается ослабление роли парламента, а вторую половину (60-е годы) часто называют «возрождением парламентаризма» после падения антидемократических фашистских режимов [8, с. 251]. С другой стороны, существует мнение о падении в XX в. роли представительных учреждений. Основными аргументами для подтверждения этого тезиса служат: медлительность и объемность парламентских процедур, делегированное законотворчество, недостаточность парламентского контроля, наличие лоббирования и популизма.

Тем не менее, парламентаризм продолжал свое развитие и официальное закрепление во многих стран. Это подчеркивается следующим: парламенты обогащались опытом, взаимодействовали с другими ветвями государственной власти. Идут процессы становления законодательства во многих странах. Появляются межпарламентские структуры, решающие глобальные задачи [7, с. 51-52].

Однако следует отметить, что одновременно с развитием парламентаризма в XX веке имело место усиление исполнительной ветви власти – прежде всего президентской, в связи, с чем роль парламентов падает и оттесняется на второй план политического процесса. Это выражалось в передаче части полномочий законодательного органа исполнительной власти.

Наиболее ярким примером является история развития парламентаризма в Германии. Здесь развитие парламента пострадало от фашистского режима, а после его свержения парламентская деятельность была возрождена.

Вначале XX в. в стране проводилась агрессивная военная политика, связанная с подготовкой к мировой войне, которая приводила к нарушениям конституции и парламентским кризисам. Демократическая Веймарская конституция 1919 г. провозгласила суверенитет народа и учредила орган, состоящий из избираемого Рейхстага и формируемого из представителей земель Рейхсрата (Имперский совет). Однако в связи с положением населения после Первой мировой войны, безработицей, политическим противоборством в парламенте, Рейхсрат оказался неспособным к отстаиванию конституционных ценностей, часто распускался. [9, с. 37].

В это время в стране произошел отказ от принципа верховенства закона и участия парламента в формировании органов власти [10, с. 37]. То есть, парламент не играл особой роли, в связи, с чем была создана почва для прихода нацистов к власти.

Рейхстаг превратился в бесправное, лишенное властных полномочий учреждение, участвовавшее в формировании всеобщей милитаризации, расизма и развязывании Второй мировой войны [10, с. 37]. В 1942 году парламент перестал созываться.

После войны парламентаризм и парламент начинают возрождаться. Первый послевоенный парламент появляется в западной зоне влияния (французской) уже в мае 1947 г. в виде Экономического совета Бизонии, а затем Тризонии, формируемый из представителей ландтагов земель. После принятия Основного закона ФРГ 1949 г. был учрежден высший орган народного представительства Бундестаг. Согласно абз. 1 ст. 77 Основного закона ФРГ, законы страны принимаются Бундестагом [11, с. 94].

Подобная история парламентаризма наблюдается в Италии, государство также пережило фашизм и пришло к ценностям парламентаризма. Возвышение парламента началось с принятием Конституции 1947 г., учредившей двухпалатный парламент. В 90-е годы были проведены реформы: в 1993 г.– реформа избирательной системы, введена смешанная избирательная система [12, с. 276-277].

В Великобритании XX век ассоциируется с падением роли парламента, обусловленным возвышением правительства при принятии важных государственных решений. После Второй мировой войны премьер-министр без консультаций с Кабинетом стал осуществлять назначения и перемещения внутри правительства, решать вопросы о созыве и роспуске Палаты общин [10, с. 38].

Для французского парламентаризма XX век ознаменовался падением роли парламента в системе государственного управления. В 1930-е в разгар экономического кризиса парламент теряет свой авторитет, происходит разочарование общества в парламентских институтах. Парламент перекладывает на исполнительную власть реализацию неэффективных, непопулярных и неподдерживаемых в народе мер и инициатив. Помимо этого происходит расширение делегированного законотворчества. После освобождения страны от оккупации Конституция 1946 г., ознаменовала установление Четвертой республики – парламентарной республики.

Однако данная модель управления государством оказалась неспособной реагировать на проблемы и кризисные явления в обществе в связи, с чем произошло усиление полномочий правительства. В 1958 году президенту был придан статус главы государства с широкими полномочиями, а парламенту отведена второстепенная роль. Фигура президента оказалась сильнее, чем в президентской модели [10, с. 40].

При этом парламентаризм не исчез как политико-правовое явление. Доказательством этому служит существование «сильной» верхней палаты парламента (Сенат), а также Конституционного совета, который осуществляет эффективный конституционный контроль.

Рассмотрев историю развития парламентаризма в разных европейских государствах, необходимо отметить, что для многих западноевропейских стран XX век делится на два этапа: умаление роли парламента в первой половине и его последующее «воскрешение» в середине века. Развитие парламентаризма продолжается и в XXI веке, в этот период парламент как институт государства переживает небывалый подъем. Современный период характеризуется утверждением парламентаризма как прогрессивной, демократической системы управления обществом. Парламенты функционируют в 200 государствах. В целом, современный этап в развитии парламентаризма характеризуется поиском новых моделей парламентского правления, вызванным актуализацией кризисных явлений.

Таким образом, парламентаризм в мире прошел несколько стадий развития, специфика которых определялась условиями исторической эпохи, социальными, экономическими и политическими потрясениями и изменениями. Преодолев длительный путь эволюции, парламентаризм прочно укрепился в политических системах различных стран, в том числе во многих европейских странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плешакова Д. И. Генезис парламентаризма: история становления и развития //Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 8. – С. 333-337.
2. Шабров О. Ф. Современные политические системы и политические режимы /Политология: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Под общ. ред. В.С.Комаровского. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 598 с.
3. Крылова Н. С. Парламент: особенности эволюции и основные тенденции развития // Труды Института государства и права РАН. – 2013. – № 3. – С. 86-108.
4. Геворкян М. В. Истоки теории разделения властей // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2010. – № 11. – С. 116-120. 5. Арсланов А. Ф.

Парламентаризм в России: функции и противоречия // Социальная политика и социология. – 2010. – № 8 (62). – С.345-352.
6. Ковалев А. В. Английское законодательство конца XVII – начала XVIII В. И политическая доктрина Джона Локка // Известия ВГПУ. – 2017. – № 8 (121). – С. 171-176.
7. Керимов А. А. Эволюция парламентаризма: исторические формы и универсальные характеристики // Ученые записки петрозаводского государственного университета. – 2012. – № 7-1 (128) . – С. 50-52.
8. Конституционное право зарубежных стран: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим специальностям: для студентов высших учебных заведений по специальности "Правоведение" : для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России / под ред. В. О. Лучина, Г. А. Василевича, А. С. Прудникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 2009. – 727 с.
9. Бойко А. В. Становление парламентаризма в России и Германии конца 19 – начала 20 в. // История государства и права. – 2009. – № 3. – С.36-40.
10. Коновалова Л. Г. «Модифицированный» парламентаризм в зарубежных странах в XX – начале XXI в.: история становления конституционно-правового института // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 3 (19). – С. 36-42.
11. Примова Э.Н. К вопросу об особенностях законодательной власти ФРГ // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2018. – № 1. – С. 92-102.
12. Шапошникова Е. А. Пропорциональные выборы в мировой избирательной практике // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 4. – С. 275-283.

THE HISTORY OF THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF PARLIAMENTARISM IN EUROPEAN STATES

Annotation. This work examines the history of the formation and development of parliamentarism in European states. The chronology of the development of parliamentarism as a whole is highlighted, the specificity of parliamentarism in different historical epochs is studied. The features of the development of parliamentarism in Germany, France, Great Britain and other European countries are indicated.
Keywords: parliament, parliamentarism, proto-parliamentarism, legislative power, the theory of separation of powers.

Dragunova V.
Scientific adviser: Gerasimenko Yu.V., Art. lecturer
Donetsk National University

УДК 347.73

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Дьяконов Р.В.
Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доц. кафедры АиФП ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию вопросов понятия и сущности электронных денег на территории Донецкой Народной Республики. Определена необходимость законодательного закрепления определения понятия «электронных денег», определена правовая природа и сущность электронных денег как правовой категории.
Ключевые слова: электронные деньги, электронный платеж, правовой статус, имущественное право, объект гражданских прав.

Формирование системы электронного денежного оборота свидетельствует о стабильном развитии государства, расширение сферы экономического сотрудничества, бытовых сфер жизнедеятельности современного общества. В Донецкой Народной Республике (далее по тексту – ДНР) данная отрасль также активно развивается, о чем свидетельствует принятие Постановления ЦРБ ДНР 06.05.2017 №126 «Об утверждении

Правил организации и функционирования системы электронных платежей на территории Донецкой Народной Республики» [1], Постановления ЦРБ ДНР от 17.07.2015 № 27 «Об осуществлении операций с использованием электронных платежных средств на территории Донецкой Народной Республики» [2]. Тем не менее, на сегодняшний день следует выделить ряд проблем, связанных с реализацией широких возможностей использования электронных денег. Развитие и формирование любой правовой категории начинается с законодательного закрепления понятия, которое является основой построения любых механизмов правового регулирования. Целесообразно также отметить, что в настоящее время очевиден рост безналичных расчетов, что предопределяет необратимый процесс увеличение доли электронной коммерции во всем мире. Финансовые аналитики утверждают, что в ближайшем будущем будут реализованы условия для полного перехода на электронные расчеты, что актуализирует вопрос разработки правовой основы данной деятельности на территории ДНР. В законодательстве ДНР в настоящее время отсутствует закрепленное понятие «электронных денег», в связи с чем, предлагается, с учетом опыта других стран, установить определение указанного понятия. Актуальность данного исследования определяется спецификой финансового международно-правового статуса ДНР в современном мире, а также отсутствием подключения банковской системы ДНР к SWIFT.

Теоретические основы исследования понятия и правовой природы электронных денег составляют работы таких представителей правовой доктрины как В.Б. Гольцов, Ю. А. Колесников, М.А. Коростелев и др.

Целью данной статьи следует считать конкретизацию понятия и сущности электронных денег в правовой действительности ДНР.

Специфика международно-правового статуса ДНР обуславливает специфику существования электронных платежей. Отсутствие международного признания, непризнанность банковской системы ДНР международными организациями и государствами, требует развития правовой основы электронных денег, ориентированной как на внутреннюю финансовую сферу, так и на интеграцию с экономическим пространством РФ. В настоящее время, в ДНР, невозможно говорить об осуществлении прямых безналичных платежей в иные государства через ЦРБ ДНР, поскольку последний не имеет права осуществлять банковские операции посредством использования системы SWIFT. Стоит указать, что SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication) – это система, оказывающая услуги по передаче электронных сообщений финансового характера. Справедливо указать утверждение С.В. Крахмалева, который отметил, что в настоящее время платежные системы, построенные на базе сети SWIFT, обеспечивают более 60 % общего мирового объема клиринга денежных переводов [3, с. 21].

Исходя из этого, возможно говорить только об ориентации в экономическое пространство РФ, посредством приведения в соответствие и содержательную аналогию законодательства ДНР с РФ. На фоне санкций, в РФ, на базе информационно-телекоммуникационного комплекса технических решений была создана альтернативная система передачи финансовых сообщений – СПФС, которая обеспечивает возможность передачи сообщений в формате SWIFT, отправления сообщений в собственных форматах пользователей, контрольную верификацию сообщений, а также помогает определять участникам списки своих контрагентов. Однако для реализации данной возможности необходимо осуществить интеграцию в экономическое пространство РФ, неотъемлемой частью чего является приведение в содержательную аналогию законодательства ДНР об электронных платежах с соответствующими нормами законодательства РФ. При этом, следует отметить стремительное развитие технологических возможностей электронных платежей внутри банковской системы

ДНР. Считаем, что создание системы электронных платежей – «ЦРБ-онлайн» выступает основой для дальнейшего расширения её возможностей, путем внедрения функции осуществления электронных переводов не только среди пользователей ЦРБ ДНР, но и других банков в РФ. Основой данной интеграции является определение понятия и правовой природы электронных денег.

В настоящее время сущность электронных денег заключается в замещении традиционных «наличных» средств платежа, которые являются составляющим элементом платежной системы любого государства. Придание существующей в государстве платежной системе универсального характера, который обеспечивает широкий спектр применения средств платежа, является одной из наиболее приоритетных задач любого государства, с конечной целью формирования самостоятельной и эффективно функционирующей платежной системы. Подобные основы регулирования национальной платежной системы являются объективной потребностью современной действительности. В связи с этим, электронное денежное обращение – предмет законодательного регулирования в государстве с развивающейся экономикой. Стоит обратиться к доктринальному определению электронных денег.

Коростелев М.А. указывал, что: «под электронными деньгами в юридическом смысле понимаются исключительно денежные единицы (например, рубль) в качестве идеальной субстанции независимо от носителя, на котором учитываются денежные единицы. Вместе с тем, для закрепления определённого количества денежных единиц за конкретным лицом необходим носитель, выполняющий учётную функцию» [4, с. 56].

Отсутствие в действующем законодательстве ДНР определения понятия «электронные деньги» требует обратиться к опыту правового регулирования РФ по данному вопросу, в силу ориентированности ДНР в правовую действительность РФ. Так, согласно п. 18 ч. 1 ст. 3 Федерального закона РФ от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе», электронные денежные средства – денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа [5]. Справедливо выделить позицию Ю.А. Колесникова относительно особенностей правового регулирования электронных денег в РФ: «Современное состояние правового регулирования электронных денег в России характеризуется наличием незначительного количества нормативно-правовых актов и жесткими подходами по аналогии с банковским регулированием и надзором.» [6, с. 70].

Стоит также указать, что особенностью опыта правового регулирования института электронных денег в РФ является определение их как разновидности денежного платежа, то есть услуг, которые регулируются требованиями банковского регулирования о порядке их обращения и осуществления. При этом, многие представители современной правовой доктрины отмечают несовершенство законодательного определения понятия «электронных денег», а также указывают на различное толкование данного понятия в различных сферах общественных отношений. Считаем необходимым рассмотреть их.

Коростелев М.А. при изучении содержания определений Центрального Банка РФ по данному вопросу приходит к мнению, что электронными средствами осуществления платежей могут выступать «электронные кошельки», банковские карты (виртуальные или физические), онлайн-банкинг и т.п. При этом, согласно ФЗ от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)», деньгами являются

только монеты и банкноты, эмитированные ЦБ РФ, и существует запрет на оборот денежных суррогатов [7]. В свою очередь В.Б Гольцов предлагает ввести в ГК РФ главу, в которой будет подробно регламентирован правовой статус электронных денег, установлена их правовая природа, определен порядок их оборота в системе электронных платежей [8, с. 30].

В судебной практике неоднократно рассматривались правовые споры, в основе которых лежало нарушение прав физических лиц при совершении электронных платежей. Российские суды отказывали истцам в удовлетворении требований о взыскании денежных средств с банков при невыполнении последними требований о выдаче сумм со счета. Так, в ответ на письмо ВАС РФ от 06.09.2001 N СЗ-8/уп-9295, Ассоциация российских банков определила безналичные деньги, как обязательственное право требования клиента к банку, существующее в виде записи в счете, являющейся количественным выражением этого права [9]. Относительно порядка признания денег электронными, справедливо выделить утверждение Ю.А. Колесникова, который считает, что деньги становятся электронными после предварительной передачи их обязанному лицу (оператору электронных денежных средств). Автор также утверждает, что при расчетных операциях, произведенных с помощью электронных денежных средств, повышаются риски возникновения негативных последствий в случаях неправомерных действий со стороны третьих лиц в отношении персональных данных. Следует обозначить неоднозначность толкования сущности электронных денег в современной российской правовой доктрине. Тем не менее, считаем обоснованным указание законодателя в ст. 164 ГК ДНР на то, что безналичные денежные средства относятся к объектам гражданских прав, поскольку электронные деньги не относятся ни к имущественным правам, вещам, ни к денежным средствам [10]. Электронные деньги, исходя из их гражданско-правовой сущности относятся к самостоятельной категории объектов гражданских прав.

Таким образом, представляется целесообразным предположение о том, что электронные деньги следует рассматривать как отдельную категорию объектов гражданских прав, в силу ст. 164 ГК ДНР, относящееся к иному имуществу, что исходит из определения того, что наличные средства прямо относятся к вещам. На электронные деньги следует распространить особый правовой режим, основанный отчасти на вещном признаке денежных средств.

Следует также обратиться к правовому опыту США по данному вопросу. В первую очередь целесообразно указать, что в силу федеративного устройства, нормативное регулирование института электронных денег подразделяется на федеративный уровень и уровень штатов. Вполне очевидно, что федеральные нормативные акты являются основой правового регулирования, от которой исходят нормативные акты штатов. Именно федеральные органы контроля и надзора за электронным расчетом электронных денежных средств осуществляют ключевую деятельность. Центральным органом указанного контроля и надзора является Федеральная Резервная Система, использующая пруденциальный надзор за деятельностью банковской системы США. Основными источниками правового регулирования института электронных денег на федеральном уровне в США являются закон «Об электронном переводе фондов», Акт «Об унификации денежных услуг». У каждого штата существует собственные нормативные акты, регулирующие указанную отрасль правоотношений и составляющие банковское законодательство штатов StateBankingLaws. Спецификой правового регулирования США института электронных денег является регулирование порядке и процесса оказания отдельных услуг. В большинстве случаев, это объясняется либерализацией финансовых услуг в США.

В настоящее время, в условиях непризнанности ДНР в мировом сообществе оборот электронных денег крайне ограничен. Существующая система электронных

расчетов является обособленной от мировых платежных систем, что и предопределяет специфику правового регулирования института электронных денег в ДНР. Стоит также указать п. 30 ч. 4 раздела 1 Положения о эмиссии электронных платежных средств и осуществлении операций с их использованием, где указано, что электронное платежное средство – платежный инструмент, который предоставляет его держателю возможность с помощью платежного устройства получить информацию о принадлежащих держателю средствах и инициировать перевод.

Таким образом, электронные деньги следует рассматривать как отдельную категорию объектов гражданских прав, в силу ст. 164 ГК ДНР, относящуюся к иному имуществу, что исходит из определения того, что наличные средства прямо относятся к вещам. На электронные деньги следует распространить особый правовой режим, основанный отчасти на вещном признаке денежных средств.

В правовом пространстве ДНР, с целью дальнейшего формирования института электронных денег, интеграции в правовую действительность РФ, а также учетом специфики регулирования банковской системы в ДНР, целесообразно закрепить следующее определение: электронные деньги – денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств с обязательным открытием банковского счета, для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Правил организации и функционирования системы электронных платежей на территории Донецкой Народной Республики: Постановление ЦРБ ДНР 06.05.2017 № 126 – Текст: электронный // ГИС НПА ДНР: официальный сайт. – 2021. – URL: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0007-126-20170506/ (дата обращения: 20.09.2021).
2. Об осуществлении операций с использованием электронных платежных средств на территории Донецкой Народной Республики: Постановление ЦРБ ДНР от 17.07.2015 № 27 – Текст: электронный // ГИС НПА ДНР: официальный сайт. – 2021. – URL: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0007-27-20150717/ (дата обращения: 20.09.2021).
3. Крахмалев, С.В. Swift – глобальная телекоммуникационная система, обеспечивающая проведение международных финансовых операций/ С.В. Крахмалев// Финансы и кредит. – 2007. – № 2 (249). – С. 21-28
4. Коростелёв М.А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве: дисс. … к.ю.н.: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право/ Коростелёв Максим Александрович. – М., 2015. – 229 с.
5. О национальной платежной системе: Федеральный закон РФ от 27.06.2011 N 161-ФЗ – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – 2021. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 20.09.2021).
6. Колесников Ю.А. Понятие электронных денег по законодательству России и зарубежных стран/ Ю. А. Колесников// Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 68-72
7. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (в ред. Федерального закона 28.11.2015 N 333-ФЗ) – Текст: электронный // СПС "КонсультантПлюс". – 2021. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 22.01.2022).
8. Гольцов В.Б. Особенности договора перевода электронных денежных средств/ В.Б. Гольцов, Н. М. Голованов // Sciences of Europe. – 2019. – № 36-3 (36). – С. 29-34.
9. О залоге безналичных денежных средств: Письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 сентября 2001 г. N С3-8/уп-929 от 6 сентября 2001 г. N С3-8/уп-929 – Текст: электронный // СПС "ГАРАНТ". – 2021. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/482224/ (дата обращения: 22.01.2022).
10. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019 (с изм. и доп. внес. Законом Донецкой Народной Республики от 24.12.2021 № 342-IIНС) – Текст: электронный //

Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – 2021. – URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 22.01.2022).

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF ELECTRONIC MONEY ON THE TERRITORY OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. This scientific article is devoted to the study of the concept and essence of electronic money on the territory of the Donetsk People's Republic. The necessity of legislative consolidation of the definition of «electronic money» is determined, the signs and essence of electronic money as a legal category are determined.
Keywords: electronic money, electronic payment, legal status, property law, object of civil rights.
Keywords: electronic money, electronic payment, legal status, property law, object of civil rights.

Diakonov R.
Scientific supervisor: Ciba E.V., Senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: diakonov11@mail.ru

УДК 347.518

ОСОБЕННОСТИ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ВСЛЕДСТВИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Дятлов В.К.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются нормативные положения ГК ДНР и Закона ДНР «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», анализируются особенности возмещения морального вреда, а также вносится предложение относительно включения отдельных норм в Закон об ОСАГО.
Ключевые слова: источник повышенной опасности, моральный вред, дорожно-транспортное происшествие, обязательное страхование.

Актуальность проводимого исследования обусловлена постоянным увеличением числа источников повышенной опасности, равно как и количества потенциально опасных сфер жизни человека, в которых имеет место источник повышенной опасности. Объектом исследования являются гражданско-правовые отношения, возникающие вследствие причинения вреда жизни, здоровью, имуществу потерпевших источником повышенной опасности. Предмет исследования составили нормы гражданского законодательства, регулирующие ответственность и правила возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности. Методологическую основу составили общенаучный (диалектический) и сравнительно-правовой методы, системный и функциональный подходы, абстрагирование, индукция и дедукция, анализ и синтез. Осуществлялось системное толкование правовых норм, иллюстрация аргументов представлена примерами из судебной практики.

Последствия от вреда, причиняемого источниками повышенной опасности, жизни, здоровью и имуществу граждан бывают самими различными от незначительного повреждения имущества, заканчивая смертью потерпевшего. Ответственность за такой вред принято называть «повышенной», что обусловлено самой природой источника повышенной опасности, как потенциально обладающего мощной разрушающей силой. Тема о правовом регулировании деликтной ответственности всегда являлась и остается актуальной, и тем более, представляется

интересным рассмотрение вопросов об ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности. Помимо этого, законодательство Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) находится в динамике и постоянное совершенствование отдельных нормативно-правовых актов необходимо для функционирования правового механизма.

Не подвергается сомнению тот факт, что одним из самых распространенных источников повышенной опасности является эксплуатация транспортных средств. Так, если обеспеченность населения автомобилями на 1990 г. в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) составляла 58,5 собственных легковых автомобилей на 1000 человек, то по данным экспертов агентства «АВТОСТАТ» в 2021 году данная цифра возросла до 313 легковых автомобилей на 1000 человек [1][2]. Ввиду постоянного роста числа автомобилей рациональным стал вопрос страхования транспортных средств с целью обезопасить потенциальных участников дорожно-транспортных происшествий. В соответствии с ч. 1 ст. 3 Закона ДНР «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон ДНР, Закон «Об обязательном страховании», Закон об ОСАГО), владельцы транспортных средств обязаны на условиях и в порядке, которые установлены настоящим Законом и в соответствии с ним, страховать риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств [3]. С первой половины 2020 года на территории ДНР осуществляет свою деятельность «Страховая компания «ХАТХОР», по данным которой по состоянию на 17 декабря 2021 года в компанию поступило 1128 заявлений, из которых на выплату переданы 867 дел. Общая сумма страховых выплат в части возмещения ущерба, причиненного имуществу, а также жизни и здоровью граждан, на эту дату составила порядка 33,5 миллионов рублей [4]. Исходя из представленных данных можно сделать вывод о том, что наступления страховых случаев являются повсеместными, так как использование автотранспортных средств всегда связано с возможностью наступления опасных последствий. В соответствии с Правилами дорожного движения ДНР дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) – событие, происшедшее во время движения транспортного средства, вследствие которого погибли или ранены (травмированы) люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб [5].

Исходя из приведенной выше нормы, последствия ДТП влекут за собой обязанность возмещения вреда. Так, ч. 1 ст. 1208 Гражданского кодекса ДНР (далее – ГК ДНР) содержит следующее положение: «юридические и физические лица, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и тому подобное; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и другое), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего» [6]. Помимо наличия непреодолимой силы либо умысла потерпевшего, лицо, владеющее источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании освобождается от ответственности в том случае, если докажет, в соответствии с ч. 2 ст. 1208, что источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц. Во всех же иных случаях владелец источника повышенной опасности будет обязан возместить причиненный вред.

Общеизвестен тот факт, что вред подразделяется на материальный (имущественный) и нематериальный (моральный). И, если с определением размера компенсации материального вреда, как правило, массы спорных моментов не

возникает, то исчисление морального вреда до сих пор представляет собой один из наиболее неоднозначных вопросов в теории и практике гражданского права. Исходя из смысла ст. 1230 ГК ДНР, под моральным вредом следует понимать физические и нравственные страдания лица, законные права и интересы которого были нарушены, а также степень вины правонарушителя, если таковая имела место. Наряду с этим в ч. 2 ст. 1230 ГК ДНР отмечается, что характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего (из чего следует, что единых пределов для такого исчисления не существует).

Как справедливо отмечает Д.Н. Поляков, компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав, нарушенных вследствие ДТП. Причинение вреда жизни или здоровью гражданина умаляет его личные нематериальные блага, вызывает физические и (или) нравственные страдания. В связи с этим законом предусмотрено право потерпевшего заявлять требования не только о возмещении причиненного ему материального вреда, вреда жизни или здоровью, но также и о компенсации морального вреда [7]. Такое мнение, на наш взгляд, является объективным и обусловленным опасными последствиями ДТП. Автор также предлагает категорировать последствия ДТП, как:

1) переживаемая физическая боль и сопутствующие ей факторы от увечья, травмы, ранения, иного физического повреждения тела человека; от заболевания, возникшего вследствие ДТП и не связанного с указанными выше телесными повреждениями; от обострения имевшихся ранее до ДТП заболеваний (при условии, что все эти физические страдания находятся в прямой причинно-следственной связи с фактом ДТП);

2) нравственные страдания от утраты родственников (настоящая судебная практика учитывает только близких родственников и свойственников (супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушки, бабушки и внуки), от невозможности продолжать активную общественную жизнь, от потери работы, от временных ограничений или лишений каких-либо прав и другое (также при условии, что все эти страдания находятся в прямой причинно-следственной связи с фактом ДТП).

Ввиду того, что источники повышенной опасности выделяются в отдельную категорию деятельности, то для них существуют и особенности компенсации морального вреда. Так, согласно п. 2 ст. 1229, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины лица, которое причинило вред, в случаях, если вред причинен жизни или здоровью физического лица источником повышенной опасности. То есть, при наличии причинения вреда жизни и здоровью потерпевшего, возмещение морального вреда будет иметь место даже при отсутствии вины владельца источника. Вместе с этим, компенсация морального вреда, согласно п. 2 ч. 2 ст. 5 Закона ДНР «Об обязательном страховании» не покрывается суммой страховой выплаты и, в соответствии с ч. 3 ст. 3 вышеуказанного Закона подлежит возмещению в соответствии с законодательством ДНР. Стоит также отметить, что процитированное выше определение дорожно-транспортного происшествия, регламентированное Правилами дорожного движения ДНР закрепляет возмещение исключительно имущественного вреда.

Из-за отсутствия комментария к Закону ДНР «Об обязательном страховании» обратимся к соответствующему комментированному закону России. Так, в соответствии с комментарием к Преамбуле, Законом РФ от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» гарантируется лишь возмещение материального и физического вреда, но никак не морального [8]. Моральный вред, согласно комментарию, понятие, в

некоторой степени, абстрактное, и относится к сфере, затрагивающий, прежде всего, нематериальные блага, и если в случае причинения имущественного или физического вреда можно оценить хотя бы приблизительно реальный размер компенсации достаточной и необходимой для восстановления нарушенного права (например, путем оценки расходов на ремонт имущества, приобретение новой вещи, стоимость лечения и т.д.), то при моральном вреде невозможно оценить фактический размер причиненного вреда и его стоимостную оценку, потому законодатель и не гарантирует возмещение такого вреда по системе ОСАГО, более того ограничивает и пределы возмещения физического и имущественного вреда в целях обеспечения стабильности функционирования системы ОСАГО и во исполнение принципа справедливости (когда разным лицам равно гарантируется компенсация) [9].

С подобной оценкой нельзя не согласиться, так как обязанность страховой компании возместить моральный ущерб повлекла бы серьёзные затруднения ввиду того, что заведомо рассчитать объём такой компенсации невозможно, так как исчисляется он исходя из индивидуально сложившихся обстоятельств и восприятием таковых потерпевшим. Но в то же время подобная ситуация означает, что страховая выплата не покрывает возмещение вреда в полном объёме. И если такое положение дел понятно лицам, владеющим специальными познаниями в данной области, а также юридической терминологией, то у иных граждан, заключающих договор страхования, складывается впечатление, что они, как владельцы транспортных средств, застрахованы от любых негативных последствий, что на практике не соответствует действительности. Подобное положение, по нашему мнению, также необходимо внести в отдельный пункт договора об ОСАГО.

Ввиду вышеизложенного предлагаем в Закон ДНР «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» включить отдельную норму относительно компенсации морального вреда:

«**Компенсация морального вреда**

1. Под моральным вредом следует понимать физические и нравственные страдания лица, законные права и интересы которого были нарушены, а также степень вины правонарушителя, если таковая имела место.

2. Моральный вред не возмещается страховой компанией.

3. Моральный вред подлежит возмещению в судебном порядке в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения: таблица по данным агентства «АВТОСТАТ» / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gks.ru/bgd/regl/b11_14p/isswww.exe/stg/d01/05-17.htm (дата обращения: 01.02.2022). – Загл. с экрана.

2. Автомобили в России: сколько их приходится на 1000 человек / Аналитическое агентство «АВТОСТАТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.autostat.ru/news/48510/ (дата обращения: 01.02.2022). – Загл. с экрана.

3. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Закон ДНР № 37-IIНС от 24.05.2019 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-obyazatelnom-strahovanii-grazhdanskoj-otvetstvennosti-vladeltsev-transportnyh-sredstv/ (дата обращения: 01.02.2022). – Загл. с экрана.

4. Итоги деятельности ООО «СК «ХАТХОР» за 2021 год / Официальный сайт ООО «СК «ХАТХОР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--80a2aggnc.xn--p1ai/news/itogi-za-2021-god/ (дата обращения: 01.02.2022). – Загл. с экрана.

5. Об утверждении Правил дорожного движения Донецкой Народной Республики: Постановление Правительства ДНР № 3-12 от 12.03.2015 / Официальный сайт ГИС НПА ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-3-12-20150312/ (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.

6. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР № 81–IIНС от 13.12.2019 / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya–deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij–kodeks–donetskoj–narodnoj–respubliki/ (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.
7. Поляков Д.Н. Определение размера компенсации морального вреда вследствие дорожно-транспортного происшествия / Д.Н. Поляков // Вестник Омской юридической академии. – 2015. – № 2 (27). – С. 42-44.
8. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Закон РФ № 40-ФЗ от 25 апреля 2002 года / Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/ (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.
9. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Комментарий к Закону РФ № 40-ФЗ от 25 апреля 2002 года / Электронный фонд более 250 000 актуальных правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/420320402 (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.

FEATURES OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE CAUSED AS A RESULT OF A TRAFFIC ACCIDENT

Annotation. In this paper, the normative provisions of the Civil Code of the DPR and the Law of the DPR «On compulsory insurance of civil liability of vehicle owners» are considered, the specifics of compensation for moral damage are analyzed, and a proposal is made regarding the inclusion of certain norms in the Law on CTP.
Keywords: source of increased danger, moral damage, traffic accident, compulsory insurance.

Dyatlov V.
Scientific adviser: Efremova A.V. Ph.D. in law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: vitaliy.dyatlov@inbox.ru

УДК 347.5

МЕДИЦИНСКАЯ ОШИБКА КАК ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Евтюхова Ю.В.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается основание гражданско-правовой ответственности, включающее в себя совокупность объективных и субъективных элементов. Проанализирована медицинская ошибка как основание гражданско-правовой ответственности.
Ключевые слова: медицинская ошибка, гражданско-правовая ответственность, основание гражданско-правовой ответственности.

От медицинской ошибки никто не застрахован при обращении за медицинской помощью, при этом медицинская ошибка является основанием гражданско-правовой ответственности, однако в литературе отсутствует единство мнений по этому вопросу, некоторые авторы наоборот рассматривают медицинскую ошибку как основание освобождение от гражданско-правовой ответственности.

Цель исследования – проанализировать медицинскую ошибку как основание гражданско-правовой ответственности.

Исследователь Б.М. Тутаев подчеркивает, что термин «основание юридической ответственности» можно использовать в двух смыслах: нормативное основание юридической ответственности, которое означает совокупность правовых норм, в соответствии с которыми устанавливается и применяется юридическая

ответственность; фактическое основание применения юридической ответственности является совершение правонарушения [1]. Нормативным основанием гражданско-правовой ответственности являются нормы Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) [2]. Считаем, что фактическим основанием гражданско-правовой ответственности является медицинская ошибка в том числе.

Полагаем, что можно рассматривать медицинскую и врачебную ошибку в качестве синонимов.

С.К. Бураева справедливо утверждает, что в мире отсутствует государство, где нет врачебных ошибок. В медицинской практике имеет место фактор случайности, который трудно прогнозировать и который может обусловить непредсказуемые последствия, но проблему о медицинских ошибках нельзя сводить только к вопросам диагностики и лечения [3, с. 17].

Исследователи К.В. Казарян, А. Бутакова замечают, что основанием юридической ответственности медицинских учреждений и медицинских работников является правонарушение, которое выражается в неисполнении, либо ненадлежащем исполнении своих обязанностей по профилактике, диагностике, лечению заболеваний лиц, обратившихся за медицинской помощью (пациентов) [4].

В зарубежных источниках отмечается, что медицинская ошибка является результатом непреднамеренного повреждения или осложнения, вызванного медицинским вмешательством в процессе заболевания. Также медицинская ошибка рассматривается как ненадлежащее поведение медицинского работника, связанное с техническим несоблюдением, способным причинить вред жизни или усугубить здоровье, совершенное по небрежности [5].

М.Ю. Прудникова указывает, что врачебная ошибка во всех случаях должна рассматриваться как основание для гражданской ответственности. Врачебная ошибка рассматривается применительно к понятиям «случайность в медицине», а также предложенной автором категории «объективное упущение». По мнению М.Ю. Прудниковой, врачебная ошибка должна пониматься как виновные действия, так или иначе нарушающие применимые законодательные требования и общие требования медицинской науки; неправомерное поведение, вызванное личными причинами, должно быть признано врачебной ошибкой. Врачебная ошибка чаще всего связана с неосторожностью, когда лицо, совершающее ее, не предвидит вредных последствий, хотя могло или должно было предвидеть их с должной осторожностью и усердием, или с легкомыслием, когда он их предвидит, но рассчитывает предотвратить их опрометчиво. Причинами «врачебных ошибок», с точки зрения их субъективного содержания, всегда являются невнимательность, халатность, отсутствие профессионализма врача в ситуации, когда он мог и должен правильно определять и оказывать медицинские услуги, основываясь на своих знаниях и уровне развития медицинской науки. Врачебная ошибка, которая приводит к смерти или причинению вреда здоровью пациента, всегда связана с ненадлежащей медицинской помощью из-за профессионального невежества, недостатка знаний и навыков, что свидетельствует о нарушении и, следовательно, должно повлечь за собой гражданско-правовую ответственность [6].

Особо подчеркивается, что неправильные действия медицинского персонала также могут быть вызваны объективными обстоятельствами. Объективные причины, приводящие к неправильным медицинским действиям, включают условия, при которых нет возможности или средств для проведения конкретного исследования или лечения. Объективные причины, влекущие за собой ошибки, также могут быть связаны с несовершенством теоретической и практической медицины, а также с чрезвычайно редкими особенностями организма некоторых пациентов и их реакцией на медицинские процедуры. Правонарушения, вызванные объективными причинами,

обусловленными относительной и несовершенной медицинской наукой и практикой, возникающими заболеваниями, дающими аномальные симптомы, редкими аллергиями, которые не могут быть предсказаны и предотвращены медицинским персоналом, проявляющим должную осторожность и усердие, следует признавать не как «медицинскую ошибку», а как так называемые «объективные упущения» [6]. Данная точка зрения заслуживает внимания. Она подтверждается позицией Д.С. Шипиловой, выделяющей основания наступления гражданско-правовой ответственности медицинских работников

Д.С. Шипилова выделяет следующие основания наступления гражданско-правовой ответственности медицинских работников, а именно: совершенное правонарушение, при доказанности противоправных действий, наличие причиненного вреда наличие причинно-следственной связи между деянием и последствиями, виновность лица, причинившего вред. Однако стоит учитывать, что на практике существует множество вопросов в применении гражданско-правовой ответственности к медицинским учреждениям и отдельным работникам. Причинно-следственная связь является одним из самых проблемных элементов в составе правонарушений, так как это связано со спецификой медицинской деятельности: индивидуальными особенностями организма пациента, характером и тяжестью заболевания, своевременностью при обращении за медицинской помощью и т.д. когда доказать причинно-следственные связи не всегда удается. В некоторых случаях подобные факторы могут даже выступать основаниями для освобождения от ответственности за причинение вреда [7]. Как видим, при совершении медицинской ошибки следует установить виновность лица, несовершенство практической медицины исключает возможность оказать надлежащую помощь больному, а также непредсказуемые особенности организма врач предвидеть не может.

Так, М.Л. Манн также разделяет виновное и невиновное причинение вреда во время оказания врачебной помощи, однако автор предлагает иное разграничение. По мнению М.Л. Манн, врачебная ошибка представляет собой нарушение при оказании медицинской услуги, а равно иной её недостаток, вызванный действиями медицинской организации и ее работников. Врачебная ошибка включает в себя два вида ошибок: дефект медицинской помощи и профессиональное правонарушение. При этом дефект медицинской помощи вызван объективными причинами и возмещение вреда не производится, профессиональное правонарушение должно предполагать полное возмещение вреда [8, с. 221]. Непосредственно М.Л. Манн приводит в качестве обстоятельств совершения дефектов медицинской помощи следующие: совершение необходимой процедуры, предназначенной для диагностики или лечения болезни или травмы, которые без лечения непосредственно угрожают жизни или влекут за собой тяжелую инвалидность; несовершенство современного состояния медицинской науки, а именно отсутствие методов лечения или исследования определенных заболеваний; личные особенности течения заболевания у определенного больного [8, с. 222]. Полагаем, что объективные упущения либо же дефекты медицинской помощи не следует рассматривать в качестве медицинских (врачебных) ошибок, поскольку они вызваны объективными причинами, которые не могут быть предотвращены медицинским персоналом, данные обстоятельства причинения вреда являются невиновными и не должны влечь за собой возмещение вреда.

Авторы И.М. Вильгоненко и Г.В. Станкевич также занимают позицию, что «условиями возникновения ответственности за вред, причиненный медицинской организацией здоровью пациента, традиционно являются: противоправной действие (бездействие), которое проявляется в действиях (бездействии) медицинского работника при оказании медицинской помощи или оказании медицинской услуги; вред, который может быть причинен только здоровью пациента, однако возмещен может быть не

только материальный, но и моральный вред, выразившийся в физических и нравственных страданиях, понесенных потерпевшим в результате причинения вреда его здоровью; причинно-следственную связь между противоправным действием и вредом, которая выявляется посредством проведения судебно-медицинской экспертизы; вину причинителя вреда, проявляющуюся в противоправных и виновных действиях медицинских работников, которые формируют деятельность самой медицинской организации». Однако, по их мнению категории «медицинская ошибка», «несчастный случай в медицине», «обоснованный врачебный риск» являются основаниями полного либо частичного освобождения медицинских организаций от ответственности за причиненный в результате медицинского вмешательства вред здоровью пациента [9, с. 222]. Стоит согласиться, что освобождающими обстоятельствами должны являться несчастный случай в медицине, и обоснованный врачебный риск, которые также носят объективный характер, но медицинская ошибка не должна рассматриваться в таком ключе, поскольку в ней, прежде всего, заложен субъективный характер причинения вреда пациенту, хоть и по неосторожности.

Таким образом, проанализировано, что медицинская ошибка является основанием гражданско-правовой ответственности в виду того, что она представляет виновное противоправное нарушение при оказании медицинской услуги или медицинской помощи медицинским персоналом, повлекшее негативные последствия для здоровья пациента, при этом медицинская ошибка не может быть связана с объективными обстоятельствами, поскольку в них отсутствует виновность медицинского персонала, к таким обстоятельствам следует относить: обоснованность врачебного риска, несовершенство медицинской науки и практики, методов диагностики, личные особенности течения заболевания у определенного пациента, несчастный медицинский случай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тутаев Б.М. Основания гражданско-правовой ответственности в Российской Федерации // Научные исследования. – 2017. – №6 (17). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 28.01.2022). – Загл. с экрана.
2. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 28.01.2022). – Загл. с экрана.
3. Бураева С.К. Ответственность медицинского работника: проблемы теории и судебной практики // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. – 2020. – № 3. – С. 16-23.
4. Казарян К.В., Бутакова А. Медицинская ошибка как основание возникновения гражданско-правово ответственности // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2016. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-oshibka-kak-osnovanie-vozniknoveniya-grazhdansko-pravovo-otvetstvennosti (дата обращения: 04.02.2022). – Загл. с экрана.
5. Error medico y responsabilidad profesional [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://es.slideshare.net/morenogmd/error-medico-y-responsabilidad-profesional (дата обращения: 04.02.2022). – Загл. с экрана.
6. Prudnikova M.Yu. Some problems of health care workers' civil liability for medical malpractice // Bulletin of the Karagand a University. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://articlekz.com/en/article/29826 (дата обращения: 28.01.2022). – Загл. с экрана.
7. Шипилова Д.С. Медицинская ошибка как основание возникновения гражданско-правовой ответственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №5-4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-oshibka-kak-osnovanie-vozniknoveniya-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti (дата обращения: 04.02.2022). – Загл. с экрана.
8. Манн М.Л. Проблемы определения понятия врачебной ошибки в действующем законодательстве // Международный форум «Медицинское право»: Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. за выпуск В.Д. Гридасов. – Екатеринбург, 2021. – С. 212-225.

9. Вильгоненко И.М., Станкевич Г.В. К вопросу об освобождении медицинской организации от ответственности за причинение вреда здоровью пациента // Юридический вестник ДГУ. – 2020. – Т. 34. – № 2. – С. 118-120.

MEDICAL ERROR AS THE BASIS OF CIVIL LIABILITY

Annotation. This paper examines the basis of civil liability, which includes a set of objective and subjective elements. The medical error as the basis of civil liability is analyzed.
Keywords: medical error, civil liability, the basis of civil liability.

Yevtyukhova Y.
Scientific adviser: Efremova A.V., Ph. D.
Donetsk National University
E-mail: yuliya.yevtyuhova.27@mail.ru

УДК 34(075.8)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ИНСТРУМЕНТОВ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Елькина А.С.
Научный руководитель: Скреля К.Ю., ассистент
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Аннотация. В данной статье рассмотрен вопрос о роли юридических клиник в процессе получения высшего юридического образования. На основании указанных в работе доводов, предлагается ввести императивную норму, закрепляющую обязанность ВУЗов учреждать юридические клиники с целью минимизации рисков получения студентами сугубо теоретических навыков.
Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, юридическая клиника, высшее образования, профессиональные навыки, практическая деятельность.

Клиническое юридическое образование явилось результатом отрыва теории от практики. Оно позволило решить проблему неподготовленности выпускников юридических факультетов и высших учебных заведений (далее – ВУЗов) к практическому применению полученных ими соответствующих направлению подготовки правовых знаний [1].

Оказание безвозмездной юридической помощи является действующим механизмом реализации конституционных прав и законных интересов граждан, признанный таковым не только на государственно-правовом, но и на международном уровне. Осуществление такой деятельности, в частности юридическими клиниками, имеет собственную специфику и социальную значимость на конкретном этапе развития общества, рассмотрение которой и обуславливает актуальность проведенного исследования.

Правовое регулирование оказания бесплатной юридической помощи закреплено в Федеральном Законе от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», где особое место занимают юридические клиники. Несмотря на схожесть задач клиник и иных субъектов, предоставляющих безвозмездную правовую помощь, они характеризуются наличием специальной обособленной цели – формированием у обучающихся по юридической специальности навыков практической деятельности. Именно поэтому и используется термин «клиника», заимствованный из медицинской сферы, где студенты приобретают навыки по оказанию медицинской помощи [2, с. 9].

Понятие «юридическая клиника» можно рассматривать и как программу подготовки социально ориентированных юристов на базе вузов, и как определенное юридическое образование, создаваемое как самостоятельное юридическое лицо или структурное подразделение при вузах. Представляется, что это одно и то же, две стороны одной категории, поскольку юридическая клиника как юридическое лицо предназначена для претворения в жизнь программы подготовки юристов, владеющих навыками практической деятельности [3].

По сути, это образовательные программы, в рамках которых студенты - будущие юристы безвозмездно оказывают юридическую помощь, ведут прием граждан, дают бесплатные юридические консультации тем, кто не может заплатить за услуги адвокатов.

Многие исследователи современных проблем российского высшего образования в своих работах ни раз указывали на неготовность будущих специалистов юридической сферы к практической работе даже при качественном подходе к изучению теоретического учебного курса [4, с. 11]. Наличие рассматриваемого вида клиник в ВУЗах и иных образовательных организациях способствует не только помощи гражданам, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы, но и практическому применению знаний, полученных студентами в аудиториях.

Как справедливо отмечает О.Н. Артюшина: «прохождение практики в юридических клиниках выступает стимулирующим критерием для получения новых теоретических знаний» [5, с. 250].

Также повсеместное внедрение концепции модернизации высшего образования, основанной на формировании у студентов не только квалифицированных, но и социально-значимых навыков, еще раз подтверждает истинность указанной выше позиции [6, с. 911]. При этом приобретение обучающимися основ профессионально-коммуникативных умений в процессе осуществления консультаций и иных видов юридической помощи представляется самым ценным именно в клиническом образовании.

Более того, каждый случай, требующий правовой оценки, является по своей сути неповторимым, поскольку может содержать в себе неограниченное количество юридических фактов, переплетение различных отраслей права и т.п., что, соответственно, требует переработки огромного массива законодательных актов, умения структурировать поставленную проблему и определить какие из действий, совершенных субъектами права в рассматриваемой ситуации, будут иметь правовые последствия.

Уникальность клинического образования заключается в формировании у студентов чувства ответственности, так как любые совершенные ими ошибки в процессе оказания юридической услуги могут сказаться на дальнейшем положении лица, обратившегося в клинику. Это совсем не тождественно решению задач на практических занятиях, что свидетельствует о том, что клиника впервые «сталкивает» будущих специалистов с реальной практикой [7, с. 6].

Помимо воспитания чувства ответственности, В.Д. Перевалов справедливо отмечает формирование таких профессиональных качеств как: дисциплинированность, отзывчивость, сострадание, трудолюбие и т.д. [8, с. 96].

Задачи, которые решают юридические клиники:

– социализация студентов-юристов;

– формирование и развитие профессиональных навыков у студентов;

– оказание бесплатной адресной юридической помощи;

– использование материалов юридической практики в научных исследованиях;

– организация прохождения учебной практики студентами-юристами [9, с. 12].

Клиническое юридическое образование движется от теории к практике, это обусловлено тем, что студент сначала осваивает теоретические знания, а уже потом начинает понимать, где их можно применить. Работая в клинике, студент осознает, каких теоретических знаний ему не хватает, и он начинает двигаться от практики к теории, а потом наоборот, но уже на более качественном уровне.

В связи с выше указанным, представляется полезным введение обязательного клинического образования в рамках юридических ВУЗов и иных образовательных организаций или же факультетов по рассматриваемому направлению обучения.

На данный момент, обязанность ВУЗа создавать юридические клиники законодательно не закреплена.

Тем не менее, их наличие выступает одним из критериев при проведении общественной аккредитации Ассоциацией юридического образования [10], что является еще одним аргументом, подтверждающим позитивность последствий создания юридических клиник на базе образовательных учреждений.

Таким образом, оказание бесплатной юридической помощи в клиниках выступает не только лишь инструментом для реализации и защиты прав и законных интересов граждан, но и эффективнейшим способом для выработки и применения обучающимися по юридической специальности практических знаний и профессиональных навыков [11], [12].

Введение императивной нормы относительно обязанности ВУЗов учреждать юридические клиники, способствовало бы развитию указанных выше категорий, и, следовательно, искоренило бы такую проблему высшего юридического образования, как неготовность будущих специалистов к практической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Останков Дмитрий Борисович Юридические клиники в Российской Федерации / Д.В. Останков, В. В. Гришин // Контентус. 2019. №3 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-kliniki-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 08.02.2022).
2. Лукьянова И.Н. Современное юридическое клиническое образование в России: достижения и перспективы // Юридическое образование и наука. 2015. № 2. С. 9 – 11.
3. Воскобитова Л. А. Клиническое обучение: понятие, опыт, перспективы // Материалы конференции руководителей и преподавателей студенческих юридических консультаций (19-21 окт. 1999 г.). М., 1999.
4. Демин В.А. Повышение качества юридического образования на основе различных форм интеграции профессионального образования и профессиональной деятельности // В. А. Демин, В. В. Гущин, В. С. Никольский / Наука и образования. 2009. № 2. С. 9 – 11.
5. Артюшина О.Н. Отдельные вопросы деятельности юридических клиник в России // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 2. С. 249 – 251.
6. Нарутто С.В. Образовательные технологии в юридической клинике // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7. С. 907 – 916.
7. Мочалов А.Н. О функциях юридических клиник в России // А.Н. Мочалов, И.А. Коровина, А.И. Дуров / Вестник Уральского института экономики, управления и права / Всероссийский научно-аналитический журнал. Право. 2010. С. 5 – 12.
8. Перевалов В.Д. Теоретические и исторические аспекты российского юридического образования // Российское право: образование, практика, наука. 2009. № 8. 96 с.
9. Худойкина ТВ. Клиническое юридическое образование: современное состояние и перспективы развития: монография / под ред. Т.В. Худойкиной. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 200 с.
10. Приказ Минобрнауки России от 04.05.2010 № 464 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») (ред. от 31.05.2011) // Бюллетень нормативных актов органов исполнительной власти. № 26.
11. Кушарова Маргарита Прокопьевна Организационно-правовые вопросы деятельности студенческой юридической клиники // Сибирское юридическое обозрение. 2018. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-voprosy-deyatelnosti-studencheskoy-yuridicheskoy-kliniki (дата обращения: 08.02.2022).
12. Рябцева Е.В. Безвозмездная правовая помощь: международный и российский опыт: монография. - М.: Юрлитинформ, 2015. 144 с.

THE ACTIVITY OF LEGAL CLINICS AS ONE OF THE MOST IMPORTANT TOOLS FOR OBTAINING HIGHER LEGAL EDUCATION

Annoyayion. this article discusses the role of legal clinics in the process of obtaining higher legal education. Based on the arguments indicated in the paper, it is proposed to introduce an imperative norm that establishes the obligation of universities to establish legal clinics in order to minimize the risks of students obtaining purely theoretical skills.
Keywords: free legal aid, legal clinic, higher education, professional skills, practical activity.

Yelkina A.
Scientific supervisor: Skrolya K.Yu., Assistant
FSAOU VO «KFU named after V.I. Vernadsky»
E-mail: forever.young2001@yahoo.com

УДК 347.1

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СЕКУНДАРНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Задирина Р.И.
Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы определения и сущности секундарных прав в системе гражданского права, а также анализируются отличия секундарных прав от субъективных гражданских прав. Определение сущности и значения секундарных прав в гражданском праве дает возможность составить большее представление о правовых средствах, посредством которых осуществляется гражданско- правовое регулирование публичных отношений, и, как следствие, в процессе правотворчества дозволяет учесть более широкий диапазон факторов, влияющих на эффективность деяния норм гражданского права.
Ключевые слова: секундарное право, субъективные гражданские права, самозащита гражданских прав.

Секундарные права являются специфическими элементами содержания гражданско-правовых отношений, которые представляют собой установленную законом или соглашением сторон возможность одного из участников гражданского оборота своей односторонней сделкой изменить или прекратить существующее правоотношение.

Впервые секундарные права были исследованы немецким цивилистом Э. Зеккелем более 100 лет назад. В 1903 году в Берлине была выпущена монография под его авторством, которая и положила начало теории секундарных прав, которая в последствии стала господствующей.

Тем не менее, на данный момент секундарные права являются объектом многочисленных дискуссий среди ученых, которые не могут прийти к единому мнению касательно однозначности данной теории.

Так, мнения ученых касательно секундарных прав разделяются на две абсолютно противоположные позиции.

Первая позиция заключается в том, что секундарные права уже являются составляющей частью гражданских правоотношений и, соответственно, входят в их состав, следовательно, они не нуждаются в выделении их в отдельную категорию гражданского права. Такой позиции придерживаются Р.О. Халфина, О.А. Поротикова [1].

Вторая позиция основывается на признании секундарных прав как субъективных гражданских прав. Ученые, придерживающиеся данной позиции, рассматривают секундарные права в разных спектрах: как особую разновидность субъективных

гражданских прав; как проявление правоспособности; как самостоятельную группу прав, которая является переходным звеном между правоспособностью и субъективным правом.

Однако, несмотря на существование двух таких категоричных в своих мнениях позиций ученых, можно также выделить третью позицию – здесь ученые признают секундарные права как особые правовые явления в гражданском праве. [2]

П.О. Гринько отмечал, что секундарное право является разновидностью субъективной правовой возможностью вмешательства в чужую правовую сферу с целью достижения правового результата путем одностороннего волеизъявления. Действительно, секундарные права можно рассматривать с точки зрения переходного звена между правоспособностью и субъективным гражданским правом. В данном случае значение секундарного права заключается в том, что оно выступает своего рода предпосылкой к осуществлению односторонних действий по возникновению, изменению или прекращению субъективного гражданского права другого лица в конкретных правоотношениях. Связь между сторонами, в таком случае, выступает не в виде обязательства одной стороны перед другой, а в виде изменений в правоотношении вследствие совершения односторонних действий другого лица.

Интересной представляется точка зрения А.Г. Певзнера – он считал, что секундарные права бывают двух видов:

– права, способствующие созданию нового правоотношения;

– права, способствующие изменению или прекращению действующего правоотношения [3].

В последствии первая разновидность прав была отвергнута, а вторая признана правомочиями, входящими в состав существующего субъективного права.

Следует также обратить внимание на мнения ученых касательно отличий секундарных прав от субъективных. В.Е. Карпушев предлагает выделить следующие отличия:

1. Субъективные права регулируют поведение субъектов непосредственно через психику. Секундарные права, в свою очередь, не воздействуют на собственное или чужое поведение.

2. В отличие от субъективного права, секундарное право не имеет общественного содержания – в нем содержатся факты, которые свидетельствует о воле, реализованной в его рамках.

3. Секундарное право является властным правом, которое направлено исключительно на правоотношение. Осуществление секундарного права влечет за собой последствия для всех участников правоотношения без вмешательства другой стороны правоотношения или компетентного органа государственной власти.

4. Секундарное право может носить только верификационный характер – необходимы лишь факты, которые подтверждают наличие данного права.

5. Субъективные права могут существовать самостоятельно, в то время как секундарные права существуют в качестве производных от субъективных.

6. Секундарное право может реализовать только его обладатель, без помощи принудительной силы со стороны государства. Кроме того, в отличие от субъективных прав, требование о реализации секундарного права невозможно через суд – существует только возможность требования перед судом последствий реализации данного права.

Говоря о последствиях реализации секундарного права следует рассмотреть Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2015 г. по делу № А75-5896/2014. [4]

ПАО «Ханты-Манский банк Открытие» обратился с иском к Фонду поддержки предпринимательства Югры о взыскании задолженности по договору поручительства 10 080 000 руб. Из обстоятельств дела следует, что между банком и фондом был заключен договор поручительства, по условиям которого поручатель

принял обязательство безусловно и безотзывно нести ответственность перед банком за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по кредитному договору. Вследствие нарушения заемщиком кредитного договора, банк предъявил к «Югра Аква Мир» требование о досрочном погашении всех обязательств по кредитному договору, которое было проигнорировано, вследствие чего банк обратился в суд с соответствующим иском. В ходе судебного разбирательства было принято решение о взыскании с общества «Югра Аква Мир» солидарного долга по возврату кредита. Однако поскольку заемщиком также были нарушены обязательства по возврату суммы кредита, истец обратился к фонду с требованием исполнения обязательств заемщика по возврату кредита в размере 10 080 000 руб. Данная жалоба была оставлена без удовлетворения, а судебное решение по данному делу без изменения.

В данном случае мы видим применение секундарного права со стороны банка: изменение процентной ставки или требование досрочного возврата задолженности является мерой воздействия на недобросовестного заемщика оперативного характера. Мы видим изменение первоначальных кредитных отношений, инициатором которых стал банк, что привело к созданию новых условий исполнения обязательства для заемщика. Изменение кредитных отношений в данном случае не приводит к расторжению договора, а напротив, сохраняет свою силу и дает возможность банку начислять в дальнейшем проценты за пользование кредитом. Важным элементом реализации секундарного права является также экономический эффект – при переводе долга кредитор имеет возможность не только иметь дело с новым должником, но также может и расширить круг обязанных лиц, оговорив возможную солидарную ответственность, тем самым он значительно повышает гарантии исполнения обязательств.

Интересной представляется позиция Ч.Н. Азимова, который также коснулся проблематики секундарных прав, исследуя самозащиту гражданских прав. Он утверждал, что что самозащита гражданских прав по своей природе также является секундарным правом, поскольку она возникает на основании уже существующего обязательства и реализуется посредством совершения самостоятельных действий субъекта. Также предполагается, что характеризовать самозащиту гражданских прав в качестве секундарного права можно не только в контексте его вторичного характера относительно уже нарушенного права – право на самозащиту существует и реализуется как правомочие в охранном правоотношении, то есть правоотношении, которое по сравнению с регулятивным носит секундарный характер. [5]

Подводя итог необходимо отметить, что правовая природа секундарных прав остается спорной даже сейчас, несмотря на значительное количество мнений ученых об их признании. В современной цивилистике сложилось два мнения касательно секундарных прав: позитивное и негативное. Так, возможность существования субъективных гражданских прав, не обремененных обязательствами в правоотношениях, позволяет рассматривать их как секундарные. Признание, напротив, невозможным существование субъективных гражданских прав, не обремененных обязательствами, влечет необходимость признания секундарных прав чем-либо другим, по сравнению с субъективными правами, в частности, определенной частью субъективного права, составляющей основу для осуществления односторонних волеизъявлений, направленных на изменение или прекращение правоотношений.

По юридической природе секундарные права близки к субъективным гражданским правам в тех случаях, когда право состоит из одного правомочия. Принципиальное отличие секунадрных прав заключается в их целевой направленности, поскольку они выполняют служебную роль и призваны формировать субъективные гражданские права.

Кроме того, секундарные права выступают важнейшим инструментом гражданско-правового регулирования. Их можно рассматривать также в качестве «двигателя» принципа диспозитивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. Москва : Юрид. лит. 1974. 340 с.
2. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Граждан- ском кодексе РФ / Под ред. В.П. Камышанского. – М.: Статут, 2016. С.18.
3. Певзнер А.Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав: дисс... канд. юрид. наук. М., 1961. С. 116-117.
4. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 06 августа 2015 года по делу № А75-5896/2014 / Судебные и нормативные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/DdyNt7t1zlr/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=+A75-5896%2F2014&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=01.08.2015&arbitral-date_to=06.08.2015&arbitral-region=&arbitral-court=8+ААС+%28Восьмой+арбитражный+апелляционный+суд%29&arbitral-judge=&_=1643804732159&snippet_pos=26#snippet (дата обращения:02.02.2022). – Загл. с экрана.
5. Азимов Ч.Н. Осуществление самозащиты в гражданском праве / Вестник Академии правовых наук Украины. – 2001. – №2 (25). – С. 135-141.

IN THE QUESTION OF THE ESSENCE OF SECONDARY RIGHTS IN CIVIL LAW

Annotation. This paper discusses the definition and essence of second rights in the civil law system, and also analyzes the differences between second rights and subjective civil rights. Determining the essence and significance of secondary rights in civil law makes it possible to get a better idea of the legal means by which civil law regulation of public relations is carried out, and, as a result, in the process of lawmaking it allows to take into account a wider range of factors affecting the effectiveness of civil law norms.
Keywords: secondary law, subjective civil rights, self-defense of civil rights.

Zadirina R.
Scientific adviser: Oleynikova A.V., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: zadirinaregina@gmail.com

УДК 349.6

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Задирина Р.И.
Научный руководитель: Барбашова Н.В., д.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается цифровизация как один из эффективных способов борьбы с экологическими проблемами на национальном и мировом уровнях. Выявлены наиболее эффективные направления деятельности в области улучшения состояния окружающей среды на микро- и макро-уровнях.
Ключевые слова: экология, цифровизация, инновации, зеленые технологии, окружающая среда, умные города, искусственный интеллект.

В настоящее время наиболее последовательно идея гармоничного сочетания экономического развития и охраны окружающей среды как основных факторов обеспечения качественных условий для трудовой деятельности и проживания людей была изложена в Концепции устойчивого развития Рио-92. Центральная роль в реализации данной идеи принадлежит инновациям. Под инновационной экономикой понимается экономика, в основе которой лежит экономика знаний и высококачественный капитал. С ним связаны не количественные аспекты (ограничение потребления ресурсов, снижение рождаемости и т.п.), а решение проблем на качественно новом уровне. Новые материалы, принципиально новые энергетические

технологии, генная инженерия, цифровизация экономики, освоение космоса и т. п. – все это следствие развития науки, результаты которой с помощью инновационного механизма используются в экономике и, как следствие, потребляются человечеством [1, с. 38].

Использование цифровых технологий в современном обществе, а также развитие технических возможностей формируют новую цифровую среду, в том числе в экологических правоотношениях. Такая среда играет определенную и все более существенную роль при соотношении техносферы и окружающей природной среды. В целом такая деятельность будет способствовать меньшей негативной нагрузке на окружающую природную среду, более эффективному использованию природных ресурсов, что в целом приведет к снижению уровня экологических угроз [2].

Целью исследования является анализ современных тенденций цифровизационного развития в области охраны и улучшения состояния окружающей среды на примере Российской Федерации и зарубежных стран.

Цифровизация представляет собой масштабную инновацию, затрагивающая все сферы деятельности человека. В реальной перспективе видится создание искусственного интеллекта. В настоящее время не представляется возможным оценить все последствия для человечества этой инновации, как позитивного так и негативного характера. Цифровизация – одна из основных движущих сил нашего времени, которая не только способствует поддержанию стабильности в период пандемии, но и помогает решать глобальные проблемы экологического характера.

Цифровые технологии и их невообразимое количество различных мобильных приложений, датчиков, счетчиков и интеллектуальных сетей, могут предоставить множество возможностей для решения экологических проблем. Это связано с проникновением цифровых технологий в жизнь: формированием в России благоприятной правовой среды для применения технологий, наращиванием компетенций в этой области, развитием инфраструктуры, обеспечением киберустойчивости и развитием человеческого капитала [3, с. 59].

В Российской Федерации проблеме цифровизации экономики и экологии уделяется повышенное внимание. В частности, в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определено, что при реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» необходимо уже к 2024 г. обеспечить создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере», а в качестве одного из целевых показателей национальной цели «цифровая трансформация» указано достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслях человеческой деятельности [4].

В Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» цифровая экономика определяется как хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [5].

Согласно ч.4 ст.17 Федерального Закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об охране окружающей среды», государственная поддержка хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляется посредством внедрения наилучших доступных технологий, автоматизированных систем, стационарных и передвижных лабораторий по наблюдению за состоянием окружающей среды и т.д. [6]

Цифровизация охватывает множество сфер человеческой деятельности: мы рассмотрим микроскопические и макроскопические способы влияния цифровизации на

экологию (использование так называемых «зеленых технологий») – от документов в архивах до целых городов [2, 3, 7]. Рассмотрим их подробнее:

1. *Оцифровка документов.* Цифровой документ представляет собой ценнейший источник данных, которые можно собирать, обрабатывать, анализировать и автоматически интерпретировать. Оцифровка документов служит экономией тонн бумаги, которая часто находится в физических архивах. К ним, как правило, затруднительно получить доступ, а также это влечет за собой соответствующие расходы на обслуживание архивов и обработку данных. Так, по данным Всемирного фонда дикой природы, природная промышленность использует 40% всей древесины, продаваемой в мире, а также является крупнейшим потребителем воды, используемой в промышленной деятельности в развитых странах. Целлюлозно-бумажная промышленность не только способствует растущему обезлесению естественных лесов, тем самым нанося угрозу биоразнообразию, но и способствует образованию свалок. Согласно данным ЮНЕСКО, для производства одной тонны бумаги требуется около 350 000 литров воды – такое количество приравнивается ежегодному потреблению воды 7 людей. [8]

Ярким примером оцифровки документов на национальном уровне является платформа e-Box, разработанная в Дании, которая обеспечивает эффективный и безопасный способ для отправки, хранения важных документов, а также для ведения цифрового диалога для компаний, органов власти и частных лиц. Платформа в 2020 году достигла 610 миллионов цифровых документов, что привело к экономии 10 065 тонн бумаги, 3,5 млрд литров воды и 21 953 тонны выбросов CO2.

2. Создание зеленых и цифровых домов. На современном этапе все большую популярность набирает так называемое «экологичное, зеленое» строительство. Минимальное воздействие на окружающую среду в глобальных масштабах является залогом успешного экологичного строительства, которое предполагает:

– использование экологичных строительных материалов, например, камня, кирпича, пенобетонных блоков и т.д.;

– нулевое потребление: использование автономных систем, осуществляющих деятельность на основе возобновляемых источников энергии. Самыми распространенными из них являются солнечные батареи и ветрогенераторы.

– установку систем сбора дождевой и талой воды, которая очищается и после поступает на хозяйственные нужды.

Что касается формулировки «умный» дом, то здесь имеет место использование домашних помощников, основывающихся на голосовых командах, анализе данных и искусственном интеллекте. На данный момент самыми известными помощниками являются Alexa, Google Home, а также система HomeKit от Apple – эти устройства постоянно расширяют свой функционал и становятся все более эффективными в использовании. Они занимаются контролем эффективности работы приборов, регулируют цифровые системы освещения, отопления, кондиционирования воздуха и безопасности. Также сейчас набирают популярность интеллектуальные счетчики, выпускаемые коммунальными компаниями – они обеспечивают не только детальное определение показателей потребления, но и самостоятельно передают информацию о показаниях энергокомпаниям. Правительство Российской Федерации планирует совершить полный переход на интеллектуальные счетчики к началу 2023 года.

3. Умные фабрики. Современный мир является олицетворением так называемой «Индустрии 4.0» – четвертой промышленной революции, которая предполагает подход к производству, основанный на цифровых технологиях, аналитике и искусственном интеллекте. В ней много преимуществ, например, повышение производительности, создание принципиально новых продуктов, внедрение новейших технологий. Интернет вещи (IoT), дополненная реальность и роботизация позволяет нам осознать, что это не далекое будущее, а уже настоящее и мы находимся только в начале этой революции.

Умные фабрики постоянно оптимизируют свои производственные процессы. Благодаря цифровизации, сроки выпуска новой продукции на таких предприятиях сокращается на 25-30%, затраты на разработку сокращаются до 30%, а экономия энергии увеличивается до 70%. Хотелось бы выделить завод Siemens, основанный в 1989 году в Амберге, который является ярким примером умного завода. Компания постоянно внедряет новые инновации, благодаря которым качество ее продукции достигло 99,9%, а также продемонстрировала десятикратный рост производительности. Например, благодаря промышленному облаку MindSphere, OEM-производители получили доступ к онлайн-мониторингу глобально распределенных станков, промышленным роботам, к компрессорам и насосам; рабочие могут перепрограммировать заводское оборудование всего за минуту – ранее этот процесс занимал более двух часов. На данный момент это одна из немногих компаний, которая предлагает новейшее программное обеспечение, технологии автоматизации и услуги для всего жизненного цикла под одной крышей.

Отдельное внимание следует уделить удаленной работе – в эпоху пандемии она как никогда актуальна – и помогает не только в предотвращении распространения коронавирусной инфекции, но также способствует благоприятному влиянию на окружающую среду. По словам генерального директора Shopify – интернет-компании по разработке программного обеспечения для магазинов, работающих как онлайн, так и оффлайн – в 2020 году выбросы компании сократились на 29% из-за 6 000 сотрудников, работающих на дому. На данный момент множеству предприятий по всему миру представилось возможным пересмотреть свою рабочую модель с учетом выбросов углерода в окружающую среду. [9]

Заимствование вышеуказанного опыта по внедрению высокоэффективного производства позволит достичь целей, которые поставлены Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, а именно переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, а также переход к высокопродуктивному и экологически чистому производству [10].

4. Цифровизация городов. Ее можно представить в качестве создания «умных» городов, в которых инфраструктуры могут общаться с гражданами, тем самым улучшая качество их жизни. Другими словами – более эффективный город в человеческом масштабе со значительным сокращением загрязнения. Существует достаточное количество «умных» городов уже сейчас: к наиболее известным можно отнести Лондон, Нью-Йорк, Амстердам, Тренто, Сингапур. Однако городом, который стал на путь цифровизации значительно раньше всех остальных является Барселона. Именно она внедрила целевую и конкретную стратегию по преобразованию города с начала 2000-х годов. Главной целью, которая была изложена в «Стратегии умного города Барселоны», являлось создать гиперсвязанный мегаполис с нулевым уровнем выбросов. Можно сказать, что данная цель была достигнута успешно и даже больше: благодаря данной программе было создано около 47 000 новых рабочих мест. Барселона стала первым европейским городом, который в 2000 году начал строительство на больницах, отелях, фитнес-центрах и других зданиях систем нагрева воды от солнечной энергии. Этот город преуспел в цифровизации практических всех сфер: например, общественное освещение основано на светодиодах, на которых устанавливаются датчики, собирающие данные о загрязнении, атмосферных условиях, присутствии и потоках людей на улицах. Все «умные» функции содержатся в системе Sentilo – операционной системе, разработанной специально Барселоны, которое не только формирует общую картину происходящих процессов вокруг (анализ показателей датчиков освещения, водоснабжения, уровнях шума и загрязнения, ситуаций на дороге и т.д.), а еще и дает прогнозы на будущее на основании проанализированных данных.

В Российской Федерации в 2020 году также стало известно о разработке проекта под названием «Цифровой город». В рамках данного проекта планируется создание центра прикладных исследований, который бы осуществлял деятельность по курированию процессов, связанных с цифровизацией. Так, к данному проекту планируется подключать отечественные и зарубежные компании и ВУЗы. Планируется активное внедрение искусственного интеллекта, управление автономным транспортом, экологический мониторинг и многое другое. Несмотря на то, что данный проект находится на старте, многие города России все же постепенно осуществляют цифровизацию самостоятельно. [11]

По данным Минстроя России в 2021 году в рейтинге «IQ городов» среди крупнейших городов (от 1 млн человек) на первом месте находится Москва; среди крупных городов (от 250 тыс. до 1 млн человек) – Белгород; среди больших (от 100 тыс. до 250 тыс. человек) – Щелково, а среди небольших (менее 100 тыс. человек) – Дубна. [12]

Отдельное внимание, все же, необходимо уделить Москве: на форуме Smart Cities Moscow именно она стала одной из первых 10 столиц мира, которая получила сертификат «умного» города. На данный момент разработана стратегия «Москва умный город – 2030», в основу которого положено, прежде всего создание единой городской среды для каждого человека исходя из его потребностей и желаний. В стратегии четко прописывается использование сквозных технологий во всех сферах городской жизни: использование Больших данных и искусственного интеллекта, Интернета вещей, развитие блокчейна, виртуальная, дополненная и смешанная реальность – все это и многое другое становится одними из важнейших залогов создания по истине «умного» города. Инновацией можно считать предположение перехода к 2030 году на беспилотное такси, что предполагает значительное снижение выбросов вредных газов в окружающую среду. Кроме того, планируется обеспечение индивидуальной среды обитания, тишины и чистоты в городе – как уже было сказано ранее, повсеместное использование электротранспорта будет способствовать сокращению выбросов CO2; датчики шума и загрязнения воздуха смогут обеспечить своевременное реагирование на возникшие экологические проблемы, а умные датчики ЖКХ поспособствуют экономии, контролю качества и работоспособности. [13]

Многие горожане выступают за внедрение «умных» домов и использование искусственного интеллекта для мониторинга состояния окружающей среды, что несомненно показывает готовность москвичей встать на новый путь цифровизационного развития, благодаря их высокой компетенции в области цифровых технологий. Также в стратегии предполагается переход к главенству цифровых документов над бумажными; внедрение новейших технологий касательно системы распознавания лиц, современных систем криптографии и распознавании речи с обработкой в режиме реального времени. Планируется создание единой платформы для мониторинга, контроля и обработки данных, благодаря чему предполагается снижение времени оповещения населения, а также реагирования экстренных служб – это означает, что главенствующую позицию в данном случае будет занимать не ликвидация последствий, а прогнозирование и предотвращение чрезвычайных ситуаций. К прогнозированию в данном случае относится составление прогнозов развития экологической обстановки, анализ данных искусственным интеллектом и на его основе принятие своевременных мер в случае отклонения экологических показателей от нормы, а также улучшенное прогнозирование гидрометеорологических и техногенных процессов с целью предупреждения негативных последствий.

Говоря о национальном уровне, стоит отметить федеральный проект «Внедрение наилучших доступных технологий», согласно которому планируется создание как новых мощностей экологического машиностроения, так и усовершенствование уже

имеющихся. Так, согласно данному проекту, планируется создание новых методик оценивания экологической обстановки регионов. Кроме того, Харчук Н.А. отмечает, что в Российской Федерации все еще отсутствует отлаженный автоматизированный экологических мониторинг, который бы позволял в кратчайшие сроки уведомлять об экологических проблемах в том или ином регионе. [14]

Соглашаясь с его позицией, предлагаем внедрить не только на городском уровне как предусмотрено проектом «Москва умный город – 2030», но и на государственном уровне автоматизированные платформы для мониторинга состояния окружающей среды и экстренного оповещения об экологических проблемах. Таким образом надзорные органы, оперативно получая необходимую информацию, будут иметь возможность быстрого реагирования и предотвращения экологических проблем, пагубно влияющих на экологическую обстановку не только в регионах, но и за их пределами.

В заключение стоит отметить, что внедрение цифровых технологий для решения экологических проблем является необратимым процессом. Все более нарастающий интерес к экологическим проблемам всего мирового сообщества, государства и граждан формирует множество предпосылок для разработки и внедрения проектов для эффективного и быстрого решения как локальных, так и глобальных экологических проблем, связанных непосредственно с деятельностью человека. Из основополагающих инструментов цифровизации укажем здесь большие данные (обработка больших объемов данных) и интеллектуальные информационные технологии, под которыми понимаются технологии, способные обрабатывать различные данные, используя алгоритмы искусственного интеллекта. Уже сейчас цифровые технологии широко используются при мониторинге состояния окружающей среды. Об успехах цифровизации свидетельствует Нобелевская премия по физике, которую получили Сюкуро Манабе и Клаус Хассельман «за физическое моделирование климата Земли». В данном случае представляется важным удержание фокуса на устойчивом и комплексном развитии, в том числе и с привлечением правового инструментария, при котором новейшие цифровые технологии, природные ресурсы и институциональные изменения в совокупности смогут обеспечить улучшение окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашова Н.В. Правовое регулирование инновационной деятельности экологически опасных предприятий // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2014. № 29. С. 37–48.
2. Перелет Р.А. Экологические аспекты цифровой экономики. Мир новой экономики. 2018;12(4):39-45. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-39-45.
3. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю. Г. Экологические и энергетические проблемы четвертой промышленной революции: правовые аспекты // Lex Russica. 2019. № 10(155). С. 53-62.
4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 года № 474 (ред. по сост. на 21.07.2021 года). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 06.12.2021).
5. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 05.12.2021).
6. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. по сост. На 02.07.2021 года) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 06.12.2021)
7. Дулатова Н.В. Цифровизация и эколого-экономическая безопасность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 1. С. 29-32.
8. Klymenko, O., Halse, L. L., Jæger, B., Nerger, A. J. Digitalization and environmental sustainability: What are the opportunities? / O. Klymenko, L. L. Halse, B. Jæger, A. J. Nerger. // 26th EurOMA Conference Operations Adding Value to Society (Helsinki, Finland, 17-19 June 2019). – Helsinki, 2019. – P. 3880-3888.
9. Is remote working better for the environment? Not necessarily / The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.theguardian.com/environment/2021/aug/02/is-remote-working-better-for-the-environment-not-necessarily (дата обращения: 03.12.2021). – Загл. с экрана.

10. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2021 года № 474 (ред. по сост. на 21.07.2021 года) / Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 06.12.2021). – Загл. с экрана.
11. В России готовится проект по цифровизации городов / Официальный сайт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.ac.gov.ru/news/4986/ (дата обращения: 03.12.2021). – Загл. с экрана.
12. Результаты оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства Российской Федерации (IQ Городов) по итогам 2020 года / Официальный сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/501/List-s-gorodami-IQ-Final.pdf (дата обращения: 03.12.2021). – Загл. с экрана.
13. Москва «Умный город – 2030» : проект стратегии / Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf (дата обращения: 03.12.2021). – Загл. с экрана.
14. Харчук Н. А. Проблемы внедрения концепции наилучших доступных технологий в России // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2021. №2-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vnedreniya-kontseptsii-nailuchshih-dostupnyh-tehnologiy-v-rossii-1 (дата обращения: 06.12.2021). – Загл. с экрана.

DIGITALIZATION AND ITS INFLUENCE ON THE ENVIRONMENT: ANALYSIS OF DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. In work, digitalization as one of the ways to combat environmental problems at the national and global levels of this. The most effective directions of activities in the field of improving the state of the environment at the micro and macro levels have been identified.
Keywords: ecology, digitalization, innovation, green technologies, environment, smart cities, artificial intelligence.

Zadirina R.
Scientific adviser: Barbashova N.V., Doctor of Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: zadirinaregina@gmail.com

УДК 347.214.23

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ОБЩЕГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ

Затейщикова Е.Л.
Научный руководитель: Барбашова Н.В., д.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация: статья посвящена сравнительно-правовому анализу законодательства Донецкой Народной Республики и мировых развитый стран в сфере регламентирования права собственности и общего пользования земельным участком. Автор разбирает особенности закрепления форм собственности, статус иностранных граждан и лиц без гражданства как собственников земельных участков, подходов к общему землепользованию. Автором сделаны выводы о целесообразности тех или иных заимствований механизмов регламентирования вышеуказанных аспектов.
Ключевые слова: земельное право, гражданское право, земельный участок, землепользование, общее землепользование.

Земля считается одним из важнейших природных ресурсов, одновременно выполняемым несколько жизненно важных функций для развития общества и государства – экологическую, экономическую и социальную.

Земельные участки как вид недвижимого имущества являются объектами не только гражданского права и оборота, но и объектом земельного права. Сложность правового регулирования земельных участков в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) состоит в специфике земли как объекта гражданских прав, недоработанным в силу обстоятельств, когда правовая система нормативных основ оборота земельных участков только набирает обороты, то есть в процессе становления и развития. Поэтому изучение зарубежного законодательства относительно регулирования прав собственности и пользования земельными участками будет заложено в его основу, этим обоснована целесообразность заимствований отечественным законодательством положений и механизмов регулирования вышеуказанной сферы.

Общая часть: Согласно Постановлению Совета Министров ДНР от 02.06.2014 г. № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период», а также положений ч. 2 ст. 86 Конституции ДНР, в качестве земельного законодательства на территории ДНР применяется Земельный и Хозяйственный кодексы Украины (ч. 5 ст. 148, ст. 149, ст. 150 Хозяйственного кодекса Украины, гл. 5, 6–9, 11–16-1; 19–22 Земельного кодекса Украины) [1, 2]. Также применяется и Гражданский кодекс ДНР, на основании которого будет проведен дальнейших сравнительно-правовой анализ [3].

В конституциях большинства стран СНГ, как и в ДНР, земля и другие природные ресурсы признаются основой жизни и деятельности народов.

Земельная политика, реализуемая современными государствами, обусловлена закреплением на конституционном уровне права на собственность при гарантировании прав собственников, а также основана на сложившейся в государстве общественно-экономической формации.

В ст. 5 Конституции ДНР указывается о признании и равным образом защите частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности [2]. Аналогичная норма закреплена ст.ст. 8-9 Конституции РФ и ст. 4 Конституции Республики Кыргызстан [4, 5]. Иная трактовка содержится в ст. 6 Конституции Республики Казахстан, где закреплено право государственной и частной собственности на землю [6]. Таким образом, можно сделать вывод о различии в определении охраняемых форм собственности.

В теории земельного права определён тезис о приоритете государственной собственности на землю. Этот тезис определён в Постановлении Конституционного Совета Республики Казахстан от 10.06.2003 №8, которое разъясняет верховенство государства в определении правовых режимов собственности и оборота земли вплоть до установления исключительной государственной собственности на землю [7]. Также это подтверждается ст. 13 Конституции Республики Таджикистан, провозглашающей землю и иные природные ресурсы исключительной собственностью государства, которое гарантирует их эффективное использование в интересах народа [8].

В свою очередь, этот тезис является возможным опровергнуть на примере норм ч. 1 ст. 36 Конституции РФ, провозглашающие право граждан и их объединений иметь в частной собственности землю, а также свободно осуществлять владение, пользование и распоряжение землёй, как следствие, закрепляя приоритет частной собственности на землю [4].

На примере стран Европы следует отметить, что положение о неприкосновенности собственности содержится в Основном законе Австрийской республики, а также в ст. 15 Конституции Королевства Дания [9]. В свою очередь, в качестве «социально обусловленного» право частной собственности рассматривается в земельном праве Бразилии, Италии, Германии [10].

Так, например, нормы, содержащиеся в ст. 42-44 Конституции Италии, устанавливают наличие широких полномочий государства в сфере определение права

собственности на землю, которые направлены на обеспечение рациональной эксплуатации земли, установление условий изъятия и предельных размеров земельного участка, в соответствии с размерами областей и сельскохозяйственных зон, а также благоприятствование и реконструкцию производственных единиц. Таким образом, государство регулирует отношения собственности в общественных интересах для достижения общественной пользы соответственно [9].

На основании данного примера и норм гражданского законодательства Италии, следует сделать вывод о том, что в случае, если государство допускает право частной собственности на землю, то изъятие земельного участка у собственника допускается только для достижения общественно полезных целей, на основании решения суда и при условии равноценного возмещения.

Законодательство государств Восточной Европы также интересно тем, что в данных странах правовое регулирование отношений собственности на землю осуществляется специальными нормативно-правовыми актами. Например, Закон Болгарии 1991 года «О собственности и использовании сельскохозяйственных земель», Закон Румынии 1990 года «О земельных фондах».

Отдельно следует рассмотреть законодательство ДНР и зарубежных стран относительно механизма общего землепользования, который так или иначе затрагивает права и законные интересы собственника земельного участка.

В США, как стране англосаксонской правовой семьи, Федеральный Закон «О федеральном землепользовании» 1976 года регулирует механизм реализации права доступа граждан на частные и публичные земли, и закрепляет права прохода к публичным землям по дорогам и тропам, расположенным на землях частных собственников, аренду, разрешение или лицензию на занятие, использование либо пересечение государственных земель [11].

В иных государствах англосаксонской правовой семьи общее землепользование реализуется под верховенством принципа полного доступа неограниченного круга лиц исключительно к публичным землям.

В свою очередь, в законодательствах государств континентальной правовой системой существует несколько подходов к праву публичного пользования землями. Первый подход определяется как концепция модифицированной частной собственности. Данный подход можно продемонстрировать на примере Германии, где право общего пользования публичными землями закреплен как публичный сервитут.

Право свободного доступа в Германии распространяется на следующие (кроме фермерских) категории земель: обочины дорог, леса и морские побережья. Основными требованиями к осуществлению публичного пользования немецкими землями являются:

1. Получение административного позволения.

2. Совпадение в одном лице собственника и субъекта публично-правового владения. Например, орган дорожного строительства изначально должен приобрести земли, частно-правовой титул в отношении дороги [12].

Второй подход именуется доктринальным и применяется в континентальной правовой семье. Например, во Франции, Италии и Испании. В рамках данного подхода государственная собственность подразделяется на публично-правовую и частно-правовую категорию. К первой категории относятся объекты, предназначенные для общего пользования непосредственно гражданами и объекты особой общественной ценности и значимости, которые имеют целевое назначение в виде общего доступа к природным ресурсам и благоприятную окружающую среду [13].

Также в странах данной правовой семьи регулирование данных вопросов закрепляется в кодифицированных земельно-правовых актах. Например, во Франции данная сфера публичного доступа к земельным участкам регулируется ст. 647-648

Гражданского Кодекса Франции, где указана обязанность собственников обеспечения пешеходного прохода, а также право собственника на огораживание земельного участка [14].

Таким образом, анализ законодательства европейских государств позволяет сделать вывод об актуальности проработки правовой регламентации общего землепользования, а также высоком уровне кодификации.

Модель правового регулирования общего пользования землями, применяющаяся в Донецкой Народной Республике, также имеет свои преимущества. Например, безвозмездный характер использования земель и земельных участков на основании общего землепользования. Полномочиями ч. 2 ст. 323 Гражданского кодекса ДНР предусмотрена возможность пересечения для любого лица участка в случае, если участок не ограждён, или отсутствует предупреждение о недопустимости пребывания на участке без разрешения собственника, а также при условии, что такой проход не причиняет ущерба или беспокойства собственнику [15].

Исходя из вышеизложенного, основываясь на проведенном анализе системы регулирования общего землепользования, можем сделать вывод об отсутствии единого подхода правового регулирования общего пользования землями. По этой причине заимствование правовых норм для отечественной правовой системы целесообразно осуществлять на основе селективного подхода в виде более подробного регламентирования объектов, на которые возможен публичный доступ, а также выделения объектов, на которые доступ запрещен.

Согласно теории земельного права, субъектами земельных правоотношений являются граждане, иностранные граждане, лица без гражданства, юридические лица и государства. Особый правовой интерес имеет правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в отношениях, связанных с собственностью на землю.

Согласно нормам ст. 2 Гражданского кодекса ДНР, гражданское законодательство применяется к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, если иное не предусмотрено законом. Глава 18 Гражданского кодекса ДНР, регламентирующая право собственности на земельные участки, не содержит никаких ограничений [15]. Аналогичная трактовка вкладывается в ч. 4 ст.12 Конституции Республики Казахстан и Параграф 22 Гл. 2 Конституции Швеции, устанавливая для данных категорий лиц режим наибольшего благоприятствования [16].

В Российской Федерации в отношении данных категорий лиц устанавливается частично национальный режим. Хоть и аналогично вышерассмотренным странам, согласно ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, данные лица также приравниваются к гражданам, но в нормах Земельного кодекса РФ указаны ограничения возможных земельных участков. Например, земельные участки на приграничных территориях, не могут приобретаться иностранными гражданами [4, 17].

Несмотря на наличие такого положения в отечественном законодательстве, зарубежные государства в своих правовых системах устанавливают, напротив, прямой запрет на приобретение земли на праве собственности иностранными гражданами.

Так, ст. 41 Конституции Румынии устанавливает запрет даже на передачу права собственности на землю в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. В ст. 47 Конституции Литовской Республики установлено, что в исчерпывающий перечень субъектов права собственности на землю входят только граждане и государство.

Запреты на приобретение земли на праве собственности иностранными гражданами также установлены в следующих соединённых штатах: Канзас, Оклахома, Небраска и НьюХэмпшир [7].

Относительно данного запрета в теории земельного права существует позиция, которая поддерживается нами. Согласно которой, предоставление широких

возможностей по приобретению земли в частную собственность иностранными гражданами представляет собой угрозу не только государственному суверенитету, но и экономической безопасности государства, что выражается в облегчении разведывательной и террористической деятельности, так как земля признана жизненно важным природным ресурсом [11].

Законодательства некоторых стран включают в себя положения относительно выделения объектов, составляющих общенациональное достояние. Указанные объекты являются государственной собственностью и не могут быть переданы кому-либо. Например, ст. 55 Республики Узбекистан содержит положение о том, что земля наравне с водой являются общенациональным богатством, и также охраняется государством и подлежат рациональному использованию.

Аналогичное положение содержится и в законодательстве ДНР. В теории земельного права относительно выделения объектов, составляющих общенациональное достояние, исследователем В.В. Титовым сделан вывод о том, что выделение такой категории является показателем стремления государства к сохранению объектов путем недопущения отчуждения и передачи земельных участков, а также позволяет обеспечить социальную направленность деятельности самого государства [8].

Выводы: Проведенный в нашем исследовании сравнительно-правовой анализ законодательства ДНР, государств – членов СНГ, стран Европы и США, позволяет сделать вывод о том, что в большинстве демократических государств законодатель определяет право частной собственности к числу основных конституционных прав человека и гражданина. А земля и иные природные ресурсы во всех упомянутых государствах признаются основой для жизнедеятельности населения соответствующего государства, что обуславливает особый правовой режим отчуждения земельных участках в частную собственность.

Также в то же время, проанализировав сложившуюся ситуацию, приходим к выводу о различии подходов в определении возможностей передачи права собственности на земельные участки иностранным гражданам. Отечественное законодательство не предусматривает ограничений для приобретения иностранными гражданами земельных участков. Таким образом, предоставляя режим благоприятствования приобретения иностранными гражданами земли, существует возможность угрозы суверенитету и безопасности нашего молодого государства. Следует заимствовать одну из правовых концепций иностранных государств, адаптируя её к нашей республике. Возможно, наиболее благоприятной является концепция Республики Беларусь, где в качестве собственников земельных участков признаются исключительно граждане и государство. Также в законодательстве Республики Эстония устанавливается перечень исключительных категорий земель, возможных к приобретению иностранными гражданами. Считаем, что возможно использование и законодательства Румынии, где закреплены нормы передачи полученных участков по наследованию иностранными гражданами в пользу государства, юридического или физического лица.

К актуальным направлениям заимствования земельного законодательства необходимо отнести нормы общего землепользования, которые были проанализированы выше и где был сделан вывод о необходимо заимствования норм об определении объектов общего землепользования из законодательства Германии, в силу объективной сильной проработки и определения данного института в нормативной системе данной страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» от 02.06.2014 № 9-1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт

Верховного Суда Донецкой Народной Республики. URL: https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-ministrov-doneckoy-narodnoy-respubliki-o-primenenii-zakonov-na (дата обращения: 05.01.2021).
2. Конституции Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. URL: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/ (дата обращения: 05.01.2021).
3. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 05.01.2021).
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (в ред.от 21.07.2014) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – №31. – Ст.4398.
5. Конституции Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru (дата обращения: 05.01.2021).
6. Конституция Туркменистана [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной таможенной службы Туркменистана. URL: https://www.customs.gov.tm/ru/laws/konstitutsiya-turkmenistana (дата обращения: 05.01.2021).
7. Гиричева В.В. Возможности рецепции положений зарубежного законодательства о праве собственности на земельный участок // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №5-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-retseptsii-polozheniy-zarubezhnogo-zakonodatelstva-o-prave-sobstvennosti-na-zemelnyy-uchastok (дата обращения: 05.01.2022).
8. Титов В.В. Право собственности в конституциях государств ближнего зарубежья / В.В.Титов // Право и экономика. – 2014. – №8. С.69-74.
9. Конституции зарубежных государств. Учебное пособие / Под ред.Окунькова Л.А. // М.: 2019. – 1490 с.
10. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. Учебник / В.Е.Чиркин // М.: Инфра-М. – 2014. – 690 с.
11. Федеральный Закон США «О федеральном землепользовании» 1976 года [Электронный ресурс] // Журнал «Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование». URL: https://dpr.ru/journal/journal_8_15.htm (дата обращения: 05.01.2021).
12. Конституции государств Европейского Союза / Под ред.Л.А.Окунькова // М.: 1997. – 848 с.
13. Ушакова А.П. Правовой режим земель общего пользования в составе населенных пунктов / Дисс.к.ю.н.// М.: 2015. – 198 с.
14. Гражданского Кодекса Франции [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.hse.ru/data/2019/01/20/1148800493/%D0%A4%D0%93%D0%9A%201804.pdf (дата обращения: 05.01.2021).
15. Страшун Б.А. Конституционное право зарубежных стран. Особенная часть / Б.А. Страшун // М.: Юрайт. – 2016. – 1024 с.
16. Назаренко В.И. Зарубежный опыт функционирования земельного рынка / В.И.Назаренко // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2013. – №9. С.14-19.
17. Земельный Кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 05.01.2021).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF REGULATION OF PROPERTY RIGHTS AND GENERAL LAND USE OF LAND PLOTS

Annotation. The article is devoted to a comparative legal analysis of the legislation of the Donetsk People's Republic and the world's developed countries in the field of regulation of property rights and common use of land. The author examines the specifics of securing forms of ownership, the status of foreign citizens and stateless persons as owners of land plots, approaches to general land use. The author draws conclusions about the advisability of those or the mentioned borrowing of mechanisms for regulating the above services.
Keywords: land law, civil law, land plot, land use, general land use, property

Zateishchikova E.
Scientific adviser: Barbashova N.V. doctor of jurisprudence, professor
Donetsk National University
E-mail: zateyshchikova.liza@mail.ru

УДК 341.1/8

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Затейщикова Е.Л.
Научный руководитель: Ревунова А.С., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена анализу современного правового регулирования искусственного интеллекта на международном уровне. Проанализированы основные международные акты, регулирующие искусственный интеллект во всех сферах, после чего автор утверждает об отсутствии многосторонних международных договоров, которые закрепляли бы общие положения для данной области. Также автор отмечает наличие достаточной регламентации вопросов защиты данных, этических вопросов при использовании искусственного интеллекта, а также наличие регламентации вопросов внедрения таких систем в государственное управление.
Ключевые слова: искусственный интеллект, робототехника, системы с искусственным интеллектом.

В современных реалиях, в связи с активным внедрением и развитием систем с искусственным интеллектом, актуальной задачей для законодателей всего мирового сообщества является правовое регламентирование деятельности, связанной с использованием систем с искусственным интеллектом. Проблемой в регламентировании подобных систем является сложность в определении правового статуса таких систем и урегулировании его с этическими нормами, а также определение механизма взаимодействия всех государств. На данный момент данная проблема активно решается, как на национальном уровне, так и на международном.

Изначально для полного понимания современной ситуации и перспектив ее разрешения необходимо определить существующие предпосылки для первоначального развития международно-правового регулирования искусственного интеллекта.

Многие исследователи склоняются к двум общим предпосылкам:

1. Необходимость установить общие начала для всех участников рынка искусственного интеллекта.

2. Национальные законодательства большинства государств ориентируются на международные нормы, таким образом, второе необходимо улучшать [1].

Началом попыток определения основ современного международного регламентирования систем с искусственным интеллектом следует считать правовые доклады на данную тему.

Первый правовой доклад был опубликован 12 октября 2016 года Американским научным сообществом на тему «Подготовка к будущему искусственного интеллекта» [2]. В данном докладе впервые было обозначена не только большая скорость развития систем с искусственным интеллектом, но и необходимость обеспечения его развития в единстве с гуманистическими ценностями. Также самому искусственному интеллекту дано толкование как технологии, которая при продуманном использовании будет способствовать не замене человеческих возможностей, а их усилению.

В докладе, разработанном на базе Стэнфордского университета на тему «Искусственный интеллект и жизнь в 2030 году» [3] предлагаются направления разработки государственной политики в области правового регулирования систем с искусственным интеллектом, которыми являются:

1. Определение способа накопления технических знаний в сфере искусственного интеллекта на всех уровнях государственного управления.

2. Разработка системы действий по устранению возможного некорректного функционирования и нарушения соблюдения конфиденциальности.

3. Проведение мер с целью стимулирования междисциплинарных исследований в

сфере воздействия систем искусственного интеллекта на общество.

Не смотря на эти доклады, основным следует считать доклад «Нормы гражданского права о робототехнике» с рекомендациями для Европейской комиссии, который опубликован Комитетом по правовым вопросам Европейского парламента 31 мая 2016 г [4].

Основной рекомендацией является создание «Европейского агентства по робототехнике и искусственному интеллекту», которое будет заниматься решением вопросов о урегулировании тенденций развития искусственного интеллекта и робототехники, разработке решений проблем защиты прав потребителей, а также управление системой регистрации в Европейском союзе всех интеллектуальных роботов с внедренными системами с искусственным интеллектом.

Предложенная также «Хартия о робототехнике» не должна будет иметь обязательной силы, ее цель выражается в необходимости дополнить законодательство с помощью включения в него этических норм и кодексов, используемых при деятельности систем с искусственным интеллектом при взаимодействии с человеком. Но мы считаем целесообразным сделать данную Хартию обязательной в связи с возрастающей необходимостью защиты частной собственности и безопасности человека в условиях развития цифрового пространства и искусственного интеллекта.

Началом уже правового регулирование систем с искусственным интеллектом следует считать итоговый документ конференции The Asilomar Conference on Beneficial AI [5], проходившей в январе 2017 года в г. Азиломар (Калифорния, США), среди участников которой были Стивен Хокинг, Илон Маск, представители компаний Google, Apple, Facebook, IBM, Microsoft и т.д.

В ходе данной конференции были изучены риски развития систем с искусственным интеллектом, которые в итоговом документе были отражены в виде принципов данного развития, некоторые из них:

1. Целью развития является создание систем, направленных на повышение эффективности деятельности общества.
2. Первоначальной задачей развития является возможность сделать искусственный интеллект безопасным для внедрения в систему государственной власти
3. Наличие конструктивного диалога между создателями систем и законодателем, а также между разработчиками.
4. Реализация принципа обоснованного правосудия в виду участия искусственного интеллекта в правосудии в случае обоснованности и проверки компетентными органами.
5. Заинтересованность разработчиков в вопросах негативных последствий использования, так как на них должна лежать ответственность за подобные последствия.
6. Реализация принципа защиты персональных данных и их свободы к доступу, если система искусственного интеллекта имеет возможности к анализу и использованию этих данных.
7. Недопустимость гонки вооружений в области автономного летального оружия с использованием искусственного интеллекта.

Если говорить о современном действующем международном законодательстве, то следует отметить, что на данный момент не существует ни одного многостороннего международного договора, который был обобщал все принципы взаимодействия стран на международном уровне в сфере искусственного интеллекта.

Первый международно-правовым актом современного периода следует считать Окинавскую хартию глобального информационного общества (Okinawa Charter on Global Information Society) – 22 июля 2000 года [6], которая была подписана тогда еще «Большой восьмеркой» (G8), а также впервые на таком уровне провозгласили

необходимость формирования нормативной базы для оптимизации и сокращения разрыва в цифровых технологиях.

Следующий интересующий нас документ – Рекомендации по искусственному интеллекту Организации экономического сотрудничества и развития – ОЭСР (OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence) от 22 мая 2019 года [7], которые характеризуются тем, что были подписаны 36 государств, в том числе страны Европейского союза, США, Канада, Австралия, Япония, Турция и т.д., и являются первым межправительственным стандартом по искусственному интеллекту. Документ включает в себя пять принципов и пять рекомендаций для национальных правительств.

Принципы ОЭСР по развитию искусственного интеллекта:

1. Создание с целью приносить пользу не только населению, но и всей планете.
2. Проектирование систем с идеями признания верховенства закона и прав человека, демократическими ценностями и с общей возможностью вмешательства человека в деятельность системы.
3. Прозрачность в информации о современном развитии искусственного интеллекта.
4. Функционирование на принципах надежности и безопасности с постоянной оценкой рисков и их управление.
5. Лица, разрабатывающие, внедряющие или эксплуатирующие такие системы должны нести ответственность.

Общими рекомендациями для национальных правительств по вопросу развития искусственного интеллекта являются:

1. Содействовать внедрениями инвестиций в исследования и разработки.
2. Обеспечить эффективно развивающуюся законодательную сферу.
3. Обеспечить надлежащий уровень подготовки и поддержку специалистов в данной сфере.
4. Сотрудничать в сфере экономики для прогресса в ответственном управлении заслуживающим доверия искусственным интеллектом.
5. Содействовать доступности систем с помощью цифровой инфраструктуры, технологий и механизмов для обмена данными и знаниями.

Далее следует рассмотреть Заявление министров экономики стран – участниц G20 (G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy) от 9 июня 2019 года [8], которое было подписано участниками «Большой двадцатки» (G20) и одобрило принципы развития искусственного интеллекта, взятые из предыдущего описанного документа.

Также в данном акте содержаться следующие дополнения:

1. Необходимость совместной работы по созданию устойчивого и инновационного глобального общества.
2. Необходимость разработки и реализации цифровой политики для увеличения выгоды и минимизации проблем, связанных с развитием систем с искусственным интеллектом
3. Необходимость построения цифрового общества, построенного на доверии путем обмена общими ценностями и принципами, включая равенство, справедливость, прозрачность и подотчетность с учетом глобальной экономики.

Если рассматривать законотворческую деятельность международных организаций, то следует рассмотреть Совет Европы, который может принимать обязательные нормативные документы – конвенции. В 2019 году Советом Европы был создан Специальный комитет по регулированию ИИ (CAHAI), который является основной площадкой для принятия документов в сфере искусственного интеллекта.

Советом Европы уже приняты следующие рекомендательные документы по вопросам развития и внедрения систем с искусственным интеллектом: Европейская

этическая хартия Совета Европы по использованию ИИ в судебных системах и окружающих их реалиях, принятая в Страсбурге от 03.12.2018 [9].

Данная хартия определяет пять принципов об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, а также освящается такие вопросы как функционирование искусственного интеллекта применительно к судебным решениям, моделирование правового обоснование, анализ и объяснение поведения судей и т.д.

1. Руководство о защите данных при использовании искусственного интеллекта, принятое в Страсбурге от 25.01.2019 [10].

Это руководство предоставляют собой набор базовых мер, которые Правительства, разработчики искусственного интеллекта, производители и поставщики услуг должны выполнять, чтобы искусственный интеллект не подрывал человеческое достоинство и права человека, основные свободы, в частности, в отношении права на защиту данных.

Ничто в данном руководстве не должно толковаться как исключающее или ограничивающее положения Европейской конвенции о правах человека.

2. Декларация комитета министров о манипулятивных возможностях алгоритмов, принятая в Страсбурге от 13.02.2019 [11].

Данная декларация направлена на применение и усиление законов о защите данных, которые должны учитывать особые риски и интересы тех лиц, которые могут особенно не осознавать опасности использования данных (например, дети).

3. Рекомендации комиссара Совета Европы по правам человека – 10 шагов для защиты прав человека при использовании искусственного интеллекта, приняты в Страсбурге от мая 2019 года [12].

Данные рекомендации основываются на всех предыдущих документах и призывают всех разработчиков искусственного интеллекта к тому, что искусственный интеллект, разработанный в частном секторе, должен соответствовать тем же стандартам, что и в государственном секторе, если и когда есть какое-либо намерение работать с государственными органами и государственными службами. Таким образом будет обеспечена максимальная безопасность в использовании личных данных и контроля за действиями искусственного интеллекта.

4. Рекомендация комитета министров о влиянии алгоритмов на права человека, приняты в Страсбурге от мая 2019 года [13].

Данные рекомендации направлены на глобализацию внутри каждого государства мероприятий по обеспечению прав человека в связи с внедрением искусственного интеллекта.

Если рассматривать законодательную деятельность на международном уровне в пределах других международных организаций, то большая работа ведется ЮНЕСКО – специализированным учреждением ООН по вопросам образования, науки и культуры. Так, в 2019 году ЮНЕСКО была проведена конференция «Принципы искусственного интеллекта: в направлении гуманистического подхода». По итогу конференции был достигнут консенсус относительно необходимости обеспечения законодательного управления искусственным интеллектом. Данная конференция являлась частью серии мероприятий ЮНЕСКО, посвященных искусственному интеллекту.

Таким же мероприятием является прошедшая в ноябре 2019 года 40-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, которая ознаменовалась принятием решения по разработке этических норм в области развития искусственного интеллекта, по итогам которой было принято обязательство по разработке этических норм в области развития искусственного интеллекта, где эксперты, отобранные ЮНЕСКО, будут отвечать за подготовку предварительного текста международного нормативного документа по этике искусственного интеллекта.

В последствии в 2020 году был разработан первый глобальный акт по этике искусственного интеллекта в формате Первого проекта рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта [14]. Представленный вариант не претендует на исчерпывающий характер и не обязательно отражает мнение государств – членов ЮНЕСКО. Окончательная версия документа принята на 41-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в конце 2021 года.

Организация Объединенных Наций также принесла свой вклад в сферу регулирование искусственного интеллекта. Кроме обсуждений и представления правовых докладов, группа ООН по устойчивому развитию разработала методический документ «Конфиденциальность, этика и защита данных руководство по большим данным для достижение повестки дня 2030» [15] о роли приватности, этики и защиты данных в достижении целей развития искусственного интеллекта.

В свое время Европейский союз, обладая собственной правосубъектностью, издает обязательные для государств-членов акты по вопросам искусственного интеллекта. Например, из последних следует указать «Скоординированный план по искусственному интеллекту» от 21 апреля 2021 года [16], который предлагает совместные действия Европейской комиссии и стран-членов ЕС по созданию глобального лидерства в надежном искусственном интеллекте с помощью ускорения инвестиций, взаимодействия в рамках стратегий и программ по искусственному интеллекту, согласования политики искусственного интеллекта для устранения фрагментации и решения глобальных проблем.

Также следует упомянуть о коммюнике «Укрепление доверия к человекоориентированному искусственному интеллекту» от 08 апреля 2019 [17], который поощряет и обязует производителя к созданию безопасных и высококачественных продуктов, укрепляя доверие граждан к цифровому развитию, и направлен на создание конкурентоспособной площадки с помощью использования программы «Цифровая Европа», что сделает искусственный интеллект также доступным для малых и средних предприятий во всех сферах.

В рамках Европейского союза также интересен план создания регуляторных норм и требований «Белая книга об искусственном интеллекте: европейский подход к совершенству и доверию» [18], который излагает возможные варианты проведения национальной и мировой политики для достижения единой цели – развития надежного искусственного интеллекта.

Также при анализе международного законодательства следует отметить также создание международных стандартов, что является результатом деятельности признанных во всем мире специализированных международных организаций по стандартизации, которые обладают полномочиями по разработке и публикации стандартов, руководств, рекомендаций и технических отчетов. К таким организациям можно отнести:

– Международная организация по стандартизации (ISO)
– Международная электротехническая комиссия (IEC)
– Международный союз электросвязи (ITU)

Все стандарты, принятые в данной сфере, объединяет обязательное условие в испытании данной продукции на ее соответствие требованиям технических руководств относительно безопасности, угрозы для жизни и здоровья человека или окружающей среды до поступления продукции на реализацию.

Таким образом, итогом выше проведённого анализа международного регламентирования искусственного интеллекта следует сделать вывод о том, что в современных реалиях существует достаточное регулирование некоторых сфер развития искусственного интеллекта, а именно вопросов внедрения, стандартизации, этического составляющего в деятельности искусственного интеллекта, а также защиты данных. Но

несмотря на это, в мировом сообществе отсутствуют общие акты, которые определяли бы изначальный правовой статус систем с искусственным интеллектом, а основной массив существующих международно-правовых актов составляют рекомендации и методические документы. Следовательно, дальнейшей задачей для международных законодателей должно стать принятие общих актов, которые будут содержать в себе необходимые основы, для регламентирования всех иных сфер использования и деятельности систем с искусственным интеллектом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. – 90 с.
2. Thierer A., Castillo A. Preparing for the future of artificial intelligence [Electronic resource] // Mercatus Center or George Mason University. URL: https://www.mercatus.org/system/files/Thierer-Artificial-Intelligence- Permissionless-Innovation-PIC-v1.pdf (date of the application: 03.02.2022).
3. Stanford University (2016) Artificial Intelligence and Life in 2030: One Hundred Year Study on Artificial Intelligence [Electronic resource] // Official website of Stanford University. URL: https://ai100.stanford.edu/2016-report (date of the application: 03.02.2022).
4. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Electronic resource] // Official website of European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN (date of the application: 03.02.2022).
5. Asilomar AI Principles. 2017. [Electronic resource] // Official website Future of life institute. URL: https://futureoflife.org/2017/08/11/ai-principles/?cn-reloaded=1 (date of the application: 03.02.2022).
6. Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 года [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3170 (дата обращения: 03.02.2022).
7. OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence [Electronic resource] // Official website of OECD Legal Instruments. URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (date of the application: 03.02.2022).
8. G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy [Electronic resource]. URL: https://www.mofa.go.jp/files/000486596.pdf (date of the application: 03.02.2022)
9. Европейская этическая хартия Совета Европы по использованию ИИ в судебных системах и окружающих их реалиях [Электронный ресурс] // Официальный сайт Консула Европы. URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4 (дата обращения: 03.02.2022).
10. Consultative committee of the convention for the protection of individuals with regard to automatic processing of personal data [Electronic resource] // Official website of the Consul of Europe. URL: https://rm.coe.int/guidelines-on-artificial-intelligence-and-data-protection/168091f9d8 (date of the application: 03.02.2022).
11. Declaration by the Committee of Ministers on the manipulative capabilities of algorithmic processes [Electronic resource] // Official website of the Consul of Europe. URL: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?ObjectId=090000168092dd4b (date of the application: 03.02.2022).
12. Unboxing Artificial Intelligence: 10 steps to protect Human Rights [Electronic resource] // Official website of the Consul of Europe. URL: https://rm.coe.int/unboxing-artificial-intelligence-10-steps-to-protect- human-rights-reco/1680946e64 (date of the application: 03.02.2022).
13. Recommendation CM/Rec(2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems [Electronic resource] // Official website of the Consul of Europe. URL: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectid=09000016809e1154 (date of the application: 03.02.2022).
14. Первый проект рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека UNESDOC. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373434_rus (дата обращения: 03.02.2022).
15. Data privacy, ethics and protection guidance note on big data for achievement of the 2030 agenda [Electronic resource] // Official website of UN Sustainable Development Group. URL: https://unsdg.un.org/sites/default/files/UNDG_BigData_final_web.pdf (date of the application: 03.02.2022).
16. Coordinated Plan on Artificial Intelligence 2021 [Electronic resource] // Official website of European Commission. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/coordinated-plan-artificial-intelligence-2021-review (date of the application: 03.02.2022).

17. Communication: Building Trust in Human Centric Artificial Intelligence [Electronic resource] // Official website of European Commission. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-building-trust-human-centric-artificial-intelligence (date of the application: 03.02.2022)
18. White Paper on Artificial Intelligence: a European approach to excellence and trust [Electronic resource] // Official website of European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/publications/white-paper- artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (дата обращения: 03.02.2022).

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF SYSTEMS WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MODERN REALITIES

Annotation. the article is devoted to the analysis of modern legal regulation of artificial intelligence at the international level. The main international acts regulating artificial intelligence in all areas are analyzed, after which the author claims that there are no multilateral international treaties that would consolidate general provisions for this area. The author also notes the existence of sufficient regulation of data protection issues, ethical issues when using artificial intelligence, as well as the existence of regulation of issues of implementation in state systems.
Keywords: artificial intelligence, AI, robotics, artificial intelligence systems

Zateishchikova E.
Scientific adviser: Revunova A.S., Assistant
Donetsk National University
E-mail: zateyshchikova.liza@mail.ru

УДК 340

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Зиневич Д. Ю.
Научный руководитель: Семыкин Н. В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается понятие должностного лица как специального субъекта преступления путем характеристики основных признаков, присущих данной правовой категории. Выделены и проанализированы полномочия, благодаря которым лицо может квалифицироваться в качестве должностного; определено, что категория «должностное лицо» применима не только для положений главы 30, а и для всего Уголовного кодекса.
Ключевые слова: должностные преступления, должностное лицо, представитель власти, специальный субъект преступления.

Особенная часть Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) содержит достаточно большое количество статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений лицами, которые помимо общих признаков субъекта преступления обладают дополнительными признаками. В уголовно-правовой науке субъекта преступления, наделенного такими дополнительными признаками, принято называть «специальным». Наиболее распространенными признаками специального субъекта являются признаки, присущие должностным лицам.

Должностное лицо рассматривается как специальный субъект и занимает особое положение в законодательстве Донецкой Народной Республики. Однако, вместе с тем, в уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики отсутствует официальное определение понятия «специальный субъект». Многие положения, содержащиеся преимущественно в частях 2 и 3 статей Особенной части УК ДНР, раскрывают признаки, характерные «специальному субъекту».

УК ДНР частично сформирован таким образом, что в нем нормы группируются в отдельные главы по признаку специального субъекта. Такими можно, к примеру,

назвать главу 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», 33 «Преступления против военной службы» и др.

В таких случаях специальный субъект преступления характеризуется дополнительным признаком своего служебного положения, которое может быть использовано им в личных целях, не связанных с исполнением своих должностных обязанностей, что влечет за собой нарушение прав граждан.

Являясь разновидностью специального субъекта, характерной особенностью должностного лица является всеобщность, так как любой видовой объект, определенный отдельными главами УК ДНР, может пострадать от преступных действий рассматриваемого субъекта, всегда совершаемых в рамках специфических для него форм. Ю.И. Феркалюк в своей работе акцентирует внимание на том, что понятие должностного лица одно из основополагающих понятий не только в системе преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, но и в уголовно-правовой науке в целом [1, с. 24].

Объемное и четкое определение должностного лица сформулировано законодателем в примечании 1 к статье 334 УК ДНР, содержащей квалификацию преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Так, в соответствии с указанной статьей УК ДНР должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Донецкой Народной Республики, других войсках и воинских формированиях Донецкой Народной Республики [2].

Данное определение раскрывает все признаки должностного лица в качестве специального субъекта совершения того или иного преступления. То есть преступление обязательно должно быть совершено именно с использованием служебного положения субъекта. Из этого следует, что если лицо исполняет ни одной из перечисленных в законе функций, то оно не может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение преступления в качестве должностного лица.

Кроме того, можно отметить, при разработке характерных признаков должностного лица, законодатель уделил особое внимание сущности полномочий, так как именно данный критерий дает возможность отграничить должностное лицо от физического или юридического лица. Таким образом, данное определение включает три группы признаков: а) признаки, указывающие на характер выполняемых функций; б) признаки, указывающие место осуществления указанных функций; в) признаки, характеризующие временные рамки правомочности осуществления определенной деятельности.

Законодательно закреплено три вида функций, которые могут осуществлять должностные лица, к ним относятся: функции представителя власти, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции.

К должностным лицам относятся лица осуществляющие функции представителя власти. Определение понятия «представитель власти» законодатель сформулировал в примечании к статье 374 УК ДНР. Так, представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Исходя из смысла данной дефиниции, примечание к статье 374 УК ДНР дополняет перечень, указанный в примечании к статье 334 УК ДНР, иными лицами

правоохранительных и контролирующих органов, обладающих распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Помимо этого, стоит учесть, что при раскрытии определения понятия «представитель власти» законодатель ссылается на понятие «должностное лицо», что с логической точки зрения недопустимо для конструирования определений, так как сущность понятий, которые поясняются посредством друг друга, в итоге остается неясной [3, с. 156].

Нельзя не согласиться с мыслью Ю.И. Феркалюка о том, что нет необходимости помещать дефиниции в разные главы уголовного закона, если представители власти являются должностными лицами [1, с. 24].

По мнению некоторых ученых, помещение законодателем дефиниции «представитель власти» в главу 32 УК ДНР, непосредственно связано с тем, что в указанном случае представитель власти выступает в качестве потерпевшего, то есть предмета преступления, а не в качестве субъекта преступления.

Относительно спора, сложившегося в правовой науке по поводу коллизии определений «представитель власти» и «должностное лицо», некоторые ученые-правоведы считают, что не все представители власти согласно административно-правовому пониманию этих понятий являются должностными лицами. Майоров А.В., Уторов О.Р. указывают, что в этих случаях к категории должностных лицо относятся лишь служащие, имеющие подчиненных; к представителям власти – служащие, полномочия которых распространяются на лиц, непосредственно не подчиненных им по службе [4, с. 201].

Изучив положения норм 334 УК ДНР и 374 УК ДНР, отметим, что данные категории по сути содержат одну и ту же терминологию для обозначения рассматриваемых понятий, что на наш взгляд, является не совсем корректным. Считаем, что законодателем должно быть определено это таким образом, что «представители власти» будут выступать частным от определения «должностное лицо».

Также стоит отметить, что в примечании 1 к статье 334 УК ДНР, указано: «Должностными лицами в статьях настоящей главы признаются…». Из чего логически следует вывод о том, что данное определение является актуальным для статей главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Однако, при определении понятия «представитель власти» в примечании к статье 374 УК ДНР, которая расположена в главе 32 «Преступления против порядка управления», законодатель ссылается на понятие «должностное лицо», что создает некие разногласия, так как было указано ранее, данное понятие распространяет свое действие только лишь на нормы главы 30.

Исходя из этого, следует вывод о том, что, во избежание повторения положений примечания статьи 334 УК ДНР в примечании к статье 374 УК ДНР, было бы более целесообразно, законодательно определить, что дефиниция «должностное лицо» применима не только для положений главы 30, а и для всего Уголовного кодекса и изложить данное положение в следующем виде: «Должностными лицами в статьях настоящего Кодекса признаются…».

В своем исследовании Бугаевская Н.В. подтверждает имеющуюся уверенность в том, что существующее в УК понятие должностного лица требует корректировки, и не на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда, а в самом Уголовном кодексе, в чем с автором согласны 55% опрошенных им практических работников.

Помимо прочего, в уголовно-правовой науке проблемным остается вопрос о сложности разграничения функций представителя власти и организационно-распорядительных функций, в той части, которая не связана с отношениями, возникающими в ходе несения службы. Однако, не оспаривая существования данной

проблемы, Ильин А.А., Бриллиантов А.В., Яни П.С. считают, что в настоящий момент решение данной проблемы не имеет практического значения, поскольку Верховный Суд не настаивает на обязательном разграничении рассматриваемых функций [5, с. 40; 6, с. 11].

Бриллиантов А.В., Яни П.С. в своей работе указывают на то, что строгое толкование понятия «должностное лицо» в примечании статьи уголовного закона, как лица, выполняющего организационно-распорядительные функции в государственных и муниципальных органах, позволяет распространить эти функции лишь на отношения, складывающиеся при несении службы, и судебная практика относит к таким функциям и полномочия работников государственных и муниципальных органов по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия. Их юридический характер заключается в том, что они порождают, изменяют либо прекращают правоотношения, т. е. наделяют иных лиц правами и обязанностями, изменяют объем этих прав и обязанностей или прекращают их [6, с. 12].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда ДНР № 16 от 17 ноября 2017 года «О практике применения судами Донецкой Народной Республики норм главы 33 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики о должностных и некоторых иных преступлениях против военной службы», которое в большей степени направлено на толкование норм о воинских должностных преступлениях, в качестве административно-хозяйственных функций понимаются полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении денежного довольствия, надбавок за выслугу, воинское звание и т.п., осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учёта и контроля за их расходованием) [7].

В российской правовой науке уже давно сложилась устойчивая позиция относительно определения административно-хозяйственных функций, которая также отражена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 (в редакции от 23 декабря 2010 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», и под ними понимаются: «…полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием)» [8].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что при разъяснении административно-хозяйственных функций должностного лица аппарата военного управления Верховный Суд ДНР сузил круг организаций, в которых данное лицо может их осуществлять, что весьма рационально, учитывая, что данное Постановление Пленума Верховного Суда ДНР направлено разрешение вопросов, возникающих у судов при применении норм УК ДНР о воинских должностных преступлениях, предусмотренных статьями 414, 415, и в целях формирования единой судебной практики по делам о применении некоторых иных норм УК о преступлениях против военной службы.

Наделение административно-хозяйственными полномочиями характерно для руководящих должностей и их заместителей, которым поручено распоряжение и управление имуществом, хранение материальных ценностей, финансовые, снабженческие и хозяйственные функции. Стоит отметить, что обязанность,

возложенная на сотрудника, которая заключается в физическом перемещении имущества, его передаче и выдаче другим лицам, не наделяет этого сотрудника полномочием распоряжения и управления данным имуществом. В таком случае с сотрудником, на которого возложена указанная обязанность, может быть заключен договор о материальной ответственности, что будет означать, что лицо отвечает за сохранность имущества, однако полномочия по управлению и распоряжению данным имуществом этим договором предоставлены не будут. Исходя из этого, к данной категории не относятся лица, которые ответственны за сохранность выдаваемых ими материальных ценостей, денежных средств в виде заработной платы, возмещения командировочных расходов и т. п., поскольку такие лица самостоятельно не решают вопрос о судьбе материальных ценностей, денежных средств, их расходовании, а, следовательно, он не осуществляет административно-хозяйственными функции.

Многие специалисты в сфере уголовного права считают, что не могут нести уголовную ответственность те, субъекты, которые реализовывают свои административно-хозяйственные или организационно-распорядительные функций в негосударственных коммерческих или некоммерческих организациях, поскольку служить – это значит, не просто нести ответственность в предпринимательских структурах, но и исполнять службу, делать что-нибудь для кого (чего)-нибудь, выполняя чью-нибудь волю, приказания, направлять свою деятельность на пользу государства.

Специфика заключается в том, что осуществление таких функций влечет за собой возникновение определенных правоотношений, их изменение и прекращение. Но главное, что лицо, если оно этого не желает, может не становиться участником конкретных правоотношений. К примеру, рекомендации учителей, врачей и т д.

Однако такие функции в вышеуказанном случае могут быть применены и к гражданам, которые не находятся в прямом подчинении должностного лица, если решение имеет юридические последствия. К примеру, вынесение того или иного распоряжения представителем власти.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что рассмотренные в данной работе функции, осуществление которых необходимо для квалификации лица как должностного, описывают дополнительные признаки субъекта преступления, помимо общих обязательных признаков субъекта, закрепленных в статье 18 УК ДНР.

Мы согласны с мнением Хачатурян, М.Н., которая в своей работе предлагает законодательно закрепить понятие специального субъекта в уголовном законодательстве и изложить его в следующей редакции: «Специальным субъектом признается лицо, которое во время совершения общественно-опасного деяния, направленного на специальные общественные отношения, обладало также дополнительными к возрасту и вменяемости обязательными признаками, указанными в Особенной части УК и других нормативно-правовых актах» [9, с. 189].

Таким образом, рассмотрев специфику должностного лица в качестве специального субъекта преступления, отметим, что в Уголовном кодексе ДНР недостаточно четко определяется рассматриваемая категория, что требует внесения дополнительных корректировок, в частности, необходимо определить, что категория «должностное лицо» применима не только для положений главы 30, а и для всего Уголовного кодекса и изложить Примечание 1 к статье 334 УК ДНР в следующим образом: «Должностными лицами в статьях настоящего Кодекса признаются…».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Феркалюк Ю.И. Представитель власти как субъект должностных преступлений // Российский следователь. – 2012. – № 12. – С. 24-25.
2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014, действующая редакция по

состоянию на 28.12.2021 [Электронный ресурс]. – URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/.
3. Бугаевская Н.В. Должностное лицо как субъект преступления: диссертация спец. по ВАК РФ: 12.00.08, к.ю.н., Бугаевская Н.В. – Рязань. – 2003. – 265 с.
4. Майоров А.В., Уторов О.Р. О проблеме законодательной регламентации уголовной ответственности за должностные преступления // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – №1 (42). – С. 40-46.
5. Ильин А.А. Организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции должностного лица в уголовном праве: проблемы регламентации и толкования // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – №2 (22). – С. 20-23.
6. Бриллиантов А.В., Яни П.С. Должностное лицо: организационно-распорядительные функции // Законность. – 2010. – № 6. – С. 19-23.
7. О практике применения судами Донецкой Народной Республики норм главы 33 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики о должностных и некоторых иных преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики № 16 от 17.11.2017 [Электронный ресурс]. – URL: https://supcourt-dpr.su/pplenum/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-norm-glavy-33-ugolovnogo-kodeksa
8. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 (в ред. от 23 декабря 2010 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 4.
9. Хачатурян, М.Н. Специальный субъект с признаками государственного должностного лица и государственного гражданского служащего: диссертация спец. по ВАК РФ: 12.00.08, к.ю.н., М. Н. Хачатурян. – Ростов-на-Дону. – 2005. – 203 с.

OFFICIAL AS A SPECIAL SUBJECT OF CRIME

Annotation. This paper discusses the concept of an official as a special subject of a crime, by characterizing the main features inherent in this legal category. The powers due to which a person can be qualified as an official have been identified and analyzed, the category «official» has been determined and is applicable not only to the provisions of Chapter 30, but to the entire Criminal Code.
Keywords: malfeasance, official, government representative, special subject of crime.

Zinevich D.
Scientific adviser: Semykin N. V., Ph.D., associate professor
Donetsk National University
Email: zinevichdariaaa@gmail.com

УДК 342.951

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Змиевская В.И.
Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию вопросов правового статуса производства в делах об административных правонарушениях. Проведен анализ положений законодательства ДНР и РФ в части правового регулирования оснований и иных особенностей возбуждения прокурором производства по делам об административных правонарушениях.
Ключевые слова: административное правонарушение, прокурор, должностное лицо, правовой статус.

Целью осуществляемой прокуратурой деятельности является обеспечение верховенства закона на территории Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР). Основным средством реализации указанной цели является прокурорский надзор,

который позволяет реагировать на установленные факты нарушения действующего законодательства. Одним из важнейших направлений деятельности прокурора является участие в производстве по делам об административных правонарушениях. В переходный период становления законодательства ДНР об административных правонарушениях, представляет теоретическое значение и практическую значимость исследование правового статуса прокурор в производстве по делам об административных правонарушениях, отдельных направлений и вопросов деятельности прокурора в указанной сфере правоотношений. Ориентация ДНР в правовое и политическое пространство РФ требует рассмотрения отдельных вопросов правового статуса прокурора в делах об административных правонарушениях в аспекте сравнительного анализа. Исходя из выделяемых проблем в современной правовой доктрине, а также практике правоприменения, выделяют такие проблемы как необоснованность внесения в постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении аналогичных сведений, что и в протоколе о привлечении к административной ответственности; несоответствие положений ФЗ РФ «О прокуратуре» и КоАП РФ, в части правового регулирования исключительно компетенции и субъектов, в отношении которых прокурор вправе возбудить дело об административных правонарушениях и др. Изучение правовых проблем РФ обосновано в силу вышеуказанной ориентации в правовую действительность РФ, а также в связи с разработкой КоАП ДНР. Необходимость обобщения и дополнения имеющихся теоретических положений определяет актуальность данной работы в условиях становления законодательства и правовой доктрины ДНР.

Разработкой и исследованием теоретических и практических аспектов темы настоящей статьи занималось множество ученых, среди которых следует выделить Бахрах Д.Н., Гречкина О.В., Осинцева Д.В., Гальченко А.И. и др.

Цель настоящего исследования заключается в характеристике правового статуса прокурора в делах об административных правонарушениях.

Большинство представителей современной правовой доктрины отмечают особый статус прокурора в делах об административных правонарушениях. Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть общие положения о правовом статусе прокурора в указанной сфере правоотношений. Так, в соответствии со ст. 250 КУоАП, прокурор вправе как возбуждать производство, так и быть его участником [1].

Осуществляя исследование субъектов производства по делам об административных правонарушениях в правовой действительности Российской Федерации (далее по тексту – РФ), Д.Н. Бахрах подразделял их на следующие группы: 1) органы государственной власти и иные органы власти, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, проводить административное расследование и др. (субъекты властных полномочий); 2) участники производства, имеющие самостоятельный процессуальный интерес; 3) лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, потерпевший, их законные представители; 4) иные субъекты, способствующие установлению обстоятельств совершения административного правонарушения – свидетели, понятые и др. [2, с. 234]

Вполне очевидно, что прокурор, опираясь на данную классификацию относится к субъектам властных полномочий, поскольку сущность его деятельности в делах об административных правонарушениях заключается в реализации государственной политики, публичного интереса. Стоит также указать, что прокуратуре не относится ни к одной из ветвей власти, что определяет специфику участия прокурора в делах об административных правонарушениях. Анализ ст. 250 КУоАП позволяет утверждать, что правовой статус прокурора в исследуемой сфере правоотношений проявляется в его «надпроизводственном» статусе, сущность которого находит реализацию в осуществляемом прокуратурой прокурорском надзоре. Именно прокурорский надзор и

его соотношение с производством по делам об административных правонарушениях составляет предмет исследования множества ученых, которые видят в указанном правовую проблему. Считаем целесообразным отметить позицию Д.В. Осинцева, который при исследовании указанного вопроса в правовой действительности РФ указал, что прокурор, возбуждая дело об административном правонарушении, согласно ст. 25.11 КоАП РФ, занимает процессуальное положение лица, участвующего в производстве по делам об административном правонарушении [3, с. 52]. Несколько иной позиции придерживается О.В. Гречкина, указывая, что прокурор вправе реализовывать в рамках производства по делам об административных правонарушениях надзорные полномочия, закрепленные ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», однако в рамках, установленных административным законодательством [4, с. 55]. Считаем в большей мере, обоснованной и применимой в правовой действительности вторую позицию, поскольку в основе осуществляемой прокурором деятельности лежит прокурорский надзор, а сужение полномочий в делах об административных правонарушениях искажает сущность осуществляемой деятельности прокуратуры. Подобный подход к разрешению данной правовой дискуссии устанавливает гарантии реализации достижения целей прокурорской деятельности, способствует укреплению законности и правопорядка. Следует также обозначить, что в рамках производства по делам об административных правонарушениях, прокурор обладает предметной компетенцией, которая выражается в возможности вынесения постановления о возбуждении дела об административном правонарушении в рамках осуществляемой надзорной деятельности.

В связи с изложенным, необходимо рассмотреть вопрос о соотношении правового статуса прокурора и должностных лиц иных органов власти, которые вправе возбуждать производство по делам об административных правонарушениях, поскольку, как было установлено, прокурор обладает в ДНР крайне широкими процессуальными полномочиями, которые выражаются в возможности совершения множества действий в рамках дела об административных правонарушениях. Анализ положений законодательства об административных правонарушениях ДНР позволяет установить следующие сходства между правовым статусом прокурора и иных органов государственной власти, наделенных полномочиями на возбуждение производства по делам об административных правонарушениях: 1) указанные субъекты уполномочены действующим законодательством возбуждать дела об административных правонарушениях; 2) указанные субъекты уполномочены действующим законодательством проводить административное расследование; 3) имеют властные права и обязанности в рамках дел об административных правонарушениях; 4) данным субъектам предоставлено право обжаловать решение по делу об административном правонарушении, которое ранее было ими же возбуждено и расследовано.

Однако, в силу осуществляемой надзорной деятельности, прокурор обладает особенностями правового статуса, который выражается в следующем: 1) неограниченная компетенция в вопросе возбуждения производства по делу об административном правонарушении; 2) вправе обжаловать любое решение по делу об административном правонарушении, которое не было им возбуждено и расследовано; 3) полномочия прокурора в сфере прокурорского надзора распространяются и на производство по делам об административных правонарушениях, однако в рамках установленных законодательством.

Следовательно, прокурор обладает исключительной компетенцией при рассмотрении сообщений о совершении административного правонарушении. На основании этого, некоторыми теоретиками административного права обосновываются позиции о том, что прокурор в рамках производства по делам об административном правонарушении осуществляет как прокурорский надзор, так и административное

преследование. Так, следует выделить п. 8 ч. 2 ст. 1 Закона ДНР «О прокуратуре», в котором указано, что в полномочия прокурора в исследуемой сфере правоотношений входит возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования. Считаем, что возбуждение дел об административных правонарушениях является исключительно средством осуществления прокурорского надзора, а административное преследование заключается в действиях прокурора по осуществлению обвинения лица, совершившего административное правонарушение. Осуществляя исследование правового статуса прокурора, сущность полномочий прокурора в рамках производства по делам об административных правонарушениях, А.И. Гальченко отмечает, что прокурор может проводить административное расследование только по делам, которые согласно КоАП РФ относятся к его исключительной компетенции [6, с. 23].

Согласно ч. 1 ст. 28.4 КоАП, в которой указано, что прокурор вправе возбудить дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена действующим законодательством РФ [7]. Согласно же ч. 1 ст. 25 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации», прокурор обладает неограниченной компетенцией в вопросах возбуждения дел об административных правонарушениях только в отношении должностных лиц [8].

Согласно же ч. 2 данной нормы указано, что при установлении факта совершения административного правонарушения, постановление прокурора подлежит рассмотрению уполномоченным на то органом или должностным лицом в срок, установленный законодательством РФ. Подобная проблема противоречивости предписаний КУоАП в части регламентации полномочий прокурора о возможности возбуждения дела об административном правонарушении отсутствует. В КУоАП и Законе ДНР «О прокуратуре» отсутствует указание на специальный субъект – должностное лицо, в отношении которого прокурором может осуществляться административное преследование. Следовательно, действующее законодательство ДНР не содержит исключительно компетенции прокурора в аспекте регламентации полномочий при возбуждении дела об административном правонарушении. В РФ же, прокурор, обнаруживший факт совершения лицом административного правонарушения, должен передать административный материал уполномоченному на то органу или должностному лицу, для проведения административного расследования, после чего уже уполномоченным органом принимается решение о привлечении лица к административной ответственности. В отношении должностного лица, совершившего административное правонарушение, прокурор вправе самостоятельно вынести постановление о совершении административного правонарушении. Считаем, что указанная дискуссия и коллизия правовых норм негативно отражается на эффективности правоприменительной деятельности, снижает оперативность восстановления законности после совершения административного правонарушения. С целью разрешения сложившейся проблемы, законодателю в РФ целесообразно привести в соответствие положения Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» и КоАП РФ в части регламентации исключительной компетенции при возбуждении прокурором дела об административном правонарушении.

Сравнительно-правовой анализ положений КУоАП и КоАП РФ требует рассмотрения вопроса о необходимости закрепления в административном законодательстве ДНР нормы, в которой было бы регламентировано содержание постановления прокурора о возбуждении административного производства. В настоящее время, законодательство РФ содержит подобную норму, однако представителями российской правовой доктрины выделяется ряд проблем, связанных с обоснованностью и эффективностью данного предписания. Так, согласно ст. 28.4 КоАП РФ, постановление прокурора о возбуждении дела об административном

правонарушении должно содержать сведения, предусмотренные ст. 28.2 КоАП РФ. Следовательно, постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении должно содержать сведения, аналогичные сведениям, которые должны содержаться в протоколе о совершении административного правонарушения. Так, И.И. Балаклеец отмечает, что нецелесообразно указание идентичных сведений в протоколе о совершении административного правонарушении и постановлении о возбуждении дела об административном правонарушении. Автор, считаем, справедливо обосновывает позицию, согласно которой очевидно различие между правовой природой постановления и протокола о совершении административного правонарушения. Так, протокол направлен на фиксацию обстоятельств совершенного правонарушения и иные сведения, имеющие значения для рассмотрения дела об административном правонарушении.

В свою очередь, постановление прокурора выступает в качестве акта прокурорского реагирования на установленный факт совершения административного правонарушения. Таким образом, постановление представляет собой правовой средство абсолютно иной природы. Из этого следует обоснованный вывод о том, что нецелесообразно внесение в постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении таких сведений, указанный в ст. 28.2 КоАП РФ, как фамилию и адрес свидетелей, потерпевший, объяснение правонарушителя и др. Данные сведения, считаем, должны содержаться в административном материале, в котором находится рассматриваемое постановление. Тем не менее, законодатель в РФ установил равенство между постановлением и протоколом, что на практике может привести к тому, что содержательное несоответствие постановления требованиям ст. 28.2 КоАП РФ может служить основание для его возвращения органом, рассматривающим дело об административном правонарушении. Также считаем, что в КУоАП должен быть установлен перечень сведений, которые должны содержаться в постановлении об административном правонарушении. Реципируя правовой опыт РФ также считаем необходимым опираться на правоприменительный опыт РФ, который указывает, что на практике, постановления прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении содержит не все требования, установленные ст. 28.2 КоАП РФ, что также подтверждается позицией И.И. Балаклеец [9, с. 177].

Таким образом, в настоящем исследовании была проведена характеристика правового статуса прокурора в делах об административных правонарушениях, который обладает широким спектром полномочий, направленных на реализацию общих целей прокурорской деятельности. Был проведен сравнительный анализ правового статуса прокурора и должностного лица органа исполнительной власти в производстве по делам об административных правонарушениях, результатом чего стало установление сходства отдельных аспектов деятельности и определение специфики правового статуса прокурора в данной сфере правоотношений. При исследовании необходимости закрепления в действующем КУоАП нормы, регламентирующей сведения, которые должны содержаться в постановлении прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении, был проведен анализ законодательства РФ по данному вопросу. Так, был рассмотрен вопрос о приверженности законодателя в РФ позиции, согласно которой постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении и протокол об административном правонарушении должны содержать аналогичные сведения. Не соглашаясь с позицией законодателя РФ, ориентируясь на правовую доктрину и практику правоприменения РФ по данному вопросу, предлагаем в будущий КоАП ДНР внести норму следующего содержания:

«1. В постановлении прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого

возбуждено дело об административном правонарушении, место, время совершения и событие административного правонарушения, статья настоящего Кодекса или закона Донецкой Народной Республики, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение, иные сведения, необходимые для разрешения дела.».

Считаем, что указанное предписание позволит разрешить дискуссии, существующие в настоящее время в правовой доктрине, установит четкий перечень сведений, которые должны содержаться в постановлении прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении. Таким образом, в период становления законодательства об административных правонарушениях крайне значимым представляется проведение дальнейших исследований в сфере регламентации правового статуса прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 года № 8073-X (с изм. и доп., внес. ЗУ от 15.04.14 г. № 1207-VII) – Текст: электронный // СПС "ЛігаЗакон". – 2022. – URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KD0005.html (дата обращения: 18.01.2022).
2. Бахрах Д. Н. Административное право: учебник/ Б.В. Российский, Д.Н. Бахрах, Ю.Н. Старилов. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 800 с.
3. Осинцев, Д.В. Прокурор как субъект административного правонарушения/ Д.В. Осинцев// Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4 (12). – С. 49-55
4. Гречкина О.В. Особенности административно-правового статуса прокурора в сфере административной юрисдикции/ О.В. Гречкина, В.И. Ломакин// Полицейское право. – 2005. – № 2 (2). – С. 53-55
5. О прокуратуре Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики № 122-IНС от 15.04.2016 (С изменениями, внесенными Законом от 12.03.2020 № 108-IIНС) – Текст: электронный // Народный Совет Донецкой Народной Республики: официальный сайт. – 2022. – URL: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-9-1-2014-06-02/ (дата обращения: 18.01.2022).
6. Гальченко А.И. Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях // Законность. – 2014. – № 2. – С. 20-25.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – 2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 18.01.2022).
8. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации 17.01.1992 № 2202-1 (С изменениями, внесенными Законом от 1 июля 2021 г.) – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – 2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 18.01.2022).
9. Балаклеец И.И. Актуальные аспекты участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях/ И.И. Балаклеец, М.Б. Цуприк// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 8. – С. 176-180

ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This scientific article is devoted to the study of the legal status of proceedings in cases of administrative offenses. The analysis of the provisions of the legislation of the DPR and the Russian Federation in terms of the legal regulation of the grounds and other features of the initiation of proceedings by the prosecutor in cases of administrative offenses.
Keywords: administrative offense, prosecutor, official, legal status.

Zmievskaya V.
Scientific supervisor: Tsyba E.V., Senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: enklelik@mail.ru

УДК 341.4

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Кавалерс С.А.
Научный руководитель: Поляков В.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства. Детально охарактеризовано международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства в уголовном процессе, которое осуществляется в нескольких формах. Особое внимание уделено экстрадиции как процессуальному действию, которое представляет собой один из наиболее распространённых видов правовой помощи, оказываемой на международном уровне в рамках уголовной юстиции, и является наиболее нормативно урегулированным. При этом, международные акты в данной сфере могут быть как двусторонними, так и многосторонними, в том числе, регулирующими межгосударственное сотрудничество в сфере борьбы с отдельными видами преступлений.
Ключевые слова: сотрудничество государств, правовая помощь, уголовное судопроизводство, преступление.

Актуальность данной темы обусловлена нарастающей необходимостью координации взаимодействия всего мирового сообщества в рамках уголовной юстиции. Необходимость тесного сотрудничества государств на международном уровне в сфере уголовного судопроизводства, в свою очередь, обусловлена происходящими во всех отраслях общественной жизни интеграционными процессами, которые негативным образом отражаются на преступности и количестве совершаемых преступных деяний.

Проблема взаимодействия государств в лице их правоохранительных органов и должностных лиц с иностранными коллегами представляется актуальной ввиду того, что в современном мире противодействие преступности в рамках одного государства оказывает влияние на состояние преступности на международном уровне. Только посредством международного сотрудничества и путём совместных усилий можно сохранить международный мир и безопасность.

Вопросам международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства уделяли внимание такие учёные, как Береславский В. В., Зуйков А. В., Левченко О. В., Лясковец А. В., Макеева Н. В., Мищенко Е. В., Федюнин А. В., Шаталов А. С. и другие. При этом, несмотря на высокий интерес к международному сотрудничеству государств, некоторые вопросы, связанные со сферой межгосударственного взаимодействия органов и должностных лиц, до сих пор остаются недостаточно разработанными на доктринальном уровне.

Целью данного научного исследования является анализ основных направлений международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства

Многовековая история уголовной юстиции свидетельствует о том, что процесс становления и развития международного сотрудничества по уголовным делам происходил в сложных политико-правовых условиях. Развитие данной сферы в период до XX нельзя признать эффективным, причинами чего являлись неразвитость международного права в целом, а также отсутствие средств связи, путей сообщения и другие.

Одной из отправных точек развития по вопросу эволюции международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции можно признать факт создания Организации Объединённых Наций в 1945 году, среди активных участников которой в то время выступал Советский Союз. Следует отметить, что до момента прекращения существования СССР в 1991 году международное сотрудничество по вопросам

уголовного судопроизводства носило эпизодический характер. Так, отсутствовала возможность непосредственного взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с коллегами из иностранных государств. Судьи, прокуроры, следователи не имели возможности обращаться с запросами в компетентные органы и к должностным лицам иностранных государств по находящимся в их производстве уголовным делам и участвовать в оказании международной правовой помощи. Исходя из изложенного, можно прийти к выводу о том, что в советский период международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства нельзя признать достаточно развитым.

Современная преступность по структуре, характеру, динамике развития все чаще приобретает транснациональный характер, что обуславливает сложности в процессе установления справедливости и законности в контексте уголовного судопроизводств одного государства. Данное обстоятельство в совокупности с экономическими, политическими, правовыми, организационно-техническими факторами стимулирует международное сотрудничество в сфере уголовного преследования, приводя к появлению необходимых стандартов взаимодействия органов и должностных лиц с иностранными коллегами из других государств.

Общепризнанные стандарты международного сотрудничества государств в сфере уголовной юстиции имплементируются в национальные правовые акты с целью последующего применения в судебной и следственной практике. Так, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства в российском уголовном процессе осуществляется в нескольких формах [1, с. 128].

Первая форма взаимодействия включает в себя сотрудничество органов и должностных лиц иностранных государств, а также сотрудничество с международными организациями. В рамках ряда процедур процессуального характера по уголовным делам может осуществляться сотрудничество государств в данной сфере. Так, например, правовая помощь может осуществляться в виде направления запроса компетентным органом или должностным лицом о предоставлении такой помощи при необходимости проведения процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. При этом необходимые процессуальные действия на основании международного договора основываются на принципе взаимности.

Вторая форма взаимодействия включает в себя обеспечение неотвратимости уголовного преследования и наказания, а также предполагает социальную реабилитацию осужденных лиц. Такое взаимодействие государств осуществляется посредством выдачи лица для уголовного преследования, в том числе и в целях исполнения приговора. В числе производимых процессуальных процедур можно перечислить следующие: направление запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства; транзитная перевозка выданных лиц; обжалование решения о выдаче лица и судебная проверка его законности и обоснованности; отказ в выдаче лица; отсрочка в выдаче лица и выдача лица на время; передача выдаваемого лица и иные.

Важно отметить, что выдача лиц, нарушивших закон, представляет собой один из наиболее распространённых видов правовой помощи, оказываемых на международном уровне в рамках уголовной юстиции, в том числе является наиболее урегулированной формой сотрудничества государств. Описанное процессуальное действие иными словами именуется экстрадиция. Для экстрадиции как процессуального действия характерны следующие признаки: процесс выдачи как непосредственного действия осуществляется на основании запроса, а также на основании необходимости приведения в исполнение такого запроса; временные рамки экстрадиции могут варьироваться в зависимости от необходимости и осуществляться на весь срок уголовного преследования или исполнения приговора в какой-то его части; процессы глобализации, интеграции, миграции, роста транснациональной преступности в

своевременном мире обуславливают особое значение описываемого уголовно-процессуального действия. В данном случае необходимо акцентировать внимание, что международные акты в данной сфере могут быть как двусторонними, так и многосторонними, в том числе, регулирующими межгосударственное сотрудничество в сфере борьбы с отдельными видами преступлений. При этом по общему правилу применение таких международных актов должно осуществляться с учетом оговорок, текст которых может содержаться в законе о ратификации международного договора.

Третья форма взаимодействия включает в себя передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является. Непосредственная практическая реализация данного положения включает в себя: порядок и основания передачи осужденного; случаи отказа иностранному государству в передаче осужденного к лишению свободы; предварительное рассмотрение ходатайства об отбывании наказания; разрешение судом вопросов, связанных с исполнением приговора суда иностранного государства.

Важно отметить, что данные положения закреплены законодательно на случаи передачи лица в целях отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является. Также международными актами может предусматриваться возможность передачи лица для отбывания наказания в государстве, на территории которого оно постоянно проживает, не являясь при этом его гражданином [2].

Для международных уголовных судебных учреждений особую важность представляют проблемы определения территориальных пределов юрисдикции. Юрисдикция международных судебных органов определяется в учредительных документах соответствующего органа. В свою очередь, внутригосударственные суды осуществляют юрисдикцию в пределах территории государства.

Границы территориальной юрисдикции международных уголовных судебных учреждений в зависимости от характера их определения можно разделить на следующие группы. Так, к первой группе можно отнести Нюрнбергский трибунал, юрисдикция которого распространялась на все преступные деяния подсудимых, совершенных в период Второй мировой войны. При этом конкретное место их совершения не имело значения, потому что сама концепция создания данного органа предполагала, что Трибунал вправе судить и наказывать лиц, виновных в совершении преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Соответственно территория данных государств и представляла собой территориальные пределы, в рамках которых была реализована юрисдикция Трибунала.

В свою очередь, ко второй группе можно отнести Международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде. При этом территориально их юрисдикция ограничивалась территорией данных государств. Однако важно отметить, что сама формулировка «бывшей Югославии» представляется несколько неточной. Данную дефиницию приемлемо применять в средствах массовой информации, в отличие от официальных международных актов. В юридической литературе по данному расхождению бытует мнение, что более обоснованно применение официального наименования государства, на территорию которого распространяется юрисдикция создаваемого органа, а именно Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). В обоснование данного утверждения важно отметить, что именно Социалистическая Федеративная Республика Югославия как государство заключало с соседствующими государствами международные договоры. В соответствии с такими договорами определялись границы государства, а как следствие и территориальные пределы юрисдикции Международного трибунала. При этом непосредственно на момент создания Трибунала существовало государство, имеющее название Союзная Республика Югославия (СРЮ), из состава которого позже отделилась Черногория. Так,

к «бывшей Югославии» можно отнести также Социалистическую Федеративную Республику Югославия и Союзную Республику Югославия. Важно отметить, что рассматриваемая несогласованность употребляемых дефиниций не отразились на деятельности Трибунала, юрисдикция которого распространялась на все шесть бывших союзных республик Югославии, границы которой были четко определены в соответствующих международных соглашениях [3, с. 139].

В отношении Международного трибунала по Руанде важно акцентировать, что пределы юрисдикции распространялись на граждан и на территорию данного государства. Одной из черт, отличающей рассматриваемых Трибуналов является распространение юрисдикции в том числе и на граждан, совершивших преступление и находящихся за пределами территории.

Важно отметить, что к третьей группе можно отнести Международный уголовный суд. При этом юрисдикция распространяется на территории государств-членов данного международного органа. Так, важно охарактеризовать одно из основных отличий Суда как международного органа в рамках уголовной юстиции от иных, уже рассмотренных ранее, учреждений в данной сфере. Суд уполномочен осуществлять уголовное судопроизводство в отношении преступлений, включённых в круг его юрисдикции. Иные же учреждения были созданы для рассмотрения конкретных преступлений в границах определённого государства или нескольких государств. При этом сотрудничество государств с Международным уголовным судом в зависимости от статуса государства (участвующее или не участвующее государство) может носить как обязательный характер, так и необязательный характер [4]. А также, исходя из положений Римского Статута, можно говорить и о предоставлении правовой помощи различного характера во взаимосвязи с не участвующим государством. Так, территориальные пределы юрисдикции Международного уголовного суда совпадают с государственными границами членов Суда. Однако в каждом конкретном случае территориальные пределы юрисдикции Суда могут включать в себя территорию конкретного государства или его части, а также территорию нескольких государств.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы. Основными направлениями международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства являются: сотрудничество органов и должностных лиц иностранных государств, а также сотрудничество с международными организациями; обеспечение неотвратимости уголовного преследования и наказания, а также социальная реабилитация осужденных лиц; передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шаталов А. С. Правовой механизм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – С. 126-149.
2. Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/8312961 (дата обращения: 01.02.2022 г.)
3. Марусин И. С. Проблемы определения временных и территориальных пределов юрисдикции международных уголовных судебных учреждений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – С. 136-149.
4. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 01.02.2022 г.)

INTERNATIONAL COOPERATION OF STATES IN THE FIELD OF CRIMINAL JUSTICE

Annotation. The article deals with the issues of international cooperation of states in the field of criminal justice. The process of formation and development of international cooperation in the field of criminal justice took place in complex political and legal conditions. International cooperation in the field of criminal proceedings in the Russian criminal process, which is carried out in several forms, is described in detail. The attention is focused on

the procedural action, which is one of the most common types of legal assistance provided at the international level within the framework of criminal justice, including the most regulated by law – extradition. At the same time, international acts in this area can be both bilateral and multilateral, including those regulating interstate cooperation in the field of combating certain types of crimes.
Keywords: cooperation of states, legal assistance, criminal proceedings, crime.

Kavalers S.
Scientific adviser: Polyakov V. U., candidate of law, associate professor
Donetsk National University
E-mail: kavalerserger98@gmail.com

УДК 343.852

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Казакова А.А.
Научный руководитель: Манивлец Э.Е., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Дискуссия о мерах пресечения, особенно в виде заключения под стражу, неоднократно поднимались в отечественном научном сообществе. На сегодняшний день проблема пресечения в виде заключения под стражу не утратила своего научного и практического значения. В эпоху современного развития при реализации нормативных правовых актов, которые регламентируют порядок его избрания и выполнения, органы предварительного следствия, прокуратуры и суды сталкиваются с определенными проблемами, собственно, что значит неполноту и несовершенство правового регулирования предствленного института.
Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, права человека и гражданина, презумция невиновности, прокурор.

На сегодняшней стадии формирования уголовно-процессуального права проблема избрания и применения меры пресечения в уголовно-процессуальной науке занимает ведущее место среди ученых-процессуалистов. Несмотря на многочисленные научные исследования правил применения мер пресечения, практическая деятельность играет важную роль в регламентации, редактировании, изменении и установлении правовых норм, уважающих права и свободы человека, играет практическая деятельность [1, с. 93].

Из всех мер уголовно-процессуального пресечения доминирующей является заключение под стражу. Данная точка зрения состоит в том, что применение данной меры связано с серьезным вмешательством в сферу прав личности [2, с. 54].

Ключевыми проблемами меры пресечения в виде заключения под стражу являются:

1) проблема соблюдения прав человека и гражданина при заключении под стражу лица, к которому еще не было предъявлено обвинение;

2) проблема несоответствия положений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу Конституции Донецкой Народной Республики (Далее-Конституция ДНР) и Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (Далее-УПК ДНР);

3) каузальность выбора исключительно данной меры пресечения в отношении лица, а не другой;

4) нарушение принципа презумпции невиновности при назначении меры пресечения.

Рекомендуется рассмотреть эти проблемы более подробно, а также пути их решения.

Относительно проблемы соблюдения прав человека и гражданина при заключении под стражу лица, которому еще не было предъявлено обвинение, то Конституция ДНР, в частности, статья 3 гласит, что свобода человека является высшей ценностью. В свою очередь, ст. 38 Конституции предусматривает, что государство гарантирует защиту свобод человека и гражданина. Однако, согласно положениям ст. 15 Конституции ДНР, судебные органы могут ограничить свободу, избрав меру пресечения в виде заключения под стражей [3].

Следует отметить, что суды фактически не учитывают требования ст. 2 УПК ДНР, определяющие задачи уголовного судопроизводства. В частности, настоящее положение касается не только защиты потерпевших от преступлений, но и защиты лиц, привлеченных к уголовной ответственности, от незаконных и необоснованных обвинений [4].

Несомненно, законом учтен ряд гарантий защиты прав подозреваемых и обвиняемых, в том числе запрет на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу без оснований, которые предусмотрены законом.

Заключение под стражу считается наиболее серьезным сдерживающим фактором, так как оно любым возможным образом ограничивает права граждан на личную свободу и неприкосновенность (ст. 15 Конституции ДНР). Предлагаемые специальные меры направлены на эффективное пресечение противоправной и преступной деятельности и предотвращение новых преступных деяний путем оказания давления на свидетелей и сбора доказательств. Основания и условия ограничения права на свободу и личную неприкосновенность закреплены также в ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [5].

Что же касается УПК ДНР, то данная мера пресечения применяется к подозреваемым (обвиняемым) только в случае ее обоснованности.

Как отмечалось выше, ст. 15 Конституции ДНР устанавливает, собственно, что избрание и продление меры пресечения в виде заключения под стражей вполне вероятно лишь только по решению суда. Данная конституционная норма не совпадает с нормой УПК ДНР, а именно ст. 177, где указано, что мера пресечения в виде заключения под стражу применяется лишь по мотивированному постановлению следователя или органа дознания, которое санкционируется прокурором, или по постановлению судьи, или определению суда.

Если изучить данную проблему с теоретической и практической части, то с теоретической стороны необходимо применять положения Конституции ДНР, так как она имеет высшую юридическую силу и по иерархии законодательства стоит выше, чем иные нормативно-правовые акты ДНР, однако в практической деятельности применяются положения УПК ДНР. В соответствии со ст. 169 УПК ДНР, эта мера пресечения применяется к преступлениям, которые согласно Уголовно-процессуальному кодексу караются лишением свободы на срок более 3 лет. В исключительных вариантах представленная мера пресечения может быть применена по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрена санкция в виде лишения свободы и на срок не свыше трех лет. Назначенная мера пресечения используется в исключительных случаях – лишь только избранием меры пресечения в виде заключения под стражу имеет возможность обеспечение надлежащего поведения обвиняемого/подозреваемого. Беря это во внимание, ключевым условием законности применения данной меры пресечения является существование обоснованного подозрения в совершении преступления.

Согласно ч. 2 ст. 162 УПК ДНР, меры пресечения, в том числе заключение под стражу, могут быть избраны при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый, подсудимый, осужденный:

1) попытается уклониться от следствия и суда или исполнения процессуальных решений,

2) воспрепятствует установлению истины по делу или продолжит преступную деятельность.

Однако, как справедливо отмечают некоторые авторы, категория «при наличии достаточных оснований полагать» и другие являются оценочными, причем «вероятностными». В последующем это влечёт вариативность и непоследовательность в судебной практике избрания меры пресечения в виде заключения под стражу [6, с. 379-380].

На основании ст. 164 УПК ДНР, для принятия решения о применении меры пресечения необходимо учитывать тяжесть преступления, в совершении которого подозревается, обвиняется лицо, его возраст, состояние здоровья, семейное и материальное положение. Необходимо принимать во внимание его состояние, род деятельности, место жительства и другие важные требования.

Обязательно должны быть соблюдены условия применения рассматриваемой меры пресечения наряду с с основаниями. Поэтому, на практике при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должны быть соблюдены следующие специализированные условия:

1. Заключение под стражу назначается в качестве меры пресечения по мотивированному постановлению следователя или органа дознания, санкционированного прокурором, или по постановлению судьи, или определению суда, влекущему уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок более трех лет;

2. Ежели другая мера пресечения не обеспечивает должного участия подозреваемого, обвиняемого в расследовании уголовного дела и производстве по делу, в противном случае более мягкая мера пресечения не может быть применена, избирается заключение под стражу.

По вопросу несоблюдения принципа презумпции невиновности при избрании меры пресечения, то в соответствии с интернациональными общепризнанными нормами: «Ни одно лицо, обвиняемое в совершении преступления, не может быть помещено под стражу до суда, будучи невиновным, пока же его вина не будет доказана, если этого строго не требуют обстоятельства. Вследствие этого, предварительное заключение должно рассматриваться как исключительная мера и никогда не должно применяться по принуждению или использоваться в карательных целях» [7].

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что процессуальные вопросы относительно меры пресечения в виде заключения под стражу актуальны и имеют практическое значение на данном этапе развития уголовно-процессуального права в Донецкой Народной Республике. Непосредственно, если задержание является незаконным и необоснованным, оно серьезно нарушает права и свободы человека и гражданина. Для решения этой проблемы необходимо серьезное правовое решение, так как они касаются фундаментального права человека – права на свободу. Является целесообразным привести в соответствие Конституцию ДНР и УПК ДНР относительно кто имеет право избирать меру пресечения в виде заключения под стражу, и тем самым устранить возникшую коллизию. Следует более подробно изучить причины и условия применения мер пресечения в виде заключения под стражу компетентными органами Донецкой Народной Республики. Соответственно, необходимо принимать во внимание интернациональные общепризнанные нормы относительно презумпции невиновности, в частности, что предварительное заключение должно рассматриваться как исключительная мера и уж точно никогда не использоваться как форма наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашепов, В. П. Гуманизация современного уголовного законодательства: Монография/Кашепов В.П., Кашепов В.П., Гравина А.А. и др. – Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 336 с.

2. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. Монография / Петрухин И.Л. – М.: Проспект, 2009. – 192 с.
3. Конституция Донецкой Народной Республики (с учетом изменений, внесенных Законами от 06.03.2020 года № 106-IIНС) // Сборник законодательных актов Донецкой Народной Республики №1 – Д.: ООО «Компания «Мегаинвест», 2017. – 36 с.
4. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 №ВС 28-1 (с ред. от 01.09.2020 №183-IIНС). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/. – Дата обращения: 26.01.2022. – Загл. с экрана.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [№ 1] (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом N° 4 об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
6. Судебный контроль в уголовном процессе : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И. А. Давыдова, А. В. Ендольцева, Н. Н. Ковтун [и др.]; под ред. Н. А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право,2017. – 847 с.
7. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Я (80) 11 «О заключении под стражу»: [принята представителями министров 27 июня 1980 г.] // Рос. юстиция. – 2002. – № 10.

PROBLEMS OF THE APPLICATION OF A PRECAUTIONAL MEASURE IN THE FORM OF DETENTION IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The discussion about preventive measures, and especially about preventive measures in the form of detention, has repeatedly been raised in domestic science. To date, the problem of suppression in the form of detention has not lost its scientific and practical significance. At the modern turn of development, in the implementation of regulations that regulate the procedure for its election and implementation, the preliminary investigation bodies, prosecutors and courts face certain problems, in fact, which means the incompleteness and imperfection of the legal regulation of the institute.
Keyword: criminal procedural preventive measures, detention, human and civil rights, presumption of innocence, prosecutor.

Kazakova A.
Scientific adviser: Manivlets E.E., Candidate of Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: anastasiakazakova233@gmail.com

УДК 343.35

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

Карпелянская Н.Н.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной статье проанализированы признаки объективной стороны служебного подлога. При квалификации объективной стороны ст. 346 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики выявлены пробелы в уголовном законодательстве. В целях совершенствования действующего уголовного законодательства разработаны предложения по их устранению.
Ключевые слова: служебный подлог, объективная сторона преступления, официальный документ, подлог, подделка.

На сегодняшний день в уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики с целью обеспечения квалификации служебного подлога являются актуальными вопросы правильного установления объективной стороны данного общественно опасного деяния.

Цель настоящей статьи – проанализировать признаки объективной стороны служебного подлога.

Исходя из поставленной цели задачи статьи следующие: рассмотреть объективные признаки служебного подлога, выявить пробелы и предложить пути совершенствования уголовного законодательства.

Объективную сторону служебного подлога образуют признаки, которые характеризуют внешнюю сторону данного общественно опасного деяния. В науке уголовного права под объективной стороной преступления большинство правоведов понимает, совокупность объективных признаков, характеризующих внешнюю сторону общественно опасного деяния, посягающего на охраняемые уголовным законом общественные отношения, и его последствия.

Исходя из формулировки ст. 346 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), служебный подлог может быть совершен путем внесения субъектом преступления в официальные документы ложных сведений и внесение субъектом преступления в официальные документы исправлений, искажающих их действительное содержание [1].

По конструкции объективной стороны ч. 1 ст. 346 УК ДНР является формальной и предусматривает наступление ответственности с момента внесения в официальный документ заведомо ложных сведений либо с момента внесения исправлений, искажающих его действительное содержание. Использование подложного официального документа ч. 1 ст. 346 УК ДНР не охватывает.

В науке уголовного права подлог принято делить на следующие виды:

1. Материальный подлог выражается во внесении в официальный документ исправлений, искажающих его действительное содержание. Исправления в документе представляют собой манипуляции по его переделыванию, преобразованию его значения. Искажение содержания документа может осуществляться путем подчистки и иными способами. Подчистка заключается в уничтожении любыми способами прежних записей или реквизитов в подлинном документе и может сочетаться с их возможной заменой на ложные, например, когда вносятся исправления в накладные, счета путем подчистки, смывания цифр и их замены на другие [2, с. 16];

2. Интеллектуальный подлог выражается во внесении в официальный документ заведомо ложных сведений путем записи в подлинный документ, имеющий признаки и реквизиты настоящего, не соответствующей действительности информации. К данной разновидности подлога относится также пометка документа другой датой, несоответствующей фактической дате составления или выдачи документа, подделка подписи должностного лица. Это деяние может представлять и изготовление полностью поддельного как по форме, так и по содержанию документа [2, с. 18].

Так, можно привести следующий пример, инспекторы отдела по вопросам трудовой миграции, оформления виз и регистрации иностранных граждан В. и А., используя свои служебные полномочия, из корыстных побуждений оформляли иностранным гражданам в нарушение действующего законодательства заведомо фиктивные регистрацию и трудовые патенты, на основании которых последние незаконно пребывали на территории государства, где незаконно работали [3].

Единая позиция по вопросу отнесения к составу служебного подлога действий по изготовлению поддельного документа в науке уголовного права отсутствует. Противники признания такой формы деяния применительно к исследуемому составу преступления считают, что внести ложные сведения можно только в уже составленный, существующий документ, который на момент его искажения имеет статус официального. По их мнению, исходя из лексического содержания употребляемых законодателем терминов и буквального их толкования нельзя признать составление, изготовление и выдачу поддельного документа внесением в официальные документы

заведомо ложных сведений либо внесением в официальные документы исправлений, искажающих их действительное содержание [4, с. 19].

Если проанализировать судебную практику, то представляется верной точка зрения, что ложные сведения могут быть внесены не только в уже составленный документ, но и во вновь создаваемый, поскольку сам процесс подготовки (составления, создания) документа заключается именно во внесении и оформлении сведений.

Например, следователь Б. осужден за служебный подлог: Б. вынес постановление о приостановлении производства по делу в связи с болезнью обвиняемого, заведомо зная, что представлена фиктивная справка о болезни, а затем вынес постановление о прекращении уголовного дела на основании подделанного обвиняемым и переданного ему (Б.) свидетельства о смерти [5].

Необходимо также остановиться на форме деяния служебного подлога. Вопрос заключается в том, можно ли совершить данное преступление только путем действия, либо существует ситуация, когда допускается и бездействие. В доктрине уголовного права этот вопрос решается неоднозначно. Так, по мнению Журавлевой Г.В., подлог представляет собой разновидность обмана, преследует цель ввести обманываемое лицо в заблуждение путем противоправного искажения имеющейся информации [6, с. 91]. Такой обман заключается не только во внесении в носитель информации ложных сведений (активная форма), но и в утаивании обстоятельств, обязательность указания которых установлена законом (пассивная форма). Семенов Р.Б. утверждает, что «подлог документа – это умышленное искажение достоверной информации с целью сокрытия истины путем внесения полностью или частично заведомо ложных сведений в документ либо путем не включения в документ (сокрытия) подлинной информации (умолчание об истине)» [7, с. 22].

Указанными авторами применяется расширительное толкование уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за служебный подлог. Другие ученые не согласны с предложенной выше позицией (Чесноков О.В., Харченко А.Н.) и отмечают, что в тексте диспозиции ч. 1 ст. 346 УК ДНР имеется указание исключительно на общественно опасные действия и не допускается возможность совершения служебного подлога путем бездействия [8, с. 21].

Представляется правильным согласиться с тем, что служебный подлог может быть совершен в форме действия, описанного законодателем как внесение в документ недостоверных сведений. Обязательным условием признания служебным подлогом содеянного должностным лицом или служащим является совершение соответствующих действий по отношению к официальным документам, находящимся в сфере их служебной деятельности. В соответствии с 2 п. 57 Информационного письма Верховного Суда ДНР «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», под внесением в официальные документы заведомо ложных сведений, исправлений, искажающих действительное содержание указанных документов, необходимо понимать отражение и (или) заверение заведомо не соответствующих действительности фактов как в уже существующих официальных документах (подчистка, дописка и др.), так и путём изготовления нового документа, в том числе с использованием бланка соответствующего документа, то есть совершить данные деяния, бездействуя – попросту невозможно [9].

Субъект подлога, имея доступ к официальным документам, печатям, бланкам государственных и муниципальных организаций, использует свои возможности, обусловленные служебным положением. Иначе говоря, служебный подлог непременно связан с теми возможностями, которыми обладает субъект в силу своего служебного положения и, следовательно, предполагает совершения только лишь активных действий.

При решении вопроса об ответственности лица, совершившего служебный подлог, необходимо учитывать степень общественной опасности совершенного деяния, которая может свидетельствовать о малозначительности даже при формальном наличии всех признаков состава данного преступления.

Исследуя норму, предусматривающую ответственность за служебный подлог, необходимо отметить, что недостатком настоящей редакции нормы является отсутствие дифференциации ответственности для должностного лица и государственного служащего, муниципального служащего, не являющихся должностными лицами. Так как объем полномочий данных категорий субъектов разный, несоразмерный друг другу, то и ответственность следует разграничить.

Так, можно привести следующий пример, Белорецкий межрайонный суд Республики Башкортостан признал виновной в совершении служебного подлога Пантелееву, назначенную распоряжением главы администрации управляющей делами населенного пункта. Суд указал, что она была муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, обеспечивая подготовку документов на оформление земельных участков и жилых домов населения, осуществляя регистрацию, учет заявлений [10]. Обратная ситуация, Октябрьский городской суд г. Октябрьский Республики Башкортостан установил, что Галиев, не являясь государственным или муниципальным служащим, в рамках своей компетенции имел право составлять протоколы об административных правонарушениях и налагать административные взыскания за правонарушения, т.е. являлся должностным лицом [11].

Также, если деяние, предусмотренное частью первой данной нормы, повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, т.е. состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 346 УК ДНР, является материальным.

Так, применительно к служебному подлогу речь может идти о нарушении прав человека в сфере общественных отношений – гражданских, трудовых, семейных и т.д. Под интересами граждан понимается реализация конституционных прав и свобод, обеспечение безопасности, интеллектуального развития. Нарушение прав и интересов граждан выражается в лишении, ущемлении, ограничении этих категорий.

Права организации – это обеспеченная законом мера возможного поведения организации, направленного на достижение цели, связанной с удовлетворением ее интересов. Интересы организаций заключаются в их возможности реализовать гражданские и другие права. Для организации существенными последствиями признаются подрыв деловой репутации, платежеспособности, дезорганизация работы и т.д. [2, с. 33]. Следовательно, государственной защите подлежат только законные интересы, т.е. предусмотренные законом, не запрещенные законом.

Относительно признака «существенности» данной нормы, важно отметить, что не следует включать минимальную сумму, превышение которой однозначно свидетельствовало бы о существенности причиненного вреда. Это объясняется тем, что отсутствие жестких критериев, позволит правоприменителю дифференцировать ответственность в зависимости от большего количества условий. Например, размер причиненного ущерба для граждан, организаций и государства должен быть различным, поскольку одна и та же сумма в зависимости от субъекта, которому преступлением причинен вред, влечет за собой разные последствия. Кроме того, установление подобного предела позволит формализовать лишь имущественный вред, но помимо имущественного ущерба, вред, как минимум, причиняется интересам государства или авторитету его органов.

Кроме этого, по мнению Сахибуллина Р.Н. служебный подлог наиболее чаще совершается в соучастии [12, с. 98], а именно имеет место заранее установленная договоренность о совместном совершении преступления, поэтому данное

обстоятельство должно найти отражение в норме о служебном подлоге. Таким образом, в целях совершенствования действующего уголовного законодательства представляется целесообразным в ч. 1 ст. 346 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики провести законодательную дифференциацию уголовной ответственности для должностного лица и не являющихся должностными лицами, государственного и муниципального служащего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донецкая Народная Республика. Законы. Уголовный Кодекс [Текст] / Закон от 19.04.2014 года Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 02.02.2022). – Загл. с экрана.
2. Романова, В. В. Служебный подлог: учебное пособие / В. В. Романова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург. 2017. – 56 с.
3. Дело № 1-142/2015 [Электронный ресурс]: приговор Майкопского городского суда Республики Адыгея от 9июля 2015 года. – Режим доступа: Судебные и нормативные акты РФ: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 02.02.2022). – Загл. с экрана.
4. Щепельков, В. Ф. Официальный документ как предмет подделки / В. Ф. Щепельков, Е. В. Суслина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петер. ун-та МВД России. 2017. – № 4 (50). – С. 18–21
5. Дело № 11-о06-47. [Электронный ресурс]: кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.07.2006 года. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335758/ (дата обращения: 02.02.2022). – Загл. с экрана.
6. Журавлева, Г. В. Уголовная ответственность за служебный подлог: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Журавлева Галина Васильевна. Московский университет МВД РФ. – М., 2006. – 189 с.
7. Семенов, Р. Б. Уголовно-правовая оценка подлога документов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Семенов Руслан Борисович. Моск. гос. юрид. акад. – М., 2006. – 26 с.
8. Чесноков, О. В. Уголовно-правовые аспекты борьбы со служебным подлогом: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / Чесноков Олег Владимирович. Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов н/Д., 2009. 27 с.
9. Информационное письмо Верховного Суда ДНР «О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/infm/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-zakonodatelstva-po (дата обращения: 02.02.2022). – Загл. с экрана.
10. Дело № 372/2017.[Электронный ресурс]: приговор Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан от 05.10.2017 года. – Режим доступа: ГАС РФ «Правосудие»: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 02.02.2022). – Загл. с экрана.
11. Дело № 1-428/2019. [Электронный ресурс]: приговор Октябрьского городского суда г. Октябрьский Республики Башкортостан от 20 декабря 2019 года. – Режим доступа: ГАС РФ «Правосудие»: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 02.02.2022). – Загл. с экрана.
12. Сахибуллин, Р. Н. Объективная сторона и ее содержание в составе служебного подлога / Р. Н. Сахибуллин // Вестник экономики, права и социологии, 2014. – № 1. – С. 96–100.

THE OBJECTIVE SIDE OF THE OFFICIAL FOREIGN

Annotation. This article analyzes the signs of the objective side of the official fraud. When qualifying the objective side of Art. 346 of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic revealed gaps in the criminal legislation. In order to improve the current criminal legislation, proposals for their elimination have been developed.
Keywords: official forgery, objective side of the crime, official document, forgery, forgery.

Karpelyanskaya N.
Scientific adviser: Semykina L.A., Ph. D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: natali.karpelyanskaya@bk.ru

УДК 338.246.025, 338.246.027

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Карпенко О.А.
Научный руководитель: Левченко Л.В., к.э.н., доцент
ГБНОУ СО «Академия для одаренных детей (Наяновой)»

Аннотация. В работе рассматриваются основные перспективные направления, плановые значения и прогнозы интеллектуального и инновационного развития, а также социального развития и распространения и качественных трансформационных изменений под влияем цифровизации. Приводятся сценарные планы развития региона. Подробное внимание уделяется отдельным сферам и направлениям развития*:* развитие цифровизации экономики области, дополнительные системные приоритеты обеспечения экономического роста и повышения конкурентоспособности экономики области, инновационной политики, обеспечение режима максимального благоприятствования развитию предпринимательства, демографического развития, повышения материального благосостояния.
Ключевые слова: стратегия, сценарный план, цифровизация, инновации, инвестиционная активность, софинансирование, венчурный фонд, геомаркетинг.

Самарская область выделяется своим промышленным потенциалом не только среди регионов Поволжья, но и в целом по России. Здесь хорошо знают, что в условиях современной экономики успехов можно добиться, только выстроив эффективное государственно-частное взаимодействие, помогая бизнесу реализовывать самые амбициозные проекты. Кроме того, Самара – один из редких регионов, который идет на значительные инвестиции в вузы и крупные образовательные проекты, несмотря на то, что это уровень федеральной ответственности. На сегодняшний момент важным для развития всей экономики области и планирования деятельности ее отдельных предприятий является проследить основные и значимые перспективные направления, плановые значения и прогнозы интеллектуального и инновационного развития, а также социального развития и распространения и качественных трансформационных изменений под влияем цифровизации [2, с. 3].

Перспективы, прогнозы и ожидаемые результаты развития экономики, а также социальной, культурной и общественной деятельности региона до 2030 года отражены в Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года утверждена постановлением Правительства Самарской области от 12.07.2017 № 441 (в ред. постановления Правительства Самарской области от 17.09.2019 № 643) [8].

Стратегия социально-экономического развития региона – это документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи государственного управления на уровне субъекта Российской Федерации на долгосрочный период [9].

Для жителей регион должен стать территорией комфортного проживания с высоким человеческим потенциалом.

Для бизнеса – территорией с современной производственной инфраструктурой, благоприятным инвестклиматом и развитой информационной средой для генерации и воплощения новых идей. Для жителей регион должен стать территорией комфортного проживания с высоким человеческим потенциалом. Для России регион должен позиционироваться как опорный регион страны в развитии науки, образования и промышленности, значимый центр компетенций в аэрокосмическом секторе и нефтехимии, крупнейший транспортный хаб.

В мировом же масштабе ему отводится роль значимого центра космических исследований и инжиниринга, образовательного центра в области технических наук и ключевого транспортного узла, который соединяет Европу и Азию и уникального центра рекреации и туризма.

По плану сейчас три горизонта развития региона. Первый горизонт – до 2020 года, в рамках которого есть необходимость реструктуризации экономики и создания благоприятных условий для бизнеса. К 2030 году целью является превратить регион в центр промышленных инноваций. Следующая веха – 2025 год, к этому времени регион должен стать ведущим производственным хабом, для этого необходимо сделать упор на разные отрасли и развитие производственных компетенций в этих направлениях. И к 2030 году хотим превратить регион в центр промышленных инноваций.

Многое из того, что было запланировано в предыдущей стратегии, было выполнено, несмотря на то, что она была написана в период, когда мы еще не подошли к кризису 2008 года. И это несмотря на то, что она была написана в период, когда экономика страны активно росла. Например, создание особой экономической зоны промышленно-производственного типа «Тольятти» и технопарка в сфере высоких технологий «Жигулевская долина». Сегодня эти объекты реализованы и входят в тройку лучших в России. Произошло улучшение экономических показателей региона, например, за период с 2006 по 2016 год объем ВРП в сопоставимых ценах вырос на 18,6%, а в текущих ценах – более чем в 3 раза, объем промышленного производства на 9,7% в сопоставимых ценах, объем инвестиций в основной капитал – в 1,7 раза, а реальная заработная плата – в 1,4 раза.

Тогда мы еще не подошли к кризису 2008 года, не переживали 2014 год и трансформации, которые сегодня происходят, в т.ч., сложности с привлечением иностранных инвесторов. Поэтому стратегию пришлось корректировать. Тем не менее, цели, ключевые приоритеты развития региона из предыдущей стратегии мы сохранили и в новом документе. Но в новой стратегии учли разные сценарии развития.

Прежде всего существует 5 сценариев развития региона, которые определялись в зависимости от двух факторов: первый фактор – это конъюнктура мирового рынка энергоносителей, второй – это качество институциональной среды в стране. По этим критериям, соответственно, мы прогнозировали наши варианты.

Безусловно, есть целевой сценарий, и то, к чему нужно стремиться – это лидер промышленных инноваций, и есть базовые сценарии, на случай, если ситуация в макроэкономике будет та, которую мы наблюдаем сегодня. Но даже в оптимистичных сценариях мы сильно не рассчитывали на значительное улучшение макроэкономики.

Базовый сценарий, по которому ВРП в 2030 к 2015 в сопоставимых ценах должен увеличиться в 1,5 раза, а среднегодовой темп роста ВРП в 2016 – 2030 годах в сопоставимых ценах – составить 102,6 %.

Целевой сценарий, по которому ВРП в 2030 к 2015 в сопоставимых ценах должен увеличиться в 1,8 раза, а среднегодовой темп роста ВРП в 2016 – 2030 годах в сопоставимых ценах – составить 104 %.

Сценарий «Лидер промышленных инноваций», по которому ВРП в 2030 к 2015 в сопоставимых ценах должен увеличиться в 2,1 раза, а среднегодовой темп роста ВРП в 2016 – 2030 годах в сопоставимых ценах – составить 105 %.

Сценарий «Борьба за выживание», по которому ВРП в 2030 к 2015 в сопоставимых ценах должен увеличиться в 1,1 раза, а среднегодовой темп роста ВРП в 2016 – 2030 годах в сопоставимых ценах – составить 100,5 %.

Сценарий «Трансформация», по которому ВРП в 2030 к 2015 в сопоставимых ценах должен увеличиться в 1,2 раза, а среднегодовой темп роста ВРП в 2016 – 2030 годах в сопоставимых ценах – составить 101,3 %.

Все сценарии так или иначе предполагают рост ВРП и не учитывают того, что за период пандемии 2020-2021 произошло его снижение и теперь требуется его ускоренный восстановительный рост.

В Стратегии прописаны 3 стратегические цели и задачи социально-экономического развития региона до 2030 года.

Первая цель – обеспечение экономического роста и повышение конкурентоспособности экономики области. Ее задачи: повышение производительности труда, развитие малого и среднего предпринимательства, повышение инвестиционной активности и привлечение новых инвесторов, поддержка экспортно ориентированных предприятий, поддержка инновационной активности и развитие новых перспективных секторов, обеспечение доступа к профессиональным кадрам и финансовым ресурсам.

Ожидаемая продолжительность жизни 2030 г. Должна составить 80 лет (для сравнения в 2016 – 71,1 лет), уровень бедности к 2030 г. – 5,3% (для сравнения в 2016 – 13,6%), реальные располагаемые доходы (2030 г. к 2015 г.) должны вырасти в 1,4 раза.

Доля граждан, систематически занимающихся физкультурой и спортом 2030 г. должна составить 58,6% (2016 – 32%), обеспеченность населения жильем 2030 г. – 33,5 кв. м на чел. (2016 – 25,6 кв. м.)

Вторая цель – улучшение качества жизни населения области. К числу ее задач относятся: создание новых высокопроизводительных рабочих мест, повышение уровня доходов населения, развитие социальной инфраструктуры и создание благоустроенной среды проживания, улучшение экологической ситуации в регионе, развитие Самарско-Тольяттинской агломерации.

Объем ВРП ожидаемо вырастет в 1,8 раз, промышленное производство – в 1,7 раз, производство с/х продукции – в 1,8 раз.

Третья цель – повышение эффективности органов власти Самарской области. Задачи: увеличение доходной базы, сохранение сбалансированности бюджета и повышение эффективности бюджетных расходов, снижение административных барьеров и повышение качества государственных услуг, повышение эффективности институтов развития, обеспечение эффективного взаимодействия с органами местного самоуправления и межмуниципального взаимодействия.

Доля расходов на органы государственной власти от общего объема консолидированного бюджета области в 2030 г. должна составить 1,5% в сопоставимых ценах (для сравнения в 2016 – 2,1%), доля населения, положительно оценивающего деятельность органов исполнительной власти 2030 г. – 60% (в 2016 – 44,2%).

Среди основных стратегических направлений развития Самарской области, в которые входят основные сферы и отрасли социально-экономического развития, выделяются: [5,7]

- Улучшение качества жизни населения Самарской области
- Демографическое развитие
- Образование, здравоохранение, социальная защита
- Культура, физическая культура и спорт
- Повышение материального благосостояния
- Улучшение экологической ситуации, ЖКХ
- Обеспечение экономического роста, повышение конкурентоспособности и развитие цифровизации экономики области
- Развитие приоритетных кластеров (автомобильный, аэрокосмический, нефтехимический, пищевой)
- Развитие новых отраслевых сегментов и высокотехнологичных производств (медицина и фармацевтика, туризм, малотоннажная химия, перспективные высокотехнологичные производства в рамках новых рынков)
- Развитие инфраструктуры (транспорт и логистика, цифровизация)
- Формирование благоприятного инвестиционного климата
- Поддержка малого и среднего бизнеса
- Инновационное развитие

– Дополнительные системные приоритеты
– Внешнеэкономическая и межрегиональная деятельность

Рассмотрим подробнее отдельные сферы и направления развития.

Развитие цифровизации экономики области. К числу ее стратегических направлений относятся:

– Реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в регионе,
– Создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок,
– Внедрение сквозных цифровых технологий и платформенных решений преимущественно на основе отечественных разработок в приоритетных отраслях экономики и социальной сфере,
– Внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления, развития городского хозяйства и оказания государственных услуг,
– Обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики,
– Обеспечение информационной безопасности.

Ожидаемые результаты к 2030 г.: увеличение доли домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, до 97,5%; повышение уровня проникновения сети Интернет в Самарской области до 90%; увеличение количества подготовленных (переподготовленных) IT-специалистов до 7,5 тыс. человек в год.

Указываются *дополнительные системные приоритеты обеспечения экономического роста и повышения конкурентоспособности экономики области*: формирование благоприятной конкурентной среды, повышение производительности труда, развитие импортозамещения. В качестве задач определены: реализация национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в регионе, рост реального сектора экономики, повышение конкурентоспособности экономики, повышение экономической эффективности региональных товаропроизводителей, повышение удовлетворенности потребителей, интеграция региональных производителей в межрегиональные и международные производственные цепочки.

Отметим основные приоритеты реализации *инновационной политики*:

Технопарк «Жигулевская долина» – содействие развитию проектов резидентов.

Инновационный фонд – поддержка проектов на условиях софинансирования со стороны индустриальных партнеров, акселерация стартапов, популяризация технологического предпринимательства.

Региональный центр инноваций – содействие предпринимателям в получении федеральных и региональных инструментов поддержки.

Региональный центр инжиниринга ГАУ «ЦИК СО» – оказание услуг СМСП в сфере инновационной деятельности.

Венчурный фонд Самарской области – поддержка компаний с потенциалом быстрого роста, расширение портфеля проектов.

Отметим также основные направления инвестиционной стратегии развития Самарской области.

Институты развития – трансформация инвестиционных институтов развития, в том числе создание дома предпринимателя/инвестор.

Брендинг региона – продвижение региона и развитие бренда Самарской области.

Геомаркетинг – анализ инвестиционных ниш региона и определение дополнительных направлений инвестирования.

Инфраструктура – создание новых и развитие инвестиционных площадок.

Деловой климат – снижение административных барьеров для бизнеса.

Меры поддержки – совершенствование государственной поддержки: трансформация института кураторства; оптимизация налоговых льгот; внедрение эффективного субсидирования; развитие государственно-частного партнерства; поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства.

Цифровизация инвестиционной экосистемы перевод всех государственных услуг в электронный вид; бесшовный документооборот.

Всего в Стратегии социально-экономического развития Самарской области 62 стратегических проекта. [8,9]

Обеспечение режима максимального благоприятствования развитию предпринимательства

Целью является развитие малого и среднего бизнеса в целях обеспечения конкурентных преимуществ региональной экономики. В качестве задач отметим: повышение эффективности инфраструктуры поддержки, формирование рыночных ниш для бизнеса, повышение производительности труда, развитие кооперации, развитие системы поставщиков, стимулирование технологического развития, укрепление кадрового потенциала малых и средних предприятий, улучшение доступности финансирования, пропаганда и популяризация предпринимательской деятельности, вовлечение молодежи, снижение административных барьеров, налоговое регулирование, совершенствование системы поддержки.

Стратегические направления: реализация национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в регионе, создание благоприятных условий, стимулирующих граждан к осуществлению самостоятельной предпринимательской деятельности, приоритетная поддержка деятельности МСП сферы производства, социальной сферы, предоставления услуг, создание комфортных условий деятельности субъектов малого бизнеса.

Ожидается увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая ИП, до 550 тыс. человек в 2030 году.

Далее отметим основные задачи *демографического развития*: реализация проектов «Демография», «Здравоохранение», повышение уровня рождаемости и улучшение благосостояния семей, сокращение уровня смертности и улучшение здоровья населения, сохранение здоровья граждан и повышение качества их жизни, повышение миграционной привлекательности области.

Прогноз численности населения Самарской области до 2030 года, тыс. чел. (целевой сценарий) 3 119,1 тыс. чел. по сравнению с 2015 – 3 209,1 тыс. чел. (табл. 1).

Таблица 1

Изменение возрастной структуры населения, в % от общей численности

Показатели, %	**2018**	**2030**
моложе трудоспособного	17,4	14
в трудоспособном возрасте	55,2	61,2
старше трудоспособного	27,4	24,8

Ожидаемая продолжительность жизни населения к 2030 – 80 лет по сравнению с 2018 – 72,31 лет.

Теперь укажем стратегические направления *повышения материального благосостояния*: реализация национальных проектов на территории Самарской области, формирование на территории региона массового среднего класса, создание новых высококвалифицированных рабочих мест, рост производительности труда, развитие профессионального образования всех уровней, повышение экономической активности за счет малого бизнеса, развитие торговой инфраструктуры, создание

условий для обеспечения населения качественными услугами, создание эффективной системы социальной поддержки, доведение обеспеченности жильем населения и его комфортности до стандартов европейских стран.

К 2030 году ожидается повышение уровня реальных располагаемых доходов населения в 1,4 раза (к 2015 году), реальной заработной платы – в 1,6 раза; сокращение численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (абсолютная бедность) до 5,3%; сокращение численности населения с уровнем доходов, не превышающим 40% среднего дохода по региону (относительная бедность), до уровня стран Европейского Союза – 12-13%; повышение уровня развития человеческого потенциала. Подробно прописаны цели, стратегические направления и ожидаемые результаты развития основных сфер жизнедеятельности общества: образования, здравоохранения, культуры и спорта, социальной сферы, институтов гражданского общества, развития экологии, территориально-пространственное совершенствование.

В соответствии с Распоряжением Губернатора Самарской области от 30.12.2021 № 417-р «Об утверждении Перечня товарных рынков для содействия развитию конкуренции в Самарской области, Плана мероприятий («дорожной карты») по содействию развитию конкуренции в Самарской области на 2022–2025 годы и признании утратившими силу отдельных распоряжений Губернатора Самарской области» предусмотрено создание институциональной среды, способствующей внедрению инноваций и увеличению возможности хозяйствующих субъектов по внедрению новых технологических решений, которое предполагает формирование и ведение перечня инновационной, высокотехнологичной продукции и технологий Самарской области в целях стимулирования спроса на инновационную, высокотехнологичную продукцию и технологии, производимые на территории области.

Постановлением Правительства Самарской области от 23.08.2021 № 607 «Об утверждении порядка определения объема и условий предоставления субсидий государственному автономному учреждению Самарской области «Центр инновационного развития и кластерных инициатив» предусмотрены субсидии на организацию и проведение мероприятий в сфере развития инноваций (выставок, конференций, семинаров, переговоров, совещаний, форумов, конкурсов, смотров) в соответствии с абзацем вторым пункта 1 статьи 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации». Субсидия предоставляется учреждению в целях финансового обеспечения и (или) возмещения понесенных в текущем финансовом году расходов на организацию и проведение мероприятий в сфере развития инноваций (выставок, конференций, семинаров, переговоров, совещаний, форумов, конкурсов, смотров) по следующим направлениям:

– организация мероприятий в сфере развития инноваций (выставок, конференций, семинаров, переговоров, совещаний, форумов, конкурсов, смотров), проводимых учреждением, в том числе с его участием;

– организация участия резидентов технопарков, участников кластеров, субъектов инновационной деятельности в мероприятиях в сфере развития инноваций (выставках, конференциях, переговорах, совещаниях, форумах, конкурсах, смотрах), проводимых иными организаторами.

Таким образом, к 2030 году по результатам реализации Стратегии ожидается, что Самарская область должна стать крупнейшим промышленным регионом России, территорией комфортного проживания с высоким человеческим потенциалом, крупнейшим центром космических исследований, ключевым транспортным узлом, соединяющим Европу и Азию, регионом с современной производственной, транспортной и социальной инфраструктурой, одним из наиболее привлекательных субъектов РФ для инвестирования и создания новых бизнесов, а также уникальным центром рекреации и опорным регионом России в развитии науки, образования.

В основе действий Правительства Самарской области лежит серьезный анализ. При разработке Стратегии развития Самарской области до 2030 организовали большое количество стратегических сессий – по каждому отраслевому направлению, инфраструктуре, социальному блоку, провели большой объем исследований и опросов населения и предпринимателей.

В Самарской области активно развивается дуальное образование. Это же важно, когда предприятия не просто берут человека, которого выпустил колледж или университет, а участвуют в этом процессе с самого начала. Уже сейчас в этой работе участвуют 28 образовательных организаций и 100 предприятий. Важно, когда предприятия не просто берут человека, которого выпустил колледж или университет, а участвуют в процессе обучения Сейчас запущен проект с Агентством стратегических инициатив по региональному стандарту кадрового обеспечения промышленного роста. В него вовлечено около десятка компаний, в первую очередь, занимающихся авиационным и космическим машиностроением.

Сейчас Правительством области сделан прогноз кадровых потребностей экономики до 2022 года. Глобальная цель – прийти к тому, чтобы помочь каждому школьнику прорисовать его будущую профессиональную траекторию на 10-15 лет.

Для этого промышленные предприятия, которые составляют костяк экономики, уже сегодня начинают формулировать свои требования к ребятам, которые должны к ним прийти через 5-10 лет. Это сложно, ведь не у каждого предприятия своя стратегия прописана, они сами не до конца понимают, что будет с их отраслями через 10-20 лет.

Наряду с этим уже третий год действует программа для молодежи «Ты – предприниматель». За 3 года свыше 2000 молодых людей прошли обучение по основам бизнеса. В результате, например, за два последних года в Самарской области появилось более 200 новых компаний, каждая из которых создала новые рабочие места, а регион стал четвертым в России по показателям среди 60 регионов, реализующих федеральную программу «Ты – предприниматель».

Проводится 150-200 мероприятий для молодежи в год по линии инноваций и высокотехнологичного предпринимательства. Это разные программы, в результате которых человеку или команде помогают найти идею, упаковать ее в проект, собрать команду, сделать обоснование, краш-тесты идеи и так далее, до привлечения финансирования проекта – грантового либо венчурного.

Это всё требует построения хорошего взаимодействия между государством, бизнесом и наукой. Правительство региона активно продвигает интересы самарских университетов, их проекты среди бизнеса и промышленных предприятий, которые работают на территории региона. Также стремимся развивать недостающие компетенции самарских университетов, реализуя совместные образовательные программы с ведущими университетами Москвы и Санкт-Петербурга.

Ориентируясь на будущее, Правительство Самарской области реализует стратегический проект создания научно-образовательного и технико-внедренческого комплекса «Гагарин-центр» и проект по созданию национального инжинирингового центра в Тольятти. Для нас это – удержание молодежи, поддержка конкурентоспособности наших предприятий, это прорывные продукты и технологии, которые должны появиться.

В Самарской области сформирована следующая инфраструктура поддержки предпринимательства: фонд «Региональный центр поддержки предпринимательства Самарской области», Информационно-консалтинговое агентство Самарской области, Гарантийный фонд Самарской области, Инновационный фонд Самарской области. В том числе Правительством региона сформирована серьезная финансовая программа – она с 2009 года ежегодно составляла от 500 до 700 миллионов рублей. Это большая программа поддержки, которая позволяла поддерживать в том числе и начинающих

предпринимателей, которые только создают бизнес. В итоге количество предпринимателей растет, за первое полугодие текущего года рост составил 6,4%.

Правительство области поддерживает малый бизнес через разные инструменты. Были в том числе реализованы отдельные муниципальные программы в зависимости от того, что наиболее актуально в конкретном муниципалитете. Активно поддерживается развитие малого бизнеса в моногороде Тольятти.

При создании новых производств или привлечении инвесторов проводится анализ межотраслевых балансов. И если, например, внутри региона есть сырьевые потоки, то значит есть возможность организовать новое производство. Или если где-то есть большой спрос, начинается работа по выводу нашей продукции на экспортные рынки. Таким образом Правительство помогает нашим компаниям открывать новые ниши.

Другой пример в части создания новых компетенций: после анализа возможностей поставщиков автокомпонентов увидели, что у большинства нет собственного инжиниринга для разработки новых компонентов, и им надо заказывать где-то дорогостоящие услуги. Поэтому создали региональный центр инжиниринга, который помогает сегодня нашим поставщикам получить компетентные услуги либо бесплатно, либо с минимальным софинансированием. Речь идет про цифровое проектирование, прототипирование, высокоточные измерения и обратный инжиниринг, цифровые и инструментальные испытания до выпуска опытного образца и сопровождения подготовки производства.

В регионе работает постоянно действующая совместная группа с Федеральной корпорацией по развитию малого и среднего предпринимательства. Работает постоянно действующая совместная группа с Федеральной корпорацией по развитию малого и среднего предпринимательства, где мы вместе рассматриваем все проекты. Одновременно, в рамках работы совместной группы, эти проекты рассматривают банки.

В результате этой работы Правительство Самарской области помогает предпринимателям быстрее пройти путь до получения кредита от крупного банка.

Кроме того, в регионе создана система консультирования предпринимателей. Это вопросы обучения по разным направлениям, таким, как бухучет или правовые, юридические вопросы. В регионе создана система консультирования предпринимателей: от выбора формы налогообложения до организационно-правовых форм. Работает горячая линия, на которую любой предприниматель может позвонить, и сотрудники Информационно-консалтингового агентства сопровождают его на протяжении всей проверки – что можно говорить, какие документы нужно давать, какие не надо. В муниципалитетах проводятся семинары, когда меняется законодательство, учим предпринимателей как правильно ориентироваться в новых законах.

Выживаемость поддержанного грантами нового бизнеса через три года составляет от 60% до 70%. Только каждый четвертый выигрывал конкурс и создавал предприятие. Выживаемость поддержанного финансами бизнеса через три года составляет от 60% до 70%. Что касается консультирования, то ежемесячно сайты инфраструктуры посещает до 50 тысяч предпринимателей, было и до 70 тысяч. При том, что их общая численность около 130 тысяч. В итоге Правительству Самарской области удалось предложить форму поддержки для предпринимателей, которые находятся на разных этапах своего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова В.Ю. Направления развития инновационного потенциала Самарской области // Промышленная политика: глобализация, инновации, устойчивость. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Под общ. ред. Н.М. Тюкавкина. 2018. С. 6-14

2. Карпенко О.А. Развитие интеллектуального иинновационного капитала в современной экономике Самарской области // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2021. № 21. С. 37-43.
3. Карпенко О.А. Развитие социальных инновационных проектов Самарской области // Актуальные проблемы экономики, учета, аудита и анализа в современных условиях. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Научное издание. Курск, 2021. С. 41-45.
4. Кемайкин П.В. Перспективы развития социально-экономической политики самарской области // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 213 – 216
5. Научно-инновационный потенциал. Правительство Самарской области Режим доступа: https://www.samregion.ru/economy/inn_potencial/
6. Подборнова Е.С. Характеристика инновационной деятельности Самарской области // Вестник Самарского университета. 2019 Том 1. № 1. С. 43-47
7. Самара: промышленная, научная, инновационная Режим доступа: http://2035.media/2018/04/13/samara/
8. Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года утверждена постановлением Правительства Самарской области от 12.07.2017 № 441 – Доступ из справ. – правовой системы «Консультантплюс»
9. Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области Режим доступа: https://economy.samregion.ru/programmy/strategy_programm/proekt_strateg/
10. Тюкавкин Н.М., Подборнова Е.С., Калиниченко М.В. Особенности нновационного развития промышленного комплекса Самарской области // Инновационная деятельность. 2018. № 1 (44). С. 35 – 41

MODERN ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SAMARA REGION

Annotation. The paper considers the main promising directions, planned values and forecasts of intellectual and innovative development, as well as social development and the spread and qualitative transformational changes under the influence of digitalization. Scenario plans for the development of the region are given. Detailed attention is paid to certain areas and directions of development: the development of digitalization of the regional economy, additional systemic priorities for ensuring economic growth and increasing the competitiveness of the regional economy, innovation policy, ensuring the regime of maximum favorability for the development of entrepreneurship, demographic development, improving material well-being.
Keywords: strategy, scenario plan, digitalization, innovation, investment activity, co-financing, venture fund, geomarketing.

Karpenko O.
Scientific adviser: Levchenko L.V. Ph.D., Candidate of Economics, docent
GBNOU SO «Academy for Gifted Children (Nayanova)»
E-mail: Olga180008@yandex.ru

УДК 331.5-053.6

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Квачева К.И.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе раскрываются актуальные проблемы брачного договора, а также способы их решения. Выявлены причины заключения брачных договоров и их последствия. Проводится анализ действующего законодательства, затрагивающего вопросы о брачном договоре.
*Ключевые слова: б*рак, брачный договор, Семейный кодекс, сожительство.

В наши дни всё более актуальным становится вопрос о заключении брачного договора. С чем же это связано? И какие трудности могут возникнуть при заключении брачного договора?

Прежде чем разобраться с понятием брачного договора, определим, что такое брак? Брак – это юридически значимый союз лиц разного пола (мужчины и женщины),

заключенный с целью создания семьи [1, с.52]. Особенностью брака является его регистрация в органах ЗАГС, с момента заключения супруги обретают права и обязанности, которые предусмотрены Семейным правом. Если же данная регистрация отсутствует, то, такой «брак» называют сожительством. В сожительстве при необходимости нельзя прибегнуть к нормам Семейного права. В связи с этим возникают вопросы при разделе совместно нажитого имущества, вопросы наследственного характера и другие значимые вопросы.

Чтобы не возникало таких вопросов супруги всё чаще прибегают к брачному договору. Что же такое брачный договор? Согласно статье 40 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), Брачный договор – это соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения [2]. В статье 41 СК РФ говорится о том, что брачный договор, который был заключен до момента государственной регистрации брака, вступает в силу с даты такой регистрации.

Что касаемо законодательства ДНР, то в Семейном кодексе ДНР (далее – СК ДНР), также дается понятие брачного договора (ст.40 СК ДНР), также закрепляется содержание брачного договора, изменение и расторжение договора, и признание такового договора недействительным.

Российская правовая система, а также граждане РФ, поначалу не воспринимали институт брачного договора. Будущие супруги, считали, что заключение данного договора является лишь недоверием и сомнением в искренности чувств друг к другу. Однако, со временем брачный договор набрал свою популярность, что связано с социальным обеспечением одного из супругов.

Заключенный супругами брачный договор представляет собой одну из разновидностей гражданско-правового договора, обладающую определенной спецификой. Его особенностями являются: особый субъективный состав, содержание и предмет договора. При этом брачный договор должен соответствовать основным требованиям, предъявляемым к гражданско-правовым сделкам как по форме заключения, так и по содержанию и свободе волеизъявления сторон [3].

Брачный договор имеет как положительные, так и отрицательные стороны, однако, положительных гораздо меньше, чем отрицательных. К положительным можно отнести то, что данный договор позволяет избежать множество проблем между супругами при разногласиях, которые возникают при разводе. Например, деление имущества, которое будет прописано в брачном договоре, в случае его заключения.

Что касается отрицательной стороны договора, то вопросов возникает намного больше. С данным вопросом следует детально разобраться.

Первый часто задаваемый вопрос – кого следует понимать под лицами, заключающих брачный договор? Следует вернуться к статье 40 СК РФ, в которой указано кто и между кем заключается договор, то есть между супругами и лицами вступающих в брак. Иные субъекты семейного права, кроме лиц, вступающих в брак, не могут выступать сторонами брачного договора. Таким образом, сразу получаем ответ на вопрос, что сожительство не является поводом для заключения брачного договора.

Следующий проблемный вопрос, который может возникнуть – обеспечение гарантий прав кредитора. Кредитор (кредиторы) наделены правом изменять брачный договор. Однако, согласно статье 46 СК РФ, супруг обязан уведомить об изменениях. Если данная обязанность не будет выполнена, то супруг будет нести ответственность по своим обязательствам независимо от условий брачного договора. Таким образом, один из супругов может изменить брачный договор только в том случае, если он уведомит другого супруга.

Третий, не менее важный вопрос – отсутствие заключения брачного договора, то есть необходимость его регистрации. В брачном договоре указывается недвижимое

имущество, что противоречит Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК РФ). Согласно статье 164 часть 1 ГК РФ, сделки с недвижимостью подлежат государственной регистрации [4]. Данная ситуация добавляет затруднения к брачному договору и нерешенность конкретного вопроса.

Четвёртый вопрос – невозможность урегулирования вопроса о личных отношениях супругов или обеспечение интересов детей, в отличие от практики зарубежных стран. Наиболее лучшим способом решения этих вопросов является включение их в брачный договор, что позволит избежать в дальнейшем решение этих вопросов через суд.

Следующий момент. Проанализировав СК РФ и ГК РФ, ни в одном из них не указывается возраст для заключения брачного договора. Исходя из норм СК, брак могут заключить лица, достигшее брачного возраста, то есть 18 лет. Однако, если есть уважительная причина, то по просьбе лиц местное самоуправление вправе разрешить вступить в брак в возрасте 16 лет. Порядок и условия заключения брака с 16 лет, в виде исключения, устанавливаются законами субъектов РФ (согласно статье 13 СК РФ). Такое же можно встретить и в законодательстве ДНР, однако вопрос о порядке и условие заключения брака с 16 лет, решается органами местного самоуправления по месту жительства лиц (ст.13 СК ДНР).

Также следует отметить, что в ст. 13 СК ДНР, в отличие от СК РФ, дается перечень уважительных причин для вступления в брак с 16 лет, к ним отнесли:

- рождение ребенка;
- беременность;
- непосредственная угроза жизни одной из сторон.

И последний немало важный вопрос, который может возникнуть – прекращение брачного договора. Договор может быть расторгнут либо по взаимному согласию одного из супругов, удостоверенному у нотариуса, либо в судебном порядке. В случае взаимного согласия, считается расторгнут с момента заключения соглашения, если иное не предусмотрено в договоре. В судебном порядке расторгнут с момента вступления решения суда в силу.

Что касается прав супругов по поводу брачного договора, то они вправе:

1. Изменять статус имущества, касаемо имеющегося имущества и имущества нажитого/приобретенного в будущем;
2. Определять свои имущественные права и обязанности;
3. Изменять или расторгать по обоюдному согласию, если иное не предусмотрено в законе.

В брачном договоре супруги не имеют право:

1. Ограничивать правоспособность и дееспособность супругов;
2. Ограничивать права на обращение в суд и иные органы государственной власти за защитой своих прав и интересов;
3. Регулировать права и обязанности, касающихся несовершеннолетних детей;
4. Ограничивать права нетрудоспособного нуждающегося супруга на содержание.

Также следует обратиться к судебной практике для того, чтобы понять нужен ли брачный договор или нет. К примеру, решением Мытищинского городского суда Московской обл. от 05.11.2020г. гражданка Т. обратилась в суд с иском к гражданину ФИО4 о признании утратившим право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета по адресу. Также было указано, что гражданка Т. является собственником квартиры, расположенной по адресу, на основании брачного договора от, что подтверждается записью регистрации. На основании этого суд решил исковые требования гражданки Т. удовлетворить. Исходя из этого наглядно видно, как брачный договор облегчает задачу как для суда, так и для граждан. А если бы не было брачного

договора, удовлетворил бы суд исковое требование? Конечно нет, однако на основании других юридических фактов, по решению суда, требования были бы удовлетворены.

Приведем другой пример, где брачный договор не был заключен. решением Люберецкого городского суда Московской обл. от 14.10.2020 г. гражданка М. обратилась в суд с иском к гражданину А. о разделе совместно нажитого имущества, признании права собственности на жилое помещение, взыскании компенсации, мотивируя свои требования тем, что между М и А был зарегистрирован брак во Дворце бракосочетания. За время брака сторонами нажито совместное имущество. Брачный договор между истцом и ответчиком не заключался. На основании этого суд решил исковые требования удовлетворить. Произвести раздел совместно нажитого имущества между гражданкой М. и гражданином А. В этом примере наглядно видно, что если бы между супругами был заключен брачный договор, в котором бы указывалось имущество, которое подлежит делению в случае развода было бы намного легче. Это связано с тем, что после развода одна часть имущества автоматически переходила одному супругу, а другая – другому (при заключении брачного договора)

Таким образом, несмотря на огромное количество неурегулированных вопросов, брачный договор поможет избежать множество спорных вопросов, которые могут возникнуть между супругами. Заключение брачного договора наиболее выгоден для супруга, который в наиболее лучшем имущественном положении, ведь в случае развода, согласно семейному законодательству, всё имущество будет поделено между супругами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 32. – 05.12.1994. – Ст.3301
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – N 1. – 01.01.1996. – Ст.16
3. Семейный Кодекс Донецкой Народной Республики № 172-IIНС от 17.07.2020 г., действующая редакция по состоянию на 28.12.2021 г. // Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-semejnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/. – Дата обращения: 20.12.2021. – (загл. с экрана)
4. Бакуменко, А.А. Брачный договор: теоретические аспекты / А. А. Бакуменко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2010. - №4 - С. 82-87.
5. Нечаева А.М. Семейное право // учебное пособие для бакалавров 5 издание. - 2012. – С. 77-78.
6. Решение № 2-4644/2020 от 05 ноября 2020 г. Режим доступа: интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) https://sudact.ru/. – Дата обращения: 1.11.2021. – Загл. с экрана.
7. Решение № 2-6832/2020 от 14 октября 2020 г. Режим доступа: интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) https://sudact.ru/. – Дата обращения: 1.11.2021. – Загл. с экрана.

PRENUPTIAL AGREEMENT: CURRENT PROBLEMS

Annotation. This paper reveals the actual problems of the marriage contract, as well as ways to solve them. The reasons for the conclusion of marriage contracts and their consequences are revealed. The analysis of the current legislation on the marriage contract is carried out.
Keywords: marriage, prenuptial agreement, family code, cohabitation.

Kvacheva K.
Scientific advicer: Kharzevskaya T.S. senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: kvachyova.carinka@yandex.ua

УДК 340

ВСТУПЛЕНИЕ В ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНУ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Квачева К.И.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе раскрываются актуальные вопросы, которые могут возникнуть во время вступления в право наследования по закону первой линии родства. Выявлены причины возникновения этих проблем, а также способы решения этих вопросов. Проводится анализ действующего законодательства, затрагивающего вопросы о праве наследования по закону.
Ключевые слова: наследование, наследство, наследодатель, наследник, первая линия родства.

Наследственное право защищает собственность физических лиц, стимулирует их материальную заинтересованность в результатах работы, наконец, укрепляет семейные отношения, поскольку закон относит к наследникам лиц, связанных с наследодателем кровным происхождением, брачными отношениями, усыновлением. Нормами наследственного права предусмотрена защита прав несовершеннолетних, а также нетрудоспособных лиц. Наследование – это правоотношения, в которых имеются две стороны: наследодатель и наследник.

С порядком вступления в право наследования может столкнуться абсолютно каждый человек. Законодательство ДНР предусматривает 3 вида вступления в право наследования: по завещанию, по наследственному договору и по закону. В данной работе будет раскрыто право наследования по закону первой линии родства. А также какие проблемы могут возникнуть в период вступления в право наследования.

Для начала следует разобраться с понятием наследования. Законодательство не даёт точного понятия наследования, однако в учебной литературе можно найти данное понятие. Наследование – переход имущества и имущественных прав и обязанностей умершего лица (наследодателя) к живым лицам (наследникам) в порядке универсального правопреемства в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент [1]. Гражданский кодекс ДНР (далее – ГК ДНР) определяет очереди наследования, которые закреплены в ст.1272-1275 ГК ДНР [2].

В ст. 1272 ГК ДНР закрепляются наследники первой очереди наследования по закону, к ним относятся: дети, супруг и родители, а также отмечается, что внуки наследодателя и их потомки наследуют по праву представления.

Порядок вступления по закону вступает в силу тогда, когда:

1. Наследодатель не оставил завещания или его завещание признано недействительным.
2. Завещание касается только части имущества либо завещание признано частично недействительным. Часть наследственной массы, не распределенная согласно завещанию, наследуется по закону.
3. Если наследник по завещанию умер ранее открытия наследства либо отказался от наследства.

Первое, из часто задаваемых вопросов, это когда открывается наследство, а также время его принятия. В данном вопросе, следует соблюдать временные рамки, которые предусмотрены ГК ДНР. Согласно ст. 1284 п.1 ГК ДНР – наследство принимается в течение 6 месяцев со дня открытия наследства. А день открытия наследства – день смерти лица. Из этого следует, что, в право наследования нужно вступить в течение 6 месяцев со дня смерти лица, иначе имущество будет признано выморочным. Имущество считается выморочным если отсутствуют наследники как по закону, так и

по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника (ст. 1280 ГК ДНР). Такое наследство переходит во владение государства либо муниципальных образований.

Второй вопрос, который может возникнуть, что делать если не удалось принять наследство в течение этих 6 месяцев? В случае если этот срок был пропущен, суд может восстановить этот срок и признать наследника принявшим наследство. Однако для этого должны быть уважительные причины, к примеру наследник не знал об открытии наследства, либо по другим уважительным причинам. Следует также отметить, что наследник, пропустивший срок, обратился в суд в течение 6 месяцев после того, как причины пропуска этого срока миновали. Из этого следует, что основания не своевременного принятия права на наследование следует доказать через суд.

К третьему вопросу можно отнести, что подразумевает фактическое вступление во владение. Что же это значит? Данное понятие можно рассмотреть на примере. Пожилой мужчина проживал в квартире вместе со своими совершеннолетними детьми. Он умирает, завещание им не было составлено, значит будет происходить наследование по закону. Его дети наследники первой очереди, однако в право наследования они не вступили, но они проживали в этой квартире и плачивали все счета. Из этого следует, что, если наследники пропустили 6-ти месячный срок, но они фактически приняли его, то они вправе обратиться в суд для признания их права на наследование имущества.

Четвертый вопрос – деление наследства. Согласно ст.1271 п.2 ГК ДНР – наследники одной очереди наследуют в равных долях, за исключением наследников, наследующих по праву представления. К примеру, в избежание спорных вопросов о делении наследодатель может составить завещание или договор дарения, но и в этом случае может возникнуть спор, т.к. завещание и договор дарения можно оспорить в суде. Также следует отметить, что наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников предшествующей очереди.

Пятый вопрос – куда «уходят» долги наследодателя. Долги никуда не деваются. Согласно ст. 1305 ГК ДНР – в случае если наследники приняли наследство они отвечают по долгам наследодателя солидарно. Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Ещё один вопрос, который может возникнуть, это порядок наследования внебрачных детей. Как было указано ранее дети относятся к первой очереди наследования. Однако следует отметить, что если дети не записаны в документах у наследодателя, то это затрудняет задачу. Для начала следует доказать родство, чтобы претендовать на наследство. Это можно сделать при помощи теста ДНК с ближайшим кровным родственником наследодателя [3].

Немаловажным остаётся вопрос, если родители лишены родительских прав. Если один из родителей или оба были лишены родительских прав, у детей всё равно остается право на наследование в первой очереди.

Принятие наследства или отказ от него производятся у нотариуса по месту открытия наследства. Само заявление о принятии наследства или об отказе от него должно быть в письменной форме. Там же принимаются претензии от кредиторов наследодателя. Претензии должны быть предъявлены в письменной форме.

Несовершенство механизма правового регулирования деятельности субъектов наследственных правоотношений во временном отрезке между открытием наследства и удостоверением наследственных прав, иногда приводит к тому, что пока проходит срок для принятия наследства, наследнику уже нечего получать. Лишь накопление

негативной судебной практики по делам, связанным с доверительным управлением так называемыми бизнес-активами в период до оформления прав на наследственное имущество, способствовало началу процесса обновления института охраны наследства.

Охрана наследственного имущества имеет большое значение, так как от сохранности наследства зависит наследование как таковое. Однако не всегда требуется специальная охрана наследства. Если открывается наследование по закону и наследниками являются члены семьи возможного наследодателя, которые проживают в том же жилом помещении, пользуются тем же имуществом, то никаких специальных мер к охране наследства они не применяют. Если наследники не проживали с возможным наследодателем, они принимают меры к сохранности наследства, обоснованно считая, что это их собственность, которая должна быть в сохранности. В случае подачи заявления о принятии наследства наследник становится собственником наследственного имущества и как собственник обязан принимать меры к его содержанию и сохранности, поскольку риск случайной гибели или случайного повреждения имущества ложится на него.

Нотариус по месту открытия наследства по сообщению граждан, юридических лиц либо по своей инициативе принимает меры к охране наследственного имущества. когда это необходимо [4].

Охрана наследственного имущества продолжается до принятия наследства наследниками, а если оно ими не принято, – до истечения срока для принятия наследства. Лицо, которому передано на хранение наследственное имущество, предупреждается об ответственности за растрату, отчуждение или сокрытие наследственного имущества и за причиненные наследникам убытки. Также данные лица вправе получить от наследников вознаграждение за хранение наследственного имущества.

Некоторые авторы считают, что при описи наследства могут присутствовать любые наследники – «призываемые к наследованию, либо принявшие наследство, либо все возможные наследники по завещанию и по закону (всех очередей), а также подназначенные».

Такой вывод представляется ошибочным, потому что наследниками признаются только те лица, которые призваны к наследованию. Все другие лица являются возможными наследниками, у них ещё нет права наследования, и неизвестно, появится ли оно, их присутствие может лишь усложнить процедуру описи наследства. Заинтересованными лицами, которые могут заявить о принятии нотариусом мер к охране наследства, могут быть ещё кредиторы, отказополучатель, что учитывалось Методическими рекомендациями по совершению отдельных видов нотариальных действий, позволявшими их присутствие при описи наследства.

Таким образом, можно сделать вывод о то, что перед тем как решиться или хотеть вступить в право наследования, следует изучить все нюансы, которые могут возникнуть. После чего только вступать в наследство, ведь вместе с ним могут перейти и долги наследодателя, за которые придется платить в обязательном порядке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кушнир И.В. Гражданское право: самое главное. Учебник. – СПб.: изд-во СЗАГС, 2016. –650 с.
2. Гражданский Кодекс ДНР: Закон ДНР №81-IIНС от 13.12.2019 (ред. по сост. на 28.12.2021). Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]-Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/(дата обращения: 25.01.2022).
3. Крашенинников П.В. Наследственное право. – 2-е изд. – М.: Статут, 2017. – 272 с.
4. Казанцева А. Е. Охрана наследственного имущества / А. Е. Казанцева // Вестник Омского университета. – Серия «Право». – 2014. № 1 (38). – С. 56–61.
5. Телюкина М. В. Наследственное право: Комментарий Гражданского кодекса Российской Федерации : учеб.-практ. пособие. – М. : Дело, 2002. – С. 168.

ENTRY INTO THE RIGHT OF INHERITANCE BY LAW: CURRENT ISSUES

Annotation. In this work, topical issues that may arise during the entry into the right of inheritance under the law of the first line of kinship are revealed. The causes of these problems have been identified, as well as ways to solve these issues. The analysis of the current legislation affecting the issues of the right of inheritance by law is carried out.
Keywords: inheritance, inheritance, testator, heir, first line of kinship.

Kvacheva K.
Scientific advicer: Kharzevskaya T.S. senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: kvachyova.carinka@yandex.ua

УДК 347.78

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА КАК МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОДУКТ

Клучникова С.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассмотрены различные подходы к пониманию понятия и сущности компьютерной игры как объекта авторского права. Рассмотрены проблемы квалификации авторских прав на компьютерную игру, описана возможность отнесения игры к сложному объекту авторского права. Предложен собственный подход к закреплению правового статуса компьютерной игры, закреплению круга авторов компьютерной игры, предложена презумпция исключительной лицензии в лицензионном договоре о правах на сложные объекты.
Ключевые слова: компьютерная игра, сложный объект, мультимедийный продукт, авторское право.

Современный этап развития общества характеризуется внедрением широкого спектра новых технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности. Большое количество человеческих взаимоотношений переходит в сферу информационных технологий, люди активно используют и создают новые объекты интеллектуальной собственности. В связи с этим возникает необходимость правового регулирования новых возникающих отношений и решения соответствующих правовых проблем.

Компьютерные игры являются ярким примером актуального объекта сферы информационных технологий. Относительно таких игр возникают правоотношения между игроками и правообладателями, а в многопользовательских играх также возникают правоотношения между участниками игры, подобные правоотношениям в реальной жизни, нуждающиеся в отдельном урегулировании со стороны права.

Не менее важным является урегулирование правоотношений, возникающих по поводу создания компьютерной игры – отношений между организатором (итоговым правообладателем) и многочисленными авторами, создающими игру, включающую множество составляющих. В этом и заключается актуальная проблема правового регулирования – в законодательстве отсутствует определение компьютерной игры как объекта авторского права, компьютерная игра не отнесена к сложным объектам авторского права, не закреплен круг авторов и их правомочия, а следовательно, отсутствует полноценная защита прав авторов.

Цель исследования – проанализировать вопрос понятия компьютерной игры, правовой статус компьютерной игры как объекта авторских прав, определить понятие мультимедийного продукта, установить признаки сложного объекта, проанализировать соответствие компьютерной игры данным признакам и

проанализировать возможность улучшения защиты прав авторов компьютерной игры в современном законодательстве.

Общий, комплексный термин «компьютерная игра» включает в себя целый ряд объектов авторского права, в их числе исходный программный код, сценарий, музыка, графика, шрифт, образы персонажей и многое другое. Элементы самой компьютерной игры могут быть в составе других объектов интеллектуальных прав.

Словосочетание «компьютерная игра» не является юридическим термином. Оно представляет собой описание факта, явление обыденной жизни, которое может рассматриваться в каждой отрасли права по-разному.

Ст. 164 Гражданского кодекса ДНР (далее – ГК ДНР) устанавливает конкретный перечень объектов гражданских прав, к которому отнесены:

1) вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права;

2) результаты работ и оказание услуг;

3) охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность);

4) нематериальные блага.

Исходя из вышеперечисленного, компьютерные игры можно отнести к интеллектуальной собственности – охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации.

Актуальной проблемой права интеллектуальной собственности является то, что в формально-юридическом смысле такого объекта прав как компьютерная игра не существует.

На практике, авторские права на игры относятся к категории авторских прав на программы для ЭВМ (ст. 1353 ГК ДНР) [1]. В большинстве случаев, такой позиции придерживаются в судебной практике Российской Федерации [2].

То есть, практика судов признает автора программы для ЭВМ, на которой основывается игра, единственным автором компьютерной игры и единственным правообладателем.

В самом определении из ст. 1353 ГК ДНР речь идет об представленной в объективной форме совокупности данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемых ею аудиовизуальных отображениях. Под данное определение походит лишь компьютерный код, являющийся основой всех компьютерных игр, но при возникновении вопросов защиты прав на компьютерную игру, защите подлежат в большинстве случаев элементы, производимые за счет кода – музыка, графические объекты, персонажи и т.д.

Исходя из вышеуказанного, такая квалификация и защита авторских прав по ней являются неполными, ведь защиту прав в таком случае получат лишь программисты, создающие код, но в процессе создания игры участвуют многие другие люди.

По мнению профессора Котенко Е.С., компьютерная игра является мультимедийным продуктом, следовательно, она не может являться программой для ЭВМ, а считается сложным объектом [3, с. 191].

Мультимедиа – единая совокупность компьютерных технологий, одновременно использующих несколько информационных сред: изображение, текст, видеоряд, фотографию, анимацию, музыкальное сопровождение, дубляж. Сочетание образов, звука и текста в цифровом виде, пригодное для воспроизведения на специальных аппаратных и программных средствах представляют собой мультимедийную продукцию [4, с. 11].

Мультимедиа делится на линейную и нелинейную. Примером использования методов нелинейного способа представления мультимедиа является фильм. Нелинейный способ позволяет субъекту участвовать в представляемом мультимедийном продукте, взаимодействуя со средством отображения мультимедийных данных в любом виде. Данное взаимодействие человека с мультимедиа называется «интерактивностью». Компьютерная игра наиболее полно отражает содержание интерактивности. Нелинейный способ представления мультимедийных данных представлен термином «гипермедиа». Исходя из вышесказанного, компьютерную игру можно отнести к мультимедийной продукции [5, с. 425].

Данная позиция наиболее полно отражает природу правового статуса компьютерной игры, так как она является результатом работы большого количества людей из различных отраслей – сценаристы, режиссеры, художники, дизайнеры, программисты, композиторы и т.д. Упомянутые лица создают отдельные объекты авторских прав – сюжет, постановку кадра, внутриигровые изображения, визуальные эффекты, музыкальное сопровождение, исправный программный код и многое другое.

Ранее отечественными учеными-цивилистами термин «сложный» («комплексный») также использовался, еще до момента его законодательного закрепления. Данным термином описывались такие объекты авторского права как театральная постановка и аудиовизуальное произведение.

Категорию «сложного объекта» также отмечала И.В. Савельева, она указывала новую классификацию художественных произведений, выделяя следующие объекты: статические, или пространственные (фотография, живопись, скульптура, графика и т.п.); динамические, или временные (музыка, словесные произведения); произведения синтетического искусства (аудиовизуальное произведение, театральная постановка) [6, с. 31, 39].

Н.А. Райгородский писал о сложном произведении как об особом уровне сотрудничества авторов при создании произведения. К таковым произведениям ученый относил оперу, балет, спектакль и фильм. В создании данных произведений участвует некоторый круг авторов, создающих различные взаимосвязанные составляющие объекта [7, с. 39].

Современное законодательство Донецкой Народной Республики не дает определения сложного объекта. В ст. 1332 ГК ДНР дается перечень, в соответствии с которым к сложным объектам относятся кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, базы данных. Таким образом, на компьютерную игру как на мультимедийный продукт должен распространяться режим сложного объекта, установленный в ст. 1332 ГК ДНР [8].

Относительно признаков сложного объекта в своих исследованиях Котенко Е. С. отмечает следующее: «Сложным объектом могут быть признаны только такие объекты, которые, с одной стороны, представляют собой единое целое (т.е. обладают признаком единства), и в то же время – имеют сложный состав (структуру), образуемый совокупностью разнородных результатов интеллектуальной деятельности» [5, с. 427].

Следовательно, можно выделить три основных признака сложного объекта: единство составных частей, сложная структура и разнородность совокупных элементов объекта.

Компьютерная игра обладает всеми вышеперечисленными признаками сложного объекта. Сценарий, музыкальное сопровождение, программный код, графическая составляющая являются разнородными результатами интеллектуальной деятельности. В совокупности данные элементы составляют сложную структуру. Игра, как комплексный объект авторского права является результатом работы команды

создателей, за процессом работы которой следит организатор создания сложного объекта. Следовательно, необходимо дополнение списка сложных объектов, перечисленных в ч. 1 ст. 1332 ГК ДНР категорией объектов «компьютерная игра».

Определив правовую природу компьютерной игры в качестве сложного объекта, необходимо выявить круг авторов компьютерной игры, для того чтобы защитить имущественные и лично-неимущественные права данных лиц.

В современном законодательстве Донецкой Народной Республики не определен круг авторов компьютерной игры, в результате чего возникает ряд вопросов – кому принадлежат права на созданную игру, т.е. кто является первичным правообладателем игры, с кем заключать договор об отчуждении исключительных прав и другие.

В ст. 1355 ГК ДНР четко определен круг авторов другого сложного объекта – аудиовизуального произведения. Согласно данной статьи, авторами аудиовизуального произведения являются: режиссер-постановщик; автор сценария; композитор, являющийся автором музыкального произведения (с текстом или без текста), специально созданного для этого аудиовизуального произведения. Права изготовителя аудиовизуального произведения, то есть лица, организовавшего создание этого произведения (продюсера), определяются в соответствии со статьей 1332 ГК ДНР.

Ключевыми лицами в создании компьютерной игры выступают сценарист, художник, композитор и программист, следовательно, они и могут являться авторами сложного объекта. В создании компьютерной игры также принимают участие и иные лица, не играющие определяющую роль в процессе – звукооператоры, актеры, озвучивающие роли, и другие лица, эти лица будут иметь авторское право на созданный ими результат интеллектуальной деятельности.

В ряде зарубежных стран (Великобритания, Германия) к числу авторов компьютерной игры относят организатора процесса создания компьютерной игры [5, с. 429]. В законодательстве Донецкой Народной Республики организатор создания сложного объекта авторских прав не входит в число авторов. Его статус закрепляется отдельно в ст. 1332 ГК ДНР. Роль организатора является определяющей, так как он выполняет ряд важных функций – планирует и организует создание игры, финансирует процесс создания игры (несет риски).

В дальнейшем организатор становится правообладателем компьютерной игры посредством договора либо об отчуждении исключительных прав, либо лицензионного договора.

Согласно ст. 1378 ГК ДНР, в случае заключения договора об отчуждении исключительных прав, исключительное право автора на произведение полностью переходит организатору.

Заключение лицензионных договоров дает организатору право пользования игрой путем реализации полномочий, переданных по договору. Гражданский кодекс ДНР в ст. 1328 предусматривает два вида лицензий – исключительную и неисключительную. В случае заключения лицензионного договора по исключительной лицензии, организатору переходят исключительные права на игру, с отсутствием у автора права выдачи лицензии другим лицам. По неисключительной же лицензии автор может выдавать лицензию другим лицам.

Исключительная лицензия является наиболее оптимальным вариантом передачи исключительных прав. В случае заключения лицензионного договора по исключительной лицензии существует ряд преимуществ как для организатора, так и для авторов компьютерной игры. Основным преимуществом для авторов служит то, что в случае получения прибыли доход от игры будет иметь систематический характер. Также данный вид лицензии не позволит организатору «откупаться» от авторов платежами, несоразмерными доходу, получаемому от созданной авторами компьютерной игры.

Для организаторов, в свою очередь, исключительная лицензия также имеет ряд преимуществ: авторы игры не смогут самостоятельно предоставлять право пользования игрой другим лицам, также получая тем самым прибыль; в случае убыточности игры организатор не будет выплачивать авторам крупных сумм.

Следовательно, целесообразным представляется внесение презумпции исключительной лицензии в текст ч. 1 ст. 1332 ГК ДНР. Статью предлагается дополнить частью о том, что в случае заключения лицензионного договора, организатору предоставляется исключительная лицензия на использование сложного объекта, если иное не предусмотрено договором.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы: в отечественном законодательстве в недостаточной мере урегулирован вопрос компьютерных игр как объекта авторских прав. Компьютерная игра должна быть отнесена к перечню сложных объектов, установленному в ст. 1332 ГК ДНР. Отдельной статьей должен быть определен правовой статус компьютерной игры – понятие, круг авторов, к которым должны быть отнесены сценарист, художник, композитор и программист, уточнено отнесение компьютерной игры к сложному объекту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трифонов А.Е., Бездежский Г.С. К вопросу о реализации авторского права на компьютерные игры в России // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizatsii-avtorskogo-prava-na-kompyuternye-igry-v-rossii
2. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа (далее – ФАС МО) от 20 сентября 2005 г. по делу № КГ-А40/8931-05.
3. Котенко, Е.С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав. [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03: утв. 16.08.12 / Котенко Елена Сергеевна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. – Москва, 2012. – 230 с.
4. Шлыкова О. В. Культура мультимедиа: Уч. пособие для студентов / МГУКИ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 415 с.
5. Котенко Е.С. Правовой режим компьютерных игр // Актуальные проблемы российского права. – М.: Изд-во МГЮА, 2010, № 2 (15). – С. 423-430.
6. Правовое регулирование отношений в области художественного творчества / Савельева И.В. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 141 с.
7. Райгородский Н.А. Авторское право на кинематографическое произведение / Ленинградский государственный университет А.А. Жданова; Н.А. Райгородский. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. – 69 с.
8. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-IIНС от 13.12.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 18.01.2022). – Загл. с экрана.

COMPUTER GAME AS A MULTIMEDIA PRODUCT

Annotation. This paper discusses various approaches to understanding the concept and essence of a computer game as an object of copyright. The problems of qualifying copyright for a computer game are considered, the possibility of classifying a game as a complex object of copyright is described. An own approach to fixing the legal status of a computer game, fixing the circle of authors of a computer game is proposed, a presumption of an exclusive license in a license agreement on the rights to complex objects is proposed.
Keywords: computer game, complex object, multimedia product, copyright.

Kluchnikova S.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: sonya_kluchnikova@mail.ru

УДК 34.096

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ковальчук А.О.
Научный руководитель: Савельева В.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация: В данной работе были проанализированы и рассмотрены процессуальные средства обеспечения законности доказательств в арбитражном процессе, принципы состязательности и законности судопроизводства арбитражного процесса. Установлены основные источники доказательств. Исследован институт доказывания, критерии допустимости и оценки доказательств.
Ключевые слова: доказывание, источники доказательств, арбитражный процесс, оценка доказательств, законность.

Одной из задач современной юридической науки, нормотворческой деятельности и правоприменительной практики, связанной с утверждением новых демократических начал и созданием подлинного правового государства в Донецкой Народной Республике, является реальное обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина. В современном обществе одним из важных элементов правоохранительного и правозащитного механизмов является правовое регулирование обеспечения доказательств в арбитражном процессе. Многогранность использования институтов допустимости и доказывания и их относительная новизна является основанием научной неопределенности и отсутствия единого подхода к определению понятия и содержания данного явления. На сегодняшний день в законодательстве Донецкой Народной Республики достаточно неурегулированным является решение проблем, связанных с установлением и закреплением понятия доказывания. Проведение комплексного исследования, посвященного проблемам обеспечения доказательств в арбитражном процессе, и, непосредственно, закрепления понятия «доказывание», являются актуальными и необходимыми в связи с имеющимися в настоящий момент пробелами современного права.

Проблема защиты прав и законных интересов граждан и организаций в современном мире приобретает особую актуальность в связи с тем, что отсутствует, или в случае неправильной работы механизмов, направленных на обеспечение защиты вышеуказанных прав, подрывает гарантированное Конституцией положение о судебной защите.

Одним из способов обеспечения исполнения данной конституционной нормы является наличие и практическое применение принципа состязательности сторон в судопроизводстве, который закреплен в статьях 3, 4, 10 Арбитражного процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – АПК ДНР), а также в статье 13 Гражданского процессуального кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГПК ДНР). Данный принцип заключается в гарантийном обеспечении каждому участвующему в деле лицу предоставлять доказательства в арбитражный суд, участвовать в исследовании доказательств, представленных другими участниками процесса и опровергать доводы другой стороны. Также, лицу предоставляется возможность заявлять ходатайства, высказывать свои доводы и соображения и давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, которые связанны непосредственно с предоставлением доказательств.

Принцип состязательности сторон в судебном процессе неоднократно рассматривался в работах таких ученых-юристов как В.Т. Маляренко, И.Е. Энгельмана, Д. Побегайло, М.И. Штефана, которые исследовали вышеуказанный принцип в

нескольких видах судопроизводства. При этом, должного внимания принципу состязательности в арбитражном процессе ими не было уделено.

Анализируя действующее законодательство Донецкой Народной Республики, а именно ст. 3-4 АПК ДНР, необходимо сделать вывод о том, что суд лишь создает сторонам и другим лицам, участвующим в деле, необходимые условия для установления фактических обстоятельств дела и правильного применения законодательства. Из этого следует, что политика государства направлена в первую очередь на выстраивание системы арбитражного процесса таким образом, чтобы стороны в суде, с помощью принципа состязательности сторон, самостоятельно и с использованием законных средств доказывания защищали свои интересы, а суд является лишь арбитром и следит за соблюдением порядка и закона на протяжении всего процесса.

Несмотря на нормативное урегулирование процесса доказывания, в арбитражном процессуальном праве и по сей день существует немало как теоретических, так и практических проблем относительно данного института. Анализируя АПК ДНР, можно однозначно утверждать о важности институтов доказывания и доказательств, которым законодатель отводит самостоятельную главу. Обеспечение доказательств можно охарактеризовать как институт, целью которого выступает содействие в реализации процессуальных прав и интересов лиц, участвующих в деле, а также закрепление доказательств для их последующей оценки и исследования. По мнению И. В. Решетниковой, рассматривать доказательственное право необходимо в качестве комплексного межотраслевого института, выделяя при этом общие и специальные нормы [1]. Общие нормы регламентируют общие вопросы процесса доказывания: понятие, обязанность доказывания, относимость и допустимость доказательств, их оценку, обеспечение доказательств, судебные поручения, средства доказывания. К специальным нормам относятся нормы, предусматривающие специфику доказыванию по различным видам судопроизводства, по отдельным стадиям процесса и отдельным категориям дел. Мы разделяем указанную точку зрения, поскольку институт доказательств и доказывания имеет сходство в предмете и методе правового регулирования, как и в любом другом виде судопроизводства.

В науке права выделяют позитивные и негативные нормы о допустимости доказательств. Позитивные нормы имеют предписывающий характер, который заключается в использовании конкретных доказательств для установления обстоятельств дела. Например, если законодатель установил обязательное нотариальное удостоверение и государственную регистрацию сделки, то данные требования должны быть соблюдены. В противном случае данная сделка будет признана недействительной и не сможет выступать доказательством в судебном процессе. В свою очередь, нормы, носящие негативный характер, выражают запрет на применение определенных доказательств. Например, если нарушено требование к простой письменной форме сделки, то в случае спора лицо не может ссылаться на нее, использовать ее в качестве доказательства.

Следует отметить, что несмотря на актуальность института доказывания, на данный момент действующее законодательство в Донецкой Народной Республике не содержит в себе понятие «доказывание», которым активно оперирует наука процессуального права. Как отметил М.Х. Хутыз: «То обстоятельство, что тот или иной термин не употреблен в законе, еще не очевидное препятствие к тому, чтобы терминовались понятия, созданные в порядке теоретических обобщений или анализа».[2] Судебное доказывание является фундаментальным институтом процесса, поскольку определяет его сущность, значение и динамику развития всего судопроизводства, а также играет существенную роль в решении задач, стоящих перед судом. Доказывание способствует достижению истины по каждому делу, способствует

вынесению обоснованного судебного решения исключительно на основании достоверных, проверенных и не подлежащих сомнению доказательств. От качества судебного доказывания зависит окончательный результат – судебное решение. В связи с этим данный институт носит актуальный характер. В юридической литературе ученые-процессуалисты по-разному дают определение термина «доказывание». Так И.В. Решетникова определяет судебное доказывание, как деятельность субъектов доказывания в процессе рассмотрения и разрешения спора по обоснованию обстоятельств дела с целью его разрешения.[1] По мнению С.В. Щепалова, «доказывание» – установление обстоятельств при помощи других, поддающихся непосредственному наблюдению, с которыми искомые обстоятельства обычно взаимосвязаны в повседневной жизни.[3] П.П. Гуреев определяет судебное доказывание как способ познания обстоятельств, подтверждающих требования и возражения сторон, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела.[4] С этих же позиций исследует проблему М.К. Треушников, приводя дополнительную аргументацию в пользу понимания доказывания как логико-практической деятельности лиц, участвующих в деле, представителей, а также суда, направленной на выяснение действительных фактических обстоятельств рассматриваемого дела.[5]

Мы считаем необходимым рассматривать доказывание, как особый вид познавательной деятельности суда, поскольку лица, участвующие в судебном процессе, доказывают свою истину посредством убеждения суда, путем предоставления сведений, подтверждающих тот или иной факт, а суд, в свою очередь, должен из всех приведенных сторонами ему доказательств извлечь необходимые для формирования верных и точных выводов, необходимых для вынесения законного и обоснованного судебного решения. Из этого следует, что доказывание – урегулированный нормами права мыслительный процесс познания приведенных суждений и доказательств, обеспечивающий движение судебного разбираться к вынесению законного и обоснованного судебного решения.

Осуществление фундаментального принципа законности при установлении обстоятельств дела имеет много аспектов.

Один из аспектов – это определение допустимости доказательств, подкрепленных юридической силой. Так, в ст. 20 АПК ДНР закреплено, что факты, которые относятся к делу, не могут служить доказательством в том случае, если они были получены не установленным законом средством доказывания.

Допустимость доказательств предусматривает собой некое ограничение, которое связано с тем, чтобы установление неизвестных фактов, имеющих значение для дела, происходило с помощью заранее предписанных нормами закона доказательств, и которые не могут быть подтверждены иными средствами доказывания.

Говоря о процессуальных средствах обеспечения законности доказательств в арбитражном процессе, законодатель выделил самостоятельную главу в АПК ДНР для института доказывания, где установил понятие и виды доказательств, а также процессуальные средства обеспечения законности доказательств.

Часть 1 статьи 60 АПК ДНР закрепляет, что доказательствами по делу являются любые фактические данные, на основании которых арбитражным судом установлены наличие или отсутствие обстоятельств, на которых базируются требования и возражения сторон, а также иные обстоятельства, являющиеся значимыми для правильного разрешения хозяйственного спора, в определенном законом порядке.

Эти данные определены следующими средствами:

– заключениями судебных экспертов;

– как письменными, так и вещественными доказательствами;

– объяснениями представителей сторон и других лиц, участвующих в судебном процессе.

В необходимых случаях по требованию судьи объяснения представителей сторон и других лиц, участвующих в судебном процессе, должны быть изложены письменно.

В Арбитражном процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики указаны следующие процессуальные средства обеспечения законности доказательств, а именно:

1) обязанность доказывания (ст. 61 АПК ДНР);

2) представление и истребование доказательств (ст. 62 АПК ДНР);

3) относимость и допустимость доказательств (ст. 63-64 АПК ДНР);

4) оценка доказательств (ст. 67 АПК ДНР).

В основу принимаемого судебного акта закладывается оценка доказательств. В ст. 67 АПК ДНР указано, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении в судебном процессе всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом [6]. При этом, суд основывает свое решение только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. Необходимо заметить, что наделение суда таким полномочием – это, бесспорно, источник порождения возможного присутствия индивидуальной точки зрения субъекта логической деятельности при рассмотрении судебных дел, поскольку исходя из нормы закона суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Из этого следует, что суд должен избегать субъективизма.

Однако, теоретические аспекты не всегда легко осуществимы в практической деятельности, поскольку судья, как человек имеет определенный высший уровень знаний, а также обладает уникальным мыслительным процессом, поэтому с уверенностью можно сказать, что оценка доказательств судьей – явление, носящее субъективный характер. В первую очередь, судья обязан следовать воле законодателя, а значит осознавать политику государства, при этом не забывать об общечеловеческих ценностях. Важной задачей для государства в данной проблематике является осуществление правосудия лицами высокого морально-этического правосознания. Судья должен быть здравомыслящим, способным принимать решения оперативно, не подвергаясь при этом влиянию внешних факторов, способным отражать интересы общества и государственные ценности. Сотруднику судебной системы необходимо обладать такими качествами как самокритика, самоанализ, объективность, способный здраво оценивать не только окружающих, а и самого себя. Соблюдение правил оценки доказательств способствует отсутствию произвола в действиях суда.

Судебная оценка доказательств не является свободным понятием, поскольку она ограничена нормой права. Суд руководствуется правоприменительной практикой, материалами конкретного рассматриваемого дела, действующим законодательством, а также собственным внутренним убеждением. Оценка доказательств судьей – важный элемент правоприменения, который имеет свои границы, поскольку недостаточно только внутреннего убеждения судьи. Таким образом, мы выяснили, что суд, оценивая доказательства, приведенные в судебном процессе, должен осуществлять правосудие не на свое усмотрение, а руководствуясь совокупностью всего вышеперечисленного.

Допустимость доказательств в арбитражном процессе предполагает ряд ограничений. Допустимость доказательств предполагает невозможность использования ряда средств доказывания при установлении некоторых фактических обстоятельств дела. Для определения допустимости доказательств устанавливают следующие процессуальные критерии:

1) вид источника получения фактических данных;

2) способ получения от каждого такого источника информации о фактических данных в рамках судебного процесса.

Такие процессуальные критерии, как допустимость доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве, следует рассматривать в более широком аспекте.

Процессуальную составляющую допустимости доказательств составляет совокупность следующих критериев:

1) надлежащий субъектный состав лиц, осуществляющих процессуальные действия по доказыванию;

2) надлежащий источник фактических данных;

3) соблюдение процессуального порядка собирания, представления и исследования доказательств;

4) установленные законом пределы доказывания на стадиях судопроизводства.

В состязательном процессе главная роль в доказательственной деятельности отводится сторонам. В соответствии со ст. 35 АПК ДНР, реализуя обязанности по доказыванию, лица, участвующие в деле, вправе представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям и экспертам, заявлять ходатайства, давать устные и письменные объяснения суду. [6]

Законодательство определяет порядок совершения процессуальных действий, нарушение которого влечет недопустимость доказательств. На практике имеют место случаи нарушения порядка совершения таких действий, выполняемых согласно судебному поручению.

АПК ДНР, а именно ч.2 ст. 60, приводит исчерпывающий перечень источников доказательств: граждане, наделенные в установленном порядке процессуальным положением стороны, третьего лица, свидетеля, эксперта; документы, материальные предметы или вещи [6].

Получение фактических данных из неустановленного источника должно всегда повлечь за собой недопустимость доказательства.

В соответствии с ч. 3 ст. 70 ГПК ДНР, запрещается допрашивать в качестве свидетелей:

– недееспособных физических лиц, а также лиц, которые находятся на учете или на лечении в психиатрическом лечебном заведении и не способные из-за своих физических или психических недостатков правильно воспринимать обстоятельства, которые имеют значение для дела, или давать показания;

– представителей по гражданскому или административному делу, или защитников по уголовному делу, делу об административном правонарушении, или медиаторов, судебных примирителей – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя, защитника или медиатора, судебного примирителя;

– священнослужителей – о ведомостях, полученных ими на исповеди верующих;

– судей и народных заседателей – о вопросах, возникавших в совещательной комнате в связи с обсуждением обстоятельств дела при вынесении решения суда или приговора;

– лиц, которые имеют дипломатический иммунитет, не могут быть допрошены как свидетели без их согласия, а представители дипломатических представительств – без согласия дипломатического представителя [7].

Значительно сложнее решается вопрос об источниках доказательственной информации в современном арбитражном процессе. Иные документы и материалы как источники неформализованных доказательств в арбитражном процессе заставляют иначе взглянуть на проблему допустимости доказательств. Законодательное закрепление данного вида источников доказательственной информации в качестве отдельного, независимого средства доказывания подразумевает под собой наличие кардинальных отличий от видов доказательств, закрепленных в ст. 60 АПК ДНР. Можно утверждать, что таким образом существует некая грань между традиционными и нетрадиционными видами доказательств.

Одним из наиболее неурегулированных вопросов среди ученых-правоведов по-прежнему остается соотношение иных документов и материалов с письменными доказательствами. Тем не менее, большинство юристов придерживаются той точки зрения, согласно которой иные документы и материалы, содержащие сведения в письменной форме, не могут быть отнесены к письменным доказательствам, а лишь являются совокупностью отдельного виды доказательств в арбитражном процессе.

Для наилучшего изучения данного вопроса необходимо привести примеры иных документов и материалов, которые содержат сведения в письменной форме. К такому виду доказательств следует отнести заключение эксперта вследствие проведения внесудебных экспертиз, что является довольно распространенным явлением в арбитражной практике и не вызывает никаких сомнений. Также, примером упомянутого вида доказательств являются протоколы допросов свидетелей по делу, переписка сторон, имеющая значение для дела, материалы, полученные посредством аудио-, видеозаписи или фото-, киносъемки. Говоря о последнем примере, следует уточнить, что для отнесения его к иным документам и материалам, они могут быть получены с помощью мобильных телефонов, видеозаписи в ходе скрытой видеосъемки или видео-, аудиозаписи хода проведения судебного заседания.

Следовательно, иные документы и материалы как вид доказательств в арбитражном процессе вызывают большое количество споров и разногласий на сегодняшний день. Однако, ученые едины во мнении, что основной целью наличия и законодательного закрепления данного вида доказательств является вовлечение в судебное разбирательство доказательств, полученных из разных источников, которые не могут быть отнесены к традиционному виду доказательств.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что доказывание в арбитражном процессе на протяжении долгого времени остается открытым, дискуссионным и достаточно специфичным вопросом. На сегодняшний день ученные-правоведы не пришли к единому мнению в определении понятия доказывания. Однако, они считают, что необходимо уделить большое внимание разработке данного понятия, которое будет выражать различные аспекты правоприменительного процесса. В то же время, следует учитывать, что доказывание, прежде всего, является подготовительной деятельностью, которая создает основу для убеждения суда в действительности существования фактов, образующих основания возражений и требований процессуальных сторон.

Часть 2 статьи 60 АПК ДНР содержит открытый перечень доказательств, поэтому вопрос о допустимости доказательств, источником которых выступают иные документы и материалы, отнесен на усмотрение суда.

Доказательства представляются сторонами и другими лицами, которые участвуют в деле. Процесс представления доказательств заключается в том, что участвующее в деле лицо указывает суду, какие фактические данные в подтверждение каких обстоятельств можно получить из определенного источника, и указать место нахождение этого источника. Конкретное содержание действий по представлению доказательств зависит от средства доказывания.

Нарушение порядка представления доказательств влечет за собой признание их недопустимыми. Так, представленное по инициативе сторон заключение эксперта не может быть признано допустимым доказательством, поскольку процессуальное законодательство предусматривает возможность проведения только судебной экспертизы. Суд не вправе принять в качестве заключения эксперта результаты экспертизы, не назначавшейся судом и проведенной вне процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие для магистров. 4-е изд., переб. и доп. М., 2014. С. 25.

2. Хутыз М.Х. Общие положения гражданского процесса. М.: Госюриздат, 1979. С. 25.
3. Щепалов С.В. Гражданский процесс: лекции. Под ред. Б.К. Таратунина, Е.С. Рочевой. М., 2013. С. 252.
4. Гуреев П.П Теория судебных доказательств в советском гражданском процессуальном праве // Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. С. 336.
5. Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М., Треушников М.К. 1982. С. 16. 7. А.В. Философия: учебник. М.: Проспект, 1997. Алексеев П.В.,
6. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 277-IIНС от 30.04.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/arbitrazhnyj-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/; (Дата обращения 30.01.2022)
7. Гражданско-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 278-IIНС от 30.04.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/; (Дата обращения 30.01.2022)
8. Фокина М.А. Процессуальные средства обеспечения законности доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Современное право. – 2013.- № 3.- С. 90-99.
9. Маляренко В.Т. Состязательность сторон в уголовном судопроизводстве / В. Т. Маляренко //Вестник прокуратуры. – 2003. – № 1. – С. 15.
10. Побегайло Г.Д. Судебные прения в советском уголовном процессе: общие положения / Д. С. Побегайло. – М.: ВЮЗИ, 1982. – 38 с.

LEGAL REGULATION OF PROVIDING EVIDENCE IN THE ARBITRATION PROCESS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. In this paper, the procedural means of ensuring the legality of evidence in the arbitration process, the principles of adversarial and legality of the proceedings of the arbitration process were analyzed and considered. The main sources of evidence have been established. The institute of proof, the criteria of admissibility and evaluation of evidence are investigated.
Keywords: proof, sources of evidence, arbitration process, evaluation of evidence, legality.

Kovalchuk A.
Scientific adviser: Savelyeva V.V., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: asya.kovalchuk250513@gmail.com

УДК 343.16

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Колесникова А.В.
Научный руководитель: Гулина С.Н. ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе описаны основные актуальные проблемы, связанные с осуществлением надзора за соблюдением законов, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, а также указаны возможные пути их решения на законодательном уровне.
Ключевые слова: надзор, права, свободы, необходимость, проблема.

Права, свободы и законные интересы граждан представляют особую ценность для любого цивилизованного государства. В случае выявления нарушений прав и свобод человека и гражданина, прокурор обязан вмешаться и провести ряд должностных действий для урегулирования вопросов и восстановления одних из главных принципов Конституции – законности и справедливости в обществе.

К сожалению, в часть современного общества составляют лица, требующие особого и более пристального внимания работников прокуратуры. Речь идет о субъектах правовых отношений, которые не имеют возможности (например, по состоянию здоровья, психологических особенностей, возраста и т.д.) в полном объеме воспользоваться правом на защиту нарушенных прав и свобод. Особое внимание следует уделять защите прав тяжелобольных людей, таких как инвалиды, граждане с ограниченными возможностями, пациенты с неизлечимыми заболеваниями. Данная категория людей при нарушении дозволенного медицинскими показаниями ритма жизни при попытке отстоять нарушенные права могут получить осложнения, вплоть до летального исхода.

Конституция предусматривает право граждан на личное обращение в государственные органы и уполномоченным должностным лицам. Одним из органов является Генеральная прокуратура, а также её отделы и работники. Так, помимо прочих обязанностей, прокурор также рассматривает и разрешает жалобы, заявления, обращения и другие сообщения граждан о нарушении их законных прав, свобод и интересов. Форма заявки может быть как письменной, так и устной. Работа с обращениями граждан занимает одно из ведущих направлений прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Чаще всего именно заявления граждан содержат первичную информацию о совершении правонарушений.

Таким образом, прокурор принимает решения о совершении конкретных действий, необходимых для устранения нарушения, восстановления нарушенных прав и свобод потерпевшего. Ежегодно прокуроры всех уровней правоохранительной системы рассматривают далеко не одну сотню тысяч жалоб и заявлений граждан. Благодаря проводимой государством политике повышения правовой грамотности и осведомленности граждан, в последние годы был замечен рост количества обращений в прокуратуру с сообщениями о нарушении прав и свобод человека. Возможность реализации гражданами права на обращение в государственные органы (подача жалоб, заявлений, обращений и иных сообщений о нарушенных правах и свободах) является одним из основных способов обеспечения соблюдения законодательства государства и осуществления защиты общественных прав и интересов.

Подобные обращения граждан являются одним из основных источников информации для прокурора: о нарушениях прав и свобод граждан, допущенных в подведомственном регионе; о преступлениях и других общественно опасных правонарушениях, совершенных как лицами, проживающими в регионе, так и другими лицами; об органах и должностных лицах, нарушивших законные права и свободы граждан, об органах и должностных лицах, не соблюдающих требования законодательства об обращениях граждан, то есть, иными словами, не принимающих мер по удовлетворению жалоб и заявлений; о процессуальных нарушениях, допущенных следователями и дознавателями в ходе проведения предварительного следствия или дознания по уголовным делам; о непринятии сотрудниками правоохранительных органов мер по привлечению правонарушителей к ответственности и устранению нарушений законодательства; о недопустимом, по мнению граждан, поведении сотрудников прокуратуры, как при исполнении служебных обязанностей, так и в общественных местах; иные сведения о правонарушениях.

В современных реалиях все сферы осуществления прокурорского надзора нуждаются в усовершенствовании и корректировке. Например, в сфере оплаты труда, согласно ст. 151 Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики работодатель может быть привлечен к уголовной ответственности лишь в случае невыплаты заработной платы из корыстной или иной личной заинтересованности. Но на практике довольно затруднительно, а иногда и невозможно установить, невыплата заработной

платы была совершена из корыстных и/или иных личных побуждений работодателя или по независящим от него причинам, так как большинство работодателей идущих на противоправные действия пытаются скрыть следы преступлений [1].

Автор статьи находит целесообразным внести изменения в ст. 151 УК ДНР, исключив из диспозиции статьи необходимость в доказывании невыплаты заработной платы из корыстной или иной личной заинтересованности работодателя. В основном, это является актуальным потому, что работодатели осуществляют платежи, не связанные с оплатой труда (налоги, оплата услуг энергоснабжения, водоотведения и водоснабжения, аренды и др.), хотя при этом имеют значительную задолженность по заработной плате. Следовательно, работодатель изначально идет на преступление, так как согласно законодательству (КЗоТ Украины, Закон ДНР «Об оплате труда») он обязан в первую очередь осуществить платежи по погашению задолженности по заработной плате.

Именно из-за наличия в диспозиции ст. 151 УК ДНР необходимости доказывать наличие корыстной или иной личной заинтересованности, работодатели используют данную норму как «лазейку» в законодательстве и уклоняются от уголовной ответственности, что позволяет им осуществлять платежи, не связанные с оплатой труда, что приводит к грубым нарушениям конституционных прав граждан.

При поддержании государственного обвинения в суде, а именно, какую форму рецидива необходимо применять при совершении лицом особо тяжкого преступления, если у него имеется 1 непогашенная судимость (данная ситуация прямо не предусмотрена ст.17 УК ДНР, а форма рецидива существенно влияет на определение судом режима исправительного учреждения)? Необходимо ли суду при вынесении приговора учитывать судимость, указанную в оригинале справки об освобождении лица из мест лишения свободы, согласно которой у него имеется непогашенная судимость по приговору суда, вынесенному до 11.05.2014, если в требовании о наличии судимости отсутствуют данные о судимости лица? Как учитывать такую судимость в случае, если справка о судимости не заверена надлежащим образом, либо это ксерокопия справки, заверенная следователем?

В сфере охраны и использования недр существует необходимость криминализации нарушений правил охраны и использования недр, поскольку отсутствие уголовной ответственности за указанное деяние приводит к необратимым последствиям как материального характера (незаконная подработка угольных отводов принадлежащих государственным угольным предприятиям), так и экологического, техногенного характера (затопление угольных предприятий, находящихся в стадии ликвидации, что может повлечь за собой проседание почвы под жилыми массивами Шахтерского района и Республики в целом).

Кроме того, незаконная добыча угля зачастую осуществляется на землях сельскохозяйственного назначения, что значительно влияет на уменьшение площадей, используемых для сельскохозяйственных нужд, и как следствие, ставит под угрозу продовольственную безопасность Республики. Кроме этого, субъектами хозяйствования, осуществляющими в кустарных условиях разработку недр, не исполняются требования действующего законодательства в сфере охраны труда и промышленной безопасности, что влияет на увеличение количества случаев производственного травматизма.

С целью улучшения эффективности прокурорского надзора в сфере законодательства об охране труда считаю целесообразным дополнить ст.248 УК ДНР нормой закона, устанавливающей ответственность за нарушение правил безопасности при выполнении работ с повышенной опасностью на производстве или каком-либо предприятии лицом, которое обязано их соблюдать, если это нарушение создало угрозу гибели людей либо наступления иных тяжких последствий или причинило вред здоровью потерпевшего.

В сфере надзора за исполнением законов прав и свобод несовершеннолетних существует необходимость в устранении противоречия между нормами действующего законодательства.

Так, согласно ч. 2 ст. 78 Семейного Кодекса Донецкой Народной Республики, орган опеки и попечительства обязан провести обследование условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, и представить суду акт обследования и основанное на нем заключение по существу спор [2].

При этом пунктом 4.1 Типового положения о местных администрациях определено, что глава местной администрации по вопросам своей компетенции, а также, Указов и иных нормативно-правовых актов издает распоряжения, а по вопросам внутренней деятельности – приказы [3].

С целью устранения имеющегося противоречия в правоприменительной практике, необходимо внести изменения во Временное (типовое) положение о местных администрациях Донецкой Народной Республики, утвержденное Указом Главы ДНР № 13 от 19.01.15, дополнив п. 4.1 положения таким актом, принимаемым местной администрацией, как заключение.

В сфере экономики спорным является вопрос правовой обоснованности осуществления прокурорского надзора по всем направлениям за соблюдением законодательства физическими лицами – предпринимателями.

Так, в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 1 Закона ДНР «О прокуратуре Донецкой Народной Республики», п.2 Приказа и.о. Генерального прокурора ДНР №100 – око от 22.12.2016 года прокуратура осуществляет надзор, в том числе и за физическими лицами – предпринимателями [4].

Также проблемным является вопрос общеобязательности ответов на требования прокурора. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона ДНР «О прокуратуре Донецкой Народной Республики» требования прокурора, вытекающие из его полномочий, перечисленных в статьях 10, 24, 30, 33 и 36 настоящего Закона, подлежат безусловному исполнению в установленном законодательством Донецкой Народной Республики порядке. Однако существуют случаи не предоставления ответов на требования прокурора должностными лицами органов доходов и сборов Республики, обоснованные отсутствием установленного законодательством порядка исполнения требований прокурора, наличие которого предусмотрено указанной выше нормой закона.

Что касается сферы исполнения судебных решений, то согласно ст. 371 УК ДНР уголовная ответственность за неисполнение приговора, решения суда или иного судебного акта наступает лишь у специального субъекта – представителя власти, государственного служащего, а гак же служащего государственного или муниципального учреждения. Ранее уголовная ответственность за аналогичные деяния наступала как у общего, так и у специального субъекта.

Целесообразно внести изменения в ст. 371 УК ДНР, предусмотрев ответственность за указанные деяния у общего субъекта. Поскольку, на практике должники зачастую чувствуют свою безнаказанность и уклоняются от исполнения решений суда. При этом предусмотренная законом административная ответственность за эти деяния является неэффективной, что влечет за собой снижение авторитета судебной власти и не исполнение принципа обязательности судебных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики, утвержденный Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014: [Электронный ресурс] / Официальный сайт Народного Совета ДНР. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/

2. Семейный Кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Закон № 172-IIНС [Принят Постановлением Народного Совета 17.07.2021]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakondonetskoj-narodnoj-respubliki-semejnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/
3. О принятии временного (типового) положения о местных администрациях Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Указ Главы №13 от 19.01.2015. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0001-13-20150119/
4. О прокуратуре [Электронный ресурс]: Закон № 243-IНС [принят Народным Советом Донецкой Народной Республики 31.08.2018]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prokurature/

PROBLEMS OF SUPERVISION OVER COMPLIANCE WITH LAWS AIMED TO PROTECT THE RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZEN

Annotation. The paper describes the main topical issues related to the supervision of compliance with laws aimed at protecting human and civil rights and freedoms, and also indicates possible ways to solve them at the legislative level.
Keywords: supervision, rights, freedoms, necessity, problem.

Kolesnikova A.
Scientific adviser: Gulina S.N., Senior Laturer
Donetsk National University
E-mail: kolesnikova_a_v_01@mail.ru

УДК 347

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ИСПОЛНЕНИЕМ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Кондратов В.В.
Научный руководитель: Савельева В.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В научной статье рассматриваются отдельные вопросы, которые связаны с производством по делам об исполнении судебных решений арбитражных судов Донецкой Народной Республики. В ней раскрываются отдельные вопросы правового регулирования исполнительного производства в Донецкой Народной Республике со ссылкой на соответствующие нормы исполнительного производства и арбитражного судопроизводства ДНР. Автор рассматривает вопрос места исполнительного производства в системе арбитражного судопроизводства, а также порядок исполнения решений арбитражных судов.
Ключевые слова: исполнительный лист, арбитражный суд, принудительное исполнение, акты арбитражного суда, взыскатель, должник.

Авторитет правосудия и состояние законности в государстве не заключается только лишь в принятии законных и обоснованных судебных решениях. Авторитет судебной власти в государстве во многом зависит и отражается от числа приведенных в исполнение судебных актах.

Исполнительное производство одно из самых действенных механизмов защиты прав, свобод и интересов участников общественных правоотношений. Процесс защиты нарушенного или оспариваемого права не может завершаться вынесением судебного акта, поскольку этого не достаточно для реальной защиты или восстановления нарушенного права. Этим обосновывается актуальность и практическая значимость существования и функционирования производства по исполнению решений арбитражных судов.

Правовая действительность свидетельствует о наличии проблемных аспектов в области исполнения судебных актов арбитражных судов. Это и нежелание должника

выполнять предписанные ему требования, так задерживаются сроки получения исполнительного листа, это бездействие судебных приставов-исполнителей, здесь же и отсутствие имущества, на которое может быть обращено взыскание и т.д. Все чаще в содержании решений судебных органов отсутствуют указания на реальный механизм восстановления нарушенного права, потому такие решения, зачастую, остаются неисполненными.

Проблематичным по нашему мнению является несовершенство процедуры принудительного исполнения правовых норм, которые регулируют вопрос обращения взыскания на имущество должников, что собственно и снижает авторитет и ценность органов судебной власти.

Целью настоящего исследования является анализ юридических положений, регулирующих отдельные вопросы правового регулирования исполнения судебных решений арбитражных судов в Донецкой Народной Республике, научные исследования по вопросу места исполнительного производства в системе арбитражного судопроизводства, а также порядок исполнения решений арбитражных судов.

В Донецкой Народной Республике (далее – ДНР) нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность судебных приставов включают Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 31.05.2016 года №7-37, в действующей редакции от 28.12.2020 г. Об утверждении Временного порядка об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики, Постановление Правительства от 25.07.2019 № 19-3, в действующей редакции от 23.06.2020 г. Об утверждении Временного порядка об организации деятельности судебных приставов Донецкой Народной Республике, Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 31.05.2016 г. № 7-39 об утверждении Временного порядка реализации арестованного имущества, Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 31.05.2016 г. № 7-38 об утверждении Временного положения о порядке проведения публичных торгов по реализации арестованного недвижимого имущества и т.д.

Производство по делам, связанных с исполнением судебных решений арбитражных судов регулируется разделом 7 Арбитражного процессуального кодекса Донецкой Народной Республики, принятого Постановлением Народного Совета ДНР 30 апреля 2021 года.

Временный порядок об исполнительном производстве ДНР определяет исполнительное производство, как завершающую стадию судебного производства и принудительного исполнения решений других органов (должностных лиц) – это совокупность действий органов и должностных лиц, определенных в настоящем Порядке, направленных на принудительное исполнение решений судов и других органов (должностных лиц), которые проводятся на основаниях, в пределах полномочий и способом, определенными настоящим Порядком, другими нормативными правовыми актами, принятыми в соответствии с настоящим Порядком и действующим законодательством, а также решениями, которые, согласно настоящему Порядку, подлежат принудительному исполнению. [1]

Исполнительное производство в условиях современного правового регулирования переживает свое формирование как самостоятельная область научного интереса, поэтому подвергается глубокому теоретическому анализу.

Юридическая литература закрепляет различные точки зрения относительно места исполнительного производства в судопроизводстве. К примеру, Дернова Д.В. рассматривает исполнительное производство, как стадию (институт) арбитражного и гражданского процесса, выделяя это традиционным подходом к пониманию исполнительного производства. [2, с. 34]

Десятик М.С. в своих трудах характеризует исполнительное производство, как институт административного или административно-процессуального права. [3, с. 27]

Чухвичев Д.В. придерживается позиции, что исполнительное производство это самостоятельное правовое образование в системе права. [4, с. 133]

В. В. Комаров и В. В. Баранкова являются современными исследователями вопроса об исполнительном производстве, по их мнению, связь исполнительного производства с предыдущими стадиями судебного процесса определяется единством целей, закрепленных законом для всего судопроизводства в целом, и заключается в защите прав и охраняемых законом интересов. Процесс защиты права после вынесения решения и вступления его в законную силу продолжается в форме исполнительного производства и составляет заключительную стадию процесса. [5, с. 365]

Сопоставляя рассмотренные выше мнения научных деятелей, полагаем, что исполнительного производства имеет двойственную природу. С одной стороны, следует считать, что исполнительное производство и судебный процесс соотносятся, как целое и часть, поскольку первый выполняет производственно-вспомогательную функцию по отношению к арбитражному судопроизводству и в полной мере отражает процесс реализации его цели.

Но с другой стороны, исполнительное производство возлагается на специализированный орган Департамент судебных приставов, который входит в структуру Министерства юстиции Донецкой Народной Республики. На этот орган возложена обязанность по приведению в исполнение судебного решения на основании исполнительного листа. Судебный пристав-исполнитель является представителем власти и осуществляет принудительное исполнение судебных решений принятых именем Донецкой Народной Республики, и решений органов (должностных лиц), исполнение которых возложено на Департамент судебных приставов.

Исполнение судебных актов арбитражного суда осуществляется после их вступления в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения, в порядке, установленном настоящим Кодексом и иными законами, регулирующими вопросы исполнительного производства. В таких случаях исполнительный лист выдается сразу после принятия указанного судебного решения или обращения его к немедленному исполнению. Исполнительный лист выдается по ходатайству взыскателя или по его ходатайству направляется для исполнения непосредственно арбитражным судом. Исполнительный лист на взыскание денежных средств в доход Республиканского бюджета Донецкой Народной Республики направляется арбитражным судом в Департамент судебных приставов Министерства юстиции Донецкой Народной Республики, иной уполномоченный государственный орган по адресу должника. Для направления исполнительного листа на взыскание денежных средств в доход Республиканского бюджета Донецкой Народной Республики ходатайство взыскателя не требуется. [6]

Исполнительный лист по решению о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок направляется на исполнение арбитражным судом в течение пяти дней со дня принятия решения независимо от наличия ходатайства об этом взыскателя.

Основанием для принудительного исполнения судебного акта является исполнительный лист. Выдача исполнительного листа регулируется ст. 343 Арбитражного процессуального кодекса Донецкой Народной Республики.

Нормативно-правовое регулирование арбитражного процесса направлено, прежде всего, на вопросы порядка выдачи и содержания исполнительного листа, сроков его предъявления к исполнению, восстановление пропущенных сроков, отсрочка или рассрочка исполнения судебного решения, изменение способа и порядка его исполнения, Поворот исполнения судебного решения, Разрешение вопроса о повороте исполнения судебного решения, оспаривания решений и действий (бездействия)

судебного пристава исполнителя и др.

Исполнительное производство в свою очередь регламентирует в большей степени правовой статус субъектов, их прав и обязанностей, а так же ряд других вопросов, которые относятся к конкретным исполнительным действиям.

Исходя из этого, мы видим, что роль арбитражного суда в производстве по исполнению решений незначительно и носит формальный характер.

Подводя итоги проводимого нами научного исследования, можно отметить, что поставленная нами цель достигнута.

Так, изучив мнения ученых в юридической сфере о месте исполнительного производства в системе арбитражного судопроизводства, мы выявили неоднозначность имеющихся подходов. Изученное нами способствовало формированию собственного мнения по данному вопросу. Мы склоны полагать, что исполнительное производство, с одной стороны, неразрывно связано и способствует реализации властных полномочий органов судебной власти, а с другой стороны, имеет самостоятельных характер, поскольку исполнение судебных актов возложено на орган, который входит в структуру Министерства юстиции Донецкой Народной Республики, в лице соответствующего органа по приведению к исполнению судебных актов.

Кроме того, об этом свидетельствует то, что порядок исполнения судебных решений урегулирован, как отдельными нормативно-правовыми актами об исполнительном производстве, так и нормами Арбитражного процессуального кодекса Донецкой Народной Республики. Все вышеизложенное формирует мнение автора о двойственной природе исполнительного производства.

Изучая порядок исполнения решений арбитражных судов, закрепленный в процессуальном законодательстве Донецкой Народной Республики, позволяет сделать вывод о достаточной его правовой квалификации, тогда как нормативно-правовое регулирование исполнительного производства и механизм реализации судебных актов требует, по мнению исследователя, реформирования и преобразования в полноценный Закон.

Следует отметить, что говоря о неэффективности исполнения судебных решений арбитражных судов, следует иметь в виду, что в данном случае проблема заложена не только в судах, которые их постановляют, но в частности в аппарате, который приводит в исполнение судебные акты, поскольку, по нашему мнению, именно система исполнения не дает должных результатов.

В результате проведенного научного исследования сформировано однозначное мнение о том, что сегодняшнее исполнительное производство Донецкой Народной Республики претерпевает трудности, это обусловлено отсутствуем систематизированного и упорядоченного нормативно-правового регулирования. Уровень важности рассматриваемого института требует особого внимания со стороны ученых-правоведов и практикующих юристов, указанные выше выводы автора статьи формируют единство мнений о необходимости реформирования исполнительного производства.

По итогам проведенного научного исследования формируется вывод о том, что разумный срок – это объективно выраженный период времени, в течение которого суд должен рассмотреть гражданское дело по существу, а органы исполнительной власти обеспечить принудительное исполнение вступившего в законную силу судебного акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 31.05.2016 года №7-37, в действующей редакции от 28.12.2020 г. Об утверждении Временного порядка об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики в новой редакции // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-7-37-20160531/ (дата обращения: 03.02.2022)

2. Дернова Д.В. Особенности исполнительного производства как стадии гражданского процесса // Исполнительное право. – М.: Юрист, 2009. № 2. С. 34-35. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lawlibrary.ru/article2100747.html(дата обращения: 03.02.2022)
3. Десятик М.С. Исполнительное производство как правовой институт российского законодательства // Исполнительное право. М.: Юрист, 2011. № 2. С. 26-30. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16517511(дата обращения: 03.02.2022)
4. Чухвичев Д.В. Исполнительное производство: учебное пособие для студентво вузов, обучащихся по специальности 03.05.01 «Юриспруденция». – М.: Закон и право, 2008. – 302 с.
5. Комаров В. В. Исполнительное производство: научно-практическое пособие / Баранкова В. В., Бигун В. А., и др. – Х.: Право, 2014. – 717 с.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 277-IIНС Принят Постановлением Народного Совета от 30.04.2021, действующая редакция по состоянию на 01.07.2021 // Официальный сайт Народного Совета ДНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/arbitrazhnyj-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения: 03.02.2022)

PROCEEDINGS ON CASES RELATED TO THE EXECUTION OF COURT DECISIONS OF ARBITRATION COURTS OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The scientific article deals with certain issues related to the proceedings on the enforcement of court decisions of the arbitration courts of the Donetsk People's Republic. It reveals certain issues of legal regulation of enforcement proceedings in the Donetsk People's Republic with reference to the relevant norms of enforcement proceedings and arbitration proceedings of the DPR. The author considers the issue of the place of enforcement proceedings in the system of arbitration proceedings, as well as the procedure for the execution of decisions of arbitration courts.
Keywords: writ of execution, arbitration court, enforcement, acts of the arbitration court, recoverer, debtor.

Kondratov V.
Scientific adviser: Savelyeva V.V., senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: ya.kondrat2011@gmail.com

УДК 342.7

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коротич Р.А.
Научный руководитель: Степанова Ю.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Появление, развитие и использование цифровых технологий неизбежно влекут за собой преобразования в различных сферах общественной жизни, что приводит к формированию новой социальной, экономической, политической и правовой реальности. В данной статье рассматривается право человека на неприкосновенность частной жизни, которое, в условиях цифровой реальности, неизбежно подвергается трансформации и изменениям. В ходе исследования было обращено внимание на существующие проблемы действующего законодательства относительно регламентации права человека на неприкосновенность частной жизни в связи с возросшей ролью сети Интернет.
Ключевые слова: цифровизация, права человека, цифровизация правовых отношений, Интернет, защита права на неприкосновенность частной жизни.

Права человека играют особую роль во взаимоотношениях человека, общества и государства. Это ценности, способные выравнивать условия жизни многих народов мира, инструменты, защищающие каждого индивида, привнося в его жизнь взаимопонимание и справедливость, мир и солидарность. Примером такого рода прав есть право на неприкосновенность частной жизни.

История возникновения и развития права человека на неприкосновенность частной жизни свидетельствует, что каждый индивид, его взгляды, убеждения и индивидуальные черты заслуживают уважения уже потому, что по своей природе он является человеком. Именно с этих позиций и стоит анализировать положения ст. 3 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – Конституции ДНР), где указано, что права и свободы человека являются высшей ценностью и подлежат признанию, соблюдению и защите со стороны государства [1]. Иначе говоря, право на частную жизнь трактуется как естественное, личное, неотъемлемое право лица, лишенное имущественного содержания, признанное и охраняемое государством.

Неотъемлемость права на неприкосновенность означает, что оно принадлежит конкретному лицу, которое не может отказаться от него или быть лишенным данного права. Оно может быть нарушено, уменьшено, но полностью человек не может его лишиться. Именно такой подход предоставляет возможности охарактеризовать изучаемый феномен как право фундаментальное. Абсолютность права на неприкосновенность частной жизни не зависит от воли законодателя и находит свое проявление в том, что человек вправе защищать его от всякого вмешательства, а также пользоваться им без какого-либо специального разрешения. Все остальные лица обязаны воздерживаться от нарушения, препятствования или даже содействия этому праву.

Право на частную жизнь лишено материального (имущественного) содержания, то есть оно не имеет денежно-имущественной ценности (стоимости), у него нет экономико-имущественного эквивалента. По своей природе оно не предполагает возникновение имущественных отношений, следовательно, даже если вторжение в сферу личных прав привело к негативным последствиям экономического характера для их носителя, такие права не наполняются материальным содержанием [2, с. 184].

Анализ права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 16 Конституции ДНР), дает возможность рассматривать его как комплекс субъективных прав в целом или в частности [1]. В целом, право на неприкосновенность частной жизни состоит из двух основных элементов:

1) право на уединение, которое заключается в самостоятельном выборе субъектом определенных сторон своей жизни – развлечений, привычек, личных идей и так далее;

2) право на общение, которое может подразделяться на общение в бытовой сфере (с семьей, друзьями), а также в трудовой сфере (взаимодействие с коллегами, партнерами) [3, с. 8].

Также данное право дает лицу, чья конфиденциальная информация содержится в материалах или документах, возможность ознакомления с ними (ст. 17 Конституции ДНР) [1].

В связи с развитием информационных технологий, возникает актуальный вопрос, касающийся защиты личных данных в сети Интернет. В странах Европы получило распространение право на цифровую смерть, заключающееся в распоряжении лицом своими персональными данными после смерти посредством завещания.

Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин отмечает, что на данном этапе «…зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта» [4].

В условиях цифровизации сфера права реорганизуется (форматируется) под влиянием возможностей современных цифровых технологий, что находит отражение во множестве новых правовых явлений, связанных с субъектами и объектами правового регулирования, спецификой правоотношений в цифровой реальности, и осмысления понятия и содержания цифровых прав и т.д. [5, с. 35].

Развитие цифровых технологий, распространение личной информации в сети Интернет в значительной степени упрощают нарушение права человека на

неприкосновенность частной жизни. Основным направлением развития законодательства в текущий период должно стать гарантирование обеспечения абсолютной безопасности частных сведений.

Защита права на частную жизнь обеспечивается установлением границ вмешательства государства и общества в частную жизнь индивида, что в значительной степени усложняется развитием и широким внедрением во все сферы человеческой жизни информационных технологий.

Однако право на неприкосновенность частной жизни заключается не только в невмешательстве со стороны государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сферы частной жизни людей, но и в обеспечении ими должной реализации такого права. Обеспечение происходит за счет установления административной, уголовной ответственности за противоправные действия ранее указанных лиц.

Таким образом, активное развитие общества, изменение его под влиянием технологий, несомненно, требует принятия соответствующих мер со стороны законодательных органов власти по урегулированию возникающих сфер общественных отношений. Изменение содержания права человека на неприкосновенность частной жизни является закономерным в связи с внедрением сети Интернет во все сферы человеческой жизни.

По нашему мнению, для упрощения реализации механизма применения норм уголовного и административного права в части привлечения к ответственности лиц, нарушивших права на неприкосновенность частной жизни, следует внести определенные изменения в положения Конституции ДНР и изложить ч. 2 ст. 16 Конституции в новой редакции: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, в том числе сведений, содержащихся в сети Интернет. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения» [1].

Также следует обратить внимание на закрепление «right to be forgotten», так называемое права на забвение, в законодательстве стран, в том числе Российской Федерации. Предоставление возможности удалять информацию персонального характера, которая распространяется с нарушением законодательства, а также является недостоверной либо неактуальной, позволит предоставить гражданам дополнительные гарантии защиты сведений, относящихся к их частной жизни, личной и семейной тайне.

Возникновение права на забвение напрямую соприкасается с правом на неприкосновенность частной жизни, поскольку его объектами выступают персональные данные, под которыми понимается любая информация, прямо или косвенно имеющая отношение к определенному физическому лицу. Чаще всего к такой информации относят фамилию, имя, отчество, дата рождения, место жительства и т.п. В сети Интернет хранятся эти данные достаточно длительное время, а доступ к ним облегчен, по сравнению с реальностью.

Помимо этого любые действия человека в Интернете оставляют определенный след, именуемый «цифровым». Раннее, всякая информация о людях, их персональные данные прекращали свое существование с момента наступления биологической смерти человека. В случае с цифровыми следами так не происходит.

Так, законодатель РФ дает определение понятию «право на забвение», в качестве права человека, позволяющего ему потребовать при определенных условиях удаления информации о нем из результатов поиска по имени лица. Это также относится и к той информации, которая может нанести личности вред [6]. Однако доступ к ней все же остается, удаляются лишь ссылки на страницы сайта, содержащего такую информацию.

В законе Российской Федерации перечислены основные позиции, согласно которым можно убрать данные:

1) информация нарушает законодательство РФ (например, оскорбления, незаконная обработка персональных данных и пр.);

2) ложная информация о человеке;

3) устаревшая информация;

4) информация, которая утратила значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

Некоторые государства продвинулись еще дальше и закрепили «право на цифровую смерть», которое действует по аналогии с завещанием. Французский закон № 2016-1321 от 7 октября 2016 г. о цифровой республике (государстве) позволяет гражданам на законодательном уровне обязать поставщиков online-услуг выразить волю гражданина по поводу дальнейшей судьбы его персональной информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики: принята 14 мая 2014 года Народным Советом ДНР (в ред. от 06.03.2020 г.) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/. – Дата обращения: 28.11.2020. – Загл. с экрана.
2. Михайленко, И. В. Понятие и содержание права на неприкосновенность частной жизни / И. В. Михайленко // Проблемы законности. – 2011. – №1. – С. 183-190.
3. Митцукова, Г. А. Право на неприкосновенность частной жизни как конституционное право человека и гражданина : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Митцукова Гелена Алексеевна ; Южно-Уральский государственный университет. – Екатеринбург, 2005. – 28 с. : ил. – Библиогр.: с. 8-12. – Место защиты: Уральская государственная юридическая академия. – Текст : непосредственный.
4. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
5. Карцхия, А. А. Цифровая трансформация и права человека / А.А. Карцхия // Русская политология. – 2018. – №4(9). – С. 33-38.
6. Кравчук, Н. В. ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ: ИНТЕРНЕТ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА [Электронный ресурс] / Н. В. Кравчук // Россия и современный мир. – 2016. – №2. – С. 231-238.

THE RIGHT TO PRIVACY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY: TRANSFORMATION AND PROSPECTS

Annotation. the emergence, development and use of digital technologies inevitably entail transformations in various spheres of public life, which leads to the formation of a new social, economic, political and legal reality. This article examines the human right to privacy, which, in the conditions of digital reality, is subject to transformation and change. In the course of the study, attention was drawn to the existing problems of the current legislation regarding the regulation of the human right to privacy in connection with the increased role of the Internet.
Keywords: digitalization, human rights, digitalization of legal relations, Internet, protection of the right to privacy.

Korotich R.
Scientific supervisor: Stepanova Y.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: r.korotich@mail.ru

УДК 343.24

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Кукояшная В.В.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Анализируются положения уголовного закона, отражающие специфику применения мер уголовно-правового принуждения к несовершеннолетним, а именно – принудительных мер воспитательного воздействия и особенности их реализации в рамках проводимой политики гуманизации уголовного законодательства.
Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетний, иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры воспитательного воздействия.

На современном этапе развития общества растут социальные, экономические проблемы, отсутствует определенная система моральных и нравственных ценностей, что показывает нестабильный характер жизни и отражается на молодом поколении, оказывая ни них негативное воздействие и способствуя совершению преступлений.

Преступность несовершеннолетних – крайне опасное явление для общества, препятствующее развитию современного государства. Люди, совершившие преступления в раннем возрасте, не осознают своих прав и обязанностей.

Увеличивается не только количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, но и их общественная опасность. Уголовная ответственность представляет собой реакцию государства на совершение преступного деяния, и включает в себя ответственность лица за содеянное перед государством. Особенностям уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних посвящена глава 14 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР).

В соответствии с Минимальными стандартными правилами ООН относительно осуществления судопроизводства в отношении несовершеннолетних 1985 г. («Пекинские правила») несовершеннолетний – это ребёнок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечён за правонарушения к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому [1, с. 63]. Согласно части 1 статьи 88 Уголовного кодекса ДНР несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет [2].

Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего как субъекта преступления, лежит в основе ювенального права, которое является динамично развивающейся комплексной отраслью российского права, имеющей одной из своих целей защитить подростков от воздействия преступности. Криминологические исследования свидетельствуют, что совершение общественно опасных деяний в несовершеннолетнем возрасте существенно повышает их рецидив, а рецидивная преступность, в свою очередь, «черпает силы» именно в преступности несовершеннолетних.

На основе данных о преступности несовершеннолетних, можно выделить следующие факторы:

1) преступниками становятся в большей степени подростки, которые воспитываются в неблагополучных, а также неполных семьях;

2) к совершению преступления подростка могут подталкивать корыстные цели других людей, так как несовершеннолетние легко подвластны влиянию;

3) большая часть преступлений совершается группой несовершеннолетних, объединенных общей целью;

4) предпосылкой к совершению преступного деяния является юридическая безграмотность.

При назначении наказания учитываются факторы, оказывающие воздействие на лицо, преступившее закон, а именно: интеллектуальное и физическое соответствие несовершеннолетнего своему возрасту, индивидуальные особенности личности, уровень правового воспитания, условия жизни.

Однако, «традиционные карательные средства уголовного права не всегда срабатывают именно в отношении несовершеннолетних, поскольку возрастные особенности делают эффективным восприятие, как правило, мер воспитательного воздействия» [3, с. 11]. Ю.Е. Пудовочкин, отмечал, что «качество и пределы» уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от преступных посягательств определяются «спецификой взаимоотношений между государством и семьей». Государство вправе вмешиваться во внутреннюю жизнь семьи и брать на себя функцию защиты несовершеннолетних, когда «семья превращается в источник их эксплуатации и злоупотреблений».

Уголовно-правовые средства регулирования семейных и ювенальных отношений «вступают в действие», когда отсутствие такого вмешательства способно создать угрозу жизни и здоровью членов семьи; их физическому, нравственному, эмоциональному благополучию; свободному и разумному осуществлению членами семьи своих прав. При этом «в ситуации, когда интересы ребенка и интересы семьи в целом или ее взрослых членов противоречат друг другу, приоритет должен принадлежать интересам детей» [4, с. 12–13].

Большинство исследователей, считают, что уголовно-правовая политика в отношении несовершеннолетних преступников должна быть направлена к всестороннему обеспечению прав и интересов ребенка нормами уголовного права. Авторами определяются основные направления уголовно-правовой политики в отношении лиц, которые совершили преступления в несовершеннолетнем возрасте:

а) дальнейшая гуманизация уголовного законодательства по борьбе с преступлениями несовершеннолетних;

б) использование мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести;

в) максимальное использование в отношении несовершеннолетних, совершающих преступления, уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией от общества;

г) обеспечение уголовно-правовыми средствами всех юридических льгот несовершеннолетних, гарантированных Конвенцией ООН о правах ребенка.

Принудительные меры воспитательного воздействия, которые определены в ст. 91 УК ДНР, могут быть назначены несовершеннолетнему, совершившему преступление небольшой или средней тяжести, как в рамках освобождения от уголовной ответственности, так и в случае освобождения от наказания, если его исправление может быть достигнуто без применения наказания. Таким образом, идентичные по своей сущности лишения и ограничения, испытываемые несовершеннолетним, могут выступать и содержанием уголовной ответственности, и мерой государственного принуждения, обособленной от нее.

Применение принудительных мер воспитательного воздействия не порождает возникновение судимости. В то же время освобождение от наказания с их применением свидетельствует о юридическом факте в виде привлечения лица к уголовной ответственности и его осуждения. Так, вышеизложенное свидетельствует о внутренней несогласованности института принудительных мер воспитательного воздействия. В

одном случае они могут назначаться в рамках освобождения от наказания, в другом – от уголовной ответственности. Оба случая являются допустимыми, что является неверным с точки зрения законодательной систематизации, структуры мер уголовно-правового воздействия.

На сегодняшний день имеется достаточный теоретико-прикладной опыт в указанном направлении, позволяющий проработать этот вопрос на законодательном уровне. В частности, считаем необходимым разграничить меры государственного принуждения, применяемые в отношении несовершеннолетнего.

Так, в случае освобождения от уголовной ответственности следует применять исключительно принудительные меры воспитательного воздействия, а при освобождении от наказания к несовершеннолетнему должны быть применены более строгие меры. С момента законодательного закрепления института принудительных мер воспитательного воздействия до настоящего времени в теории уголовного права дискуссионным видится вопрос об определении сущности рассматриваемых мер.

Все имеющиеся доктринальные подходы относительно данного вопроса можно с определённой долей условности представить в следующем виде.

Принудительные меры воспитательного воздействия выступают как:

– вид наказания [5, с. 23];

– материальное выражение уголовной ответственности [6, с. 175];

– самостоятельная форма реализации уголовной ответственности [7, с. 8];

– иная, отличная от уголовной ответственности, мера уголовно-правового характера [8, с. 36].

Полагаем, что представление принудительных мер воспитательного воздействия в качестве материального выражения уголовной ответственности выглядит небезупречным. При освобождении лица от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия уголовная ответственность отсутствует априори. При освобождении от наказания сущность рассматриваемых мер принципиально не меняется.

Карательный потенциал, присущий исключительно наказанию, как общепризнанной форме реализации уголовной ответственности, отсутствует.

Принудительные меры воспитательного воздействия, в первую очередь, направлены на воспитание несовершеннолетних лиц, в том числе тех, которые нуждаются в особых условиях воспитания, обучения и требуют специального педагогического подхода [9, с. 5].

Прослеживается тенденция уподобления принудительных мер воспитательного воздействия принудительным мерам медицинского характера. Лицо, совершившее деяние, запрещённое уголовным законом, в силу психического расстройства, не в состоянии осознать противоправность своих действий и претерпеть негативные последствия совершенного деяния в рамках реализации уголовной ответственности. Несовершеннолетний не имеет указанной возможности в связи с возрастной (социальной) незрелостью.

Эффективность реализации принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, совершивших деяние, запрещенное уголовным законом, является весьма спорным и обсуждаемым вопросом в теоретико-прикладных исследованиях. На основании полемики на страницах юридических изданий одни ученые склонны полагать данную деятельность неэффективной.

Свою позицию они обосновывают формированием у подростка мнения о безнаказанности за свои действия, отсутствием чувства ответственности за наступившие последствия, совершением в дальнейшем повторных противоправных деяний. Другие ученые отстаивают позицию о несовершенстве лишь некоторых принудительных мер воспитательного воздействия (предупреждение, передача под

надзор родителей или лиц, их заменяющих), указывая на необходимость пересмотра их содержания. Наконец, третья группа исследователей уверена в том, что регламентированные законом меры могут служить эффективными средствами формирования законопослушной личности несовершеннолетнего.

В правоприменительной практике принудительные меры воспитательного воздействия, в отличие от иных мер государственного принуждения, применяются редко, что также свидетельствует о наличии доли сомнения в их эффективности.

Таким образом, несовершеннолетний, равно как и «ограничено вменяемое» лицо, по формальным признакам потенциально может нести уголовную ответственность. Однако рассматриваемая потенциальная готовность и ее целесообразность с учетом принципов гуманизма, экономии мер уголовной репрессии в ряде случаев становится нецелесообразной. В связи с этим для соблюдения интересов рассматриваемых категорий граждан и принципа экономии мер уголовной репрессии действующим УК ДНР и предусмотрен институт иных мер уголовно-правового характера, применение которого возможно в сочетании с уголовным наказанием.

Принудительные меры воспитательного воздействия по своей сущности представляют собой обособленную от уголовной ответственности меру государственного принуждения. Обособленность принудительных мер характеризуют присущие ей:

– цели: воспитание, обучение, реинтеграция в социум;

– основание применения;

– состояние лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние (социальная незрелость).

Требуется пересмотр, как института принудительных мер воспитательного воздействия, так и раздела УК ДНР, посвященного особенностям уголовной ответственности несовершеннолетних.

В частности, предлагается дифференцировать принудительные меры воспитательного воздействия в соответствии с их правовой сущностью, содержанием и целями. Разграничить назначение принудительных мер воспитательного воздействия в рамках освобождения от наказания, и в рамках освобождения от уголовной ответственности. Оба случая являются допустимыми в законодательстве, что является неверным с точки зрения законодательной систематизации, структуры мер уголовно-правового воздействия.

Предложенные изменения будут способствовать совершенствованию института уголовной ответственности несовершеннолетних в целом и повышению эффективности принудительных мер воспитательного воздействия – в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кибальник А.Г. Об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Общество и право. – 2015. – № 2. – С. 63- 68.

2. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Закон Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 (действующая редакция по состоянию на 28.12.2021) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (дата обращения 10.01.2022).

3. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2019. –52 с.

4. Трапаидзе К.Э. Несовершеннолетний как виновный и как потерпевший: к вопросу о формулировках в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. – № 1. – С. 173–178.

5. Борисова И.В. Особенности применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия. Эффективность и последствия данного вида наказания // Современная

пенитенциарная система российского государства: от теории к практике и международным стандартам: материалы межвузовской науч.-практич. конф. Псков, 2021. – С. 22–26.
6. Трапаидзе К.Э. Несовершеннолетний как виновный и как потерпевший: к вопросу о формулировках в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. – С. 173–178.
7. Иванов П.В. Принудительные меры воспитательного воздействия в уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. – 71 с.
8. Боровиков С.А. О месте принудительных мер воспитательного воздействия в системе мер уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. – № 3. – С. 34–37.
9. Борисова И.В. Особенности применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия. Эффективность и последствия данного вида наказания // Современная пенитенциарная система российского государства: от теории к практике и международным стандартам: материалы межвузовской науч.-практич. конф. Псков, 2021. –С. 22–26.

FEATURES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PUNISHMENT OF MINORS

Annotation. This study examines the features of criminal liability and punishment of minors. The provisions of the criminal law are analyzed, reflecting the specifics of the application of measures of criminal law coercion to minors, namely, compulsory measures of educational influence and the features of their implementation within the framework of the ongoing policy of humanization of criminal legislation.
Keywords: criminal liability, minor, other measures of a criminal law nature, compulsory measures of educational influence.

Kukoyashnaya V.
Scientific adviser: Semykina L., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: vlada_kukoyashnaya@mail.ru

УДК 34.03

«ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ» И «ЭКСТРАТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ» ДЕЙСТВИЕ ПРАВА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ МЕХАНИЗМА УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЕЛОВ ДЕЙСТВИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ

Кучерявых В.Э.
Научный руководитель: Косач Н.Е., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию вопросов экстерриториального и экстратерриториального действия нормативных правовых актов. В рамках настоящего исследования конкретизировано понятие «действие права», определена сущность экстерриториального и экстратерриториального действия права и нормативно-правовых актов, внесено предложение о совершенствовании действующего законодательства о нормативных правовых актах в Донецкой Народной Республике.
Ключевые слова: пространство, действие права, экстерриториальность, нормативный акт, правовое пространство.

В настоящее время, вопросы действия нормативных правовых актов на территории Донецкой Народной Республики являются актуальной и значимой темой. Современное политико-правовое состояние Донецкой Народной Республики в международном сообществе определяет ряд вопросов правоприменения, связанных с экстерриториальным и экстратерриториториальным действием. Динамика развития общественных отношений в данной сфере свидетельствует о необходимости

разработки и принятия таких правовых предписаний, которые установят единый механизм, определяющий пространственные пределы действия нормативных правовых актов в пространстве за пределами Донецкой Народной Республики. Разрешение указанных вопросов на практике осложнено отсутствием единообразных позиций в современной правовой доктрине относительно понятия «действие права», а также соотношения понятий «экстерриториальность» и «экстратерриториальность» как элементов действия нормативных актов в пространстве. В связи с этим, представляется целесообразным, установить единообразные позиции, которые выступят теоретической основой для внесения соответствующих изменений, направленных на совершенствование института действия нормативных правовых актов в пространстве. Стоит дополнить, что теоретическое осмысление соотношения таких понятий как «экстратерриториальное» и «экстерриториальное» действия права позволят установить в дальнейшем направления совершенствования правового регулирования механизма установления пространственных пределов действия права и, как следствие, нормативно-правовых актов. Указанные вопросы имеют существенное значение для правоприменения, поскольку являются общим для многих отраслей права, в частности, уголовного, гражданского, семейного и др.

Теоретические основы действия нормативных правовых актов в пространстве рассматривались многими учеными, однако в рамках данного исследования целесообразно выделить таких ученых, как Алексеев С.С., Белкин А.А., Гойман В.И. и др.

Целью данной статьи следует считать конкретизацию понятия «действие в праве», проведение теоретического осмысления экстратерриториального и экстерриториального действия нормативных правовых актов, внесение предложений в действующее законодательство, регламентирующее основы действия нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики в пространстве.

Пространственные действия в правовом пространстве и правовой действительности следует определить, как функционирование отдельных правовых предписаний, которые, в свою очередь, составляют действие всей правовой системы. Однако многие ученые-правоведы ограничивают действие права лишь его составляющей правового регулирования, оставляя без должного внимания дальнейшее влияние права на правовую действительность. Подобное ограниченное исследование не позволяет всесторонне и объективно исследовать такую содержательно широкую категорию как «действие в праве» и тем самым ограничив её исключительно правовыми механизмами регулирования общественных отношений. Подобный подход не позволит в полной мере установить пространственные пределы экстерриториального и экстратерриториального действия нормативных правовых актов в пространстве. В связи с этим, следует выделить отдельные позиции представителей правовой доктрины, которые исследовали указанную категорию через призму всестороннего воздействия на общественные отношения, а не только через сферу регулирования общественных отношений. Так, С.С. Алексеев указывает, что под действием в праве следует понимать пути и формы влияния права, а также способы его реализации в практической жизнедеятельности социума [1, с. 128]. Также считаем целесообразным выделить мнение В.И. Гоймана, который утверждает, что «свойство права вызывать действия фактическим поступком объекта правовой нормы, в результате чего реализуются цели правовой нормы. Здесь действие права охватывает своим содержанием соответствующий правовым нормам поступок, а также социальный результат воздействия права» [2, с. 12]. Из позиций указанных авторов исходит, что действие права представляет собой не только правовой механизм регулирования общественных отношений, а, в большей степени, конклюдентное действие субъекта права, направленное на достижение факта реализации сознательного способа осуществления

регулятивной деятельности в праве, оказание всестороннего воздействия на другие стороны социально-правовых процессов. Аналогичной позиции придерживается А. В. Поляков, указывая, что в рамках правовой системы происходит системное функционирование, которое проявляется через социально-правовые коммуникации, в результате которых осуществляется легитимация прав и обязанностей субъектов, перерастающих в правоотношения, которые, в свою очередь, складываются в активное и пассивное правовое поведение в соответствии с имеющимися права и обязанностями указанных субъектов [3, с. 631]. В подтверждение этому, целесообразно выделить позицию еще дореволюционного правоведа Н.К. Ренненкампфома, который определял, что: «То, что не осуществляется, то не может быть признано правом как таковым, поскольку право может быть только активнодействующим» [4, с. 28].

Изложенное позволяет нам прийти к выводу, что под действием права, наиболее целесообразно понимать совокупное функционирование права, направленное на регулятивное, информационное и ценностно-мотивационное воздействие на урегулированные отношения субъектов права, проявляющих активнодействующую волю к реализации субъективных прав и обязанностей.

Данное определения и выделенный из доктрины теоретический материал позволяет указать, что выделяемое из территориального принципа действие нормативных правовых актов в пространстве, их экстерриториальное и экстратерриториальное действие будет реализовано только при активном действии субъектов права, направленных на реализации субъективных прав и обязанностей. Действие права ограничивается активным поведением субъектов права, а, следовательно, экстерриториальное и экстратерриториальное действие нормативных правовых актов аналогично ограничено данными критериями.

Целесообразно также рассмотреть вопрос о соотношении экстерриториального действия нормативных правовых актов в пространстве и их экстратерриториальное действие, поскольку в современной правовой доктрине, в отдельных позициях, данные категории используются как смежные. Так, И.И. Лукащук утверждает, что «экстратерриториальное» подразумевает «выходящее за пределы территории», а «экстерриториальное» означает «находящееся вне территории». Следовательно, автор, различие данных категорий определяет тем, что «экстерриториальное» действие в пространстве следует определять, как действие права как в рамках правового поля и правовой действительности государства, так и за его пределами; в свою очередь «экстерриториальное» действие права реализуется исключительно вне пределов государства [5, с. 251].

Заслуживает внимания позиция Е.В. Белякович, которая осуществила исследование экстерриториального действия права в широком и узком смысле. Автор указала, что в широком смысле экстерриториальность представляется собой действие правовых предписаний за пределами государства, принявшего данные предписания, в связи с чем, экстерриториальность отождествляется с экстратерриториальностью. В узком смысле, экстерриториальность определяется как действие правовых предписаний одного государства на территории другого, и, следовательно, нераспространение пространственного действия последнего субъекта на правоотношения, регулируемые нормативно-правовыми актами государства, принявшего данные правовые предписания. Иными словами, экстерриториальное действие заключается в привилегированном регулировании правоотношений нормативно-правовыми нормами зарубежного государства, в соответствии с принципами и нормами международного права, устанавливающего пределы подобного воздействия. Экстратерриториальность понимается как действие правовых норм за пределами принявшего их государства. Следовательно, Е.В. Белякович, рассматривает экстерриториальность и экстратерриториальность как смежные категории, имеющее входную содержательную характеристику [6, с. 11].

Однако наиболее обоснованной и справедливой, считаем, является позиция А. А. Самарина, который указал, что экстратерриториальность определяется как распространение юрисдикции за пределы границ государства. Она включает в себя определенные права, обязанности и привилегии, которые пользуется гражданин, пребывающий на территории другого государства. Иными словами, автор подразумевает, что гражданин, находящийся за пределами государства освобождается от территориальной юрисдикции принимающего государства. В свою очередь, экстерриториальность рассматривается автором как распространение иммунитетов и привилегий на дипломатических агентов и сопровождающих его лиц, в соответствии с международным правом [7, с. 13]. Таким образом, различие данных категорий, согласно указанной позиции автора, заключается в субъектном составе, а также распространяющимися на субъекты правами, обязанностями и привилегиями, регламентированными национальным законодательством.

Изложенные позиции, в рамках ранее полученных выводов в настоящем исследовании, позволяют сделать вывод о том, что экстерриториальное действие права заключается в распространении юрисдикции государства на правоотношения, возникшие в связи с активным действием субъекта права, на внутреннее правовое пространство зарубежного государства. При этом, в рамках правового пространства зарубежного государства реализуется правовой статус и правовое положение субъекта права, регламентированные его национальным законодательством.

Экстратерриториальность заключается в инициативном активном действии субъекта права, направленном на преодоление границы предела воздействия права по отношению к объекту действия права. Таким образом, под экстратерриториальным действием права следует понимать внешнее проникновение на территорию действия объекта или субъекта права без изменения его правового статуса и правового положения, другим словами вторжение в чужую среду права для формирования пространственных действий правового пространства сверх другого действия права.

Таким образом, соотношение исследуемых категорий заключается в том, что экстерриториальное действие проявляется в распространении (передаче) одним государством в отношении субъекта права своего действия права, тем самым осуществляется «раздвижение» пространства действия права государства в рамках правового пространства принимающего государства. Экстратерриториальное действие заключается в создании единого правового пространства как принимающей, так и проникающей стороны, при котором сторона, которая принимает это действие права на себя, размещает его поверх своего существующего пространства действия права.

Реализация данной сложной процедуры зависит от состояния установленных ограничений предела действия права на территории принимающего государства, с учетом положений международного права. В свою очередь, основы экстратерриториального и экстерриториального действия основаны на взаимодействии норм национального и международного права, которые в совокупности образуют пространственные пределы действия права, регламентированного нормативными правовыми актами.

Стоит также дополнить, что пределы действия права, в рамках настоящего исследования, ограничиваются не только действиями, которые предусмотрены действующими нормативными правовыми актами, но и действиями, которые косвенно касаются или вытекают из указанных правовых предписаний, который также по своей сущности и содержанию являются правовыми. Следовательно, сущности предела пространственного действия права и правового регулирования государством различаются, поскольку не всегда, действия, находящиеся в пределах пространственного действия права, находят одобрение и оценку правовым регулированием государства. Сущность пространственного предела действия права в

пространстве исходит из восприятия права отдельным субъектом права на уровне его психики и правомерных коллегиальных действий самих субъектов права, основанных на фактической деятельности и лишь много позже удостоверяемой и регулируемой самим государством, и его законотворческой деятельностью.

Изложенное свидетельствует о необходимости расширения пространственных пределов действия права государства на правоотношения, как возникшие на территории зарубежного государства, так и продолжающего действие на его территории. Данный вывод исходит как из суверенитета государства. Следовательно, полученные результаты теоретического осмысления таких правовых категорий, как «экстерриториальность» и «экстратерриториальность» позволяют говорить о необходимости внесения изменение в ст. 46 Закона Донецкой Народной Республики «О нормативных правовых актах». Так, указанную норму целесообразно изложить в следующем содержании:

«Действие нормативного правового акта в пространстве в зависимости от правового статуса субъекта правотворчества и его содержания распространяется на всю территорию Донецкой Народной Республики, соответствующую административно-территориальную единицу Донецкой Народной Республики или на определенную ее часть. Действие нормативного правового акта Донецкой Народной Республики, в соответствии с нормами и принципами международного права, заключенным международным договором Донецкой Народной Республики, при наличии соответствующего указания в нормативном правовом акте, может распространяться за пределами Донецкой Народной Республики». [8]

Внесение указанного изменении установит правовую основу для реализации экстерриториального и экстратерриториального действия нормативных правовых актов за пределами Донецкой Народной Республики.

В рамках настоящего исследования было проведено теоретическое осмысление экстратерриториального и экстерриториального действия нормативных правовых актов, проведена конкретизация понятия «действие права», предложено изменение в Закон Донецкой Народной Республики «О нормативных правовых актах», создающее правовую основу для реализации указанных категорий в правовой действительности.

Так, было установлено, что действие права – совокупное функционирование права, направленное на регулятивное, информационное и ценностно-мотивационное воздействие на урегулированные отношения субъектов права, проявляющих активнодействующую волю к реализации субъективных прав и обязанностей.

Было установлено, что соотношение экстерриториального и экстратерриториального действия права в пространстве заключается в том, что экстерриториальное действие проявляется в распространении (передаче) одним государством в отношении субъекта права своего действия права, тем самым осуществляется «раздвижение» пространства действия права государства в рамках правового пространства принимающего государства. Экстратерриториальное действие заключается в создании единого правового пространства как принимающей, так и проникающей стороны, при котором сторона, которая принимает это действие права на себя, размещает его поверх своего существующего пространства действия права.

Полученные результаты теоретического осмысления таких правовых категорий, как «экстерриториальность» и «экстратерриториальность» позволяют говорить о необходимости внесения изменение в ст. 46 Закона Донецкой Народной Республики «О нормативных правовых актах». Так, указанную норму целесообразно изложить в следующем содержании:

«Действие нормативного правового акта в пространстве в зависимости от правового статуса субъекта правотворчества и его содержания распространяется на всю территорию Донецкой Народной Республики, соответствующую административно-

территориальную единицу Донецкой Народной Республики или на определенную ее часть. Действие нормативного правового акта Донецкой Народной Республики, в соответствии с нормами и принципами международного права, заключенным международным договором Донецкой Народной Республики, при наличии соответствующего указания в нормативном правовом акте, может распространяться за пределами Донецкой Народной Республики».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С.С. Общая теория права: учебник/ С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит. – Т. 2. – 359 с.
2. Гойман, В.И. Действие права: (Методологический анализ): автореф. дис. ... д.ю.н.: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений / Академия МВД РФ/ Гойман Владимир Иванович. – Москва, 1992. – 42 с.
3. Поляков, А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник/ А. В. Поляков. Спб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 863 с.
4. Ренненкампф, Н.К. Юридическая энциклопедия/ Н.К. Ренненкампфа. – 4-е изд. – Киев; Санкт-Петербург: Н.Я. Оглоблин, 1913. – 294 с.
5. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть: учебник/ И. И. Лукашук. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клу-вер, 2005. – 415 с.
6. Белякович, Е.В. Пространственное действие правовых норм: автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений/ Белякович Елена Васильевна; Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского/ Белякович Елена Васильевна. – Омск, 2009. – 22 с.
7. Самарин, А.А. экстерриториальное действие права: автореф. дис. … к.ю.н.: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений/ РГУП/ Самарин Алексей Алексеевич. – Нижний Новгород, 2016. – 34 с.
8. О нормативных правовых актах: Закон Донецкой Народной Республики № 72-IНС от 07.08.2015 (С изменениями, внесенными Законами от 22.09.2021 № 322-IIНС) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: сеть «Интернет»: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/ (дата обращения: 02. 11. 2021). – Загл. с экрана.

THE «EXTRATERRITORIAL» AND «EXTRATERRITORIAL» EFFECT OF LAW AS COMPONENTS OF THE MECHANISM FOR ESTABLISHING THE SPATIAL LIMITS OF THE VALIDITY OF NORMATIVE LEGAL ACTS IN SPACE

Annotation. This scientific article is devoted to the study of issues of extraterritorial and extraterritorial action of regulatory legal acts. Within the framework of this study, the concept of "action of law" has been concretized, the essence of the extraterritorial and extraterritorial action of normative law and normative legal acts has been determined, a proposal has been made to improve the current legislation on normative legal acts in the Donetsk People's Republic.
Keywords: space, action of law, extraterritoriality, normative act, legal space.

Kucheriavikh V.
Scientific supervisor: Kosach N.E., Senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: vkuceravih@gmail.com

УДК 349.41

ЗЕМЕЛЬНЫЕ СПОРЫ И ПОРЯДОК ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Лебединская А.С.
Научный руководитель: Барбашова Н.В., д.ю.н., профессор
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная статья посвящена теоретико-правовому анализу земельных споров и порядка их разрешения в Донецкой Народной Республике. Изучены подходы к определению понятия «земельные споры» и выведены ключевые черты споров: субъекты, объекты и основания. Приведена классификация категорий земельных споров. Проанализирована досудебная процедура разрешения земельных споров в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики. Указаны различия между земельным спором и конфликтом в земельных правоотношениях. Изложены ключевые этапы возникновения и развития земельных споров. Разработано авторское определение дефиниции «земельный спор».
Ключевые слова: земельный спор, земля, земельное законодательство.

В Земельном кодексе РФ термин «земля» трактуется как природный объект, являющийся основой жизни и деятельности человека. Регулирование отношений по использованию и охране земли осуществляется исходя из представлений о земле как о природном объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы, природном ресурсе, используемом в качестве средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве и основы осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории РФ, и одновременно как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных прав на землю [1, с. 282].

В настоящее время в Российской Федерации только на федеральном уровне действуют около сотни нормативных актов различной юридической силы, регулирующих разные аспекты земельных отношений. Известно [2, с. 50], что количество споров, связанных с земельными правоотношениями, из года в год увеличивается, и большинство дел связано с разрешением споров о праве собственности на землю, вытекающих из различных правоотношений, связанных с собственностью на земельные участки. В настоящее время земельные споры представляют собой одну из сложнейших категорий судебных дел. Земля является достаточно ограниченным ресурсом и входит в круг интересов большого количества субъектов земельных правоотношений. Отношения между собственниками земельных участков строятся на основе свободы осуществления субъективных прав в той мере, в какой это не наносит вреда правам и интересам других лиц, а также окружающей природной среде. Но не всегда интересы собственников земельных участков совпадают и являются правомерными, это приводит к возникновению земельных споров, что делает тему исследования весьма актуальной.

Общие проблемы определения понятия земельного спора исследовали такие ученые, как Н.А. Алексеева, В. И. Андрейцев, Е. С. Бердников, С. А. Боголюбов, Л. А. Бондарь, А. П. Гетьман, Р. К. Гусев, Д. М. Дикусар, Б. В. Ерофеев, И. А. Иваницкая, Н. Д. Казанцев, П. Ф. Кулинич, Л. В. Лейба, Н. Н.Осокин, В. В. Петров, В. В. Романов, В. И. Семчик, В. Х. Улюкаев, Ю. М. Федорова, Г. В. Чубуков, М. В. Шульга и другие.

Целью статьи является раскрытие сущности и предоставление более полного определения понятия «земельный спор». Для достижения поставленной цели необходимо отразить в таком понятии и материальный, и процессуальный аспект, а также рассмотреть динамику его развития.

Говоря о понятии «земельный спор», большинство правоведов пытались вложить свой определенный смысл в этот термин, основываясь на научных трудах, судебной практике и тому подобное.

Б. В. Ерофеев считает, что земельный спор – это обсуждение и доказывание своих прав на землю с соблюдением установленной процессуальной процедуры и равноправие перед законом всех участников земельных отношений [3, с. 50].

А. Г. Нецветаев отмечает, что понятие земельного спора необходимо представлять как конфликт, возникающий между субъектами права на землю, а также между ними и государственными органами, органами местного самоуправления по вопросам собственности на землю, землевладения и землепользования [4, с. 75].

А.Г. Бариев, исходя из понимания спора, как взаимного притязания нескольких сторон на один и тот же объект, разрешаемого в судебном порядке, под земельным спором понимает конфликт между субъектами права на землю и государственными органами по вопросам владения, распоряжения и пользования землей. Предметом земельного спора, по его мнению, может послужить любая конфликтная ситуация, связанная с земельным участком [2, с. 50].

Надо отметить и подход, предоставленный в работе Г. А. Свешникова, согласно которому «земля, выступая дополнительным предметом в гражданско-правовых спорах, внедряет свои свойства в специфику их разрешения, а приоритет свойств этого объекта гражданских прав позволяет сделать вывод о том, что это разновидность земельного спора» [5, с. 12].

Как отмечает С.А. Фролов, судебный порядок рассмотрения земельных и экологических споров мало чем отличается от общего порядка рассмотрения исков [6, с. 44-47]. Участником земельных и экологических отношений, считающим, что его право нарушено либо оспорено, подается в суд иск, заявление, жалоба, в которых излагаются основные обстоятельства возникшего земельного спора, в соответствии с установленной в законодательстве процедурой. Тем не менее, существуют определенные особенности рассмотрения и разрешения судами данной категории дел.

Рассмотрим наиболее очевидную классификацию, возникающую из земельных отношений, в которой выделяются три категории споров:

1. Земельные споры, возникающие из-за нарушения или оспаривания прав физических или юридических лиц на землю.

2. Земельные и имущественные споры. Они связаны как с нарушением прав на землю, так и с возмещением убытков и ущерба, причиненных этим нарушением. В суде и арбитражном суде дела по этим спорам могут рассматриваться в одном порядке.

3. Имущественные споры, возникающие из земельных отношений. Данная категория не подразумевает спора о праве на землю, но включает в себя имущественные споры в сфере землепользования и управления.

В Донецкой Народной Республике земельные отношения регулируются Конституцией ДНР и другими нормативными правовыми актами [7-9]. Так, законодательством предусмотрена процедура разрешения земельных споров, при этом субъекты имеют права обращаться в судебные учреждения, обжаловать действия или бездействие государственных органов и органов местного самоуправления. Для понимания особенностей защиты земельных прав граждан в спорах с коллегиальными субъектами властных полномочий необходимо исследование принципов организации их работы, функциональной нагрузки и полномочий в области земельных правоотношений и ответственности. Правовая природа коллегиальных субъектов властных полномочий, что проявляется в их свойствах, непосредственно влияет на выбор способов защиты земельных прав граждан [10, с. 192].

Коллегиальность как форма организационного устройства коллегиального субъекта властных полномочий предполагает применения коллегиальных форм работы при принятии решений, то есть группы лиц, которые совместно в пределах полномочий, обобщенных законодательно определенной компетенцией, формируют и принимают решение. Такая общность деяний / решений тесно связана с вопросом

кворума, необходимого для легитимизации деятельности и принятого решения [11, с. 144].

На данный момент законодательство устанавливает определенные гарантии защиты обжалованных или нарушенных прав собственников, землевладельцев, землепользователей и арендаторов земельных участков и оговаривает механизмы их осуществления. Земельные споры возникают в тех случаях, когда действия участников земельных отношений, а также государственных органов, или их безосновательное бездействие, например, уклонение от исполнения обязанностей, нарушают права и интересы других лиц. Выделяют несколько основных причин, вследствие которых возникают земельные споры. К ним нужно отнести:

– недобросовестное поведение отдельных субъектов земельных правоотношений;

– недостаточный уровень владения нормативно-правовой базой земельного законодательства субъектами земельных отношений;

– существующие недостатки в действующем законодательстве;

– недостатки в работе должностных лиц исполнительных органов власти и органов местного самоуправления [10, с. 25].

Сложная ситуация в земельной сфере страны обусловлена следующими причинами:

– отсутствие надлежащей государственной земельной политики и механизмов ее реализации;

– недооценка содержания, сложности, масштабов и специфики государственной земельной политики в ходе осуществления экономических реформ;

– игнорирование ресурсно-комплексного подхода к развитию сельских территорий в процессе земельных преобразований;

– отсутствие последовательной государственной политики, комплексного развития земельного законодательства, формирования и развития инфраструктуры ипотечного кредитования и рынка земель сельскохозяйственного назначения [12, с. 10-12].

Процедура разрешения земельных споров закреплена в Земельном кодексе Украины до 2014 года [13], действующем в Донецкой Народной Республике на основании Постановления Совета Министров ДНР от 02 июня 2014 года № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходной период», и во Временном порядке рассмотрения земельных споров территориальными органами администрации г. Донецка [14].

Согласно статье 158 Земельного кодекса Украины определены органы, которые решают земельные споры, в частности, в соответствии с положениями указанной статьи земельные споры решаются судами, органами местного самоуправления и центральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере земельных отношений.

Исключительно судом решаются земельные споры по поводу владения, пользования и распоряжения земельными участками, находящимися в собственности граждан и юридических лиц, а также споры по разграничению территорий сел, поселков, городов, районов и областей.

Органы местного самоуправления (областные, районные советы, сельские, поселковые, городские советы и их исполнительные органы, районные в городах советы) решают земельные споры в пределах населенных пунктов относительно границ земельных участков, находящихся в собственности и пользовании граждан, и соблюдения гражданами правил добрососедства, а также споры о размежевании границ районов в городах.

Центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере земельных отношений, решает земельные споры относительно

границ земельных участков за пределами населенных пунктов, расположения ограничений в использовании земель и земельных сервитутов.

В случае несогласия собственников земли или землепользователей с решением органов местного самоуправления, центрального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере земельных отношений, спор решается судом.

Существует два порядка разрешения земельных споров – судебный и внесудебный.

Внесудебный порядок решения земельных споров регламентируется положениями статей 159-161 Земельного кодекса Украины и предписаниями ранее указанного Временного порядка.

Так, органами, разрешающими земельный спор на подведомственной территории, а также на территориях населенных пунктов, сельские и поселковые администрации которых временно являются территориальными органами администрации г. Донецка, являются администрации районов г. Донецка.

Стороны, участвующие в земельном споре, обязаны добросовестно пользоваться своими правами и способствовать своими действиями своевременному и правильному рассмотрению земельного спора. Для рассмотрения земельных споров создается комиссия по рассмотрению земельных споров. Комиссия имеет право продлить недельный срок рассмотрения земельного спора при возникновении обстоятельств, делающих невозможным рассмотрение земельного спора, не боле чем на один месяц. Для разъяснения отдельных вопросов, возникающих при рассмотрении земельного спора и требующих специальных знаний, комиссия может привлекать к своей работе специалистов, имеющих разрешения (лицензии) на осуществление соответствующего вида деятельности. Протокол является основанием для подготовки проекта распоряжения главы территориального органа о рассмотрении земельного спора. В распоряжении главы территориального органа о рассмотрении земельного спора определяется порядок его исполнения.

Следует добавить, что не стоит смешивать земельный спор и конфликт в сфере земельных правоотношений. Конфликт в сфере земельных правоотношений – это неурегулированная расхождение сторон по поводу возникновения, осуществления или прекращения прав на землю и связанных с нею прав и обязанностей. Главным его отличием от земельного спора является то, что возникновение и развитие конфликта происходит во внесудебном порядке. Земельный спор становится таковым лишь после подачи иска или заявления лицом в суд. Тем самым конфликт, который будет рассмотрен в суде, является земельным спором. При этом не важно, действительно ли лицо обладает правом на земельный участок или же ошибается о наличии этого права. При решении разногласий во внесудебном порядке они являются конфликтом, урегулирование которого возможно путем устранения претензий через соглашение сторон, нашли оптимальный для них вариант выхода из конфликта, в том числе при помощи третьей независимой стороны или через решение, принятое уполномоченным на то государственным органом (кроме суда) [15, с. 19-32]. Это не означает, что в суде конфликт не может быть устранен путем соглашения сторон.

Однако, учитывая судебную процедуру урегулирования разногласий, эта ситуация представляет собой спор.

Под содержанием спора понимаются субъективные права и обязанности субъектов спорных правоотношений, которые им корреспондируют. Столкновение интересов сторон происходит во время их реализации. Учитывая это под содержанием земельного спора можно понимать особое состояние субъективных прав и юридических обязанностей участников спорных правоотношений, характеризующееся динамичностью своего развития.

На первом этапе права одни субъекты вступают в противоречие с правами других и не могут быть реализованы в той мере и направленностью, на которую изначально надеялся субъект права. Так зарождается конфликт. Именно на этой стадии существует возможность его внесудебного решения [15, с. 19-32].

Второй этап заключается в том, что хотя бы один из субъектов начинает осознавать свои интересы в возникшей ситуации, выстраивать позицию в конфликте. Понятно, что представления субъектов о нарушении их субъективных прав могут быть ошибочными, однако без их осознания дальнейшее развитие земельного спора не возможно. Именно на этом этапе происходит осознание субъектом спорных отношений препятствий для удовлетворения своих интересов.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что соответствующие препятствия могут быть обусловлены объективной ситуацией, не зависеть от позиций других субъектов.

Осознание субъектом этих обстоятельств (например, получение информации о фактическом отсутствии свободных земельных участков на интересующей его территории) может привести к прекращению конфликтной ситуации. В целом четкое осознание всеми субъектами спорных правоотношений своих интересов, а также препятствий к их реализации может привести к урегулированию конфликта без дальнейшего обращения в компетентные юрисдикционные органы.

Третий этап характеризуется началом открытого конфликта. Он включает в себя конкретные действия одного или нескольких субъектов спорных отношений, заключающихся в защите (отстаивании) своих осознанных интересов. К таким действиям можно отнести, например, представление претензий, исков в суд и тому подобное. С того момента, когда разногласия субъектов относительно своих субъективных прав и юридических обязанностей принимают официальное внешнее выражение, они приобретают статус процессуальных.

На следующем этапе, в рамках непосредственного рассмотрения компетентными юрисдикционными органами земельного спора, происходит изменение, прекращение прав и юридических обязанностей субъектов спорных правоотношений.

Пятый этап характеризуется завершением правового конфликта. Он обусловлен вынесением компетентным органом правоприменительного акта, разрешающего указанный спор.

Безусловно, названные этапы не обязательно меняются в приведенной последовательности. Некоторые из них могут выпадать, другие повторяться, их последовательность может быть совершенно другой. Это обстоятельство обусловлено тем, что каждый земельный спор, как и любой конфликт, является индивидуальным. Так, возможно повторное рассмотрение земельного спора компетентным юрисдикционным органом, обжалование и отмена ранее вынесенного судебного решения, пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам и тому подобное. Общим для всех земельных споров является лишь этап его возникновения. Как уже отмечалось, спор о праве возникает в тот момент, когда субъект, которому стало известно о нарушении его прав или охраняемых законом интересов, указал на возникшие противоречия в объективной форме, высказал во внешнем виде свою правовую позицию.

Так, земельные споры являются элементом земельных отношений. На их возникновение во многом влияют политические, экономические и социальные преобразования в современном обществе. Земельные споры регулируются гражданским, административным, земельным кодексами, а нарушенные права решаются в судебном порядке. Земельные правонарушения связаны с несоблюдением пользователями, собственниками, арендаторами земельного законодательства, что приводит к ухудшению качества земель и нерациональному их использованию.

Таким образом, земельный спор – это особый вид правоотношений, который представляет собой расхождение и противоречия сторон по поводу возникновения, осуществления или прекращения прав на землю и связанных с нею прав и обязанностей, что возникает во время подачи иска в суд и открытия производства по делу, подлежит разрешению в судебном порядке и требует исследования судом специфических доказательств.

Указанное определение, в отличие от ранее предложенных, отражает неотделимые друг от друга процессуальное и материальное содержание земельного спора, специфику правового регулирования земельных споров, субъектный состав и, что самое главное, специфический объект спора.

С другой стороны, приведенное определение земельного спора является широким и не охватывает многих особенностей, о которых стоит сказать.

Научное определение понятия «земельный спор» имеет важное не только теоретическое, но и практическое значение. Так, на основании теоретических положений, характеризующих сущность земельных споров и определяющих их признаки, необходимо было бы принять ряд законодательных актов, в которых следует дать точное определение понятия земельного спора, сформулировать его отличия от других споров; ввести классификацию земельных споров и разграничения юрисдикции по рассмотрению земельных споров; установить способы защиты земельных прав и законных интересов граждан и юридических лиц; закрепить понятие надлежащей стороны в земельных спорах и установить сроки исковой давности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашова Н.В. Экологическое право: Монография. Авторский учебник. Курск: ЮЗГУ, 2019. – изд-во ООО «Планета +».– 464 с.
2. Бариев А.Г. Процессуальные особенности разрешения земельных споров в судах РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 50-54.
3. Ерофеев, Б. В. Земельное право России / под ред. М. И. Краснов. Москва: Юрайт, 2004. – 403 с.
4. Нецветаев, А. Г. Земельное право: учебник. Москва: ЕАОИ, 2008. – 386 с.
5. Свешников, Г.А. Рассмотрение споров, возникающих из земельных правоотношений в исковом производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Глеб Андреевич Свешников. Москва, 2014. – 30 с.
6. Фролов СА. Особенности судебного порядка рассмотрения земельных споров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 10-2. С. 44-47.
7. Конституция Донецкой Народной Республики. URL: https://minjust-dnr.ru/konstitutsiya-donetskoj-narodnoj-respubliki/.
8. Закон ДНР от 30.04.2021 № 271-IIНС «Об особенностях регулирования имущественных отношений на территории Донецкой Народной Республики». URL: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osobennostyah-regulirovaniya-imushhestvennyh-otnoshenij-na-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki/.
9. Постановление Совета Министров ДНР «Об утверждении Временного порядка ведения Государственного земельного кадастра и регистрации прав пользования земельными участками». URL: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-17-16-2015-09-02/.
10. Бойченюк, И. В. Особенности способов защиты земельных прав в спорах с коллегиальными субъектами властных полномочий в административном судопроизводстве / И.В. Бойченюк // Юрид. наук. электр. журнал. – 2020. – №9. – С. 191-194.
11. Сверчок, Ю. И. Коллегиальный субъект публичной администрации в административном судопроизводстве как участник дела: концептуализация понятия / Ю.И. Сверчок // Юридический бюллетень. – 2018. – Вып. 6. – С. 139-147.
12. Арсенюк, А. А. Процессуально-процедурный порядок судебного рассмотрения земельных споров в Украине: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Арсенюк Анна Олеговна. Нац. ун-т биоресурсов и природопользования Украины. Киев, 2016. – 20 с.
13. Земельный кодекс Украины от 25 октября 2001 года № 2768-III // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2002. – №3. – ст. 27.
14. Об утверждении Временного порядка рассмотрения земельных споров территориальными органами администрации г. Донецка: Распоряжение Главы администрации Донецкой Народной Республики от 13

февраля 2017 года №254 / Официальный сайт Главы администрации Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/1000-245-20170213/ (дата обращения: 29.01.2022). – Загл. с экрана.
15. Алексеева, Н.А. Правовые проблемы применения норм земельного права при разрешении земельных споров в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / Н.А. Алексеева. – М., 2010. – 240 с.

LAND DISPUTES AND THE PROCEDURE FOR THEIR RESOLUTION

Annotation. This article is devoted to the theoretical and legal analysis of land disputes and the procedure for their resolution in the Donetsk People's Republic. Approaches to the definition of the concept of «land disputes» are studied and the key features of disputes are derived: subjects, objects and grounds. The classification of categories of land disputes is given. The pre-trial procedure for resolving land disputes in accordance with the legislation of the Donetsk People's Republic is analyzed. The differences between a land dispute and a conflict in land legal relations are indicated. The key stages of the emergence and development of land disputes are outlined. The author's definition of the definition of «land dispute» has been developed.
Keywords: land dispute, land, land legislation.

Lebedinskaya A.
Scientific adviser: Barbashova N.V., Doctor of Law, Professor
Donetsk National University
E-mail: lebediinskaya@gmail.com

УДК 343.34

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭКСТРЕМИЗМА

Левина Н.А.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы, связанные с определением понятия «экстремизм», раскрывается сущность экстремизма, выявляются основные признаки экстремизма, а также предложены рекомендации по совершенствованию законодательства Донецкой Народной Республики.
Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, сущность экстремизма, признаки экстремизма, экстремистские материалы.

На сегодняшний день охрана общественных отношений, связанных с обеспечением государственной и общественной безопасности приобретает особое значение, так как обстановка в мире свидетельствует об активизации вооруженных формирований, экстремистских сообществ и организаций.

Целью данного исследования является анализ и изучение точек зрения различных ученых, международной практики и действующего законодательства, регламентирующего определение понятия «экстремизм», формирование рекомендаций по внесению изменений в законодательство Донецкой Народной Республики.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: изучить историю происхождения и формирования понятия «экстремизм», рассмотреть различные трактовки понятия «экстремизм», исследовать точки зрения ученых, определить подход понимания термина «экстремизм» в международном праве, выявить сущность экстремизма, а также сформировать рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство.

Слово «экстремизм» происходит от латинского языка, и в переводе на русский означает чрезмерный, крайний. Большой толковый словарь дает следующее определение экстремизму: экстремизм – это приверженность крайним взглядам и мерам. В большинстве случаев экстремизм возникает в ситуации социальной

нестабильности в стране, в которой проповедовать экстремизм может как отдельный человек, так и объединения людей, чаще всего политические.

Существует множество трактовок понятия «экстремизма», вызвано это тем, что во многих государствах в различное время появлялись юридические и научные определения понятия «экстремизм». Необходимо отметить, что на сегодняшний момент не существует единообразного понимания термина «экстремизм» [1].

Термин «экстремизм» начало употребляться в XX в. и обозначало враждебные государству политические силы с делением их на «левые» и «правые». Во Франции данный термин начал использоваться во время Первой мировой войны в результате противостояния крайних левых и правых политических сил, т.е. экстремизм связывали с политической деятельностью. В советский период такое политическое явление воспринималось лишь как неизбежный атрибут капиталистических государств. Таким образом, изначально формирование данного термина происходило исключительно в политическом смысле [2].

По мнению Данилова П.А. идеология экстремизма характеризуется комплексом радикальных идейных установок и теоретических воззрений, которые выступают теоретическим обоснованием применения насилия в различной форме на нелегитимной основе для достижения преимущественно политических целей [3].

В политологии под экстремизмом понимают дестабилизирующий фактор, который направлен на разрешение существующей политической системы, сопровождающийся при этом ненавистью, злобой и агрессией.

С точки зрения права экстремизм характеризуется следующими признаками: антиобщественный характер; направленность на разжигание в обществе сомнений по поводу необходимости или реальности поддержания правопорядка, законности и мира на демократических принципах; наступление общественно опасных последствий; противоправный характер действий, ввиду того что экстремистская деятельность запрещенная уголовным законом [4].

По мнению Хлебушкина А.Г. под экстремизмом следует понимать «противоправную деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений» [5].

В своей работе Корнилов Т.А. указывает, что «экстремизм есть продукт разобщенности общества, которое не имеет общей идеологии, единых ценностей и цели». Данное явление, по мнению автора, возникает там, где имеется неравенство и противопоставление интересов социальных групп людей в экономических, социальных, духовных, межрасовых, межрелигиозных и других отношениях. Первые проявления экстремизма связаны с разделением общества на определенные социальные группы, возникновение между ними конфликтов и их разрешение при помощи насилия [6].

По мнению Юрчак А.В., экстремизм подразумевает идеологию, заключающуюся в принудительном навязывании своих принципов, нетерпимость к определенным группам с применением насилия, а также определенная форма реакции отдельных представителей слоев населения на ухудшение своего материального или социального положения. Исходя из вышеуказанного определения, можно выделить следующие признаки экстремизма: насилие, которое выражается в моральном или физическом воздействии на человека, нарушающее конституционные права человека и гражданина на личную неприкосновенность, а также мотив и цель – одни из самых важных критериев, определяющие преступные деяния как экстремистские [7].

В международном праве на сегодняшний день также не выработан единый подход к определению понятия «экстремизм», что связано с тем, что многие государства стремятся закрепить собственное понятие экстремизма с учетом исторических, культурных и политических предпосылок, а также господствующей религии в

государстве. В международной практике имеется несколько нормативных правовых актов в форме Конвенций, которые дают определение понятия «экстремизм», однако при этом стоит отметить, что данные документы носят локальный характер и распространяются лишь на те государства, которые их подписали и ратифицировали.

Так, согласно в п.3 резолюции Совета Европы 1344 от 2003 года указывается, что под экстремизмом следует понимать «... форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма» [8].

Наиболее детально сущность данного понятия объясняется в п. 3 ст. 1 Шанхайской Конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», подписанной 15 июня 2001 года в г. Шанхае. Согласно данному нормативно-правовому акту, экстремизм – это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством [9].

Согласно п. 2 ст. 1 Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, экстремизм – «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» [10].

На законодательном уровне в Донецкой Народной Республике понятие «экстремизм» закреплено в Законе ДНР «О противодействии экстремистской деятельности», принятом Постановлением Народного Совета ДНР 29 мая 2015 года № 51-IНС (действующая редакция по состоянию на 16.03.2020) [11].

Так, согласно п. 1 ч. 1 ст. 1 указанного закона под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимают:

1. Деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Донецкой Народной Республики; подрыв безопасности Донецкой Народной Республики; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; публичное оправдание терроризма или публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; разжигание расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности.

2. Пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой, кроме воспроизведенной непосредственно на предметах религиозного культа, предметах народных культур, орнаментах архитектуры;

3. Публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление в целях массового распространения;

4. Финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Проанализировав ст. 1 указанного Закона, можно прийти к выводу о том, что в ней говориться не о понятии «экстремистской деятельности (экстремизм)», а о перечне деяний экстремистской направленности, которые являются формами проявления экстремизма.

Экстремизм в научном смысле – это социальное явление, объединяющее в себе политические, социальные, религиозные, расовые, национальные, идеологические и другие убеждения. В доктрине уголовного права за мысли, идеи и взгляды, в том числе основанные на господстве одной социальной группы над другой, не влекут за собой наступление уголовной ответственности, однако действия, основанные на таких мыслях, идеях и взглядах признаются общественно опасными и подпадают под сферу действия уголовного права. Общеизвестно, что экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам, которые касаются не только национальной, религиозной, расовой принадлежности и политических убеждений, но и пола, языка и происхождения [12].

Подводя итог, можно сделать вывод, что на данный момент ни в науке, ни в международной практике и национальном законодательстве нет четкого закрепления понятия «экстремизм», что в свою очередь влечет недостатки в сфере противодействия экстремизму. Таким образом, следует сформировать понятие «экстремизм», определив его как противоправную деятельность, совершаемую в соответствии с определенной системой взглядов, проявляющих нетерпимость к определенным группам с применением насилия, причиняющих существенный вред основам конституционного строя, безопасности государства, а также жизни и здоровью граждан, как одной страны, так и всему мировому сообществу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стеблецова И. В., Соколова А. А. Понятие и общая характеристика экстремизма // Вопросы науки и образования. 2019. №7 (53). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-obschaya-harakteristika-ekstremizma (дата обращения:10.01.2022).
2. Бабашкина З. А. Возникновение понятия «Экстремизм» // Вестник ГУУ. 2013. №5. С. 241.
3. Данилов П. А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Данилов П. А.; [Место защиты: Юрид. ин-т]. – Санкт-Петербург, 2011. С. 14.
4. Артеменко Н.Н. Кичеев Б.Н. Понятие экстремизма // ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», Институт истории и права, г. Абакан, Республика Хакасия, Россия. 2019. С. 18.
5. Хлебушкин А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореферат дис. ... к.ю.н. : 12.00.08 / Сарат. юрид. ин-т МВД РФ. – Саратов, 2007. С 6-7.
6. Международные аспекты противодействия экстремизму: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Корнилов Т. А.; [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ]. – Москва, 2011. С. 8.
7. Юрчак А. В. Понятие и сущность экстремизма // Вопросы науки и образования. 2018. №17 (29). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-ekstremizma (дата обращения: 10.01.2022).
8. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: Резолюция Совета Европы 1344 от 29.09.2003 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp#P3_79. П. 3
9. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Конвенция от 15.06.2001 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2561763/ Ст. 1

10. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму: Конвенция от 09.06.2017 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecrats.org/upload/iblock/349/Конвенция%20по%20экстремизму%20(русский).pdf Ст. 1
11. О противодействии экстремистской деятельности // Закон ДНР от 29.05.2015г. № 51-IНС (с изменениями и дополнениями): Принят Народным Советом ДНР от 29. 05. 2015г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-protivodejstvii-ekstremistskoj-deyatelnosti/ (дата обращения: 25.10.2021). – Загл. с экрана.
12. Макеева И.С. Экстремизм как уголовно-правовая категория // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №5. С. 95-96.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF EXTREMISM

Annotation. In this paper, issues related to the definition of the concept of «extremism» are considered, the essence of extremism is revealed, the main signs of extremism are identified, and recommendations are made for improving the legislation of the Donetsk People's Republic.
Key words: extremism, extremist activity, essence of extremism, signs of extremism, extremist materials.

Lyovina N.
Scientific adviser: Semykina L.A. Ph.D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: nlyovina@mail.ua

УДК 340.631

ЗАЩИТА ПРАВ ПАЦИЕНТОВ С НАРУШЕНИЯМИ ПОЛОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА

Лепшина Е.А.
Научный руководитель: Петраченко Е.И., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассмотрены случаи запрета на предоставление специализированной (психологической, психотерапевтической и психиатрической) помощи пациентам с нарушениями половой идентичности в некоторых странах мира. Проведен анализ с юридической и медицинской точек зрения. Сделаны выводы о неправомерности запрета на оказание психологической, психотерапевтической и психиатрической помощи указанной группе пациентов. Даны рекомендации по повышению информированности населения по данному вопросу. Предложены простые юридические механизмы для пациентов и медицинских работников.
Ключевые слова: защита прав человека, защита прав пациентов, нарушения половой идентичности, психические расстройства, конверсионная терапия, правовые механизмы оказания психиатрической помощи.

В современном обществе сохраняется тенденция роста роли юриспруденции. Мы постоянно наблюдаем за расширением спектра вопросов, решение которых требует участия профессионального юриста. В то же время от современного юриста требуется не просто знание законов, а высокая эрудированность по многим направлениям. Актуальность данной работы продиктована необходимостью решения сложных юридических вопросов в сфере охраны здоровья на фоне ощутимого дефицита профессиональных юристов, подготовленных по этому направлению.

Право человека на жизнь и здоровье является наиболее важным правом. При этом, мы нередко наблюдаем случаи нарушения прав человека в сфере охраны здоровья. Ни одна из существующих в современном мире моделей систем здравоохранения (государственная, страховая, частная) не способна в полной мире защитить человека от нарушения его прав. Обращает на себя внимание некое условное

распределение: если в странах с частной и страховой системами здравоохранения пациенты чаще сталкиваются с необоснованными отказами от оказания им медицинской помощи, то в странах с государственной системой здравоохранения – с недостаточным уровнем качества оказания медицинской помощи.

Всего пару десятилетий назад большинству людей казалось, что вопросы здравоохранения и юриспруденции мало связаны и редко пересекаются. Сегодня достаточно поверхностного просмотра новостной ленты, чтобы убедиться, что ситуация кардинально изменилась. Вопросы эвтаназии, суррогатного материнства, пластической хирургии, экстракорпорального оплодотворения, искусственного прерывания беременности, диагностики и лечения психических заболеваний, трансплантологии, гормональной терапии, сексуальной ориентации, половой идентификации и многие другие широко обсуждаются в обществе и часто вызывают сложности даже у профессиональных юристов при их рассмотрении. Можно с уверенностью сказать, что эти проблемы наряду с расовыми и националистическими вызывают в современном обществе серьезные противоречия и конфликты. При этом подобные вопросы требуют тщательной проработки, формирования простых и понятных алгоритмов действия с сохранением всех этических норм.

Импульсом для написания данной работы стала череда сообщений из разных стран мира (Франции, Австралии, Новой Зеландии, Дании, Канады, Великобритании) о запрете конверсионной терапии – методе лечения, который используется для изменения сексуальной ориентации и/или половой идентификации человека в сторону гетеросексуальности на фоне постоянно растущего количества пациентов с нарушениями гендерной идентичности. Согласно новым законам запрещено проводить указанную терапию в отношении человека любого возраста, вне зависимости дал пациент свое согласие или нет. Парламент Франции признал лечение гомосексуализма правонарушением, с соответствующим наказанием для психотерапевтов до 2х лет лишения свободы. В Новой Зеландии закон предполагает до 5ти лет лишения свободы за действия, направленные на изменение сексуальной ориентации, гендерной идентификации или гендерного самовыражения. Некоторые социальные сети (Instagram, Facebook) сообщили, что будут блокировать сообщения, содержащие информацию о конверсионной терапии.

Донецкая Народная Республика на сегодняшний день не входит в перечень стран, законодательно запретивших лечение пациентов с нарушениями половой идентичности и полового предпочтения. Однако следует учитывать, что многие «западные» тенденции рано или поздно получают возможность для реализации на постсоветских территориях, гораздо быстрее эти процессы протекают в странах Прибалтики и в Украине.

Цель настоящей работы – рассмотреть некоторые правовые аспекты оказания медицинской помощи пациентам с нарушениями половой идентичности, предложить простые алгоритмы юридической помощи пациентам и специалистам, которые занимаются оказанием помощи указанной категории пациентов (врачи-психиатры, психотерапевты, медицинские психологи). Вопросы, на которые необходимо ответить в данной работе: являются ли нарушения половой идентичности заболеваниями или состояниями, требующими помощи специалистов и если да, то какие юридические механизмы применимы к ситуациям оказания медицинской помощи данной группе пациентов.

По мнению ряда авторов нарушения половой идентичности представляют собой неоднородную группу феноменов человеческой психики. Разные исследователи относят к ним транссексуализм, трансвестизм, небинарную (квир-) идентичность, эгодистонную гомо- и бисексуальную ориентацию и т.д. [1].

В Международной классификации болезней 10 пересмотра (МКБ-10), действующей практически во всех странах мира, эта группа нарушений представлена в

разделе «Психические расстройства и расстройства поведения» расстройствами половой идентификации (РПИ), расстройствами полового предпочтения (РПП), психологическими и поведенческими расстройствами, связанными с половым развитием и сексуальной ориентацией (гомосексуальность, бисексуальность и прочее) [2]. В американской классификации болезней DSM-5 присутствует соответствующая диагностическая глава «Половая дисфория» [3]. Не смотря на некоторые различия в классификациях и взглядах различных специалистов, существует общепринятое мнение, что нарушения половой идентичности – это психические заболевания. Как и большинство психических заболеваний они могут либо причинять страдания человеку, либо не вызывать у него никакого беспокойства и восприниматься им самим как вариант нормы.

Следует отметить, что «с целью дестигматизации» указанной группы пациентов в МКБ-11 нарушения половой идентичности будут перемещены в новый класс «Состояния, связанные с сексуальным здоровьем» и название рубрики, будет изменено на «Гендерное несоответствие». Таким образом, не смотря на неоднозначные попытки манипуляций с сознанием людей, и в первую очередь самих пациентов, по данному вопросу, формально указанная группа нарушений по-прежнему будет занимать свое месте среди «болезней».

В июле 2016 года издание «The Washington Post» опубликовало статью с противоречивым названием «The WHO says being transgender is a mental illness. But that`s about to change» («ВОЗ считает трансгендерность психическим заболеванием. Но это скоро изменится»). В статье сообщалось, что команда профессиональных психологов под руководством профессора Рида обследовала 250 взрослых трансгендеров, находившихся на лечении в специализированной клинике. В ходе работы команда специалистов получила данные о том, что подавляющее большинство испытуемых постоянно находились в состоянии дистресса. По результатам работы профессор Рид сообщил: «Мы обнаружили, что дистресс и дисфункция предопределяются опытом социального отвержения или насилия, который был у людей. Но они не были предопределены самой гендерной инконгруэнтностью» [4].

Согласно определению ВОЗ здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия. Можем ли мы говорить о полном благополучии людей, которые постоянно испытывают «дистресс и дисфункцию». Можем ли мы также предположить, что, добровольно пройдя правильно подобранную терапию, часть пациентов могла бы изменить свою половую идентичность на стандартную и таким образом избежать дистресса, стигматизации, насилия, осложнений гормональной и хирургической терапии. Должен ли специалист соответствующего профиля отказывать в помощи пациенту с нарушением половой идентичности. Являются ли справедливыми законы о запрете конверсионной терапии как по отношению к пациентам, так и по отношению к медицинским работникам.

В подтверждение вышесказанного по данным ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (Москва, РФ) количество пациентов с гендерной дисфорией, обращающихся за помощью, поддержкой и лечением, сильно возросло в последнее время согласно исследованиям, проводившимся в Европе и США [5]. Следует обратить внимание, что такая информация несколько противоречит существующей сегодня международной общественной позиции, состоящей в стремлении дестигаматизации, выведению нарушений половой идентичности из класса психических расстройств, частичного запрета на оказание психотерапевтической помощи этой группе пациентов, формировании негативной коннотации в отношении медицинских работников, предлагающих свою помощь пациентам с нарушениями половой идентичности.

Существуют фундаментальные исследования убедительно показывающие, что согласно модели стресса меньшинств представители малых социальных групп

подвергаются особым стрессорным факторам таким как дискриминация, гомофобия и т.д. в дополнение к общим для своей социальной и возрастной группы стрессорам, что негативно отражается на их здоровье [6].

В ряде исследований показана высокая (значительно выше, чем в общей популяции) встречаемость различных психических расстройств у лиц с нарушениями половой идентичности. Практически в половине случаев нарушения половой идентичности сопровождаются депрессией с высокой суицидальной активностью [7,8,9].

Данные о продолжительности жизни показывают, что у транссексуалов смертность на 51% выше, чем у населения в целом. Это связывают с в шесть раз большим количеством завершенных суицидов, более высоким уровнем инфицирования ВИЧ и злоупотреблением психоактивными веществами среди транссексуалов, по сравнению с общей популяцией [10].

В ряде исследований показано, что у лиц с нарушениями половой идентичности другие психические заболевания (шизофрения, депрессия и прочие) встречаются значимо чаще, чем в общей популяции.

Согласно данным американских исследователей, у трансгендеров пожилого и старческого возраста риск депрессий составляет от 44% до 48%, когда у цисгендеров того же возраста он находится в районе 13,3% [11,12].

Многие исследования показали значительно превосходящее число суицидальных попыток и завершенных суицидов среди лиц с нарушениями половой идентичности по сравнению с общей популяцией. Множество исследований указывают на более высокий уровень самоповреждений несуицидального характера среди сексуальных и гендерных меньшинств по сравнению с общей популяцией [13,14].

В большинстве исследований была выявлена более высокая склонность к самоповреждению у натальных мужчин, по сравнению с женщинами. В качестве предикторов самоповреждающего поведения были выделены молодой возраст, натальный мужской пол и большое количество психопатологической симптоматики [15].

Выявлена высокая коморбидность нарушений половой идентичности со злоупотреблением психоактивными средствами (табакокурение, курение марихуаны, зависимость от алкоголя и других ПАВ) среди пациентов с нарушениями половой идентичности [16].

От 9.5% до 31.4% лиц подросткового и юношеского возраста с нарушениями гендерной идентичности испытывают социальную тревожность или социофобию. Авторы обнаружили, что лица с бисексуальной ориентацией испытывают более сильную социальную тревожность, чем с гомосексуальной [17].

Крайне важно отметить, что в последнее время в информационном пространстве все чаще появляется информация о трансгендерах, перенесших гормональную терапию и хирургическое вмешательство по смене пола и в последующем заявивших о том, что они сожалеют и хотели бы «вернуть свой пол обратно». Эти данные в свою очередь заставляют задуматься о необходимости более тщательного психологического и психиатрического обследования указанной группы пациентов.

Таким образом, следует отметить, что учитывая определения ВОЗ, а также данные миров фундаментальных исследований в области психиатрии невозможно отнести лиц с нарушениями половой идентичности к категории здоровых; нарушения половой идентичности можно с уверенностью отнести к классу психических расстройств; пациенты с психическими расстройствами, в том числе с нарушениями половой идентичности относятся к одной из наиболее уязвимых категорий и нуждаются как в медицинской так и юридической помощи; пациенты с нарушениями половой идентичности также нуждаются в оказании им психологической и

психиатрической помощи, как и другие пациенты страдающие психическими расстройствами; законы о запрете оказания какой либо медицинской помощи пациентам с нарушениями половой идентичности нарушают права пациентов указанной категории и могут привести к неблагоприятным последствиям, таким как необдуманные «транспереходы», рост количества осложнений в том числе суицидов и т.д.; запрет сообщений содержащих информацию об успешном лечении пациентов с нарушениями половой идентичности является манипуляцией социальным сознанием и также нарушает права пациентов и медицинских работников; при оказании психологической, психотерапевтической и психиатрической помощи пациентам с нарушениями половой идентичности применимы юридические механизмы оказания указанных видов помощи пациентам с другими психическими расстройствами, основанные на информированности, добровольности, с соблюдением всех правил медицинской этики и деонтологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарушения половой идентичности и проблемы психического здоровья Обозрение психиатрии и медицинской психологии, Пискарева Т.К., Ениколопов С.Н. // Обозрение психиатрии и медицинской психологии, № 3, 2019.
2. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем Десятого пересмотра / Всемирная организация здравоохранения. – пер. М. В. Максимова, С. К. Чемякина, А. Ю. Сафронова. – Москва : Медицина, 1998. – 1939 с.
3. Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders, fifth edition (DSM-V) – Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам 5-го издания / American Psychiatric Association (APA), 2018.
4. The WHO says being transgender is a mental illness. But that`s about to change, by Shayla Love // The Washington Post, July 28, 2016.
5. Становление понимания феномена расстройства половой идентификации, Попова Г. А. // Психиатрия, 17 (3), 2019.
6. MeyerIH. Minority stress and mental health in gay men. Journal of Health and Social Behavior.1995; 36(1):38-56.
7. CarmelTC, Erickson-SchrothL. Mental health and the transgender population. Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services.2016;54(12):44-48. doi:10.3928/02793695-20161208-09
8. De Vries AL, Doreleijers TA, Steensma TD, CohenKettenis PT. Psychiatric comorbidity in gender dysphoric adolescents. Journal of Child Psychology and Psychiatry .2011; 52(11):11951202. doi:10.1111/j.1469610.2011.02426.x
9. DhejneC, Van Vlerken R, Heylens G, Arcelus J. Mental health and gender dysphoria: A review of the literature. International Review of Psychiatry.2016; 28(1):44-57. doi:10.3109/09540261.2015.11 15753
10. Jackman K, Honig J, Bockting W. Nonsuicidal selfinjury among lesbian, gay, bisexual and transgender populations: anintegrativereview. Journal of Clinical Nursing. 2016; 25(23-24):3438-3453. doi: 10.1111/jocn.13236
11. Hoy-Ellis CP, Fredriksen-Goldsen KI. Depression Among Transgender Older Adults: General and Minority Stress. American Journal of Community Psychology. 2017; 59(3-4):295-305. doi:10.1002/ajcp.12138
12. Tebbe EA, Moradi B. Suicide risk in trans populatrions: An application of minority stress theory. JournalofCounselingPsychology.2016;63(5):520-533. doi: 10.1037/cou0000152
13. García-Vega E, Camero A, Fernández M, Villaverde A. Suicidal ideation and suicide attempts in persons with gender dysphoria. Psicothema.2018;30(3):283-288. doi:10.7334/psicothema2017.438.
14. Wadsworth LP, Hayes-Skelton SA. Differences Among Lesbian, Gay, Bisexual, Heterosexual Individuals, and those Who Reported an Other Identity on an Open-Ended Response on Levels of Social Anxiety. Psychology of sexual orientation and gender diversity. 2015; 2(2):181-187. doi:10.1037/sgd0000092
15. Claes L, Bouman WP, Witcomb G, Thurston M, Fernandez-Aranda F, Arcelus J. Non-suicidal selfinjury in trans people: associations with psychologica lsymptoms, victimization, interpersonal functioning, and perceived socialsupport. The Journal of Sexual Medicine. 2015; 12(1):168-179. doi:10.1111/jsm.12711
16. Cole CM, O'Boyle M, Emory LE, Meyer WJ. Comorbidity of gender dysphoria and other major psychiatric diagnoses. Archives of Sexual Behavior. 1997; 26(1):13–26.
17. Busa S,J anssen A, Lakshman M.A Review of Evidence Based Treatments for Transgender Youth Diagnosed with Social Anxiety Disorder. Transgender Health. 2018; 3(1):27–33. doi:10.1089/trgh.2017.0037
18. Психиатрия : национальное руководство / гл. ред.: Ю. А. Александровский, Н. Г. Незнанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2020. – 1008 с. : л.

19. Матевосян С.Н. Психические расстройства с синдромом «отвергания» пола (клинико-феноменологические и лечебно-реабилитационные аспекты): дис. док. мед. наук. М.; 2009.
20. Закон Донецкой Народной Республики «О здравоохранении» (принят Постановлением Народного Совета №42-IНС 24 апреля 2015 года, действующая редакция по состоянию на 17.08.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zdravohranenii/ (Дата обращения: 16.02.2022).
21. Закон Донецкой Народной Республики «О психиатрической помощи» (принят Постановлением Народного Совета №86-IНС 09 октября 2015 года, действующая редакция по состоянию на 17.08.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-o-psihiatricheskoj-pomoshhi-donetskoj-narodnoj-respubliki/ (Дата обращения: 16.02.2022).

PROTECTION OF THE RIGHTS OF PATIENTS WITH GENDER IDENTITY DISORDERS IN DIFFERENT COUNTRIES AROUND THE WORLD

Annotation. The article deals with cases of prohibition of the provision of specialized (psychological, psychotherapeutic and psychiatric) care to patients with gender identity disorders in some countries of the world. A legal and medical analysis is made. Conclusions are drawn regarding the illegality of the ban on providing psychological, psychotherapeutic and psychiatric help to the specified group of patients. Recommendations for raising public awareness on this issue are given. Simple legal mechanisms for patients and medical workers are proposed.
Keywords: human rights protection, patient protection, gender identity disorders, mental disorders, conversion therapy, legal mechanisms of psychiatric care.

Lepshyna K.
Scientific adviser**:** Petrachenko E., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: ealepshina@mail.ru

УДК 343.01

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ»

Ломакина Ю.А.
Научный руководитель: Семыкин Н.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье раскрывается содержание определения терроризма, отмечаются его основные признаки. Проблемой в науке уголовного права является отсутствие единого определения терроризма на международном уровне. Учитывая основные признаки терроризма, основываясь на анализе сформулированных в научной литературе подходов к его исследованию, предлагается определение терроризма.
Ключевые слова: терроризм, террор, признаки терроризма, этимология терроризма, общественная опасность.

Терроризм, террористы, террористическая деятельность – эти слова почти ежедневно появляются в средствах массовой информации, порождают беспокойство и обеспокоенность граждан относительно своего настоящего и будущего. Терроризм – одно из самых опасных явлений нашего времени, приобретающее всё более угрожающие масштабы. Его проявления часто приводят к массовым человеческим жертвам, разрушению материальных и духовных ценностей, порой не поддающихся восстановлению, а также вызывают недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые сложно преодолеть на протяжении жизни целого поколения.

Целью данной статьи является раскрытие и обобщение имеющихся в науке уголовного права подходов к определению терроризма и на этой основе разработка определения терроризма как общественно опасного деяния.

В первую очередь, проблему, связанную с терроризмом должно решать государство. Статья 14 Конституции Донецкой Народной Республики указывает на то, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» [1].

Однако в настоящий период люди не могут ощущать себя полностью защищёнными, так как в любое время каждый может стать жертвой террористов, независимо от социального или материального положения, национальности или вероисповедания, от этого никто не застрахован. Именно терроризм демонстрирует обществу бессилие власти.

Терроризм совсем не новое явление общественной жизни. История человечества полна самыми разными его формами и проявлениями: индивидуальными и массовыми, анархическими и государственными. Существовал терроризм и в национальных традициях, и в повседневном образе жизни некоторых общностей.

В начале XXI в. произошёл резкий рост масштабов террористических атак на правящие режимы во многих точках мира. Уже сам факт этого роста и, особенно, использование террора в международном масштабе становится причиной необходимости пересмотра и обновления сложившихся научных представлений о терроризме как явлении.

Что же такое терроризм и каковы его признаки. Для начала необходимо установить соотношение понятия «терроризм» с другим употребляемым понятием «террор». Данные понятия требуют сущностного разграничения. В обыденной речи, в литературе, в публицистике и весьма часто в официальных документах понятия «террор» и «терроризм» употребляются как синонимы.

Слово «террор» происходит от латинского terror, что в переводе означает страх, ужас. Возможные индоевропейские истоки tre – дрожать, трепетать, трястись [2, с. 852].

Дословный перевод раскрывает прямое следствие террора на эмоциональном уровне, а не его понятие. Со временем в понятие «террор» стали вкладывать сам процесс, который вызывает страх и ужас.

В словаре русского языка С. И. Ожегова под террором понимается «физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам», а под терроризмом – «политика и практика террора» [3, с. 645].

В изначальном смысле понятия «террор» и «терроризм» сближает то, что «страх» и «ужас» имеют единую для них основу – насилие, результатом которого они являются. Это единая смысловая основа анализируемых понятий. Однако за данным сходством необходимо видеть и различия. «Терроризм» – это хоть и производное от слова «террор», но всё-таки самостоятельное явление и понятие.

Целесообразно выделить признаки, отличающие терроризм от террора.

Во-первых, терроризм – это одноразово осуществлённый акт или серия подобных актов локального характера.

Во-вторых, субъекты терроризма, в отличие от субъектов террора, никакой официально установленной власти не имеют.

В-третьих, террор является социально-политическим фактором действительности, а терроризм – это явление уголовно-правового свойства, и его насилие с целью принуждения к каким-либо действиям на фоне созданного состояния страха имеет не общее, а местное значение [4, с. 38].

Таким образом, терроризм – это не просто инструмент (метод) достижения политических целей, а именно целенаправленная политика опоры исключительно на насильственные методы и приёмы. Поэтому следует согласиться с С. Ю. Деевым, что «террор – это исторический феномен, тогда как терроризм – это политика, нацеленная на реализацию этого феномена с использованием современных возможностей» [5, с. 27].

Терроризм во всём многообразии его проявлений является одной из наиболее острых глобальных проблем нашего времени. Как уголовно-правовой феномен терроризм следует определять не только точным понятийным аппаратом, но и чёткими границами, введёнными как национальным законодательством, так и международными нормами. Формируя определение того или иного явления, мы выявляем существенные признаки, которые присущи именно данному явлению и которые дают возможность отличать его от других явлений.

О. А. Колобов отметил, что на сегодняшний день, при наличии множества международных площадок для объединения усилий по борьбе с терроризмом, мировое сообщество так и не смогло установить универсального определения понятий терроризм и его видов – национального и международного. И это несмотря на то, что исследователями-террологами, правительственными и неправительственными организациями только в отношении международного было предложено более 120 вариантов определений [6, с. 3].

Страны-члены Организации Объединённых Наций уже 40 лет безуспешно пытаются прийти к единому мнению по вопросу общепризнанного определения терроризма, чтобы на его основе создать документ по типу Женевской конвенции.

Этот факт не препятствует принятию странами-членами Организации Объединённых Наций международно-правовых документов по борьбе с терроризмом. Однако работа над положениями текста Всеобъемлющей конвенции Организации Объединённых Наций о международном терроризме, в которую планируется включение единого определения терроризма, до сих пор продолжается [7, с. 261].

Определение терроризма как социального явления закреплено в Законе Донецкой Народной Республики «О противодействии терроризму» в п. 1 ч. 1 ст. 3, в соответствии с которым под терроризмом понимается «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [8].

Данная норма предлагает понимать терроризм как идеологию. Однако традиционно терроризм рассматривается как система методов, которые используются для реализации каких-либо положений, входящих в определенную идеологию. Бесспорно, терроризм имеет отношение к идеологии, но только как средство, способствующее реализации отдельных идей. Несмотря на данное спорное определение, в нём нашла своё закрепление его концептуальная особенность – указание на цель, а именно «воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями».

В научном сообществе нет единого мнения о необходимости выработки универсального определения терроризма. Многие учёные считают, что более разумно не искать такое определение терроризма, а ограничиться лишь отдельными его признаками или сосредоточиться на оценке адекватности вновь появляющихся определений.

Одним из методов определения понятия «терроризм» может быть очищение этого понятия от неспецифических, количественных, не отражающих сущность этого явления характеристик. Другой же метод предполагает его понимание как объёмной категории, которая не поддаётся приемлемому для всех определительному толкованию. В этом случае терроризм определяют, как совокупность более «простых» явлений: например, захват заложников, захват судов гражданской авиации, преступления с использованием ядерного оружия и т. д.

В целях унификации подходов и методов в борьбе с терроризмом, необходимо согласиться с такими исследователями, как А. Г. Володин и В. Н. Коновалов, осознающими важность выработки общепризнанного определения терроризма, т. к. он не может быть сведён к сумме частных проявлений, а представляет собой самостоятельный феномен [7, с. 264].

Существует множество мнений, определяющих сущность понятия «терроризм». По мнению Ю. И. Авдеева, терроризм – это особое общественно-политическое явление. В. А. Соснин рассматривает терроризм как крайнюю степень проявления экстремизма при разрешении конфликтных противоречий между социальными субъектами, доведенную до подчинения одной сверхцели – уничтожения противника любыми насильственными средствами для достижения победы в конфликте. С точки зрения А. И. Долговой, терроризм как «один из специфических видов насилия, используемых в процессе экстремистской деятельности, нацеленной на подрыв конституционного строя в двух направлениях: против конституционных прав и свобод человека и гражданина и против конституционной власти». Согласно В. В. Лунееву, основная суть терроризма – устрашение власти и населения путём совершения жестокого насилия и угроз насилием с целью подавления и устранения политических противников и конкурентов, навязывания им своей линии поведения. [9, с. 137].

М. А. Нагоева считает, что «терроризм – это социальная проблема, порождаемая самим обществом на определенном этапе своего развития. Современный терроризм многолик и многомерен» [10, с. 255].

Невозможна эффективная уголовно-правовая борьба с терроризмом без выявления его сущностных признаков. Проанализировав научные взгляды о природе и характерных чертах терроризма, а также содержание международно-правовых документов и уголовного законодательства, Ю. В. Гаврилин выделяет следующие признаки терроризма как социально-политического явления:

1) особо острые формы и методы террористической деятельности, в том числе применение насилия и устрашения; уничтожение (повреждение) имущества; создание опасных условий для жизни и здоровья людей;

2) направленность на достижение политических целей, на ослабление политических противников;

3) опосредованный способ достижения политического результата через совершение посягательств на жизнь и здоровье людей;

4) пропагандистский характер террористических акций;

5) повышенная общественная опасность [11, с. 6].

Также другие авторы к признакам терроризма относят:

1) выдвижение идеологических целей;

2) нанесение ущерба людям, не участвующим в непосредственном конфликте (т. е. стороне);

3) признание своего причастия к акту устрашения (т. е. публичность деяний);

4) терроризм является средством борьбы с более сильным противником;

5) использование конспирации как необходимого условия существования террористических структур и результативности их действий [12, с. 13].

В. П. Емельянов указывает, что терроризму можно дать научно взвешенное определение только путём установления системы взаимосвязанных признаков, которые в своем неразрывном единстве, характеризуют его специфику. Такими признаками являются: совершение или угроза совершения общественно опасных действий, направленность их на устрашение населения и оказание воздействия за счёт этого влияния на принятие решения или отказ от него государством, международной организацией, физическим, юридическим лицом или группой лиц [13, с. 183].

По мнению ряда авторов, отсутствие единого определения терроризма препятствует эффективной борьбе с данным опасным явлением.

На основании вышеизложенного, учитывая сущностные признаки терроризма (цель и средства), основываясь на анализе сформулированных в научной литературе подходов к его исследованию, мы предлагаем следующее определение: Терроризм – это насильственная противоправная деятельность, которая представляет опасность для

государства и общества и совершается с целью оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, сопряжённая с устрашением и посягательствами на жизнь и здоровье лиц, не имеющих отношения к конфликту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Народным Советом 14.05.2014, с учётом изменений, внесённых Законами ДНР от 27.02.2015 № 17-IНС, от 29.06.2015 года № 63-IНС, от 11.09.2015 № 92- IНС, от 29.12.2017 № 205-IНС, от 30.11.2018 № 01-IIНС, от 06.03.2020 № 106-IНС) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/konstitutsiya/ (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
2. Большой энциклопедический словарь / И. К. Лапина [и др.]; под ред. И. К. Лапиной, Е. Н. Маталиной. – Москва: АСТ, Астрель, Харвест, 2008. – 1247 с.
3. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва: АСТ: Мир и Образование, 2018. – 1360 с.
4. Ємельянов В. П. Злочини терористичної спрямованості: монографія. – Харків: «Рубікон», 1997. – 160 с.
5. Деев С. Ю. Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи образовательных организаций: учебно-методический комплекс / С. Ю. Деев. – Элиста: ИКИАТ, 2018. – 106 с.
6. Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий: науч.-справ. изд. / авт.-сост. А. А. Варфоломеев, С. И. Грачев, А. О. Колобов и др.; под ред. О. А. Колобова. – Москва: Экслит, 2003. – 479 с.
7. Козодой Т. С. К вопросу об определении понятия «Терроризм» // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – № 2 (1). – С. 260–265.
8. О противодействии терроризму: Закон Донецкой Народной Республики от 15.05.2015 г. № 46-IНС / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-protivodejstviyu-terrorizmu/ (дата обращения: 10.10.2021). – Загл. с экрана.
9. Канунникова Н. Г. К вопросу о специфических особенностях терроризма и определении его понятия // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (29). – С. 135–141.
10. Нагоева М. А. Терроризм как глобальная проблема современности // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2014. – С. 255–257.
11. Гаврилин Ю. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия: учебное пособие / Ю. В. Гаврилин, Л. В. Смирнов. – Москва: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2007. – 66 с.
12. Метелев С. Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: монография / С. Е. Метелев. – Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2008. – 332 с.
13. Ємельянов В. П. Терористичні злочини: кримінально-правова характеристика та питання вдосконалення антитерористичного законодавства: монографія / В. П. Ємельянов, Л. В. Новікова, М. В. Семикін. – Харків: «Кроссроуд», 2007. – 216 с.

ON THE QUESTION OF DEFINING THE CONCEPT OF "TERRORISM"

Annotation. The article reveals the content of the definition of terrorism, its main features are noted. The problem in the science of criminal law is the lack of a single definition of terrorism at the international level. Taking into account the main signs of terrorism, based on the analysis of approaches to its research formulated in the scientific literature, the definition of terrorism is proposed.
Keywords: terrorism, terror, signs of terrorism, etymology of terrorism, public danger.

Lomakina J.
Scientific adviser: Semykin N.V., Ph.D., associate professor
Donetsk National University
E-mail: lomakina_yulia28@mail.ru

УДК 347.9

К ВОПРОСУ ДОКАЗЫВАНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Макарова К.
Научный руководитель: Савельева В.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются актуальные вопросы доказывания и доказательств в арбитражном процессе Донецкой Народной Республики. Выявлены основные пробелы и недостатки законодательного регулирования доказывания в арбитражном процессе, а также представлены предложения, которые бы содействовали более полному, всестороннему и объективному рассмотрению и разрешению дел.
Ключевые слова: доказывание, доказательства, арбитражный процесс, состязательность, арбитражный суд.

Защита законных прав и свобод человека и гражданина, гарантированных, прежде всего, основным законом – Конституцией Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) является приоритетной задачей, стоящей перед государством. Осуществление этой цели главным образом «лежит на плечах» судебной системы государства, в том числе арбитражных судов.

Главенствующая роль среди государственных средств, призванных защитить права и свободы человека, принадлежит судам. Права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием, которое осуществляется только судом.

Ст. 39 Конституции ДНР гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод [1]. Правосудие – коренной вид государственной деятельности, обеспечивающий защиту и восстановление нарушенных прав и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц. Осуществление данной деятельности является прямым способом реализации конституционной нормы об охране прав и свобод со стороны государства.

Расширение круга охраняемых законом прав личности, углубление их содержания в условиях многообразия современных экономических и социальных связей возлагает на суд особую ответственность и поднимает его значение как фактора утверждения экономической и социальной стабильности, как основного гаранта реализации прав и свобод граждан [2, с. 69].

Арбитражные суды призваны защищать охраняемые законом права и интересы организаций и граждан, правильно применять законодательство, содействовать правовыми средствами укреплению законности в экономических отношениях.

Главной задачей арбитражного суда является защита нарушенных и оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность [3].

Выполнение этой важнейшей задачи возможно, несомненно, только с принятием арбитражным судом законного, обоснованного и мотивированного решения. Поэтому все большую актуальность в настоящее время приобретают те правовые реалии, в которых действует арбитражный суд в условиях обновленного отечественного процессуального законодательства.

В рамках состязательного судопроизводства важнейшим критерием вынесения правосудного решения становится сбалансированность прав и обязанностей участников арбитражного процесса при непосредственном руководстве арбитражного суда. Основой состязательности является противоположность интересов сторон в процессе, которая и определяет активность сторон в доказывании своей правовой позиции.

В силу этого на стороны возлагается обязанность обоснования своих требований и возражений, раскрытия и представления суду доказательств. Арбитражный суд как

руководитель процесса должен оказывать участникам процесса содействие в осуществлении ими своих прав и обязанностей [4, с. 489].

Институт доказывания является наиболее значимой составляющей принципа состязательности отечественного судопроизводства. Применительно к судопроизводству в арбитражных судах содержание принципа состязательности раскрывается в ст. 10 Арбитражного процессуального кодекса ДНР (далее – АПК ДНР) [3] и также сводится к праву сторон представлять доказательства арбитражному суду и другой стороне по делу в обоснование своих требований и возражений, а также к обязанности суда создать для этого необходимые условия.

Доказательствами по делу, на основании ч. 1 ст. 60 АПК ДНР, являются полученные в предусмотренном действующим законодательством порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, которые определяются арбитражным судом в соответствии с подлежащими применению нормами материального права [3].

Вместе с тем в арбитражном процессе каждому лицу, участвующему в деле, предоставляется право знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства (ч. 2 ст. 10 АПК ДНР), а также существует корреспондирующая этому праву их обязанность раскрыть свои доказательства перед другими участниками процесса в установленный законом срок (ч. 3 ст. 61 АПК ДНР) [3].

Кроме того, получило законодательное закрепление правило, согласно которому лица, участвующие в деле, вправе ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно (ч. 4 ст. 61 АПК ДНР). Однако такое положение не исключает возможности сторон представить дополнительные доказательства в ходе судебного разбирательства, поскольку объем юридически значимых фактов, входящих в предмет доказывания, может изменяться в процессе рассмотрения дела.

В то же время, руководствуясь положением ч. 4 ст. 62 АПК ДНР, суд может содействовать участвующим в деле лицам, в сборе доказательств при условии, если они не имеют возможности самостоятельно получить необходимые им доказательства.

Таким образом, законодатель возложил проявление активности в доказывании и состязательности на тяжущиеся стороны и оказание судом им только содействия в реализации их процессуальных прав, поскольку суд в силу ч. 3 ст. 10 АПК ДНР, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, помимо всего прочего, осуществляет руководство процессом, создавая условия для всестороннего и полного исследования доказательств, представленных сторонами, квалификации правоотношений, установления фактических обстоятельств, законов и иных нормативных правовых актов, подлежащих применению для правильного рассмотрении дела, что в свою очередь является необходимым для достижения задач судопроизводства в арбитражных судах [3].

Принцип состязательности арбитражного процесса, однако, демонстрирует не только право сторон процессуальных действий представлять доказательства, но и в том числе их обязанность. Если сторона не выполнила обязанность по доказыванию и это привело к воспрепятствованию рассмотрения дела и принятию законного и обоснованного судебного решения, то суд вправе отнести все судебные расходы по делу на данное лицо. При этом, данная мера является явно недостаточной для стимулирования добросовестного поведения сторон. Отсюда возникает одна из важных проблем доказывания в арбитражном процессе – это отсутствие у суда первой инстанции эффективных процессуальных мер воздействия, в частности, по принятию мер юридической ответственности, на недобросовестных участников процесса, скрывших доказательства и (или) своевременно их не представляющих [5, с. 50].

Вместе с тем, согласно ч. 2 ст. 17 АПК ДНР, требования арбитражного суда, в том числе, связанные с представлением доказательств, являются обязательными и подлежат исполнению организациями и лицами, которым они адресованы. Нормы об ответственности за неисполнение судебного акта арбитражного суда содержатся в ст. 356 АПК ДНР, в соответствии с которой за неисполнение судебного акта арбитражного суда органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, организациями, должностными лицами и гражданами арбитражным судом может быть наложен судебный штраф по правилам гл. 11 АПК ДНР в размере, установленном законом.

В соответствии с ч. 1 ст. 112 АПК ДНР судебные штрафы налагаются арбитражным судом в случаях, предусмотренных АПК ДНР [3]. Применение мер процессуального принуждения в виде судебного штрафа является правом суда, которое он осуществляет путём вынесения соответствующего определения. Следует отметить, что суд самостоятельно определяет размер такого штрафа, а закон определяет лишь верхней его возможный предел для различного рода участников арбитражного процесса.

Судебный штраф представляет собой имущественную санкцию, которая является мерой юридической ответственности и применяется арбитражным судом по основаниям и в порядке, которые установлены АПК ДНР в отношении лиц, не исполняющих возложенные на них законом обязанности и (или) законные требования арбитражного суда.

Одним из наиболее частых оснований для наложения судебного штрафа может служить проявление неуважения к суду. Степень уважительности участника процесса к суду определяется судом и устанавливается при наличии законных оснований.

На практике сложилась ситуация, что не исполнение сторонами процессуальной обязанности представить доказательства, указанные в определениях арбитражного суда первой инстанции, оценивалось как неисполнения законного требования суда и проявления неуважения к суду.

Вектором такого направления судебной арбитражной практики послужило и то, что наложение штрафа за непредставление лицами, участвующими в деле, дополнительных доказательств, которые арбитражный суд предложил им представить в обоснование их собственных требований или возражений согласно ч. 2 ст. 62 АПК ДНР, не предусмотрено [3].

Такую позицию судов можно считать вполне обоснованной. Однако на законодательном уровне всё же следует закрепить отдельную норму, которая бы предусматривала санкцию за непредоставление доказательств суду, что будет играть, в том числе, превентивную роль для сторон процесса.

Новеллой арбитражного законодательства Донецкой Народной Республики является правовое закрепление такого статуса участника арбитражного процесса как свидетеля, что в свою очередь порождает ещё одно, новое средство доказывания для отечественного арбитража – показания свидетеля. Часть 3 статьи 83 АПК ДНР указывает на то, что не все показания свидетеля признаются в качестве доказательства, а лишь те, сведения, сообщаемые свидетелем, когда последний может указать источник своей осведомлённости [3]. Таким образом, показания свидетеля являются одним из способов обеспечения защиты прав участников процесса.

Согласно ч. 2 ст. 52 АПК ДНР свидетель обязан явиться в суд по вызову арбитражного суда [3]. Однако, в отличие от уголовного, гражданского процессуального законодательства, АПК ДНР не содержит нормы о возможности принудительного привода свидетеля.

Так, например, ч. 2 ст. 180 Гражданского процессуального кодекса ДНР предусматривает, что вызванный свидетель при неявке в судебное заседание без

уважительных причин по вторичному вызову может быть подвергнут принудительному приводу [6]. В АПК ДНР такой обеспечительной меры не предусмотрено, что значительно сказывается на эффективности и уровне защиты прав участников процесса в вопросе доказывания. Наложение судебного штрафа является в данном случае недостаточной мерой государственного принуждения.

Подводя итог, следует отметить, что современному арбитражному процессу Донецкой Народной Республики свойственна направленность на большую инициативность сторон и пассивную роль суда при общем возрастании принципа состязательности. Эту тенденцию отразил и принятый 30 апреля 2021 года АПК ДНР.

В настоящее время в арбитражном процессе стороны не только должны самостоятельно собирать доказательства, но и в обязательном порядке раскрывать их другим лицам, участвующим в деле. Арбитражный суд выполняет в данном случае только функцию содействия под условием инициативности сторон на основании и в пределах, установленных АПК.

Доказывание является сложной процессуальной деятельностью участников процесса по обоснованию фактов, подтверждающих их правовую позицию по делу. При этом, реализация этого, с одной стороны права, а с другой – обязанности, является важным элементом в общем системе конституционного права человека и гражданина на судебную защиту. Только лишь посредством всестороннего исследования всех доказательств по делу суд может вынести обоснованное и верное решение. А сокрытие каких-либо фактов, дача ложным показаний, напротив, препятствуют осуществлению правосудия.

Таким образом, роль доказывания в арбитражном процессе неоспорима, а строгие обеспечительные меры по предоставлению доказательств необходимы с целью правильного разрешения дела. Соответственно принятие более жёстких мер в отношении недобросовестных участников процесса в вопросах, на данный момент которые имеют пробелы и на которые указано в данной работе, требуют закрепления на законодательном уровне.

На основе исследованных в суде доказательств эти лица делают умозаключение об устойчивости своей позиции и либо продолжают участие в деле, либо отказываются от иска, ищут пути заключения мирового соглашения, признают иск и т. д. Суд анализирует приведенные факты и доводы сторон, предлагает сторонам представить дополнительные доказательства по делу, содействует собиранию доказательств. И в заключение суд выносит мотивированное решение, которое, по своей сути, определяет дальнейшую судьбу лиц, выражавших свою самостоятельную позицию в деле.

Поэтому решение указанных в данной работе проблем института доказывания и связанных с ним процессов в арбитражном судопроизводстве позволит совершенствовать механизм процессуальных мер воздействия арбитражного суда на недобросовестных участников судебного разбирательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 (ред. от 06.03.2020)
2. Лущик Р.В. Виды доказывания в арбитражном процессе // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 10(12). – С. 69-71.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики [принят Постановлением Народного Совета № 277-IIНС от 30.04.2021] (ред. от 01.07.2021)
4. Гражданское процессуальное право. Учебник / Под ред. М.С. Шакарян М.: ТК Велби. Проспект, 2004. – 584 с.
5. Падин А.Э., Туктамышева С.В. Актуальные проблемы доказывания в арбитражном процессе // Юридическая наука. – 2020. – № 7. – С. 47-53.
6. Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики [принят Постановлением Народного Совета № 278-IIНС от 30.04.2021] (ред. от 01.07.2021)

TO THE QUESTION OF EVIDENSE IN THE ARBITRATION PROCESS

Annotation. This paper discusses topical answer of proof and evidence in the arbitration process of the Donetsk People's Republic. The main gaps and shortcomings of the legislative regulation of evidence in the arbitration process are identified, as well as proposals are presented that would contribute to a more complete, comprehensive and objective consideration and resolution of cases.
Keywords: proof, evidence, arbitration process, adversarial nature, arbitration court.

Makarova K.
Scientific adviser: Savelyeva V.V. senior lecturer
Donetsk National University
E-mail: ms.katerina.makarova@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Вестник студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»
2022. – Вып. 14

Том 4
Юриспруденция
Часть 1

Оригинал-макет подготовлен *А.К. Ярошенко*

Подписано в печать 31.03.2022 г.
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 28,88

Издательство ГОУ ВПО «ДОННУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.